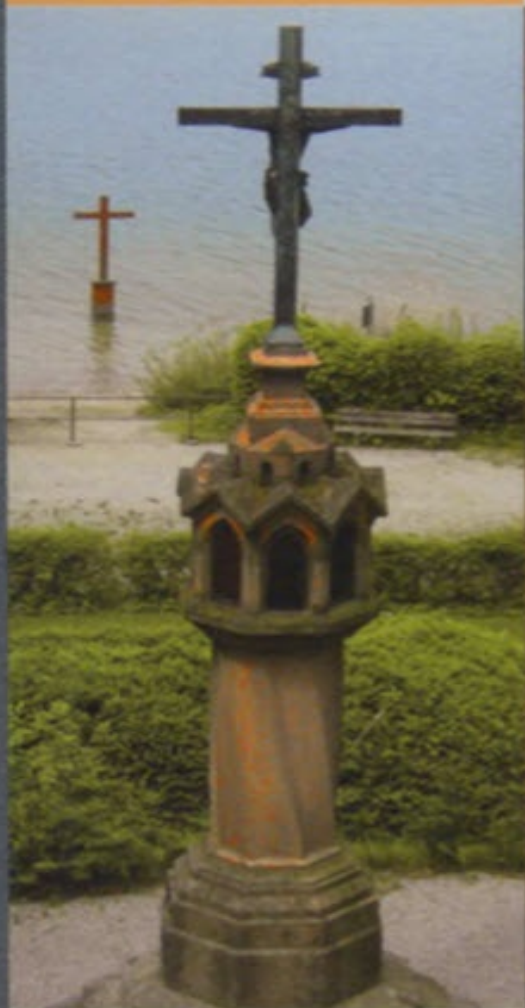

ЛЮДВИГ II

Мария
Залеская

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Людвиг II Баварский — одна из самых загадочных и трагических фигур XIX столетия. Большинство историков называют его «безумным королем», оправдывая тех, кто лишил его власти. Он пытался быть средневековым абсолютным монархом в маленьком немецком государстве на излете Нового времени; покровительствовал людям искусства; дружил с композитором Рихардом Вагнером, российской императрицей Марией Александровной и австрийской императрицей Сиси. Он много сделал для объединения Германии, но пытался сохранить суверенитет своей Баварии, чьими «визитными карточками» до сих пор остаются построенные им замки. Его любил народ, но ненавидели собственные приближенные.

Кто он — средневековый рыцарь в царстве циничной корысти, тонко чувствующий романтик в сетях материализма или свихнувшийся гомосексуалист, транжиривший государственную казну на свои архитектурные чудачества? Людвиг говорил, что хотел бы остаться вечной загадкой. Мария Залеская пытается ее разгадать, раскрывая тайны жизни и гибели Людвига II — «короля-луны», героя не своего времени.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Мария Залеская](#)
 -
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Часть вторая](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1947

(1747)

Мария Залесская

**ЛЮДВИГ II:
КАЛЕЙДОСКОП ОТРАЖЕННОГО СВЕТА**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Залесская М. К., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

*Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?*

.....

*Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки, и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.*

Н. Гумилев. Императору. 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Луна восходит на небо, когда мир вокруг погружается во тьму. И чем ярче ее свет, тем непрогляднее мгла внизу. Но бывает, что и само ночное светило скрывают тучи, и тогда землю покрывает *совершенный* мрак...

Его называли «королем-луной», словно в противовес его кумиру Людовику XIV, «королю-солнце». И это закономерно: эпоха Людовика XIV — расцвет абсолютизма, время Людвига II Баварского — даже не закат, не «сумерки богов», а уже «ночь европейской монархии». Французский король был тем недостижимым идеалом, к которому Людвиг стремился всю жизнь, — Луна, отчаянно нуждающаяся в Солнце. И чем с большей настойчивостью и страстью он старался приблизиться к цели, тем сильнее отдалялся от нее.

Известно, что Луна светит не собственным, а отраженным светом. Так же и король — последний отблеск ушедших эпох, средневековой рыцарской романтики, экзотической роскоши Востока, чистых идеалов, которым уже давным-давно нет места на Земле.

Сколько таких чужих «световых спектров» пропустил через себя и заставил засиять заново, постарался *воскресить* Людвиг II! Вот только холодный эгоистичный свет спутника Земли не способен дарить жизнь. Попытки так и остались бесплодными.

И когда он понял это, он отринул Дель с его условностями, необходимостью притворяться, носить маску, играть какую-то определенную роль. Как и положено Луне, он полюбил *Ночь* — правдивую и всепримиряющую, лишенную мелочного мельтешения интриганов и карьеристов, желающих втереться в доверие к монарху. Словно герои обожаемого им Вагнера — Тристан и Изольда — Людвиг II мог сказать про самого себя:

Кто познал, любя,
смертную Ночь,
кто посвящен был
в тайну ее,
тот Дня соблазны, —
славу, честь, силу и власть, —
весь мир сует
отвергнет не жалея,

как прах земли ничтожный!
Тот среди земных стремлений
грезой одной жить будет:
он будет звать святую Ночь,
где чистый огонь
Любви правдой вечной горит^[1]...

Тристан и Изольда жаждут вечного *единения друг с другом*. Людвиг II искал *единения с самим собой*, обретения душевной гармонии, которой ему, так же как и конечной цели в погоне за идеалами, не удалось достичь.

Он потерпел поражение на трех основных фронтах своей жизни: в Вере, Милосердии и Искусстве. В свой безбожный век, когда религия окончательно стала лишь инструментом политической борьбы, а для большинства населения, балансирующего между слепым фанатизмом и циничным нигилизмом, — пустым исполнением не затрагивающих сердце обрядов, он всем сердцем искренне верил в Бога. В то время как милитаризм набирал обороты, он ненавидел войну, не приемля вообще никакое кровопролитие, в том числе и охоту, считая ее делом, недостойным человека. Искусство — причем именно с большой буквы (будучи идеалистом, Людвиг воспринимал его только в союзе с религией, в качестве такого же воспитателя и спасителя человеческих душ) — было для него воплощением правды в противовес лживому «театру жизни» и лживому «искусству», призванному лишь развлекать пресыщенную публику.

В итоге он был объявлен и остался в памяти потомков как жестокий самодур — «баварская Салтычиха», выкалывающая глаза своим слугам (да, о нем писали и такое!), — извращенец и моральный урод, лишенный принципов, а также бездарный нувориш без художественного вкуса и чувства прекрасного. А проще — *безумец!* (Видимо, в те времена тьма всё-таки еще не окончательно сгустилась над человечеством. Ирония истории: ныне моральный урод с огромными деньгами — «идеал для молодежи», подлинный «герой» нашего времени...)

Людвиг II Баварский... В большинстве исторических трудов его прямо называют «безумным королем», даже не пытаясь вникнуть в причины его душевного недуга, если таковой и был на самом деле. Если король был безумен, тогда что толкнуло его в эту бездну: наследственная предрасположенность, тяжелый душевный надлом, который ему не удалось пережить? А может быть, злая чужая воля, клевета, оказавшаяся настолько живучей, что даже спустя более 130 лет со дня трагической смерти

Людвига в его «деле» так и не поставлена точка?

«Я хочу оставаться вечной загадкой для себя и для других», — как-то сказал Людвиг II своей гувернантке, перефразируя любимого им Шиллера^[2]. И ему это в полной мере удалось. Он — человек-тайна, человек-загадка. Доступные исследователям материалы — кстати, весьма противоречивые и неоднозначные — могут лишь немного приоткрыть тщательно задрапированную занавесом сцену, на которой разыгрывалась драма его жизни, но всей правды мы по-прежнему так и не узнаем, а можем лишь почувствовать ее и сделать собственные выводы.

Но ведь это так захватывающе! Тайна притягательна всегда. Интерес к личности Людвига II наглядно демонстрирует количество литературных произведений, появившихся спустя всего лишь четверть века со дня его трагической кончины. Их обзор дает наша соотечественница В. Александрова: «Катюль Мендес изобразил его в романе «Король-девственник», Густав Кан осмеял в «Короле-безумце». Бодлер окружил его мученическим ореолом. Итальянский поэт д'Аннунцио говорит о нем в «Девах скал», Бьёрнсона долго искушала мысль использовать жизнь Людвига как сюжет для драмы. На книжном рынке Европы появляются всё новые и новые книги, авторы которых пытаются осветить его личность — каждый по-своему. В начале нынешнего (1911-го. — М. З.) года во Франции напечатано сочинение под названием «Романтическое путешествие к Людвигу II», в Норвегии Клара Тшуди (Чуди. — М. З.) выпустила обстоятельную биографию баварского короля^[3]. Затем в Германии Штильгебаур написал роман «Пурпур», в центре которого стоит фигура Людвига II. И тем не менее жизнь этого красивого, временами просто обаятельного человека представляется до сих пор загадочной во многих отношениях»^[1]. Этот, далеко не полный список произведений, посвященных баварскому королю, приведен здесь не случайно. Действительно, количество художественных трудов, от поэм до романов, впечатляет. Искусство и литература создавали портрет Людвига II гораздо активнее, чем обстоятельные научные биографии.

Еще одна весьма своеобразная попытка «разобраться» с загадкой таинственного баварца была предпринята в 1972 году опять же не историком, а деятелем искусства — великим итальянским режиссером Лукино Висконти. Его фильм «Людвиг» — это если не оправдание короля, то по крайней мере наглядная картина трагедии его личности, желание силой кинематографа заставить сопереживать ему, а не просто огульно осуждать поступки человека, якобы ввергнутого в бездну безумия.

(Справедливости ради отметим, что образ Людвига II, созданный на экране великолепным актером Хельмутом Бергером, не всегда правдив с исторической точки зрения; впрочем, искусству это простительно.) О герое своего фильма сам Висконти писал: «Людвиг — это величайшее поражение. Я люблю рассказывать истории поражений, описывать одинокие души, судьбы, разрушенные реальностью»^[2].

«Судьба, разрушенная реальностью» — это, пожалуй, самый точный диагноз, который можно поставить несчастному «лунному монарху». Недаром Луна — символ одиночества, последний призрачный свет надежды для тех, кого предали, не поняли, отвергли, которым больно жить при свете Солнца.

Луна таинственна. И мы действительно вынуждены признать, что при общем обилии документов той эпохи явно недостаточно достоверных сведений о многих моментах жизни и особенно смерти баварского короля, чему способствовало еще и то обстоятельство, что сразу после его трагической кончины материалы «дела Людвига II» были тщательно засекречены. «Только лица из мира официального, так или иначе близкие ко двору или к самому Людвигу, могли дать публике интересные материалы из жизни несчастного короля. Но лица эти не позволили себе полной откровенности и неизбежно лавировали между необходимостью считаться, с одной стороны, с саном Людвига, а с другой — с косвенными виновниками его смерти, новым баварским правительством. Архивы, хранящие дневники Людвига, разные бумаги и приказы его закрыты для посторонних, а письма Вагнеру были правительством баварским после смерти последнего под вежливым предлогом отобраны у родственников, и лишь небольшая часть их попала в печать»^[3], — пишет цитированная выше В. Н. Александрова. Это свидетельство практически современницы короля.

Но последнее утверждение нуждается в серьезном уточнении. Конечно, большинство исторических документов, относящихся к царствованию Людвига II, хранится в закрытом частном архиве Дома Виттельсбахов в Мюнхене (III отдел Баварского Главного государственного архива)^[4]. Доступ в него может быть получен — причем далеко не ко всем материалам! — лишь с личного разрешения главы Дома.

Но к счастью исследователей, довольно значительная часть материалов всё же доступна и в свое время даже попала в печать. В первую очередь хочется особо отметить труд доктора философии и архивариуса Отто Штробеля^[4] (1895–1953), многие годы работавшего в вагнеровском

архиве в вилле «Ванфрид» в Байройте, а затем собравшего и выпустившего в свет четырехтомник «Король Людвиг II и Рихард Вагнер»^[5], на основе их переписки представляющий исчерпывающую картину взаимоотношений короля и композитора: с самого первого официального письма Вагнера Людвигу II от 3 мая 1864 года и до его последнего послания королю, написанного 10 января 1883 года. Это издание можно смело назвать «библией людвиговедения» (да и «вагнероведения»), значение которой в понимании обеих выдающихся личностей трудно переоценить.

Необходимо упомянуть также очень важное для создания объективного портрета Людвига II издание избранных писем короля и Козимы Вагнер^{[5][6]}.

Нельзя обойти вниманием и примеры прямо противоположные, когда за достоверные исторические документы, связанные с Людвигом II, выдавались грубые и недостойные подделки. Мы вынуждены остановиться на этом лишь для того, чтобы заинтересованный читатель не попадал в силки лжи, которых и так предостаточно вокруг личности баварского монарха.

Одной из первых фальшивок стала книга Оскара Дёринга «Дневник короля Людвига II», вышедшая в Мюнхене в 1918 году и переизданная в Лейпциге в 1921-м^[7]. И всё же этот псевдодневник не наделал столько шума, как опубликованное в 1925 году в Лихтенштейне «сенсационное» издание Эдира Грайна, долгое время считающееся подлинным: «Дневники Людвига II, короля Баварии»^[8]. Под псевдонимом Эдир Грайн скрывался Эрвин Ридингер (Riedinger; 1870–1936), пасынок Иоганна фон Лутца^[6], одного из главных вдохновителей заговора против Людвига II. Одного данного обстоятельства уже достаточно, чтобы заподозрить «публикатора» в явной заинтересованности и необъективности.

С этим изданием вышла, пожалуй, наиболее темная и запутанная история. Людвиг II действительно вел дневниковые записи с различной степенью интенсивности с 13 июня 1858 года по 7 июня 1886-го. В то время во всей Европе вообще было традицией — если не сказать обязанностью — лиц, обладающих монаршей властью, вести дневник. В целом дневниковые записи Людвига составили девять томов, семь из которых (с июня 1858-го до ноября 1869 года) хранятся в упомянутом выше архиве Витгельсбахов. А вот два последних тома — за период с ноября 1869 года по июнь 1886-го — сначала находились в руках комиссии, созданной для признания короля недееспособным, а затем попали в частное владение как раз Иоганна фон Лутца, а после его смерти стали

собственностью кронпринца Рупрехта Баварского (1869–1955), внука принца-регента Луитпольда. После революции 1918 года последний, девятый том дневников был уничтожен по распоряжению кронпринца. (Кстати, сразу возникает вопрос, зачем. Если учесть, что как раз последний том содержал описание событий, непосредственно предшествовавших объявлению регентства, а также родство Рупрехта с Луитпольдом, то вывод напрашивается сам собой.) В июле 1936 года уцелевшие документы были вновь собраны вместе в архиве Виттельсбахов в Мюнхене. Однако в 1944 году в результате бомбардировки часть дневников Людвига II погибла при пожаре^[9].

Издание Эдира Грайна представляет собой отрывки из двух последних томов. С одной стороны, это логично, если учесть, что именно эти тома находились в частном владении Лутца. Вот только к 1925 году, к моменту публикации Грайна, девятый том был уже уничтожен, а восьмой находился в архиве кронпринца Рупрехта. Эдир Грайн (вернее было бы называть его всё-таки Эрвин Ридингер) в 1924 году, разбирая бумаги после смерти своей матери, обнаружил оставшиеся от приемного отца дневниковые записи короля. Вполне возможно, что Лутц некоторые фрагменты дневника действительно изъяс для каких-то своих нужд, и они, не попав к кронпринцу Рупрехту, так и продолжали храниться в поместье Лутца. Якобы именно их и опубликовал Эрвин Ридингер.

Не подлежит сомнению факт, что своей публикацией Ридингер стремился даже через четыре десятилетия после смерти Людвига II морально оправдать лишение короля власти и обелить имя своего приемного отца. Именно поэтому это издание — *главная улика*, «доказывающая» и гомосексуальные наклонности Людвига II, и его опасное безумие. Если эти «Дневники» подлинные, то и сомневаться более не в чем. Однако...

В связи с рассматриваемой проблемой нельзя не указать на выдающееся исследование историка Франца Мерты «Дневники короля Людвига II Баварского: Традиция, индивидуальная особенность и фальсификация»^[10]. Мерта провел скрупулезную научную работу на основе документов, подлинность которых неоспорима, в первую очередь сохранившихся писем Людвига II различным адресатам. Его труд — *это точная текстологическая экспертиза* с учетом особенности эпистолярного стиля короля, ставящая окончательную точку в вопросе «исторической подлинности» «исповедальных дневниковых откровений» несчастного монарха. Авторитетный историк и архивист Бернхард фон Цех-Клебер

(Zech-Kleber) назвал исследование Мерты наиболее фундаментальным и основополагающим в области изучения приписываемых Людвигу II «Дневников»^[11].

Во-первых, согласно выводам Мерты, опубликованный материал составляет лишь восемь процентов содержания предпоследнего восьмого тома и многим меньше одного процента общего объема дневниковых записей короля^[12]. Делать какие-либо далекоидущие выводы, основываясь на таком ничтожно малом материале, мягко говоря, рискованно. Во-вторых, Мерта на многочисленных примерах сравнительного текстологического анализа убедительно доказал, что «публикатор» во многих местах сильно исказил смысл текста. С одной стороны, это могло произойти из-за того, что Ридингер просто не смог адекватно прочесть рукопись (затейливый почерк Людвигу II весьма труден для расшифровки). С другой стороны, образный, богатый метафорами язык короля с его бесконечными аллюзиями на вагнеровских и шиллеровских героев, обильными цитатами из средневековой поэзии миннезингеров^[7] и нарочито зашифрованными фразами, понятными лишь посвященным, никак не мог трактоваться однозначно и в привычных обычным людям смыслах. Отсюда полное непонимание и ложные, порой абсурдные комментарии «публикатора». (К вопросу об эпистолярном стиле короля мы еще будем возвращаться.) Но если непонимание еще можно было бы простить, то намеренное тенденциозное манипулирование текстом в своих интересах — сознательное искажение, подтасовку, педалирование «безумия в пурпуре» — простить уже никак нельзя.

Окончательный вывод один: «Дневники» Эдира Грайна — злобная карикатура на оригинал, не имеющая другой цели, кроме как максимально очернить Людвигу II.

Этим подделкам может составить достойную конкуренцию, пожалуй, только наш отечественный продукт — «Дневник А. А. Вырубовой», напечатанный в 1927–1928 годах в журнале «Минувшие дни». В своей книге «Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке», вышедшей в 2001 году, тогдашний руководитель Федеральной архивной службы России член-корреспондент Российской академии наук В. П. Козлов пишет: «Не так легко найти на протяжении всего XX столетия подделку русского письменного исторического источника, столь значительную по объему и со столь масштабным использованием *подлинных исторических источников* (курсив наш; именно широкое использование исторических источников,

создающих иллюзию подлинности, и делает профессионально сфабрикованные фальшивки столь живучими и труднопроверяемыми. — М. З.), как «Дневник» Анны Александровны Вырубовой, фрейлины последней российской императрицы Александры Федоровны. Не менее знаменательно и то обстоятельство, что, разоблаченный как откровенный подлог почти сразу же после опубликования, «дневник» тем не менее имел пусть кратковременный, но шумный успех»^[13].

Эти слова с полным правом можно отнести и к «Дневникам» Людвига, о которых и упоминать бы не стоило, если бы не одно обстоятельство: эти «документы», в отличие от того же «Дневника Вырубовой», имевшего лишь «кратковременный успех», до сих пор (!) рассматриваются некоторыми не особо компетентными «исследователями» в качестве первоисточника, доказывающего безумие и аморальный облик короля. А между тем и у «Дневника Вырубовой», и у «Дневников» Людвига была, повторяем, вполне конкретная задача: манипулируя сознанием читателей, *максимально очернить и оклеветать членов свергнутой монаршей династии*. Общеизвестно, что запачкать гораздо проще, чем отмыть. И как же обидно бывает, когда легковверные умы принимают клевету за чистую монету и распространяют ее. Анне Александровне Вырубовой повезло больше, чем Людвигу II. Обилие доступных материалов, связанных с царской семьей, и имеющаяся у историков возможность работать с соответствующими архивными фондами позволяют заинтересованным лицам легко отделить зерна от плевел. Что же касается упомянутого выше архива Дома Виттельсбахов, хранящего не только личные письма Людвига II, но и многие официальные документы, то он и сегодня практически закрыт для исследователей.

С одной стороны, официальная версия объясняет это просто: неблагоприятные эпизоды биографии царственной особы не подлежат широкой огласке. Но с другой стороны, сам факт сокрытия от общественности ряда важнейших документов наводит на «крамольную» мысль: видимо, есть что скрывать. Значит, узурпация власти всё же имела место и предки нынешних Виттельсбахов происходят по прямой линии как раз от узурпатора. Неужели с целью сокрытия, а вернее оправдания этого преступления распространялись грязные клеветнические сплетни и кропались фальшивки, лживость которых так трудно доказать, не имея на руках должного количества подлинных документов? Право, уж лучше было бы Виттельсбахам, чтобы снять с себя подобные обвинения, предать гласности пресловутые «неблаговидные эпизоды биографии» (так и хочется спросить: какие же еще более неблагоприятные, после всей той грязи, коя

потоками безнаказанно лилась в адрес Людвига II?) и тем самым оправдаться самим. Однако этого не происходит. Почему? Очередной вопрос вновь остается без ответа.

Под гриф секретности попали даже материалы расследования гибели Людвига II. Правда, некоторая часть их увидела свет в двухтомном издании каталога и пояснительных очерков к выставке «Сумерки богов»^[14], подготовленной в 2011 году к 125-летию со дня смерти последнего короля-романтика.

Само название двухтомника отсылает нас к роковой личности в жизни Людвига II — Рихарду Вагнеру. В настоящем труде нам придется довольно долго останавливаться на вопросе их взаимоотношений. Венценосные особы априори лишены такого счастья, доступного простым смертным, как дружба. Людвигу выпало это исключительное счастье: он смог найти человека, которого называл другом. Правда, и этой поддержки Людвиг вскоре был лишен и оставлен в полной изоляции. На этом фоне сразу становится совершенно очевидно, что именно разрыв — вернее, отлучение Вагнера от короля — стал той роковой точкой отсчета, после которой Людвиг окончательно порвал с окружающим миром, так и не сумев его перестроить согласно своим идеалам. Раз мир такой несовершенный, что он не принял Вагнера, то и Людвигу в нем больше делать нечего. Парцифаль^[8] не смог сохранить свой Грааль; Лоэнгрина^[9] пришлось покинуть этот мир — лейтмотив вагнеровской музыкальной драмы, лейтмотив жизни Людвига II! Ему казалось, что именно он не сумел «сохранить» и «защитить» Вагнера. А значит, непонятый и отвергнутый подданными король отныне будет в одиночестве служить великому Искусству, словно Парцифаль и Лоэнгрин — Чаше Грааля. А, как известно, «рыцарей без страха и упрека» со времен Дон Кихота общество признавало сумасшедшими...

Сначала король возненавидел Мюнхен и даже хотел перенести столицу Баварии в Нюрнберг. Но очень скоро он понял, что это не выход. Чтобы обрести душевный покой, нужно построить себе убежище (а может, и не одно) вдали от любых столиц и скрыться в нем. Что это — развитие душевной болезни или трагедия личности — той личности, в которой, перефразируя Фридриха Ницше, *слишком человеческое начало* возобладало над *слишком королевским!*

На самом деле это было начало ухода в *Ночь...*

Духовное одиночество приводит к одиночеству физическому. Людвиг не создал семьи, замкнулся в себе; его всё более тяготило общество,

которое его не понимало (и, соответственно, отвергало); он стал самодостаточным. Только наедине с собой он был способен ощутить душевный комфорт. Любое вмешательство в его личную жизнь воспринималось им как посягательство на его монаршую власть, которая, как это ни парадоксально, являлась первой и главной причиной развивавшегося душевного надлома.

Казалось бы, бремя монаршей власти должно было оказаться для Людвига непреодолимой преградой, не позволявшей ему уйти от действительности, но на самом деле подтолкнуло его к этому уходу. С одной стороны, статус как бы ставил короля над законом и критикой, утверждал его непогрешимость перед подданными. Правление Людвига, как мы уже отмечали, пришлось на самый закат эпохи «классической» монархии. Кто бы посмел возразить своему государю? Оставалось лишь благоговейно подчиняться, иначе можно было лишиться головы по обвинению в бунте. С другой стороны, эта же «вседозволенность» возлагает на монарха огромную ответственность и связывает цепями условностей дворцового этикета и международной политики. Публичная личность, а монарх особенно, всегда лишается права на неприкосновенность личной жизни. Правило «что можно Юпитеру, того нельзя быку» начинает работать в обратном направлении: что позволительно простому смертному, совершенно не дозволено монарху. Таким образом, та свобода личности, к которой так стремился Людвиг, была для него совершенно недостижима именно вследствие того, что он был королем, а потому в этом плане оказывался гораздо менее свободным, чем самый последний из его подданных.

Но этот непреложный закон «несвободы монарха» в отношении Людвига II как раз и не работает! Он поставил себя *над* законом: монаршее служение государству он понимал как служение государства самому монарху. Именно царственное положение дало ему возможность воплотить в реальном *материальном мире* фантазии и грезы, наполнявшие его *внутренний мир*.

Многим из нас свойственно прятаться от окружающей действительности, которая часто бывает жестока и несправедлива, в мир, созданный воображением. Уход в такой мир — будем называть его виртуальным — является для любого человека своеобразным щитом, защитной реакцией, помогающей справиться с неизбежными неприятностями, подстерегающими в реальности. Виртуальный мир так же индивидуален и неповторим, как и человеческая личность. Мало кого мы пускаем в этот мир, он принадлежит только нам, в нем властвуем только

мы, в нем воплощаются любые, самые смелые наши фантазии, и он не доступен никому из посторонних — если, конечно, мы не писатели, не художники, не актеры, не музыканты. При этом необходимо помнить, что любая творческая личность выносит на суд публики лишь часть своего виртуального мира, к тому же сильно измененную — так сказать, переработанную и интерпретированную.

Именно благодаря последнему обстоятельству — недоступности для окружающих нашего внутреннего мира — большинство из нас и считаются «нормальными» людьми. А вот если бы кто-то смог проникнуть в наше подсознание... Наше счастье в том, что мы не только не хотим, но и не можем, даже при желании, перенести собственный виртуальный мир в мир материальный. Когда же редким индивидуумам такое удавалось, их тут же безоговорочно объявляли сумасшедшими. Вспомним известный фильм Марка Захарова «Формула любви»: «Барин наш бывший заставлял всех мужиков латынь изучать; желаю, говорит, думать, будто я в Древнем Риме». Вот классический пример попытки переноса виртуального мира в реальность.

А король благодаря власти и исключительному материальному положению имел большие возможности воплощать свои мечты. Причем не только имел, но и воспользовался этими возможностями. Королю, как никому другому, была необходима психологическая разрядка — более нервной работы, чем у монарха, представить себе трудно. Кроме того, управление страной с некоторых пор дисгармонировало с внутренним миром Людвига. Он всячески стремился вернуть себе абсолютную «средневековую» власть, но лишь для того, чтобы никому не давать отчета в своих действиях. Он четко разделял свои интересы и интересы государства; более того, эти понятия для него вообще вступали в противоречие друг с другом. Ах, если бы он только сумел либо примирить в себе эти противоречия, либо полностью подчинить собственные желания благу страны! Увы, к такому монаршему подвигу Людвиг был неспособен — он, как мы уже отмечали, подчинил интересы страны собственным интересам.

Но по-другому и быть не могло: он уже жил в своем виртуальном лунном мире и пытался заставить окружающих жить в нем. Если простой человек вдруг во всеуслышание объявляет себя Наполеоном и начинает вести себя в соответствии со своими фантазиями, его помещают в психиатрическую клинику. Но если он, в душе считая себя Наполеоном, никому об этом не говорит, откликается на свое обычное имя, спокойно работает, а волю фантазиям дает, лишь оставаясь в одиночестве, его никто

даже и не заподозрит в каких-либо психических отклонениях. Людвиг же «объявил себя Наполеоном» в масштабах целого государства.

При таком положении вещей его царствование не могло не закончиться трагически: король был признан недееспособным и душевнобольным, а регентом стал принц Луитпольд, его дядя, младший брат отца.

Конечно, необходимо учитывать, что к печальному финалу Людвига привел целый ряд объективных предпосылок. Его окружала абсолютно чуждая ему, если не сказать враждебная, среда. Он — средневековый рыцарь в царстве циничной корысти; тонко чувствующий романтик в сетях приземленного материализма; абсолютный монарх Средневековья на троне маленькой Баварии второй половины XIX века. Людвиг II Баварский — не только самая загадочная, но, пожалуй, и самая трагическая фигура столетия!

Людям свойственно недолюбливать власть, так сказать, в реальном времени. При этом в «неблагодарной» памяти потомков прочнее всего остаются как раз те правители, во времена которых случались различные войны, перевороты, массовые казни и т. д. Из всех коронованных властителей в российской истории обыватель в первую очередь назовет Ивана Грозного (комментарии излишни), Петра I («зубы, мол, лично драл у подданных, в Голландию ездил почем зря и бороды боярам рубил; ах да, еще Петербург на костях построил») и Екатерину II (опять же, заметьте, не за ее реальные заслуги перед Отечеством, а в связи с пресловутыми любовниками). И почти никто, к примеру, даже и не вспомнит — и это, несмотря на Русско-шведскую и Семилетнюю войны! — двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны, при которой не было казнено ни одного человека!

Есть, правда, еще один способ прочно остаться в исторической памяти: как только человек, облеченный властью, ее лишается — тем более при каких-нибудь трагических обстоятельствах, — его начинают активно жалеть, прощая и забывая всё то, что еще совсем недавно поднимало бурю негодования и недовольства. Умри Людвиг II в своей постели, оставаясь королем, — и никакие построенные им замки не были бы способны вызвать ни всеобщей народной любви, подогреваемой поисками таинственных, скрывшихся от справедливого возмездия заговорщиков, ни романтического флера невинно пострадавшего мессии, «распятого» неблагодарной циничной толпой.

Итак, истории не интересны благополучие и спокойствие; потрясения и трагедии — вот пища для ума, творчества и памяти людской.

Безумие монарха тоже является верным козырем для «вхождения в

историю». Но был ли Людвиг II в прямом смысле слова психически больным человеком? На этот вопрос однозначного ответа нет. Историки и психиатры расходятся в диагнозах — от маниакально-депрессивного психоза (чередование фаз возбуждения и депрессии, что в той или иной степени наблюдалось у Людвига) и паранойи (кстати, королю однозначно поставили именно этот диагноз) до так называемого пограничного состояния, другими словами — сильного невроза, безусловно присутствовавшего у короля, или психопатии — то есть индивидуальных, не вполне обычных, особенностей характера, которые ни в коем случае *не являются психическим заболеванием*.

Нам кажется, что последнее определение — пограничное состояние — наиболее верно характеризует реальное положение вещей. Был ли король экстравагантным? Да. Безумным? Нет!

Что же касается пресловутых «архитектурных чудачеств» Людвига II, то Бавария обязана ему тремя новыми дворцами — в полном смысле слова шедеврами зодческого искусства. Это наиболее известный величественный Нойшванштайн (Neuschwanstein), построенный в горах над пропастью на высоте 1008 метров; очаровательный уютный Линдерхоф (Linderhof) в горах недалеко от австрийской границы; наконец, «баварский Версаль» Херренкимзее (Herrenchiemsee) на острове Херренинзель (Herreninsel) на озере Кимзее (Chiemsee). Каждый из них — воплощение одного из главных идеалов своего создателя, и все они — самые яркие спектры в калейдоскопе «отраженного» света его личности: Нойшванштайн стал символом средневековой рыцарской романтики, Линдерхоф — памятником Людовику XIV и Рихарду Вагнеру, двум кумирам Людвига II, а Херренкимзее — олицетворением абсолютной королевской власти.

Замки Людвига II, посещаемые в год миллионами туристов, приносят в бюджет Баварии наиболее стабильный доход по сравнению с другими финансовыми притоками. Благодаря своему королю Бавария теперь могла бы безбедно существовать, имея лишь туристический бизнес. Можно сказать, что Людвиг, вопреки всем обвинениям, не разорял казну своей страны, а инвестировал капитал в будущее, благодаря чему казна не только давно вернула долги короля, но и получает колоссальные проценты от этих инвестиций. Жаль только, что оценить по достоинству эту грандиозную «финансовую операцию» могут лишь далекие потомки, а современники не хотели терпеть лишения во имя «светлого будущего».

Правда, если уж быть честными до конца, следует признать: если бы Людовику II приснилось, что по его покоем будут ходить миллионные толпы любопытствующих «простолудинов», это был бы, наверное, самый

ужасный его кошмар. Ирония судьбы...

Сказать, что современные баварцы боготворят своего короля, относятся к нему как к национальной святыне, — не сказать ничего. Достаточно упомянуть, что до сих пор ежегодно в день смерти Людвига на Штарнбергском озере устраивается торжественная поминальная служба, в которой принимает участие огромное количество не только баварцев, но и туристов. В Баварии действуют общества памяти и клубы Людвига II. А уж количество сувениров — от алебастровых бюстов и фарфоровых тарелок до футболок, зонтиков и открыток с портретом короля — просто не поддается исчислению! В «Баварии хмельной» существует даже пиво «König Ludwig», пользующееся неизменной популярностью не столько за вкусовые качества (справедливости ради, весьма неплохие), сколько из весьма своеобразного уважения к памяти несчастного монарха.

И всё-таки во всём этом присутствует элемент театральности, шутовства, китча, кривого зеркала «трагедии наоборот», *лживости Дня*, о которой мы говорили выше. По-прежнему гиды будут твердить про «безумного короля-самодура», а в конце экскурсии туристы приобретут магнитик на холодильник с его портретом...

Нет, не такую «сувенирную» память заслужил Людвиг II, «король-луна», который не бежал от своей судьбы, до последнего боролся с ветряными мельницами, как другой известный «сумасшедший» Дон Кихот, и так же проиграл. Но проиграл достойно, одержав победу в главном: никто не упрекнет его в том, что он хоть раз изменил своим идеалам. А может, это как раз само время Людвига — антиромантический XIX век — было безумным, отвергнувшим всё светлое и идеальное, что пытался вернуть из рыцарского прошлого Людвиг II? Кстати, результат нигилизма XIX века во всей полноте ощутили на себе люди следующего столетия с его кровавыми войнами, массовым варварским уничтожением населения, разгулом преступности и разврата, ныне продолжающимися на новом витке.

Многого мы еще не знаем о последнем короле-романтике, оставшемся для потомков, как он и хотел, «вечной загадкой». Как сказал Артур Шопенгауэр, «у гения и безумца общее то, что и тот и другой живет в своем собственном мире и оторван от мира реального». Был ли король безумцем — или гением? Однажды, в конце 1870 года, в начале дружбы с Рихардом Вагнером Фридрих Ницше подарил композитору офорт Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», о котором написал в комментарии к своей работе «Рождение трагедии»: «Ум, чувствующий себя безнадежно одиноким, не найдет себе лучшего символа, чем «Рыцарь» Дюрера, который в сопровождении своей лошади и собаки следует по пути ужаса,

не думая о своих страшных спутниках, не озаренный никакой надеждой». Можно добавить: зато озаренный луной. Эти слова в полной мере можно отнести к личности Людвига II, Лунного короля-рыцаря, безнадежно одинокого, но до сих пор дарящего свет, пусть и отраженный, но разрушающий мглу.

Что ж, может, когда-нибудь вся правда о нем и откроется. О ней и так знают стены прекрасных сказочных замков, величественные лебеди и воды Штарнбергского озера, в котором он нашел свою смерть.

В баварском народе до сих пор живет легенда, что зимними ночами в горах слышится громкий топот лошадей и в вихре бешеной скачки по снежным сугробам проносятся сани-лебеди, в которых сидит призрак красавца-короля, которого народ не сумел защитить от его врагов. Луна в горах такая огромная и близкая...

Вот только ночь духовной слепоты человечества что-то затянулась.

*

Хочется выразить особую признательность украинскому историку и писателю Татьяне Кухаренко. Благодаря ее титаническим — без всякого преувеличения — усилиям открыты многие неизвестные страницы жизни баварского короля. Во многом и наш труд вдохновлен именно ею, так как, наряду с результатами наших собственных разысканий, новые документы, любезно предоставленные ею в наше распоряжение, позволили не только уточнить некоторые детали, но и пересмотреть ряд выводов, которые были сделаны в предыдущих работах, посвященных Людвигу II^[15]. Татьяну мы искренне считаем своим соавтором и обращаем особое внимание читателя, что ее материалы, ссылки на которые даны в настоящем издании, заслуживают безоговорочного доверия, внимания и изучения.

Невозможно также переоценить коллективные усилия по поиску истины участников интернет-сообщества «Людвиг II Баварский Виттельсбах»: (<https://vk.com/ludwig2nd>), в свою очередь оказавших содействие при подготовке данной книги.

Низкий поклон и благодарность!

Часть первая

НОВОЛУНИЕ

август 1845 года — февраль 1864 года

*Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличный маркизов.
И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,*

*И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.
Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!*

Н. Гумилев. Маркиз де Карабас. 1910 г.

Глава первая

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ^[10]

Невозможно изучать личность вне среды, в которой она была сформирована. Невозможно понять человека, не зная, что он любит, чем живет и интересуется. Применительно к Людвигу II это тем более важно, поскольку он существовал словно бы в двух измерениях — в прошлом (точнее было бы сказать *в легендарном прошлом*), которое было ему прекрасно известно и понятно, и в настоящем, которое пытался переустроить. Трудно найти подобный пример того, как один человек всей своей жизнью «иллюстрировал» многовековую историю своего рода. Предпосылки появления такой фигуры, как Людвиг II, можно найти в истории Баварии задолго до его рождения. Для того чтобы их обнаружить, нам придется начать издалека, заглянуть, так сказать, на «обратную сторону Луны», скрывающую то, что случилось еще до появления героя на свет.

В наш безумный век на земле осталось очень мало мест, в которых время будто бы остановилось, которые дают возможность забыть о суете и проблемах, хоть на мгновение убежать от действительности и погрузиться в давно забытую волшебную сказку. Мест, в которых сохранились вековые леса, не израненные вырубкой; где в озерах такая чистейшая прозрачная вода, что ее можно пить как лекарство для тела и души; где воздух еще не отравлен выхлопными газами и выбросами химических предприятий и где животные и птицы доверчиво подходят к человеку, не боясь получить пулю в ответ на свое дружелюбие и любопытство. К таким заповедным местам можно смело отнести Баварские Альпы. Очутившись здесь, забываешь, что где-то грохочут поезда, летают самолеты, перегреваются в пробках автомобили, что есть телевидение, мобильная связь, Интернет. Всё это кажется таким нереальным, далеким; да и ты — современный прагматичный человек — перестаешь быть самим собой, мгновенно перерождаешься, начинаешь верить в фей, гномов и великанов, мысленно облачаешься в сверкающие рыцарские доспехи. И вот уже к тебе по зеркальной глади горного озера плывет ладья, и лебедь взмахом белоснежного крыла приглашает в путешествие по Стране грез...

Наверное, Баварские Альпы — это действительно портал для перемещения во времени, для погружения в мир древних германских саг

или романтического Средневековья.

Бавария — самая большая федеральная земля Германии. Ее древняя история, ее дивная природа словно созданы для того, чтобы рождать легенды или людей, становящихся легендой.

На протяжении веков лейтмотивом баварской истории было одно слово — независимость. Сначала от Рима, затем от Франкского королевства и от Священной Римской империи германской нации, наконец, от самой Германии. Даже после объединения немецких земель во Второй рейх, несмотря на все попытки Берлина подмять Баварию под себя, ей — именно благодаря Людвигу II — довольно долго удавалось сохранять позиции самостоятельного государства. Баварцы в глубине души до сих пор считают себя независимыми и гордо именуют свою страну «Freistaat Bayern» — «Свободное государство Бавария»! Их любимая поговорка и по сей день звучит гордо и несколько высокомерно: «Мы не немцы, мы — баварцы!»

В IX веке на историческую сцену Баварии выступает первый исторически достоверный представитель рода Виттельсбахов, получившего свое имя по названию замка Виттельсбах^[11] на реке Заале в Верхней Баварии. Это Луитпольд (Luitpold; ок. 854 или 860–907), маркграф^[12] Баварской Восточной марки, незадолго до своей смерти ставший также герцогом Баварским. Интересно отметить, что согласно одной из версий его мать, чье имя точно не установлено, происходила из знаменитого рода Вельфов^[13], о котором еще будет сказано на страницах этой книги. В честь Луитпольда вплоть до XIII века Виттельсбахов именовали Луитпольдингами.

По иронии судьбы имя Луитпольд станет роковым для нашего героя...

Виттельсбахи окончательно утвердились в Баварском герцогстве, когда Фридрих I Барбаросса (ок. 1125–1190) пожаловал титул герцога Баварии Отто I Виттельсбаху (ок. 1117–1183). Династия Виттельсбахов, правившая Баварией с 1180 по 1918 год, поистине достойна «Книги рекордов Гиннеса».

Мы не будем здесь описывать все перипетии древней истории Баварии. Обратимся сразу к тому времени, когда Бавария приобрела статус королевства.

С 1801 года баварские войска под предводительством курфюрста^[14] Баварии Максимилиана I Иосифа^[15] (1756–1825) сражались на стороне Наполеона, в том числе принимали непосредственное участие в знаменитой Битве трех императоров при Аустерлице 2 декабря 1805 года. За верную службу и военную доблесть французский император уже 26

декабря 1805 года провозгласил Максимилиана I Иосифа королем Баварии.

По государственному акту от 26 мая 1818 года Бавария — страна конституционно-монархическая. И независимая! Глава государства — король, монаршая власть передавалась по наследству в мужском колене по праву первородства и ни в каком случае не могла перейти к государю, проживавшему вне Баварии. В случае продолжительной неспособности короля к делам управления регентство принимал на себя ближайший совершеннолетний родственник. Парламент (ландтаг) состоял из двух палат: государственных советников и народных представителей. Он созывался каждые три года, причем король имел право отсрочить заседание или вовсе распустить его. Высшими государственными органами служили Государственный совет и Министерство, получившее при отце нашего героя Максимилиане II весьма широкие полномочия. Впоследствии, став королем, Людвиг II демонстративно ограничил их. Согласно указу от 3 августа 1879 года, «Государственный совет призван служить королю в качестве совещательной коллегии, *без участия в управлении* (курсив наш. — М. З.), а Министерство является верховным исполнительным органом».

Таково было государственное устройство страны, во главе которой 22 года будет находиться наш герой. Страны с древнейшей историей и богатой культурой; страны, овеянной многочисленными легендами и героическими преданиями; страны, которая и поныне славится изумительными по красоте пейзажами, в первую очередь озерными и горными.

Будущий король Людвиг II с раннего детства хорошо знал свою родословную. Он являлся представителем древнего рода Виттельсбахов, который в XIV веке разделился на две основные линии: старшую, пфальцграфов^[16] Рейнских; и младшую, к которой перешел титул герцогов (в 1623–1806 годах — курфюрстов) Баварских. Младшая линия угасла в 1777 году со смертью Максимилиана Йозефа (1727–1777), после чего герцогский титул стали носить представители старшей линии.

Документы свидетельствуют, что представители Дома Виттельсбахов были курфюрстами Бранденбургскими (1351–1364), графами Голландскими (1353–1417), королями Дании (1440–1448), Чехии (1619–1620), Швеции (1654–1741), Греции (1832–1862), а также императорами Священной Римской империи (1314 (1328?)—1347 и 1742–1745)^[16].

Из генеалогических таблиц Дома Виттельсбахов видно, что упоминавшийся нами Отто I, герцог Баварский с 1180 года, принадлежит к двенадцатому колену линии герцогов Баварских и Верхне-Баварских, пфальцграфов Рейнских. Интересно отметить, что его сын Людвиг I (1174–

1231) в октябре 1204 года женился на вдове графа Адальберта IV фон Богена (1165–1197) Людмиле Чешской (ок. 1170–1240). Его супруга происходила из чешской династии Пржемысловичей, а со стороны матери, венгерской принцессы Елизаветы, приходилась правнучкой великому князю Киевскому Мстиславу I Владимировичу. После смерти ее сына от первого брака Адальберта V (1191–1242), последнего представителя рода графов фон Боген, графские владения, а также герб с бело-голубыми ромбами перешли к Виттельсбахам в четырнадцатом колене в лице Отто II Сиятельного (1206–1253), сына Людвига I и Людмилы Чешской. Таким образом, с 1242 года герб Виттельсбахов, являющийся ныне гербом Баварии, приобрел современный вид.

Еще один знаменитый представитель Виттельсбахов — Людвиг IV Баварский (1287–1347). Герцог Верхней Баварии с 1302 года, германский король с 1314 года, император Священной Римской империи германской нации с 1328 года, он пытался воспрепятствовать попыткам Франции утвердиться в Северной Италии, стремясь восстановить там императорскую власть в противовес папской. Еще в XII веке в Италии враждовали гвельфы — противники империи и гибеллины — ее сторонники. (В XV веке, когда и империя, и папство потеряли влияние, вражда гвельфов и гибеллинов отошла в прошлое.) Людвиг IV поддерживал гибеллинов и выступал против абсолютной власти папы, в прямой зависимости от которого тогда находились короли и императоры. В ответ папа Иоанн XXII пытался оспорить правомерность избрания Людвига на королевский престол, инициировал против него целый процесс и в довершение всего в 1324 году отлучил от церкви. В свою очередь Людвиг IV привлек на свою сторону приверженцев идеи независимости светской власти от Церкви (в то время в Европе начиналось движение за создание национальных, независимых от папства церквей). Борьба короля и папы обострилась, когда в мае 1327 года при поддержке гибеллинов Людвиг в обход папы был провозглашен итальянским королем, а в январе 1328-го — императором Священной Римской империи германской нации. В 1338 году коллегией курфюрстов было вынесено историческое постановление, что избранный курфюрстами германский король не нуждается в утверждении понтификом.

Видимо, история действительно развивается по спирали: в свое время в тенета религиозной борьбы был втянут и Людвиг II. Вообще можно сказать, что Людвиг II не только по-своему, на новом витке, заново «воскрешал» в своем царствовании многие события многовековой истории своего рода, но и имел увлечения, носившие ярко выраженный

«генетический» характер.

Виттельсбахи одними из первых в Европе стали покровительствовать наукам и искусствам. Так, уже в 1422 году внук Людвига IV Иоганн III (1374–1425), принадлежащий ко второму колену линии графов Голландских младшей линии Дома Виттельсбахов, пригласил к своему двору знаменитого художника Яна ван Эйка^[17], заложив тем самым «первый камень» в «здание виттельсбахского Парнаса».

Альбрехт V (1528–1579), представитель восьмого колена младшей линии Дома Виттельсбахов, сделал немало для того, чтобы столица Баварии, Мюнхен, стала одним из красивейших и культурнейших городов своего времени. В частности, при нем была перестроена Мюнхенская резиденция, которая заслуживает особого внимания. Ее начали возводить еще в 1385 году. Во времена Альбрехта к основному зданию было пристроено крыло, образующее внутренний двор, так называемый Двор с гротом (Grottenhof), а также Антиквариум (Antiquarium) — старейший в Мюнхенской резиденции и самый большой в Европе церемониальный зал эпохи Ренессанса, славящийся собранием античной скульптуры. В XVII веке к комплексу был добавлен Императорский двор (Kaiserhof), а окончательно строительство было завершено только в XIX столетии при короле Людвиге I с возведением дворцов Кёнигсбау (Königsbau) и Фестзаалбау (Festsaalbau.) Нельзя не упомянуть и Кунсткамеру Альбрехта V, питавшего настоящую страсть к коллекционированию (видимо, создание кунсткамер с того времени стало общеевропейским поветрием, «перешагнувшим» в XVIII век благодаря собраниям диковинок российского императора Петра I и польского короля (он же саксонский курфюрст) Августа II Сильного). Кроме того, именно Альбрехт V собрал при баварском дворе многих выдающихся художников и музыкантов и всячески им покровительствовал. Подобные увлечения не находили понимания в среде тогдашней баварской знати. Параллели с царствованием Людвига II напрашиваются сами собой...

Сын Альбрехта Вильгельм V (1548–1626) вошел в историю под прозвищем Набожный. С его именем связано укрепление католицизма в Баварии; именно в его правление Мюнхен стал восприниматься в Европе как центр Контрреформации. Тогда набирал силу основанный в 1534 году орден иезуитов. Ведя активную благотворительную деятельность — открывая больницы, сиротские приюты, многочисленные школы, — иезуиты постепенно проникали во все сферы общественной жизни. Вплоть до второй половины XIX века влияние иезуитов в Баварии было непоколебимо. И своеобразным символом этого влияния стало начатое в

1583 году возведение величественного храма — иезуитской церкви Святого Михаила (Jesuitenkirche St. Michael, Michaelskirche), которая ныне считается самым крупным культовым зданием в стиле ренессанс в Северной Европе. «Отцом» нового храма стал Вильгельм V Набожный, причем затраты на строительство чуть было не привели к разорению казны, а обрушение одной из башен вообще едва не остановило всё предприятие. Но не иначе как стараниями своего небесного покровителя уже в 1597 году церковь была освящена. А установленная в 1588 году над мраморным порталом главного входа бронзовая статуя святого архангела Михаила, попирающего ногами и пронзающего копьем Сатану, стала символом вечной борьбы с мировым злом. С завершением строительства своего главного детища Вильгельм посчитал свою земную миссию выполненной и удалился в монастырь, передав престол сыну Максимилиану I (1573–1651). После смерти в 1626 году Вильгельм У первым из Виттельсбахов был похоронен в крипте церкви Святого Михаила. С тех пор именно этот храм стал традиционным местом упокоения представителей династии. Здесь найдет последний приют и несчастный король Людвиг II...

Вновь перешагнем несколько столетий, отметив лишь, что и впоследствии многие Виттельсбахи были просвещенными любителями прекрасного, уделяя изящным искусствам чуть ли не больше внимания, чем государственным делам. В первую очередь это относится к Людвигу I, любимому дедушке Людвигу II.

Людвиг Карл Август фон Виттельсбах, сын Августы Гессен-Дармштадтской (1765–1796) и первого баварского короля Максимилиана I Иосифа, получившего корону из рук Наполеона I, родился 25 августа 1786 года в Страсбурге. До конца жизни Максимилиан боготворил своего благодетеля и вообще преклонялся перед Францией. Недаром заочным крестным отцом своего сына он выбрал французского короля Людовика XVI, в честь которого и дал ребенку имя. Так что, можно сказать, любовь к Франции нашего героя Людвигу II была опять же обусловлена генетически.

Правда, Людвиг I, получивший прекрасное образование в Ландсхутском и Гёттингенском университетах, в отличие от отца занимал ярко выраженную антифранцузскую позицию, что, однако, не помешало ему командовать баварской дивизией в составе Великой армии в кампаниях 1806–1809 годов во время военных действий в Австрии и Пруссии. Сам же Максимилиан при всей своей «французскости» был дальновидным политиком. Всего за десять дней до Битвы народов при Лейпциге (16–19 октября 1813 года) он вышел из Рейнского союза, заключил договор с Австрией и на стороне антифранцузской коалиции участвовал в кампании

1814–1815 годов, что позволило ему сохранить корону: на Венском конгрессе за Максимилианом были закреплены полученные территории и признаны права самодержавного государя.

С Максимилианом I Иосифом связано также строительство Мюнхенского королевского придворного и национального театра (Hofund Nationaltheater) на площади его имени (Max-Joseph-Platz). (Впоследствии этот театр станет «святая святых» для Людвига II.) В 1810 году король приказал начать проектировать здание, и 26 октября 1811-го был заложен первый камень в основание будущей главной оперной сцены Мюнхена. Однако два года спустя из-за нехватки средств, этой роковой проблемы баварских властителей, строительство было остановлено. Пережив пожар 1817 года, театр всё же открылся 12 октября 1818-го. Но огонь был поистине злой стихией для мюнхенской сцены. 14 января 1823 года здание вновь сгорело дотла. И лишь незадолго до своей смерти, 2 января 1825 года, Максимилиан I Иосиф смог присутствовать при «втором рождении» своего детища^[18], восстановленного стараниями архитектора Лео фон Кленце^[19], чье имя будет теснейшим образом связано со следующим царствованием.

Наследный принц Людвиг, несмотря на боевое крещение, был далек от того, чтобы вникать в политические перипетии. Обществу министров и военных он предпочитал компанию поэтов, художников и музыкантов. После 1809 года он практически покинул Мюнхен и большую часть времени проводил в Вюрцбурге (Würzburg) и Ашаффенбурге (Aschaffenburg), часто совершая поездки по Италии. Окружив себя художниками и писателями, Людвиг заслужил славу покровителя искусств. Действительно, он тратил огромные суммы на коллекционирование художественных произведений и содержание театров. *То, что впоследствии поставят в вину внуку, берет начало в образе жизни деда...*

Двенадцатого октября 1810 года Людвиг женился на Терезии Саксен-Альтенбургской (1792–1854). Кстати, празднества, устроенные в честь этой свадьбы, положили начало традиционному, известному во всём мире баварскому празднику Октоберфест. У супругов родилось девять детей: Максимилиан (1811–1864), будущий король Баварии и отец нашего героя; Матильда (1813–1862); Отто (1815–1867), будущий греческий король Оттон I; Шарлотта (1816–1817); Луитпольд (1821–1912), будущий принц-регент; Алдегонда (1823–1914); Хильдегарда (1825–1864); Александра (1826–1875) и Адальберт (1828–1875).

После смерти отца 13 октября 1825 года Людвиг I вступил на

баварский престол. Первейшей своей задачей новый король считал превращение Мюнхена в «новые Афины» — культурную столицу Европы. Сказалась его давняя тяга к меценатству. Свою альма-матер, Ландсхутский университет, он перенес в Мюнхен, чтобы «колыбель науки» была в непосредственной близости ко двору, а также реорганизовал Академию художеств. Одновременно он занимался обновлением архитектурного облика столицы Баварии.

Людвиг I с юных лет сочинял стихи, писал картины, коллекционировал произведения искусства, интересовался архитектурой. Во многом именно ему Мюнхен обязан своим нынешним обликом. Король завершил сооружение великолепной Мюнхенской резиденции, которое тянулось с XVI века; построил проспект Людвигштрассе (Ludwigstraße), пролежавший от Фельдхеррnhалле (Feldhermhalle) — Зала полководцев^[20], получившего свое название от установленных при входе в 1841–1844 годах по заказу короля памятников баварским полководцам Иоганну Церкласу фон Тилли и Карлу Филиппу Вреде^[21], до Триумфальной арки — Ворота Победы (Siegestor), созданных по образцу арки императора Константина в Риме и увенчанных аллегорической бронзовой фигурой Баварии, правящей четверкой львов. При Людвиге I были построены знаменитые Старая Пинаотека — картинная галерея с богатейшей коллекцией европейской живописи XIV–XVIII веков — и Новая Пинаотека, экспонировавшая произведения художников XIX столетия (а теперь и живописцев Новейшего времени), а также Глиптотека, в которой представлено одно из лучших в Европе собрание античных скульптур.

Для Лео фон Кленце, любимого архитектора короля, поистине настал звездный час. Людвиг I увлекался Античностью, особенно историей и культурой Древней Греции. Между прочим, в свое время это увлечение сыграло не последнюю роль в его сочувствии греческому восстанию, после которого в 1832 году на греческий престол взошел его сын Отто (Оттон I Греческий). Кстати, баварское правительство тогда было вынуждено тратить очень большие средства для поддержания экономики разоренной политическим кризисом Греции.

В архитектурных вкусах Людвиг также не отступал от строгого идеала древнегреческого стиля, в соответствии с которым при нем в основном и строились здания. Пожалуй, наивысшим воплощением увлечения Людвиг I античной архитектурой стала созданная Лео фон Кленце Валгалла (Вальхалла). С одной стороны, грандиозность, а с другой — явная нелепость этого самого дорогого из проектов Людвиг I заставляет

рассмотреть его более подробно.

На вершине высокого холма примерно в десяти километрах от Регенсбурга был возведен настоящий античный храм со спускающейся к подножию холма широкой мраморной лестницей, моделью для которого послужил афинский Парфенон. (Лестница состоит из 250 ступеней, так что подъем к самому мемориалу требует больших физических усилий.)

Несмотря на название, баварская Валгалла не имеет никакого отношения к германо-скандинавскому мифологическому раю для павших в битвах воинов, доставляемых туда девами-валькириями. По замыслу Людвига I, зародившемуся у него еще в 1807 году, его Валгалла должна была стать мемориалом славы величайших представителей германского народа — не только воинов и королевских особ, но также и ученых, писателей, художников, церковнослужителей и знаменитых женщин^[22]. В 1826 году Людвиг I выбрал место для строительства, которое началось лишь 18 октября 1830-го, в семнадцатую годовщину Битвы народов. Через 12 лет, 18 октября 1842 года, состоялось торжественное открытие шедевра Кленце; тогда баварский двор во главе с королем единственный раз посетил Валгаллу.

Надо сказать, что при всей патриотичности проекта его воплощение оставляет желать лучшего. Даже сегодня добраться до Валгаллы довольно проблематично. Что уж говорить о временах Людвига I! Таким образом, выбор месторасположения мемориала практически лишил основного смысла само его существование. Об излишней помпезности исполнения мы говорить не будем — это дело вкуса каждого. Скорее всего, истратив кучу средств на сооружение Валгаллы, Людвиг и сам понял, что, как говорится, «перемудрил». Недаром же в 1853 году уже в центре Мюнхена он построил «вторую Валгаллу» — уже упоминавшийся нами Зал полководцев^[23].

Одновременно просвещенный монарх выступил лично в качестве поэта и писателя, в частности выпустил в свет «Валгаллагеноссен» («Wahlhallagenossen») — сборник биографий героев, бюсты которых были установлены в Валгалле. Однако на литературном поприще королю не удалось снискать славы. Хотя его произведения и разошлись несколькими тиражами (а как иначе могло быть, если автор — сам король?), но отличались лишь вычурным архаичным слогом и были благополучно забыты сразу после отречения автора от престола.

Гроза была уже не за горами. Баварское правительство выражало крайнюю степень недовольства громадными тратами короля на «архитектурные излишества», росла оппозиция. Тут уж было не до

либерализма и «просвещения во французском духе»! В стране была введена строжайшая цензура, вольномыслие не допускалось. Кроме того, усилилось влияние католического духовенства. Протестантизм был чуть ли не вне закона. Все эти меры никак не способствовали популярности Людвига I у баварцев. А тут еще на сцену (в прямом и переносном смысле) выходит новый персонаж, сыгравший одну из главных ролей в последующем отречении Людвига I.

В 1846 году шестидесятилетний король влюбился в танцовщицу Элизу Джилберт (Gilbert; 1818–1861), более известную как Лола Монтез (Montez). Заметим, что в разгар романа короля с Монтез его законная супруга была еще жива...

Людвиг в буквальном смысле слова потерял голову. Он позволял своей фаворитке всё, а та беззастенчиво пользовалась этим. Надо признать, вкус у короля был отменный — Лола была необыкновенно красива. В 1847 году Людвиг заказал ее портрет для Галереи красавиц^[24] в Нимфенбурге^[25], благодаря чему мы можем оценить яркую испанскую внешность Лолы. Да и характером она была под стать Кармен. Любила ли она стареющего монарха? Вряд ли. Будучи законченной эгоисткой, Монтез просто по полной программе использовала подаренный ей судьбой шанс. Не боясь общественного мнения, монарх осыпал возлюбленную поистине королевскими дарами: драгоценности, собственный выезд, дворец, пожизненная (и немаленькая!) пенсия, наконец, титул графини фон Ландсфельд... Что еще нужно «скромной танцовщице»? Но, как в «Сказке о рыбаке и рыбке» (в авторстве хоть А. С. Пушкина, хоть братьев Гримм), «старуха» не могла остановиться на достигнутом. Лола начала вмешиваться в политику, требуя, чтобы кабинет министров являлся... в ее салон! Она вела себя настолько вызывающе, что терпение придворных кругов истощилось. Королю вполне могли простить наличие зарвавшейся фаворитки (а у кого их не было?), оскорбление ею общественного мнения (Лола не стеснялась бесконечных публичных скандалов, дискредитировавших в том числе и доброе имя короля) и даже растрату казны (тогда еще ни у кого не возникло «талантливой идеи» объявить короля сумасшедшим). Но с точки зрения баварцев, «ни танцовщица, ни кухарка не могут управлять государством»! История с фавориткой стала искрой, взорвавшей пороховую бочку народного недовольства. 11 февраля 1848 года толпа возмущенных горожан пошла на штурм дома Монтез. В последний момент Лолу успела спасти полиция, выведя через черный ход. Кстати, за два дня до этих событий король лично подписал указ о лишении Лолы баварского гражданства. Она спешно покинула Мюнхен и после

долгих странствий по Европе осела в США. Можно сказать, что эта «первая февральская революция» повела за собой уже гораздо более серьезную «вторую мартовскую», в результате которой 20 марта 1848 года Людвиг I лишился престола, подписав отречение в пользу своего старшего сына Максимилиана.

Бывший король удалился от государственных дел, и без того заброшенных им в последние годы царствования. Он по-прежнему занимался меценатством, жил в свое удовольствие и радовался успехам любимого внука, наследного принца Людвигу. Он пережил не только несчастную законную супругу, покинувшую земной мир в 1854 году, но и свою последнюю любовь, умершую в Нью-Йорке в 1861 году, а также сына Максимилиана, скоропостижно скончавшегося в 1864-м, и стал свидетелем триумфального восхождения на престол Людвигу II.

Людвиг I умер 29 февраля 1868 года в Ницце; он даже предположить не мог, что своим образом жизни сделал столь много для приближения событий трагического 1886-го. Настолько много, что все усилия его сына, короля Максимилиана II Баварского, оградить наследника престола, будущего короля Людвигу II, от пагубного влияния его деда оказались напрасными.

Максимилиан, родившийся 28 ноября 1811 года, воплощал собой тот тип «старого добряка-баварца», немного наивного, немного по-крестьянски грубоватого, который был так симпатичен его подданным. Неудивительно, что сразу по восшествии на престол он настолько быстро завоевал всеобщие симпатии, что были забыты и в целом прощены прегрешения его предшественника Людвигу I. Вместе с тем Максимилиан, истинный Виттельсбах, тоже был равнодушен к искусствам и наукам, занимался сочинительством; неудивительно, что он, как и его отец, пожелал видеть Мюнхен пресловутой «культурной столицей Европы». Страсть к архитектуре также не была чужда новому монарху.

Став королем, Максимилиан II в свою очередь окружил себя художниками, поэтами, архитекторами и учеными. По примеру отца он построил новый проспект Максимилианштрассе (Maximilianstraße), основал несколько научных обществ. В 1832–1837 годах на руинах старинной крепости Шванштайн Максимилиан построил замок Хоэншвангау^[26].

Так что для Людвигу II было вполне естественно продолжить традицию своего рода. Он был достойным внуком и сыном — искусство целиком захватило и его.

В семье баварского короля лишь один человек оставался практически

равнодушным к любым проявлениям художественной жизни — его супруга. Зато Мария Фредерика Франциска Хедвига, урожденная принцесса Прусская, была одной из самых красивых женщин своего времени. Дочь принца Вильгельма Прусского (1783–1851), младшего сына Фридриха Вильгельма II (1744–1797), родилась 15 октября 1825 года. Дед Людвига II по материнской линии приходился родным братом Фридриху Вильгельму III (1770–1840), сыном которого был будущий германский император Вильгельм I (1797–1888); таким образом, Мария — кузина Вильгельма. 12 октября 1842 года она вышла замуж за наследного принца Баварии Максимилиана. Людвиг I не мог не оценить выбор сына, и уже в 1843 году для Галереи красавиц Нимфенбурга был написан портрет будущей королевы. Впоследствии Людвиг II очень гордился красавицей-матерью, вот только духовной близости с ней у него никогда не было...

Справедливости ради следует отметить, что, став королевой, Мария показала себя с наилучшей стороны. Она много занималась благотворительностью, ее стараниями Ассоциация баварских женщин возобновила филантропическую деятельность — «помощь и содействие раненым и больным солдатам на полях сражений», следствием чего стало создание Баварского Красного Креста, во главе которого встала сама королева. Дело матери в свое время продолжит Людвиг II, по приказу которого во время Франко-прусской войны (1870–1871) будут построены госпитали для раненых «без различия национальности и вероисповедания».

Нельзя сказать, что Марию совсем не интересовали никакие аспекты духовной жизни, как это иногда представляют биографы Людвига II. Просто они относились к исключительно религиозной сфере. При этом между матерью и сыном лежала пропасть абсолютного непонимания. Да, она была не в состоянии понять глубину музыки Рихарда Вагнера, не разделяла романтических устремлений сына к «духовно просвещенному баварскому обществу». Великим жертвенным подвигам во имя абстрактных идей она предпочитала тихие семейные радости. Вместе с тем королева Мария пережила глубокий душевный кризис, выход из которого был найден лишь спустя десять лет после смерти мужа: 12 октября 1874 года протестантка Мария приняла католичество. До этого момента она жила в религиозном разладе со всеми членами своей католической баварской семьи. Не в этом ли кроется первопричина отстраненности, дистанцирования королевы от прямых домашних обязанностей? В любом случае она заплатила за все свои ошибки страшную цену, став свидетельницей неизлечимой болезни младшего сына и трагической гибели старшего. После этих ударов судьбы Мария уже не оправилась и доживала

свои дни преимущественно в замке Хоэншвангау. Там же она и умерла 17 мая 1889 года...

Наконец, скажем несколько слов о человеке, сыгравшем в жизни Людвига II роковую роль, — о принце-регенте Луитпольде. Луитпольд Карл Иозеф Вильгельм фон Витгельсбах, третий сын Людвига I, младший брат Максимилиана II, родился 12 марта 1821 года в Вюрцбурге. Изначально предполагалось, что Луитпольд унаследует греческий престол, занимаемый в то время его старшим братом Оттоном I. Однако греческий закон требовал от будущего монарха перехода в православие, а Луитпольд наотрез отказался менять веру даже ради короны. Верность католической религии принц сохранил на протяжении всей жизни. (Кстати, после греческой революции 1862 года, в результате которой Отгон I был свергнут, права на престол, согласно его завещанию, всё же перешли к его младшему брату; но Луитпольд никогда не вспоминал об этом и не оспаривал права на греческую корону у Георга I, сына датского короля Кристиана IX, избранного греческим монархом после Оттона.)

Луитпольд был женат на эрцгерцогине Августе Фердинанде Австрийской, второй дочери великого герцога Тосканского Леопольда II. У супругов родилось четверо детей: Людвиг (1845–1921), Леопольд (1846–1930), Тереза (1850–1925) и Арнульф (1852–1907). В 1870 году принц принял активное участие во Франко-прусской войне.

Десятого июня 1886 года Луитпольд стал регентом своего племянника Людвига II, а после смерти последнего — регентом своего второго племянника, душевнобольного короля Отто I. Несмотря на таинственные обстоятельства смерти Людвига II, фактически бросавшие тень на репутацию принца-регента, и первоначальное явное неприятие власти его дяди оставшейся верной королю части общества, Луитпольд сумел завоевать сердца баварцев. Об этом говорит хотя бы тот факт, что практически во всех баварских городах есть названные в его честь улицы — Принц-регентенштрассе (Prinzregententstraße), Луитпольд-штрассе (Luitpoldstraße), площади — Принцрегентенплац (Prinzregentenplatz), Луитпольдплац (Luitpoldplatz), мосты — Принцрегентенбрюке (Prinzregentenbrücke), Лу-итпольдбрюке (Luitpoldbrücke) наряду с обязательными Людвигштрассе, Людвигплац, Людвигбрюке и Максимилианштрассе, Максимилианплац и Максимилианбрюке, носящими имена его брата и несчастного племянника.

Во время правления Луитпольда — недаром он был Виттельсбах — Мюнхен вновь обрел славу культурной столицы Европы, которой обладал и при Людвиге I, и при Максимилиане II и за которую боролся Людвиг II

вместе с Вагнером. Принц-регент покровительствовал искусствам и наукам. Его имя ныне носят многие учреждения культуры, такие как Принц-регент-театр (Prinzregententheater) в Мюнхене, Луитпольдарена (Luitpoldarena) и Луит-польдхалле (Luitpoldhalle) в Нюрнберге. Луитпольдфельд (Luitpoldfeld — Поле Луитпольда), также в Нюрнберге, впоследствии стало печально знаменитым местом проведения парадов национал-социалистов, наряду с Цеппелинфельд (Zeppelinfeld — Поле Цеппелина)...

Двенадцатого декабря 1912 года принц-регент Луитпольд скончался в Мюнхене. Его сын стал последним королем Баварии Людвигом III. В настоящее время (с 1996 года) главой дома Виттельсбахов является праправнук Луитпольда, правнук Людвига III Франц.

Одним из первых действий Луитпольда во главе баварского правительства стало открытие 1 августа 1886 года для всеобщего обозрения «сказочных замков» Людвига II...

Итак, место действия обозначено, действующие лица описаны. Трагедия начинается.

Глава вторая

ЛУННЫЙ ПЬЕРО

В Южном павильоне замка Нимфенбург находится комната, в которой берет начало наша история. Здесь царят спокойный зеленый колорит и удивительно уютная атмосфера. Это спальня королевы Марии, к моменту описываемых событий пока еще кронпринцессы Баварской. На небольшой кровати под балдахином 25 августа 1845 года в половине первого ночи (день и час рождения младенца совпали с днем и часом рождения его деда Людвига I) у кронпринца Максимилиана и его жены родился старший сын. О его появлении на свет было объявлено в Мюнхене 101 пушечным залпом.

Перед кроватью и ныне стоят стол и несколько кресел, также обитых зеленой материей. Считалось, что при появлении на свет будущего наследника должны присутствовать особо доверенные наблюдатели из числа придворных, чтобы избежать возможных кривотолков. Но во времена Людвига I этот обычай уже канул в прошлое, вследствие чего кривотолки всё же пошли: злые языки утверждали, что будущий наследник баварского престола родился на несколько дней раньше официально объявленной даты, но радостное известие «попридержали», чтобы сделать приятное королю. Такое утверждение абсурдно. При том количестве придворных и прислуги, которое находилось во дворце, утаивать факт появления на свет принца не только несколько дней, а даже несколько часов совершенно нереально. Тем более нереально заставить всех вступить в «преступный сговор» с молодыми супругами и молчать об этом. Где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь обязательно проговорился бы, и правда вышла бы наружу. Так что серьезно относиться к подобным слухам не стоит.

Тем не менее с самого рождения принц был окружен целым рядом мистических совпадений. Духовная связь с Рихардом Вагнером, его настоящим кумиром, можно сказать, началась с момента появления на свет будущего короля. Именно в тот год композитор закончил либретто своего «Лоэнгрина», над которым работал почти три года начиная с 1842-го, года заключения брака родителей Людвига. Впоследствии музыкальная драма о рыцаре-лебедь станет лейтмотивом в судьбе «короля-лебедя», как часто называли Людвига II.

Двадцать шестого августа архиепископ Мюнхенский и Фрайзингский Лотар Карл Ансельм Йозеф фон Гебзаттель (Gebsattel; 1761–1846) совершил обряд крещения младенца, который был наречен Отто Людвигом

Фридрихом Вильгельмом. Но основным для него становится имя Людвиг. Считается, что человек, сознательно названный в честь кого-то, во многом повторяет судьбу того, чье имя носит. Неудивительно, что в будущем из всех родственников только с дедом у принца установилась духовная близость, да и король по-настоящему полюбил старшего внука. Возможно также, что на развитии ребенка эта любовь отразилась скорее пагубно, чем благотворно...

Младший брат Людвиг появился на свет 27 апреля 1848 года, за два месяца до срока, в Мюнхенской королевской резиденции. При крещении он был наречен Отто Вильгельмом Луитпольдом Адальбертом Вольдемаром, но с детства все называли его просто Отто — в честь его дяди и крестного отца, короля Греции Оттона I. Своего второго внука Людвиг I любил гораздо меньше. Возможно, конечно, это связано со стрессом, пережитым королем незадолго до рождения мальчика, — 20 марта им было подписано отречение от престола в пользу сына Максимилиана. Отец Людвиг стал королем Баварии Максимилианом II, а сам Людвиг — кронпринцем.

Поистине несчастливыми оказались имена, выбранные родителями для обоих принцев: Людвиг I лишился престола, Оттон I был свергнут в 1862 году. Впоследствии судьбы и Людвиг, и Отто тоже окажутся трагическими. Но пока что маленькие мальчики сталкивались с вполне детскими проблемами, и до настоящих потрясений им было еще далеко. Кстати, довольно долгое время Людвиг вообще не знал ни о скандале в королевской семье, связанном с Лолой Монтес, в котором был замешан его дед, ни о том, что его отец получил корону после революционных потрясений в стране.

Людвиг, казалось, уже с ранних лет был обречен на одиночество. Ему было хорошо наедине со своими мечтами, что маленькому ребенку обычно не свойственно. Он играл со многими детьми придворных, однако из всех детских приятелей по-настоящему дружеские отношения у Людвиг впоследствии сложились, пожалуй, лишь с Паулем фон Турн-унд-Таксисом^[27] и с Максимилианом фон Хольнштайном, которому в нашем повествовании будет отведено значительное место.

Вот случай, наглядно демонстрирующий отношение Маленького принца (ассоциация напрашивается сама собой: Людвиг обитал будто бы на какой-то другой планете) к жизни. Однажды, будучи еще совсем ребенком и страдая болезнью глаз, Людвиг был вынужден долгое время находиться в затемненной комнате с повязкой на глазах. «Навестивший его придворный священник Дёллингер^[28], видя его одиночество, заметил: «Ваше

Высочество, вы должны очень скучать таким одиноким. Отчего вы не прикажете читать себе вслух?» — «О, я совсем не скучаю! — быстро ответил Людвиг. — Я думаю о многом, о многом... И это так меня занимает!»^{17}.

Впрочем, Людвиг во время бессонниц, которыми страдал с детства, часто просил кого-нибудь из своего окружения читать или рассказывать ему волшебные сказки про духов и фей, что питало его богатое воображение.

Вместе с тем детство и самого Людвига, и его младшего брата Отто было отнюдь не столь беззаботным и счастливым, как может показаться с первого взгляда.

Королева Мария довольно своеобразно занималась воспитанием сыновей. К примеру, она избрала для каждого из них свой «геральдический» цвет, который должен был отличать все предметы, принадлежащие принцам, — от книжных переплетов до отделки комнат и расцветки костюмов. Для Отто был выбран воинственный красный цвет, для Людвиг — мечтательный небесно-голубой. Здесь, конечно, можно говорить о «магии цвета», наложившей отпечаток на характеры мальчиков, — или материнское сердце верно угадало? — но только Отто до постигшей его болезни всегда интересовался военными парадами, веселыми застольями и охотой; Людвиг же имел возвышенную чуткую натуру, любил уединение, а охоту считал «мерзким убийством невинных животных» и принимал в ней участие только в юном возрасте, а повзрослев, сознательно отказался от кровавых забав.

С одной стороны, Людвиг как нежный и любящий сын был очень привязан к матери. С другой — в духовной сфере между ними не было ни одной точки соприкосновения. По воспоминаниям современников, «мать его была ему не пара, между ними невозможна была близость, как он ни желал сойтись с ней. Иногда ему хотелось поговорить с ней о литературе, которую он так любил, и он спрашивал ее, читала ли она ту или другую книгу. «Я? — отвечала она. — Если я и читаю что, то только что-нибудь забавное». Это его огорчало и раздражало. Она была добрая, приветливая, но совершенно обыкновенная, простая хозяйка дома, интересовавшаяся только кухней, домом да огородом. Король был к ней очень внимателен, относился к ней с сыновней почтительностью, но между ними лежала непроходимая пропасть»^{18}.

Отметим сразу, что семейная страсть к архитектуре проявилась у Людвига чуть ли не с раннего детства. Семилетним он приводил в восторг

деда, экс-короля Людвига I, сложностью и математической точностью пропорций своих построек из кубиков. А уже в 11 лет Людвиг был способен практически профессионально чертить планы различных зданий. Впоследствии, вступив на престол, он серьезно изучал архитектуру, с этой целью много путешествовал, осматривая и старинные замки Германии, и величественные соборы Италии, и великолепные дворцы Франции. Даже Кёльн он посетил исключительно с целью увидеть и детально изучить знаменитый собор. Все полученные навыки впоследствии найдут у будущего короля практическое применение.

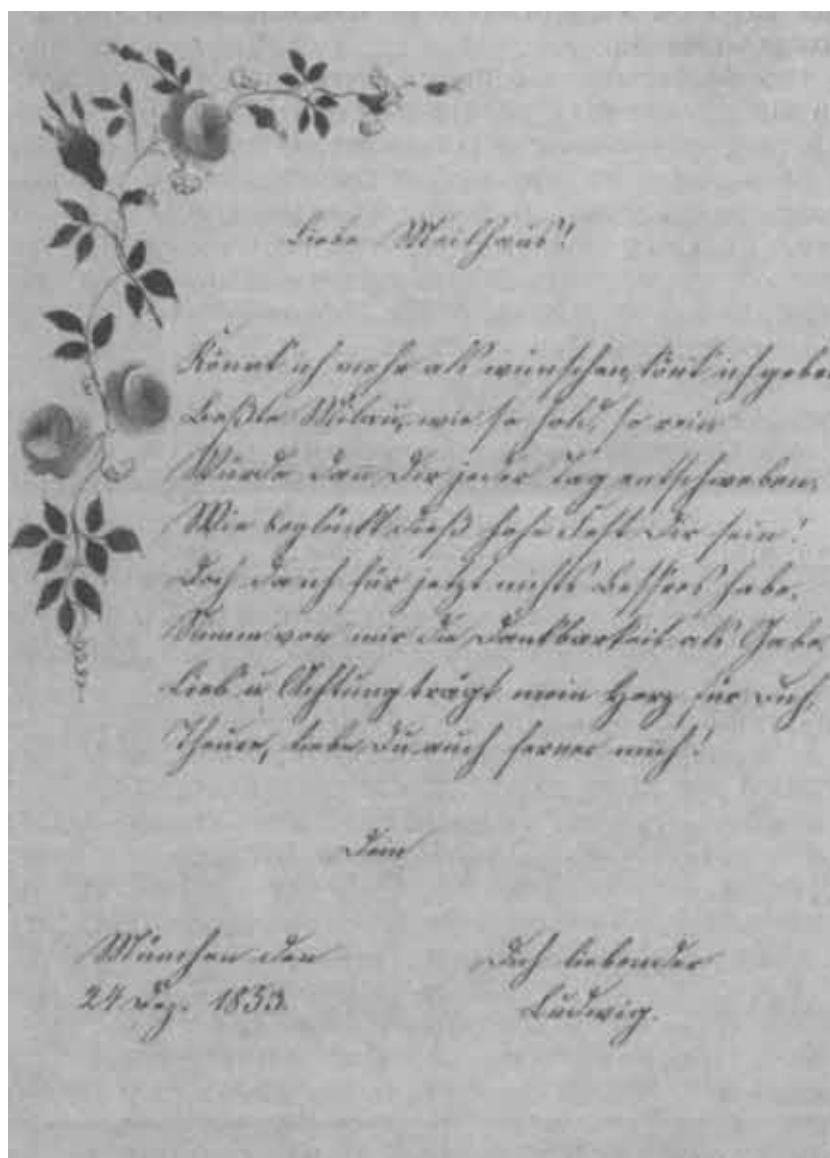
Казалось бы, при такой общности интересов теплые отношения должны были сложиться у Людвига не только с дедом, но и с отцом, серьезно увлекавшимся архитектурой. Однако этого не произошло. Король обращался со старшим сыном с подчеркнуто холодной отстраненностью. Видимо, Максимилиан подсознательно старался подавить в Людвиге те ростки романтизма, что были свойственны ему самому, словно предвидя, какую пагубную роль они сыграют в судьбе наследника, но был не в состоянии даже самому себе объяснить причины, побудившие заменить настоящие отцовские чувства безжалостной муштрой. Возможно, опять же подсознательно, отец видел в сыне повторение своего отца. Недаром же, в отличие от Максимилиана, Людвиг I обожал мальчика.

Нужно сказать, что принц Отто имел гораздо более близкие отношения с родителями, но не с дедом. Он был во всём противоположностью старшему брату. Начисто лишенный романтической мечтательности, он рос веселым, подвижным и резвым мальчиком, любимцем матери. Созданию сложных архитектурных построек из кубиков или чтению средневековых саг он предпочитал шумные игры со сверстниками. Людвиг искренне любил брата, но духовной близости не испытывал и с ним.

Максимилиан II был очень строгим отцом и столь же плохим воспитателем. В. Александрова считает: «Точное распределение времени, непосильные занятия, скучная гимнастика и суровые наказания за малейшее отступление от установленной программы — вот каковы были основы его воспитательной дисциплины. Всё, что красит детство: общество сверстников, забавы, игрушки, даже лакомства, — было исключено из нее. Дети отдалены были от матери, от отца они никогда не видели ни ласки, ни поощрения»^[19].

В итоге искренняя детская привязанность мальчика была подарена не родителям, а горничной Лизи, или Лизль, служившей в Мюнхенской резиденции. Забота доброй пожилой женщины о юных принцах в первую очередь заключалась в тайном снабжении их запретными лакомствами. К

примеру, Людвиг с детства обожал кофе, наслаждался его запахом. Но пить кофе разрешалось только взрослым. Детская обида на такую несправедливость глубоко врезалась в память Людвигу. Русская императрица Мария Александровна, супруга Александра II, гостившая в Киссингене в 1864 году, вспоминала (по словам баронессы Марии Петровны Фредерикс): «Сам он нам рассказывал, что, сделавшись королем, его первое действие было велеть подать себе кофе, так как он не смел пить по утрам ничего другого, кроме молока».

Письмо кронпринца Людвигу Сибилле фон Леонрод от 19 августа 1862 года

Таких ограничений Максимилиану II казалось мало. Согласно его принципам воспитания дети должны были расти без всяких «гастрономических излишеств», буквально впроголодь. И вот старая горничная тайком стала передавать принцам либо остатки «взрослой» трапезы, либо купленные ею специально для них различные лакомства. Людвиг никогда не забывал трогательную заботу «своей Лизль», которую, вступив на престол, стал называть Königslied^[20]. Он считал своим долгом заботиться о ней, чтобы «отныне она получала только самое лучшее, потому что заслужила это». Вот только один, но очень характерный пример того, что Людвиг никогда не забывал добро. На Страстную неделю 1869 года король решил уехать из Мюнхена в Хоэншвангау. Своей бывшей горничной, остававшейся к тому времени в Мюнхенской резиденции, он предложил сопровождать его. Большая честь! Но увидев расстроенное лицо старой женщины и поинтересовавшись о причине, Людвиг услышал в ответ, что она желала бы остаться в Мюнхене и «посетить Святые могилы». Только ради того, чтобы не огорчать Лизль, Людвиг вопреки своему первоначальному желанию отложил поездку, всю Страстную неделю оставался в Мюнхене и только потом уехал в свой замок.

Но, пожалуй, самой главной детской привязанностью кронпринца стала его «запасная мама» — воспитательница Сибилла фон Леонрод (Leonrod), урожденная Майльхаус (Meilhaus; 1814–1881)^[21]. Она вступила в эту должность в июне 1846 года, и мальчик находился под ее опекой с десятимесячного возраста до девяти лет. Как только ребенок подрос, между ними установились самые нежные отношения. Людвиг называл свою няню ласково Миллау (Millau) и доверял ей все свои детские секреты. Сибилла учила Людвиг и его младшего брата Отто чтению, письму и арифметике. Она была очень религиозна и часто читала принцам Библию. Известно, что на Рождество 1853 года восьмилетний Людвиг написал своей «дорогой Миллау» целое стихотворение, полное нежности и любви.

Когда в 1854 году Сибиллу сменил новый воспитатель, по воспоминаниям королевы Марии, Людвиг очень тосковал. Правда, Сибилла оставалась при дворе еще целых восемь лет, продолжая быть воспитательницей принца Отто, но для максималиста Людвиг даже номинальная разлука с ней уже была утратой. Людвиг утешался тем, что продолжал вести с «дорогой Миллау» переписку вплоть до ее смерти; в общей сложности им написано Сибилле 82 письма.

«Дерево и лебедь». Рисунок кронпринца Людвига. 8 марта 1861 г.

Можно сказать, что в этих письмах полностью раскрывается душа будущего короля. Вот он рассказывает воспитательнице, как катался по Штарнберге к озеру и мечтал стать капитаном. А позже советуется с ней по поводу расторжения своей помолвки... Абсолютно всё, что волновало Людвига в разные периоды его жизни, он, словно с духовником, обсуждал с Сибиллой. И, как и в случае с Лизль, всегда помнил хорошее к себе отношение. Вот, к примеру, отрывок из письма от 30 апреля 1864 года:

«Как я рад выразить свою благодарность тебе таким способом; я всегда был твоим должником; я никогда не забуду, что ты сделала всё в детстве для меня»^[22].

А вот письмо от 27 августа 1872 года: «...я обязан тебе с самого раннего детства... я никогда не забуду тебя, никогда. <...> Для меня истинной сердечной радостью было видеть недавно вновь тебя и долго с тобой говорить! Ты так меня хорошо понимаешь, и я делаю так мало... я, конечно, всегда чувствовал себя отвергнутым от мира и удалялся в себя; это благотворно действует на меня — говорить снова с тобой, с тобой, в моем сердце с блаженно безмятежных дней детства коренится верная и глубокая любовь»^[23].

В 1860 году Сибилла Майльхаус вышла замуж за Августа Людвига барона фон Леонрода (1819–1904), флигель-адъютанта короля Максимилиана II. Их брак оказался бездетным, и Сибилла до конца жизни относилась к Людвигу, как к собственному сыну. Последнее письмо короля, адресованное его воспитательнице, датировано 7–8 января 1881 года. Приводим его в пересказе Т. Кухаренко: «Людвиг сообщает, что недавно вернулся из Линдерхофа, наслаждается великолепными зимними днями и с ужасом смотрит на предстоящее пребывание в городе. Он рассказывает о текущих строительных проектах: о замке Нойшванштайне, который «затмит Вартбург» и Херренхимзее, его «королевском дворце, как Версаль». Помимо строительства ему доставляют наслаждение чтение интересных книг и театральные удовольствия, прослушивание чудесного представления «Парсифаля» и «Лоэнгрина». Король заканчивает письмо словами: «...всегда остаюсь с самой верной преданностью, твой искренний друг Людвиг»^[24].

Двадцать девятого апреля 1881 года «дорогая Миллау» скончалась. На католическом кладбище в Аугсбурге, где ее похоронили, по приказу ее бывшего воспитанника был воздвигнут надгробный памятник из каррарского мрамора с надписью: «Король Людвиг II верной воспитательнице своего детства баронессе Сибилле фон Леонрод, урожденной Майльхаус 20 августа 1814 — 29 апреля 1881»...

Принципиально другое воспитание — без душевных разговоров и чтения духовной литературы — юный принц стал получать с 1 мая 1854 года, когда Сибиллу сменил 52-летний баварский генерал-майор граф Теодор Рафаэль Алоиз Басселет фон Ла Розе (La Rosöe; 1801–1864)^[25], который оставался наставником Людвига вплоть до его восемнадцатилетия. Именно граф Ла Розе пробудил в будущем короле интерес к славному

прошлому его древнего рода и гордость за него. В то же время самым отрицательным результатом его педагогических усилий стало развитие у обоих принцев чрезмерного «абсолютистского» высокомерия и заносчивости. Справедливости ради нужно сказать, что культивирование «королевского обращения с подданными» диктовалось исключительно желанием «воспитать настоящего короля» так, как понимал это сам граф. Он прекрасно видел в своем воспитаннике и упрямство, и своеволие, и излишнюю мечтательность. Последнее качество казалось ему опаснее. Он писал королеве Марии: «Принца нужно удерживать от задумчивости; он не должен задерживаться на неприятных впечатлениях, но пытаться быть менее чувствительным к ним. Нужно предоставить карманные деньги; но принц должен давать отчет в том, как он тратит их. Особое внимание должно быть уделено воспитанию у принца силы воли; тем более необходимо подчеркнуть это, потому что мы живем в эпоху, в которой развиваются воображение и ум, но желанием действовать пренебрегают...»^[26]

С 1 июля по 4 августа 1855 года Максимилиан II с семьей пребывал в Нюрнберге. Десятилетний Людвиг впервые оказался в этом величественном прекрасном городе, атмосфера которого насквозь пропитана духом Средневековья. Могучая громада Кайзербурга^[29], возвышающаяся над городом, сразу и навсегда покорила сердце впечатлительного кронпринца. По сравнению с Нюрнбергом Мюнхен казался ему теперь невзрачным и жалким, словно оруженосец рядом с рыцарем. Возможно, уже тогда у Людвига родилась еще неосознанная идея перенести столицу Баварии именно в Нюрнберг, но он так и не смог восстановить историческую справедливость.

Наряду с архитектурой самой главной страстью будущего короля стала родная баварская природа. В 1857 году двенадцатилетний Людвиг предпринял первый серьезный поход в горы близ отцовского замка Хоэншвангау. Это очень важный момент в становлении личности кронпринца; в дальнейшем регулярные прогулки в горы станут его второй натурой.

Мы уже отмечали, что природа горной Баварии отличается поистине сказочной красотой. Среди лесистых гор и кристальных озер любой невольно становится чуть-чуть поэтом. Что же говорить о юноше, обладающем мечтательной чувствительной натурой, слишком близко к сердцу принимающем старинные легенды, слышимые им чуть ли не с пеленок. Как дети наделяют игрушки их жизненной силой и переносят

действие игры в реальную жизнь, так и Людвиг мысленно перевоплощался в любимых героев, бродил по замку и окрестным горным лесам, декламируя строки из любимых Шиллера и Гёте, которые знал с раннего возраста.

Людвиг I часто пророчески называл своего внука «юным Зигфридом» и, наверное, во многом угадал его будущую натуру. «С малолетства, — пишет французский филолог Анри Лиштанберже, — Зигфрид обладал полной самопроизвольностью. <...> Зигфрид... всегда повинуетя первоначальному закону инстинкта. Он живет в единении с природой; он понимает таинственный шепот леса, внимает щебетанию птиц и старается подражать им; он чувствует себя близким лесным зверям, любит их, следит за ними в их убежищах в глубине дикой чащи: наблюдая за ними, он догадывается, что такое любовь... У него нет другого проводника в жизни, кроме импульсов его природы: «следовать внушениям моего сердца, — говорит он (Зигфрид. — М. З.), — вот мой высший закон; то, что я совершаю, повинаясь своему инстинкту, то я и должен делать. Проклятый ли для меня этот голос или святой — я не знаю, но уступаю ему и никогда не стараюсь идти против моего желания»^[27]. Юный Людвиг — это поистине Зигфрид; все эти слова — о том, каким он станет в будущем.

И всё-таки чаще всего Людвиг представлял себя Лоэнгрином — рыцарем-лебедem. Лебедь стал своеобразным символом короля, впоследствии он в своих замках сделал изображения лебедей главными элементами декора. Хоэншвангау, этот Лебединый замок отца, и спустя годы остался для Людвига по-настоящему родным, чего нельзя сказать о Нимфенбурге, где он родился, и особенно о Мюнхенской резиденции, которую Людвиг хотя и пытался обустроить по собственному вкусу, разбив зимний сад с фонтаном и украсив свои покои в духе Людовика XIV, но так никогда и не принял в качестве своего дома. В Нимфенбурге настолько ощутимо присутствует дух Людвиг I, что, даже став королем, его внук не смог себя ощутить полноправным хозяином замка. Можно сказать, что Мюнхенская резиденция по духу принадлежит всем Виттельсбахам и никому конкретно, Нимфенбург — Людвигу I, а Хоэншвангау — Людвигу II даже в большей степени, чем Максимилиану II — настолько близка сама атмосфера замка внутреннему миру нашего героя. Поэтому-то настоящей «родиной» для Людвиг стал именно Хоэншвангау; даже когда король начал строительство своих собственных замков, он оставил приют своего детства неприкосновенным, не изменив и не перестроив ничего — настолько всё там гармонировало с его натурой. Более того, если бы Людвиг вырослел и формировался как личность в любом другом месте,

возможно, баварцы бы имели совсем другого короля...

Именно уходу в «возвышенную страну лебединых грез» в первую очередь противостоял граф Ла Розе, когда рассказывал Людвигу II о Людовике XIV и «блестящей Франции», интерес к *реальной* истории которой довольно быстро пробудился у кронпринца. Одновременно воспитатель пытался ввести Людвига и Отто в круг обычных аристократических забав высшего света. В частности, с именем графа Ла Розе связано кратковременное участие Людвига в охотах. Граф всеми силами хотел «милитаризировать» наследника престола, привить ему любовь к оружию. С Людвигом не получилось. А вот у Отто эта любовь была, можно сказать, врожденной. При этом увлечение верховой ездой — конные прогулки Людвиг и граф совершали регулярно — вскоре превратилось у кронпринца в настоящую страсть, сохранившуюся на всю жизнь.

Настало время уделить серьезное внимание общему образованию подрастающего наследника. В 1856 году было начато обучение Людвига предметам полного гимназического курса. Отныне восемь часов в день отдавались греческому и латыни (оба языка не вызывали у юноши никакого интереса, и успехи в овладении ими были незначительны), немецкому и французскому (вот здесь у Людвига проявился явный талант), а также физической подготовке (особенно он отличался в плавании и верховой езде) и обучению изящным искусствам. Науки давались кронпринцу легко, то же можно сказать и о его брате Отто. Но с настоящей страстью Людвиг отдавался лишь изучению религии, истории и литературы. Природные способности и хорошая память помогли ему стать одним из самых эрудированных людей своего времени. С 1862 года домашнее образование было дополнено лекциями в Мюнхенском университете по химии, физике, философии и математике. Читал Людвиг очень много; во всё, что интересовало его, вникал вдумчиво и основательно. Особенной любовью юного мечтателя пользовались средневековые легенды и произведения немецкой и французской литературы.

В 1861 году для Людвига началась настоящая «воинская повинность» — 28 ноября он был зачислен лейтенантом в 6-й Баварский егерский батальон (6. Königlich Bayerisches Jägerbataillon). Одновременно Людвиг получил также звание лейтенанта Королевского Баварского 2-го пехотного полка «Кронпринц» (Königlich Bayerisches 2. Infanterie Regiment «Kronprinz»), шефом которого являлся в силу происхождения. При этом военная карьера совершенно не интересовала наследника, а строевая подготовка нестерпимо тяготила. Но положение обязывало, и приходилось

подчиняться.

Интересна характеристика, данная графом Ла Розе своему воспитаннику, когда тот достиг совершеннолетия и воспитатель вышел в отставку: «Кронпринц умел и очень талантлив, он многому научился, и у него даже сейчас знания, которые выходят за пределы желаемого. У него очень богатая фантазия, которую я редко встречал у его ровесников. Но он подвержен вспыльчивости. Больше чем сильно развитое своеволие указывает на упрямство, которое он, возможно, унаследовал от деда, и оно будет преодолено лишь с большим трудом»^{28}.

С графом у Людвига всё-таки сложились дружеские и доверительные отношения. Возможно, если бы воспитатель оставался при Людвиге подольше, он сумел бы уберечь короля от... самого себя. Но всего лишь через месяц после вступления на престол Людвиг узнал, что Ла Розе тяжело заболел. 11 апреля 1864 года, предчувствуя его скорый конец, молодой король писал Сибилле фон Леонрод: «Это будет не только страшным ударом для его семьи, но мне также будет жаль, потому что он был для нас добрым другом и советчиком»^{29}. 15 апреля Ла Розе не стало. Король успел проститься с графом, тот умер фактически на его руках, и Людвиг еще некоторое время оставался с семьей своего бывшего воспитателя, чтобы поддержать всех в общем горе...

Итак, что можно сказать о подготовке юного Людвига к взрослой, *королевской* жизни? Как известно, запретный плод сладок. С одной стороны, чем больше сам Максимилиан II или граф Ла Розе старались обуздать мечтательный нрав наследника престола, тем сильнее мальчик замыкался в себе и противопоставлял скучным приземленным занятиям сказочный и романтический мир своих мечтаний. С другой стороны, рассказы о «короле-солнце», которые он слышал от графа Ла Розе, стали семенами, упавшими на благодатную почву: Людвиг стал видеть себя абсолютным монархом и требовать от ближайших подданных соответствующего поклонения, кое с детства ему и выказывалось и к коему он привык, еще даже не вступив на престол.

Беда заключалась в том, что и «возвышенная страна грез», и исторические рассказы об абсолютной королевской власти, и солдатская муштра — всё было одинаково далеко от реальной жизни, в которой предстояло действовать нашему герою. Никто не объяснил мальчику, что маленькая Бавария — не блестящая Франция, что время героических подвигов и абсолютной монархии безвозвратно миновало, что наступил прагматичный XIX век, ставящий под сомнение все возвышенные идеалы,

что, наконец, баварский король — это не более чем номинальная должность в государственном аппарате конституционной монархии.

Но и родители, и воспитатели, и ближайшее окружение принца поступали наоборот; во многом именно они сделали Людвига таким, каким он стал впоследствии.

Уже после смерти баварского короля германский канцлер князь Отто фон Бисмарк подверг критике такие педагогические приемы: «Если бы воспитание короля Людвига было доверено не оторванным от жизни профессорам и иностранным преподавателям, а немецким офицерам, тогда король остановился бы, вероятно, на земле, от которой он происходил, и не заблудился бы в облаках туманного Парнаса...»^{30}

Тот же упрек можно обратить и к Людвигу I. Несмотря на его любовь к внуку, их общение сводилось к нерегулярным встречам в Мюнхене, а вскоре частые отъезды экс-короля за границу вообще не оставили времени для личных контактов. Оставались письма. Дед и внук переписывались регулярно; душевный тон писем говорил о глубокой и искренней взаимной привязанности. Но для Людвига-младшего переписки было явно недостаточно. И если Людвиг I, можно сказать, гордился внуком на расстоянии, то для взрослого юноши дед вскоре превратился в героя исторической хроники, в пример для подражания; но в часы, когда становилось особенно тоскливо и одиноко, нельзя было поплакать у него на груди.

Можно сказать, что Людвиг с детства не столько действительно любил, сколько *заставил себя полюбить* одиночество; наедине с собой ему было гораздо комфортнее, чем в душной атмосфере чуждого ему двора. И не его вина, что он, как мог, сопротивлялся насилию над своей душой и упорно продолжал настаивать на собственных идеалах, вознамерившись в одиночку изменить весь мир.

И здесь надо упомянуть еще об одной очень симпатичной черте Людвига, без которой его портрет был бы неполным и которая, наряду с развитым чувством благодарности, проявилась у него с детства и совсем не сочеталась с приписываемым ему впоследствии «человеконенавистничеством». Он очень любил делать подарки. Биограф Людвига (кстати, весьма недоброжелательный), депутат баварского ландтага лютеранский пастор Фридрих Ламперт вспоминал: «...эта страсть у него была с детства, когда, получая крошечные деньги на собственные нужды, он тотчас же исстрачивал их все, до последнего пфеннига, покупая подарки матери, брату, своим воспитателям и непременно камердинеру. Насколько эти деньги были незначительны, видно из того, что, получив в

первый раз в день своего совершеннолетия (16 лет) первую золотую монету, Людвиг счел себя положительно Крезом. Он тотчас же побежал к ювелиру, чтобы купить у него тот медальон, которым мать его любовалась несколько дней перед тем в витрине магазина. Ювелир, конечно узнав принца, спросил его: «Прикажет ли он прислать счет во дворец?» Но Людвиг с гордостью ответил, что «может сам заплатить», вполне уверенный, что для этого достаточна его золотая монета!»^[31]

В одной из комнат Хоэншвангау и ныне можно увидеть огромный бильярдный стол, который Людвиг использовал совсем не по назначению: на нем король раскладывал рождественские подарки. Луиза фон Кёбелль^[30], автор книги «Король Людвиг II Баварский и искусство», жена одного из наиболее приближенных к нему людей, отмечает: «Рождественские подарки готовились — когда Людвиг уже был королем — за неделю и более до праздника и привозились из Мюнхена в Хоэншвангау. <...> Комната с бильярдом принимала на Рождество вид базара, полного множества дорогих и изящных подарков. Целые сервизы, дорогие бонбоньерки, бинокли, часы, ковры, книги в искусных переплетах и альбомы с отделкой из золота, серебра, слоновой кости, с гербами Баварии, с лошадьми и лебедями; сигарные ящички и чубуки для курения, украшенные или вензелями Людвиг II, или гирляндами цветов и фигурами гениев. <...> Тут были брелоки, запонки, цепочки к часам с брильянтами, сапфирами, ляпис-лазурью, рубинами и эмалью. Одну часть бильярда занимали веера, художественно вышитые или расписанные акварелью, работы известной художницы-декоратора Терезы Вебер. <...> Подарки к Рождеству получали все: родственники, друзья короля, его приближенные, артисты и артистки, музыканты и все его служители до последнего маленького мальчика-прислужника»^[32].

Итак, перед нами предстает юный принц-идеалист, добрый, мечтательный и совершенно не похожий на «сумасшедшего мизантропа». Когда же с ним произойдет трагическая метаморфоза?

Несмотря на то, что Людвиг с детства знал, что будет королем, он оказался совершенно не готов к роли, уготованной ему судьбой. Как уже говорилось, воспитание принца оставляло желать лучшего. Он ничего не знал о требованиях и задачах тогдашней политической жизни, его намеренно отдаляли от любых ее проявлений. Людвиг не имел настоящего наставника в государственных делах, и поэтому он составил собственное, весьма своеобразное и далекое от действительности мнение о том, каковы должны быть задачи королевской власти. «У Людвиг, — пишет В.

Александрова, — несомненно, было свое представление о королевских обязанностях и власти. Оно воплощалось для него в образах древних рыцарей Германии, благородных героев шиллеровских драм. Его серьезная и вдохновенная мечтательность рисовала ему его будущее как исключительное призвание, как служение возвышенным целям правды и красоты. Но лицом к лицу с настоящими, реальными задачами он не мог не чувствовать себя растерянным и беспомощным»^{33}.

Не имея поддержки в кругу своей семьи, Людвиг стал искать ее на стороне. Этим объясняется вскоре проявившееся у него безоговорочное доверие к Рихарду Вагнеру, в котором он нашел истинного духовного отца. Вместе с тем к моменту провозглашения юноши королем еще не было и намека на его трагическое разочарование в жизни; в неполные 18 лет его надежды и наивная вера в светлое будущее были непоколебимы.

Он открыт миру, он еще заставит полюбить себя!

Часть вторая

ПОЛНОЛУНИЕ

март 1864 года — 1871 год

*Я откинул докучную маску,
Мне чего-то забытого жаль...
Я припомнил старинную сказку
Про священную чашу Грааль.
Я хотел побродить по селеньям,
Уходить в неизвестную даль,
Приближаясь к далеким владеньям
Зачарованной чаши Грааль.*

Но таить мы не будем рыдания,
О, моя золотая печаль!
Только чистым даны созерцанья
Вечно радостной чаши Грааль.
Разорвал я лучистые нити,
Обручавшие мне красоту; —
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?

Н. Гумилев. Я откинул докучную маску... 1906

Глава первая

КОРОЛЕВСТВО ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Судьба не дала нашему герою времени на подготовку к решающему жизненному экзамену. Для него, романтического юноши, как гром среди ясного неба прозвучало трагическое известие: 10 марта 1864 года скоропостижно скончался его отец, баварский король Максимилиан II. В тот же день был провозглашен новый король Баварии — Людвиг II. Столь стремительного восхождения к вершине власти не ожидал никто, и в первую очередь сам юный монарх. Еще вчера он мог себе позволить спокойно грезить о средневековых рыцарях, а уже сегодня на него всей тяжестью обрушилось бремя государственных дел, не терпящих отлагательств. Объективно Людвиг оказался совершенно не готов к подобной метаморфозе; было отчего растеряться. Однако этого не случилось. Вопреки распространенному мнению и совершенно неожиданно для ближайшего окружения Людвиг II с первых же дней своего царствования взял бразды правления в свои руки.

При этом юный король пока еще вовсе не являлся тем нелюдимым «человеконенавистником», каким его рисовали впоследствии некоторые биографы. Он жил в Мюнхене, охотно давал аудиенции, внимательно выслушивал и с благодарностью следовал советам своих министров. В. Александрова пишет: «Независимость и самостоятельность Людвига, проявленные им по вступлении на престол, совсем не переходили во вздорное упорство; наоборот, он приступил к исполнению своих обязанностей с величайшей добросовестностью и осторожностью. Когда министры, по принятому обычаю, явились к нему с прошением об отставке, он всех их оставил на своих местах и сам с усердием принялся за изучение необходимых наук, политических и административных, высказывая большое сожаление о том, что его образование в этой области не было закончено и что ему пришлось вступить на престол без достаточной подготовки»^{34}.

Со всей энергией молодости Людвиг начал восполнять пробелы в своем королевском образовании. Пришлось отказаться от прежних увлечений, подчиняя их государственным интересам. Казалось бы, такую натуру, как Людвиг, подобное положение вещей должно как минимум выбивать из равновесия, доставляя тяжелые моральные страдания. Но всё

было наоборот. Поначалу Людвигу нравилось управлять государством!

Надо сказать, Людвиг довольно быстро — по крайней мере, внешне — освоился с новой для него ролью монарха. Бурный восторг и всеобщее ликование народа по поводу восшествия на престол нового короля помогли ему почувствовать себя настоящим властителем. Сыграла роль еще и незаурядная внешность Людвига: перед баварцами предстал высокий (1 метр 91 сантиметр^[31]) стройный голубоглазый красавец, словно сошедший с гравюры сказочный принц. Слухи о его скромности, образованности и трудолюбии добавили привлекательных черт в этот портрет. Людвиг провозгласили *подлинным королем*, что соответствовало взлелеянной им мечте об «идеальном правителе и обожающих его подданных». И вот уже неуверенность в себе и некоторая нерешительность сменились величавостью и спокойным достоинством.

Но, стараясь быть «хорошим королем» в том смысле, какой он вкладывал в это понятие, Людвиг не учел интересов высших сановников государства, которым не по сердцу пришлась та быстрота, с коей юный монарх вошел во вкус королевской власти. Очень скоро стало понятно, что, несмотря на молодость и отсутствие опыта, Людвиг обладает сильным характером и не позволит сделать из себя послушную марионетку царедворцев. «Почувствовав с большим неудовольствием, что в лице Людвигу приходится иметь дело с человеком очень своеобразным, придворная клика должна была отказаться от соблазнительной возможности расширить свое влияние за счет молодости и неопытности короля и начала против него глухую, но систематическую борьбу, еле заметную вначале, но мало-помалу окружившую все его стремления и начинания атмосферой вражды и сопротивления»^[35], — пишет В. Александрова.

Чувствительная натура Людвигу мгновенно уловила атмосферу фальши и скрытой враждебности официального двора. Он стал стремиться выкраивать время, чтобы хоть ненадолго уехать из Мюнхена и отдохнуть на лоне природы в любимом Хоэншвангау или Берге (Berg) на Штарнбергском озере^[32], который король частично перестроил по своему вкусу. Отдохнуть в одиночестве, не будучи стесненным дворцовым этикетом, который он не без оснований считал пустым притворством.

Здесь необходимо сразу отметить одну особенность личности молодого короля. Сказать, что он избегал придворных церемоний, потому что они были ему в тягость, значит совершить ошибку. Как мы уже говорили, Людвиг с детства знал, что он будет королем, «королем-солнце»,

и считал поклонение себе чем-то само собой разумеющимся. Более того, он любил принимать почести. Но почести искренние! Подданные должны были априори любить своего короля. А вот если этой любви нет, тогда лучше уж одиночество, чем лицемерие, которое Людвиг, можно сказать, физически не выносил и если замечал, то впадал в гнев. Он всегда жил по принципу «или всё, или ничего». К сожалению, такой максимализм совершенно противопоказан политикам. Особенно королям.

Однако при всём этом Людвиг с первых дней своего царствования твердо знал, что ему выпал великий шанс изменить мир к лучшему, заставить его служить идеалам добра и красоты. Эфемерная утопическая мечта? Да, для любого обычного человека. Но не для короля! Людвиг верил, что первое лицо в государстве способно подать пример, которому последуют его подданные. Короли испокон веков были законодателями мод. Неужели человечество до сих пор не способно принять «моду на идеал», идеал во всём — в искусстве, в морали, в отношениях друг с другом, идеал без компромиссов? И пусть борьба за него будет заведомо проиграна — зато монарх полностью выполнит свой *королевский долг* перед потомками, завещанный ему далекими предками. Пусть Чаша Грааля недоступна, но стремиться к ней — *священный рыцарский долг* любого настоящего рыцаря. Бедный наивный мечтатель... Хотя почему бедный? Он жил в полном согласии со своей совестью, а это дорогого стоит. Особенно для короля.

Первым средством для изменения мира Людвиг избрал театр. И это было не случайно — в Баварии вообще особое отношение к театру имеет давнюю традицию. Причем это относится абсолютно ко всем слоям населения — от беднейшего крестьянина до короля. В. Александрова констатирует: «В Баварии не только в верхних ее слоях, но и в самых глубинах народных увлечение сценой имеет свою длинную и сложную историю. Виттельсбахи всегда очень интересовались театром и щедро поддерживали его, и с этой стороны влечение Людвиг было очень естественно. Но у него оно перешло в настоящую страсть, которая заняла большое место в его жизни»^[36]. Для истинного баварца театр сродни религии. И чтобы не быть голословными, позволим себе небольшое отступление.

Не только в настоящее время, но и во времена Людвиг II мало кто обращал бы внимание на Обераммергау (Oberammergau) — одну из многочисленных деревень у подножия Баварских Альп, если бы не представления «Пассионспиле» («Passionsspiele»), не имеющие аналогов в мире. А началось всё еще в 1633 году, когда в Баварии разразилась

эпидемия «черной смерти» — чумы. Жители Обераммергау дали обет: если чума обойдет их деревню стороной, они будут каждые десять лет на Пасхальную неделю исключительно своими силами давать самодеятельные спектакли на тему Страстей Христовых. Ни один человек в Обераммергау не заболел чумой, и жители деревни стали честно исполнять обет. Спектакли давались прямо под открытым небом (лишь в 1930 году был построен специальный театр). Согласно традиции, сегодня, как и 100, и 200 лет назад, представление длится около шести часов; в нем принимают участие около 1400 актеров-любителей, причем все они местные жители: резчики по дереву, пекари, пастухи, строители, — либо члены их семей. Со временем эти спектакли получили такую известность, что на них стали съезжаться зрители со всего мира^[33].

Во времена Людвига II Страстной фестиваль в Обераммергау (так впоследствии стали называть это действо на Пасхальной неделе) уже приобрел повсеместную славу.

Медаль в честь вступления на престол короля Людвига II

Такой заядлый театрал, как король, не мог упустить шанс и не побывать на знаменитом представлении. Оно буквально потрясло Людвига, пришедшего в восторг от увиденного. Однажды в разговоре о мистериях Обераммергау Людвиг обмолвился, что и сам бы с удовольствием принял в них участие, взяв на себя роль Христа...

В благодарность за доставленное эстетическое наслаждение король повелел передать в дар деревне памятник — скульптурную группу

«Распятие». На высоком холме над живописной долиной был водружен белоснежный мраморный крест с фигурой Спасителя и оплакивающими Его у подножия Девой Марией и Иоанном Богословом. На постаменте высечена надпись на немецком и английском языках: «23 сентября 1871 года король Людвиг посетил спектакль «Страстного фестиваля» в Обераммергау. Представление «Страстей Христовых» так потрясло его, что он решил в честь этих спектаклей возвести монументальное Распятие. Два года работал архитектор профессор Хальбиг^[34] из Мюнхена над памятником, который 2 августа 1875 года был отправлен и 16 августа доставлен в Обераммергау. Двумя месяцами позже, 15 октября 1875 года, памятник был освящен архиепископом фон Шерром^[35]. Короля представлял на торжествах барон фон Ла Рош^[36]».

И непосредственно сам Страстной фестиваль, и скульптурная группа «Распятие» — наглядные свидетельства того, как религия и искусство сплелись в сознании баварцев. Жители Обераммергау в благодарность за свое спасение не стали строить новую церковь, не заказывали многочисленные благодарственные молебны — они создали спектакль, переживший века! Значит, театральное искусство способно будить религиозные чувства. Король Людвиг испытал это на себе и увековечил в памятнике.

Из твердого убеждения Людвиг, что искусство может и должно возвышать публику, словно месса, следовал вывод: оно не имеет права потрафлять вкусам пошлой необразованной толпы, ибо это воистину сродни богохульству. Настоящий воспитатель должен поднимать воспитанника до своего уровня, а не опускаться до его слабостей. Но чтобы ученик был в состоянии воспринимать уроки наставника, необходимо сначала победить в нем косность и безвкусице, а затем повести за собой к высоким идеалам.

Апостол этой «новой религии» был королем уже найден!

К моменту начала своего царствования Людвиг II не только знал о существовании композитора Рихарда Вагнера, но и был немного знаком с его философско-эстетическими взглядами, которые полностью разделял. А в «Лоэнгрине» — оперном воплощении образов «лебединых рыцарей» из любимого Хоэншвангау — он нашел соответствие всем своим чаяниям и идеалам. Что же говорить о его создателе? Вот он, тот реальный человек, который способен понять и разделить взгляды короля. Лишившийся отца и сразу же облеченный высшей государственной властью, Людвиг с удвоенной силой жаждал поддержки родственной души. С того момента,

когда Людвиг впервые услышал вагнеровский шедевр, его главной задачей стало найти и приблизить к себе композитора.

Мы не будем останавливаться на перипетиях биографии Рихарда Вагнера, коснемся лишь того периода его жизни, который был теснейшим образом связан с Людвигом II. Считается, что Людвиг узнал о существовании Вагнера 25 августа 1861 года, в день своего шестнадцатилетия, когда в театре впервые услышал «Лоэнгрина». Однако многие источники, вызывающие безусловное доверие, называют другую дату знакомства с «Лоэнгрином» — 2 февраля 1861 года. Мы допускаем, что музыку Вагнера Людвиг действительно впервые услышал именно тогда. Что же касается самого композитора, то к тому времени он был уже достаточно известен; Людвиг, страстно увлекавшийся театром, просто не мог ничего не знать о немецком гении. Существует признание самого короля — правда, написанное им позднее, — что он познакомился сначала не с музыкой Вагнера, а с его философско-литературными трудами. И случилось это не позднее 1860 года.

«Я читал, перечитывал и чувствовал себя совсем очарованным! Да, это было совершенно то, что я понимал в задаче искусства! Это именно то слияние поэзии с музыкой, которое должно проявить искусство будущего! [37] И это принадлежало человеку, чувствовавшему в себе силу создать нечто такое возвышенное, такое чудесное! Это чувствовалось в его словах, которые низвергались потоком лавы, которые должны были привести к доброму концу избранное им призвание, потому что *он владел тою печатью гения, которая идеал превращает в действительность* (курсив наш. — М. З.). И у этого героя духа были связаны крылья; презренные препятствия мешали его небесному полету и приковывали его к земле! Он искал человека, который имел бы возможность и желание помочь ему... Вскоре после того я услышал «Лоэнгрина»... Воспитанный в Hohenschwangau, я в плоть и кровь воспринял эту легенду рыцаря-лебедя, полную такой невыразимо поэтической прелести! Сколько раз, сидя во дворе замка под цветущими липами, осенявшими образ Богоматери, я мечтал об этой легенде. Сколько раз в своих мечтах я видел этого рыцаря, плывущего по воде со своим верным лебедем. Тут я нашел мечты моего детства, мои фантазии юноши олицетворенными чудным образом. И они, эти столь знакомые мне образы, говорили мне в опьяняющих меня звуках, как сладкий аромат цветущих лип... Как мы стали друзьями, друзьями в самом возвышенном, идеальном смысле этого слова, которым так злоупотребляли, знает свет. И этот свет, который я никогда не любил, делает то, что я все более и более удаляюсь от него в себя самого и в тот

маленький кружок людей, которые думают как я, которые понимают нашу дружбу... Бог в своей благодати дал мне радость найти возможность осуществить планы моего дорогого друга и быть для него в самом маленьком размере тем, чем он был для меня в бесконечном»^[37].

Волею случая из произведений Вагнера Людвиг впервые услышал именно «Лоэнгрина». С «лебединым рыцарем» он ассоциировал себя с детства, и это событие оставило в юной душе кронпринца такой неизгладимый след, что, пожалуй, день знакомства с «Лоэнгрином» действительно можно считать «днем рождения» того Людвиг, каким он станет впоследствии. А 22 декабря 1861 года кронпринц присутствовал на спектакле «Тангейзер», после чего гений Вагнера уже окончательно и навсегда завоевал его сердце.

Что же касается родства душ, то А. Медведев и Т. Новиков^[38] точно подметили: «И композитор, и король *сознавали бесплодность своих усилий быть понятыми современниками, они творили для вечности* (здесь и далее курсив наш. — М. З.). Вагнер много размышлял о трагедии артиста в современном мире. Для него юный король явился живым воплощением легендарного Лоэнгрина. И сам Людвиг II чувствовал, что он, подобно пришельцу из мифа, осужден на исчезновение, если не встретит непогрешимой веры в абсолютную красоту, которая одна только может возвысить до его чувств прозу окружающей жизни. Увы! В этом мире такой веры нет. *Познавшие высшую любовь, посвященные служению красоте обречены до конца дней сохранять самый высокий вид эгоизма — сознание своей избранности*. Мир грубо мстит идеалистам, опровергающим своей жизнью стойкое убеждение, будто есть только одно божество, достойное изваянья и молитв, — золотой телец. Только родственные души, способные понять, почувствовать, поверить, что есть миры, где существует то, чего не может быть в мире низменной жизни, — только они способны оказать поддержку друг другу и дать надежду»^[38].

Ведь и для Вагнера, измученного нападками критиков и вечно нуждающегося в материальных средствах, был необходим человек, который понял бы его искусство и поклонялся бы ему беззаветно, словно божеству. Насколько Людвигу был необходим Вагнер, настолько и Вагнеру был необходим Людвиг. Позволим себе лишь в одном не согласиться с авторами процитированного выше высказывания: в начале дружбы короля и композитора объединяла вера — у одного, еще незамутненная жизненными разочарованиями, у другого — сперва утраченная, но вновь обретенная — в то, что их усилия не пройдут даром, что победа Высокого

искусства возможна и даже близка.

Живший в мире собственных грез, с детства воображавший себя шванриттером — «лебединым рыцарем»^[39], предпочитавший одиночество любому самому блестящему обществу король тем не менее искал в реальной жизни того, кто мог бы поддержать и понять его натуру, кого мы сейчас назвали бы духовным учителем или гуру. Сам по себе поиск поддержки такого рода, безусловно, говорит о слабости или же глубоком отчаянии. Это — неосознанное желание найти защиту, стремление опереться на сильное плечо или столь же неосознанное бегство от одиночества, им же самим поднятого на пьедестал в реальной жизни: «И всё же я такой не один».

Сначала поиски родственной души привели Людвига к Елизавете Австрийской^[40]. Ее упорно называют кузиной Людвига, но их родственные связи намного сложнее. Дед Елизаветы по материнской линии Максимилиан I (1756–1825) был женат дважды. От брака с Вильгельминой Гессен-Дармштадтской (1765–1796) у него родились пятеро детей, в том числе Людвиг, дед нашего героя. Вторая супруга Каролина Баденская (1776–1841) произвела на свет шестерых детей, в том числе Людовику (1808–1892), мать Елизаветы. Итак, дед Людвига II и мать Елизаветы Австрийской — единокровные брат и сестра. Таким образом, Елизавета Австрийская приходилась Людвигу II двоюродной теткой.

Может показаться странным, что в книге, посвященной Людвигу II, не уделено много внимания Елизавете Австрийской — на первый взгляд одной из наиболее значимых фигур в его жизни. Всё дело в том, что она была для Людвига таким же фантомом, как, к примеру, Лоэнгрин, с той лишь разницей, что король встречался с ней в реальной жизни, а не в своих мечтах. За идеальным образом, созданным в его воображении, он не видел живую женщину, не замечал ее недостатков, вознося свою «Галатею» чуть ли не до небесной святости. Мечтательной натуре Людвига вообще было свойственно принимать желаемое за действительное. Он видел в Елизавете воплощение Идеальной Женщины, но никак не объект для любовных переживаний.

Тем не менее многие биографы баварского короля и художники, обращающиеся к истории его жизни (в частности, уже упоминаемый нами Лукино Висконти), упорно считают их отношения любовными: Людвиг якобы полюбил свою прекрасную двоюродную тетушку, которая была восемью годами его старше; та была бы рада ответить ему взаимностью, но жизненные обстоятельства — Сиси вышла замуж за австрийского

императора — сделали союз влюбленных невозможным, и эту трагедию каждый из них переживал всю последующую жизнь, так и не обретя счастья.

Но на самом деле всё было далеко не так просто.

Для начала сразу отбросим саму возможность существования любовного треугольника Людвиг II — Сиси — Франц Иосиф. Во-первых, императрица действительно очень любила своего двоюродного племянника, но как мать или старшая сестра, чувственности в ее отношении не было. Во-вторых, в год замужества Елизаветы Людвигу исполнилось лишь девять лет. Ее брак с австрийским императором никак не мог нанести племяннику, еще ребенку, серьезную сердечную рану. Некоторые источники вообще считают, что Людвиг и Елизавета познакомились в 1864 году. Однако эта дата вызывает большие сомнения; гораздо более правдоподобной является версия, что Елизавета была наперсницей детских игр Людвига. Стало быть, если принять версию о любви Людвига к тетке всерьез, то придется признать, что, повзрослев, он воспылал страстью к давно замужней женщине. Если бы речь шла о ком-то другом, то в данном обстоятельстве не было бы ничего невозможного. Но только не по отношению к Людвигу! Его набожность временами доходила до экзальтации. Он просто не мог позволить себе преступить Божьи заповеди (в свое время мы вернемся к этому вопросу). Таким образом, можно сделать вывод, что и со стороны Людвиг II любовь к Елизавете также носила исключительно духовный, но никак не плотский характер: сначала мальчик любил в ней «прекрасную фею из сказки», затем юноша увидел в дальней родственнице единственную близкую душу.

Итак, любовь Людвиг к Елизавете и Елизаветы к Людвигу — это взаимная привязанность двух одиноких сердец, не находивших понимания в своем окружении, а потому так страстно стремившихся к обществу друг друга. Это была дружба в самом высоком смысле слова. Поистине, иногда дружба бывает сильнее любви! Они были, можно сказать, *одинаковыми*: вкусы, пристрастия, отношение к жизни и людям — всё роднило их и позволяло общаться, понимая друг друга с полуслова. Ни тот, ни другая не могли больше никому открыться с такой полнотой, не опасаясь насмешек или холодного осуждения. Оба жили скорее в мире своих фантазий, чем в реальности, и борьбу за собственную свободу также вели, как умели, будучи не в состоянии смириться с жестким и неумолимым диктатом двора. Ведь Людвиг был королем, Елизавета — императрицей, что делало их самыми несвободными людьми в государстве. А невозможность быть вместе — это не столько трагедия разлученных Ромео и Джульетты,

сколько окончательный приговор о полном душевном одиночестве.

Возможно, последующее неприятие Людвигом женщин кроется в невозможности найти ни в одной из них вторую Елизавету — его идеал и духовной, и физической красоты, совершенство во всех отношениях. Если бы Сиси не было в его жизни, он, может быть, и нашел бы счастье с женщиной, более или менее напоминающей этот идеал, хотя бы с принцессой Софией, младшей сестрой австрийской императрицы^[41]. Однако сам факт существования Елизаветы доказывал Людвигу, что идеал возможен не только в мечтах, но и в действительности, только недостижим именно для него. А те, для кого достижим, не в состоянии это понять и должным образом оценить. Вот она — разверстая бездна отчаяния из-за ощущения несовершенства мира, крушения всех надежд...

Неужели больше ни в ком и никогда Людвиг не найдет понимания и сочувствия? Ведь должен же где-то быть человек, близкий ему по духу, носитель самых дорогих для его ученика идеалов, которые тот страстно желает воплотить в жизнь.

И вновь мы возвращаемся к Вагнеру. Именно он стал для Людвига таким духовным наставником. Его музыкальные драмы^[42] воплотили тот мир, в который король всей душой стремился убежать от действительности — либо преобразовать действительность по его образу и подобию. Герои Вагнера — это сам Людвиг, различные стороны его личности. Он и Лоэнгрин, и Зигфрид, и Тристан, и Тангейзер, и Летучий Голландец... Вагнер сумел увидеть, постичь и воплотить все грани его души. Значит, Вагнер — божество. И это божество понимает его, одинокого; с Вагнером можно открыто говорить обо всём. При этом Вагнер, будучи композитором, обращается не столько к рациональному, сколько к эмоциональному началу. Вместе с Вагнером они смогут воплотить их общие идеалы.

Идеальный просвещенный монарх во главе доброго преданного просвещенного народа... Кто только не попадался в ловушку этой прекрасной утопической мечты! Отдал ей дань и сам Вагнер... Но как бы там ни было, именно приближение ко двору «великого Рихарда» стало первым наиважнейшим делом молодого монарха.

Глава вторая

ЛУННАЯ СОНАТА

В течение своей бурной беспокойной жизни Вагнер никак не мог достичь счастливого безбедного существования, к которому отчаянно стремился. Положение лишь ухудшалось. «С новым 1864 годом дела мои стали принимать всё более серьезный оборот. <...> Пока же не оставалось ничего другого, как подписывать новые векселя для погашения старых, выданных на короткие сроки. Такая система очевидно и неудержимо вела к полному разорению, и выход из нее могла дать только своевременно предложенная, основательная помощь»^[39].

Столь безрадостным, а главное, бесперспективным положение Вагнера не было уже давно. Никакой «своевременной и основательной» помощи ждать ни от кого не приходилось. Растущие долги стали угрожать самой свободе Вагнера; он решил бежать. Выбор пал на Швейцарию, этот оплот спокойствия и стабильности. Но окончательно измученный постоянной тревогой о будущем (с приходом весны композитора стали даже посещать мысли о смерти), он решил не торопиться с достижением конечной цели своего вынужденного путешествия, а постараться получить от него максимальное удовольствие и успокоить расшатанные нервы.

«Я уехал 23 марта после обеда и направил свой путь в Мюнхен, где рассчитывал, не uznанный никем, отдохнуть два дня от ужасных волнений последнего времени. Остановившись в отеле Bayerischer Hof^[43], я совершил несколько прогулок по улицам Мюнхена. Это было в Страстную пятницу. Стояла холодная суровая погода, и весь город, жители которого двигались в глубоком трауре из церкви в церковь, был, казалось, охвачен настроением этого дня. Незадолго перед тем (10 марта. — М. З.) умер пользовавшийся такой любовью в Баварии король Максимилиан II, оставив трон своему юному, способному уже занять престол восемнадцатилетнему сыну. В одной из витрин я увидел портрет молодого короля Людвига II, и вид этого юного лица тронул меня тем особенным чувством участия, какое возбуждают в нас в тяжелых условиях жизни молодость и красота»^[40].

Сама судьба привела Вагнера в Мюнхен в первые дни царствования нового монарха — поистине, это был знак свыше. Но тогда, не придав баварским событиям особого значения и не теряя более время, композитор продолжил свое путешествие и направился в Штутгарт.

Именно здесь вечером 3 мая, находясь в гостях, композитор получил «в довольно поздний час карточку какого-то господина, называвшего себя «секретарем короля Баварии»: «Очень неприятно пораженный тем, что местопребывание мое в Штутгарте уже стало известно проезжающим, я велел сказать, что меня нет, и вскоре после того вернулся к себе в гостиницу»^[41]. Вагнер не без оснований опасался, что его ищут кредиторы...

Именно так начался новый этап в жизни Рихарда Вагнера, определивший не только его дальнейшую жизнь, но и жизнь баварского короля Людвига II.

Дело в том, что тотчас же по вступлении на престол Людвиг послал своего доверенного человека, кабинет-секретаря Франца фон Пфистермайстера^[44], чтобы тот разыскал и пригласил в Мюнхен Рихарда Вагнера. Пфистермайстер и был тем самым человеком, «называвшим себя секретарем короля Баварии». Кабинет-секретарю пришлось очень постараться, чтобы выполнить приказ своего короля и найти скрывающегося от кредиторов композитора. Пфистермайстер передал Вагнеру письмо от Людвига II вместе с подарками — его портретом и кольцом. «В немногих, но проникших в самую глубь моего сердца словах монарх выражал восхищение моей музыкой и свое твердое намерение отныне в качестве друга избавить меня от гонений судьбы»^[42], — вспоминал Вагнер.

Кроме того, Пфистермайстер сообщил, что король желает видеть композитора немедленно и что на следующий же день они отбывают в Мюнхен. Жизнь Вагнера резко повернулась на 180 градусов. В это же самое время управляющий Мюнхенским королевским придворным и национальным театром барон фон Галль^[45] сообщил Вагнеру, что «Лоэнгрин» (еще один знак свыше — именно «Лоэнгрин»!) принят к постановке, и тут же вручил причитающийся автору гонорар. «В пять часов вечера, — пишет Вагнер, — я встретился на вокзале с Пфистермайстером, чтобы вместе с ним отправиться в Мюнхен. Туда было дано знать по телеграфу о нашем приезде на следующее утро. В тот же день я получил из Вены письма, самым настойчивым образом отговаривавшие меня от намерения вернуться туда. Но ужасам этого рода больше не суждено было повторяться в моей жизни. Путь, на который судьба призывала меня для высших целей, был полон опасностей, никогда не был свободен от забот и затруднений совершенно неизвестного мне до сих пор характера. Но под защитой высокого друга бремя пошлых жизненных невзгод никогда больше

не касалось меня»^[43].

Это последние строки вагнеровских воспоминаний, озаглавленных «Моя жизнь». В том, что Вагнер завершил свои знаменитые мемуары именно так, возможно, кроется глубокий символический смысл. Вагнер начал диктовать автобиографию своей будущей жене Козиме 17 июля 1865 года, в самый пик отношений с Людвигом II, а закончил работать над ней через 15 лет, когда достиг предела своих мечтаний и был занят созданием своей «лебединой песни» — «Парсифаля». Встреча с королем действительно воспринималась им как освобождение от прошлой жизни и начало жизни совершенно новой, окончательный водораздел между «революцией снизу», мечты о которой композитор лелеял во времена Дрезденского восстания, и «революцией сверху», исповедуемой им ныне благодаря дружбе с королем.

В этом отношении очень показательна статья «О государстве и религии», написанная Вагнером в августе 1864 года. В ней окончательно утверждается идея, что только воля идеального монарха, благородного и просвещенного, сможет возродить страну и в едином патриотическом порыве привести ее к торжеству духа. Эта статья, вдохновленная знакомством с молодым королем, — наглядная демонстрация того, что «бывший революционер» воскрес для новой, *романтической* борьбы, увы, изначально обреченной на поражение...

Именно Людвиг II воскресил в Вагнере веру в то, что грандиозные мечты о перевоспитании мира могут быть воплощены в реальности. Ведь имея в лице короля преданного покровителя, можно было надеяться *возвести высокое искусство в ранг закона*, во всяком случае, высшие сановники обычно подобострастно следуют пристрастиям своего монарха. Значит, высший свет Баварии будет исповедовать идеалы Вагнера! Следовательно, композитор сразу получает в свое распоряжение целое государство. Повторим, Вагнер надеялся, что можно воспитать вкус публики «в одной отдельно взятой стране» и уже из Баварии свет истинного искусства распространится сначала на всю Германию, а затем и на весь мир. «Утопия!» — отчаивался Вагнер до встречи с Людвигом II. «Реальность!» — поверил он после этой встречи.

Их союз можно было бы назвать идеальным, если бы не одно «но». Людвиг действительно был предан Вагнеру беззаветно, всем сердцем, не заботясь о том, что такая преданность может быть ему во вред. Другими словами, его отношение к композитору носило яркий эмоциональный характер. У Вагнера же довольно быстро первые восторги от встречи с родственной (и, что немаловажно, способной оказать существенную

материальную поддержку) душой переросли в рациональное осознание выгод, которые этот союз мог бы ему принести.

При этом будет большой ошибкой, свидетельствующей о полном непонимании личности Людвига, считать, что он покровительствовал Вагнеру. В материальном плане — да, но в эмоциональном — скорее, наоборот, композитор снисходил до короля, владыка вечного идеального мира снисходил до владыки мира бренного.

Судьбы двух этих людей оказались настолько связаны между собой, что можно с уверенностью сказать: ни один из них не стал бы тем, кем стал, без другого. Рисуя психологический портрет короля, невозможно не остановиться на отношениях Людвига и Вагнера более подробно, тем более что, разобравшись в них, мы обретем ключ к пониманию личности Людвига в целом.

Итак, король обещал оказать композитору самое радушное гостеприимство и широкую материальную поддержку. Вот она, та «своевременно предложенная, основательная помощь», о которой Вагнер тщетно мечтал в тяжелые дни бегства от кредиторов, находясь на грани отчаяния, устав от бесконечных нападков критики, не встречая понимания среди театральных деятелей, которые намеренно искажали идеи его произведений, и певцов, занятых лишь личным успехом у публики в ущерб цельности общего впечатления. (Надо сказать, что Людвиг II помимо всего прочего единовременно уплатил все долги композитора, таким образом, полностью избавив его — правда, лишь на время — от преследований кредиторов!)

Эпохальное событие состоялось 4 мая 1864 года. Встретились юноша-монарх и умудренный жизнью гений-композитор; один был полон радужных надежд, другой давно утратил прежние иллюзии; один наугад стремился к несбыточной мечте, другой слишком хорошо представлял себе, что хотел бы получить от жизни. И вместе с тем они нуждались друг в друге и встретились именно тогда, когда эта нужда стала особенно острой. «Судьбе угодно было, чтобы Вагнер указал неопределенному влечению Людвига к прекрасному и возвышенному совершенно определенное гармоническое содержание и наметил ближайшую цель для деятельности короля, а Людвиг II помог Вагнеру в его сложных композиторских стремлениях, в его революционной работе под флагом новых музыкальных идей»^[44], — констатирует В. Александрова.

Мы уже говорили, что эту необычную дружбу короля и композитора невозможно по-настоящему понять вне контекста личностей обоих. Впоследствии только ленивый не будет обвинять Вагнера в том, что он

цинично воспользовался благосклонностью экзальтированного «монарха не от мира сего», направо и налево тратил огромные средства, которые тот в силу умственной ограниченности ему предоставлял, и совершенно не ценил духовную составляющую их отношений. (Версию об якобы имевшей место гомосексуальной подоплеке событий мы даже не будем рассматривать ввиду ее полной абсурдности; нужно совершенно не знать Вагнера, чтобы брать во внимание подобный бред.) Так что же было в действительности?

Можно сказать, что 4 мая 1864 года встретились не просто два романтика, а два *последних романтика*. У них была одна цель — вернуть в пошлый мир ускользающие идеалы романтизма. Но поодиночке им это было сделать невозможно. Людвигу II нужен был духовный лидер и направляющий, а Вагнеру для осуществления эпохальной реформы, касающейся не только искусства, но и всего человечества, необходим был высокий покровитель, который содействовал бы ему в преодолении трудностей, в первую очередь материального характера. В свое время в предисловии к «Кольцу нибелунга» Вагнер в отчаянии восклицал: «Найдется ли государь, который поможет мне поставить на сцене мои произведения?» Людвиг же как раз и считал, что, поддерживая Вагнера, он исполняет свою духовную миссию по переустройству мира. Вот почему впоследствии Вагнер признавал, что «Кольцо нибелунга» и «Парсифаль» настолько же творения Людвига, насколько и его самого.

С первой же встречи Людвиг устранил между ними всякую официальность, подчеркивая тем самым, что по отношению к Вагнеру является не королем, а поклонником его таланта, помощником и, главное, другом. Вскоре он пригласил Вагнера в Хоэншвангау — должен же был композитор увидеть воочию замок своего Лоэнгрина! (До сегодняшнего дня один из наиболее знаменитых экспонатов замка, часть которого превращена в музей, — фортепьяно, на котором Вагнер играл для короля свою музыку в дни пребывания в Хоэншвангау.)

Сумел ли Вагнер оценить прекрасные порывы души молодого короля? Безусловно. Об этом свидетельствуют его письма того периода. Вообще, читая переписку Людвига II и Вагнера, невольно начинаешь с грустью думать, что понятие высокой романтической дружбы навсегда ушло из нашего мира вместе с титанами духа XIX века.

Вагнер чувствовал себя по-настоящему окрыленным. Он словно не верил — боялся поверить, — что подобное случилось с ним наяву, а не во сне, что после всех треволнений и страданий он вдруг словно попал в сказку. И требовал от всех своих корреспондентов подтверждения, что

случившееся с ним происходит наяву.

Так, 4 мая 1864 года сразу же после первой встречи с Людвигом II Вагнер писал Элизе Вилле^[46], своему последнему другу «из прошлой жизни»: «Я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не поделился с Вами моим безграничным счастьем! Вы знаете, что молодой баварский король призвал меня. Сегодня меня представили ему: *он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон* (курсив наш. — М. З.)! Он любит меня с сердечностью и пылом первой любви. Он знает обо мне всё и понимает меня и мою душу. Он хочет, чтобы я навсегда остался возле него, работал, отдыхал, ставил на сцене свои произведения. Он хочет дать мне для этого всё, что нужно. Я должен окончить «Нибелунгов» — он намерен поставить их так, как я хочу. Я должен быть неограниченным господином самого себя, не капельмейстером; я должен быть самым собой и его другом. И это всё он понимает так же строго и точно, как если бы мы с Вами говорили на эту тему. У меня не будет никакой нужды, у меня будет всё, что необходимо, лишь бы я остался при нем. Что скажете Вы на это? Что? Слыхано ли это? Неужели это не сон? Представьте себе только, как я тронут! Мое счастье так велико, что я совсем им подавлен. Об очаровании его глаз Вы не можете иметь никакого представления! Если бы только он жил — он слишком хорош для этого мира!...»^[45] Пророческие слова!

Людвиг II предоставил в распоряжение Вагнера усадьбу Пеллет (Pellet), расположенную близ Берга. Очень любивший замок своего детства Хоэншвангау, став королем, он полюбил и Берг, где провел счастливейшие дни своей жизни. В первую очередь замок был удобен из-за близости к Мюнхену (ведь с государственной точки зрения если монарху и можно отлучаться, то в места «в пределах досягаемости» столицы). Людвиг мог удаляться сюда по первому своему желанию, тогда как переезд в Хоэншвангау, а впоследствии в Нойшванштайн и Линдерхоф сопровождался немалыми трудностями и затратами. В Берге Людвиг бывал практически постоянно, поэтому неудивительно, что сразу по приезде Вагнера в Мюнхен Людвиг поселил своего кумира именно вблизи королевского замка. Композитор жил в Пеллете с 14 мая по 7 октября 1864 года.

Двадцатого мая 1864 года Вагнер писал еще одному своему другу, великому певцу Людвигу Шнорру^[47]: «Дорогой Шнорр! Поверьте мне, мой идеал нашел свое воплощение. Нельзя себе и представить чего-либо более

прекрасного, более совершенного... Юный король, весь проникнутый духовностью, человек с глубокою душою и невероятной сердечностью, открыто, пред всеми, *признаёт меня своим единственным, настоящим наставником!* (Здесь и далее курсив наш. — М. З.) Он знает мои музыкальные драмы и литературные работы. Кажется, никто не может сравниться с ним в этом отношении. *Он является моим учеником в такой мере, как, может быть, никто другой, и чувствует себя призванным осуществить всемои планы, какие только могут быть осуществлены человеческими усилиями.* К тому же он обладает всей полнотою королевской власти. Над ним нет опекуна, он не подчиняется ничьему влиянию и так серьезно и уверенно ведет правительственные дела, что все видят и чувствуют в нем настоящего короля. То, что я нашел в нем, нельзя выразить словами. И увлекательная прелесть наших ежедневных встреч всё больше и больше убеждает меня в том, что судьба сотворила для меня невероятное чудо. Итак, относительно всего этого — ни тени сомнения. У меня нет никаких титулов, никакой должности, никаких обязательств. Я только Рихард Вагнер. Король вполне разделяет мое презрение к театру, особенно к опере. Как и я, он знает, что только выдающиеся постановки могут изменить к лучшему общее положение вещей. И заняться этим делом при таких благоприятных обстоятельствах зависит всецело и исключительно от меня. Поэтому *мы разработали* план совершенной, по возможности, инсценировки «Тристана». Назначить день этой постановки мы предоставляем Вам...»^[46]

Из Пеллета Вагнер писал пианистке Марии Мухановой-Калержи^[48]: «В моей жизни произошел совершенно неожиданный, невероятно прекрасный поворот. Я погибал. Все попытки вырваться из печального положения кончались неудачно. Какая-то странная, почти демонская сила разрушала всё, что я ни задумывал. Я принял решение скрыться от мира и отказаться в будущем от всяких художественно-артистических планов. В те дни, когда во мне назревало такое решение, молодой баварский король, только что вступивший на престол, велел искать меня там, где я в этот момент не находился. Наконец, посланный королем нашел меня в Штутгарте и привез к нему. Что мне сказать Вам? То, о чем я даже в мечтах и помыслить не мог, то единственное, что могло спасти меня, стало реальной правдой. Я свободен, я могу обрабатывать свои художественные произведения, могу творить и думать о совершенных сценических постановках. Опять я приступил к «Нибелунгам», к осуществлению всего моего плана. В этом чудесном юноше мое искусство нашло свое живое

воплощение: он — «мое отечество, моя родина, мое счастье»!»^[47]

А вот письмо, адресованное Элизе Вилле, от 26 мая 1864 года: «...Я живу в десяти минутах езды от него... Восхитительное общение! Никогда еще не приходилось мне встречать в такой чудной непосредственности подобное стремление поучаться, подобную способность понимать и горячо переживать усвоенное... Всё, что мы оба глубоко презираем, идет своим путем, далеко от нас. Мы не считаемся ни с чем. *Мое необычайное влияние на душу короля может привести только к добру, а никак не ко злу. С каждым днем всё в нас и кругом нас становится прекраснее и лучше* (курсив наш. — М. З.)»^[48].

Что касается «влияния на душу короля», оговоримся сразу: одним из самых распространенных обвинений в адрес Вагнера, которого даже называли «злым духом короля», было как раз то, что он, используя свое неограниченное влияние на Людвига II, вмешивался в политические дела государства, и оно не соответствует действительности. Во-первых, Вагнер к тому времени был уже очень далек от политики, времена его бурной «революционной» молодости миновали. Если же он и заговаривал с королем о каких-то политических моментах, тот, как отмечают большинство мемуаристов, начинал нарочито громко насвистывать и смотреть в окно, словно уносясь мыслью куда-то далеко. Во-вторых, Людвиг II, опять же вопреки распространенному мнению, был слишком самостоятельным в государственных вопросах и никого не допускал к их решению. К тому времени он уже стал королем в полном смысле слова. Кстати, тот же Вагнер отмечает: «...один из близких друзей короля уверял меня, что он бывает строг и непреклонен в государственных делах, чтобы не позволить себе поддаться чьему-либо влиянию, отстаивая для себя полную свободу»^[49]. Вагнер был для Людвига «царем и богом» только в «царстве духа и высокого искусства».

В свою очередь Вагнер, отдавая дань уважения монарху, написал к его девятнадцатилетию «Марш присяги на верность» (Huldigungsmarsch Esdur). Таким образом композитор своеобразно поклялся, что не оставит короля в их общем деле переустройства мира. Но воплощать столь глобальный проект нужно было постепенно: до влияния на всё человечество было еще далеко, в их распоряжении находилась лишь ничтожная его часть — мюнхенская публика.

Для начала Людвиг решил собрать вокруг себя и Вагнера лучшие исполнительские силы Германии. Как долго Вагнер мечтал об этом, почти никогда не удовлетворенный певцами и музыкантами, исполнявшими его

произведения! Пожалуй, самым главным последствием встречи композитора и короля стало то, что Вагнер вновь воскрес не только для борьбы, но и для творчества. Он был полон новых планов: во-первых, поставить «Тристана и Изольду» в Мюнхене; во-вторых, вернуться к своему грандиозному замыслу «Кольца нибелунга», оставленному в период душевного кризиса.

Вагнер решил обратиться к Людвигу Шнорру с просьбой взять на себя партию Тристана в постановке Мюнхенского королевского придворного и национального театра. Кроме того, он пригласил приехать в Мюнхен Ганса фон Бюлова^[49], ставшего к тому времени одним из лучших дирижеров Германии. (Вскоре Бюлов получил должность придворного капельмейстера.) С ним Вагнера связывала многолетняя дружба — они были знакомы с 1846 года. Забегая вперед скажем, что отношения друзей ко времени описываемых событий сильно осложнились взаимным чувством Вагнера и жены Ганса Козимы, дочери Ференца Листа. Конечно же, приглашение Вагнером в Мюнхен этой супружеской четы последовало не только ради искусства... Во всяком случае, рождение третьего ребенка Козимы — дочери Изольды — произошло 10 апреля 1865 года. Этот ребенок долгое время будет носить фамилию фон Бюлов. Но на самом деле Изольда (1865–1919) — это первый ребенок Вагнера. Значит, именно в середине лета 1864 года Козима и Рихард перешли грань платонических отношений.

С приездом четы Бюлов Вагнер всецело отдался подготовке «Тристана и Изольды» к долгожданному сценическому воплощению. Чтобы поторопить Шнорра с принятием судьбоносного решения, 29 августа 1864 года композитор написал ему очередное письмо: «Дорогой друг! Время уходит, и мне очень хотелось бы знать что-либо определенное. Не можете ли в точности указать, какие месяцы будущего года Вы будете свободны?.. Юный король старается вдохнуть в меня бодрость. Он полон энтузиазма и непреклонной воли. Он делает экономию на всём, отказался от построек, начатых его отцом, и т. д., чтобы иметь возможность самым щедрым образом тратить средства на осуществление моих художественных замыслов (курсив наш. — М. З.)». Вспомним это утверждение, когда будем разбирать проблему «катастрофических трат» короля на Вагнера. «И когда, — продолжает Вагнер, — я вижу его дивную настойчивость, я невольно спрашиваю себя каждый раз: откуда же взять необходимые артистические силы? При этом меня охватывает сомнение, что лучше: напрячь ли средства, чтобы сотворить нечто необычайное, эпизодическое, или же задаться целью установить нечто организованное, нечто постоянное».

Появление идеи «театра одного композитора», которая впоследствии была осуществлена в Байройте, во многом является заслугой Людвига II. «При такой воле, как воля моего благородного короля, этого олицетворенного гения всех моих мечтаний, воле исключительной, верной, полной вдохновения, — признаётся Вагнер, — я совершенно теряю способность учесть все открытые предо мною возможности. Король очень любит Вас и желает только одного: иметь Вас здесь всегда. Он хотел бы, чтобы кроме «Тристана», были поставлены в образцовом исполнении и «Тангейзер», и «Лоэнгрин»...»^[50]

В свою очередь Людвиг, находясь в Хоэншвангау, 8 ноября 1864 года писал Вагнеру, месяцем ранее, 7 октября, переехавшему из Пеллета в Мюнхен на Бриннерштрассе (Briennerstraße), дом 21: «Здесь, в моем любимом Хоэншвангау, я счастливо провожу время; здесь царит умиротворяющее спокойствие; я много размышляю... У меня есть намерение отучить мюнхенскую публику от фривольных пьес, очистить ее вкус и подготовить ее к чудесам Ваших творений посредством исполнения в Придворном театре значительных и серьезных вещей Шекспира, Кальдерона, Гёте, Шиллера, Бетховена, Моцарта, Глюка, Вебера. Все должны проникнуться истинным значением искусства!»^[51]

1864 год в жизни и Людвига, и Вагнера можно смело назвать одним из самых счастливых. Людвиг полон сил и смелых планов, его кумир готов вместе с ним осуществлять его великую миссию. Это было время, «когда король еще любил смеяться». И своеобразным символом такого безоблачного счастья стал специальный приезд Людвига II из Хоэншвангау в Мюнхен 2 октября на традиционный ежегодный пивной фестиваль Октоберфест. Пиво лилось рекой, звучали заздравные тосты, король беззаботно веселился среди своего народа...

Для Вагнера 1864 год стал временем такого же духовного подъема, необычайной веры в собственные силы и правоту своих идей.

Так и не построенный вагнеровский театр в Мюнхене. Проект Готфрида Земпера

Людвиг и Вагнер задумали грандиозный проект — построить в Мюнхене вагнеровский театр, Бюненфестшпильхаус^[50], что позволяло бы осуществлять постановки музыкальных драм именно так, как задумал композитор, и одновременно служило бы символом величия истинного искусства. (Забегая вперед скажем, что плану постройки вагнеровского театра суждено было осуществиться значительно позднее и не в Мюнхене, а в Байройте. Ныне можно увидеть лишь макет мюнхенского театра в

Музее короля Людвига II в замке Херренкимзее.)

На Рождество 1865 года Людвиг, как всегда, уехал в Хоэншвангау и 5 января написал оттуда Вагнеру: «...Земпер^[51] разрабатывает план нашего Святилища, актеры репетируют великую Драму, Брунгильда скоро будет спасена бесстрашным героем, о, всё, всё в движении! То, о чем я мечтал, на что надеялся, чего желал, скоро осуществится! Небо спускается для нас на землю. <...> Дай Бог! О, великий день, когда построенное здание восстанет перед нами, прекрасные часы, когда твое творение предстанет в совершенном исполнении! Мы победим, сказали Вы мне в Вашем последнем дорогом письме. Да, мы победим! — восклицаю я вслед за Вами! Мы не напрасно жили! До конца жизни преданный Вам Людвиг»^[52]. Комментарии излишни.

Кроме того, интересно отметить, что сам Вагнер и его ближайшие друзья уже называли Людвига II не иначе как Парцифаль («по-эшенбаховски»): именно Парцифаль — владыка царства Грааля, царства, с которым ассоциировал себя «кружок посвященных» при дворе Людвига II. Вагнер вынашивал план написания музыкальной драмы с апреля 1857 года; Людвиг воскресил в композиторе желание воплотить его. Как раз в 1865 году Вагнер по совету Людвига набросал в общих чертах поэму «Парцифаль», пока еще называя своего героя также «по-эшенбаховски». (Вплоть до 1877 года композитор вслед за Вольфрамом фон Эшенбахом^[52] называл своего героя Парцифалем. Известна точная дата «переименования» Вагнером Парцифаля в Парсифаля — 13 февраля 1877 года. Сам композитор так разъясняет причины своего решения: «Его имя арабское. «Parsi» означает «чистый», «fal» — «безрассудный»^[53]. Другими словами, Парсифаль — «святой простец». Таким образом, именно Вагнер положил начало новой «филологической» традиции написания и произношения имени этого средневекового героя.)

Четвертого июня 1865 года Вагнер пишет Людвигу Шнорру и его супруге Мальвине, будущей исполнительнице роли Изольды в «Тристане и Изольде», одновременно пересылая им письмо Людвига II: «Он (король. — М. З.) заботится о вас больше, чем я. С добрым утром, мои милые, благородные львы! Хотите еще раз огласить пустыню нашим ревом? В конце концов, мы будем единственными слушателями. Ведь и Парцифаль — это тоже только часть нашего «мы». С сердечным приветом. Ваш Р. В. Письмо Парцифаля — подарок, достойный вас. Примите же его: он ваш»^[54].

В ту пору всеобщего душевного подъема никто не мог и представить

себе, что крах всех надежд уже не за горами...

Чем выше взлет, тем глубже падение, тем болезненнее разочарование. Баварское правительство уже начало обвинять Людвига в нерациональном использовании средств. Когда стало понятно, что отношения с Вагнером носят очень серьезный и прочный характер, в Мюнхене началась настоящая антивагнеровская кампания. Мюнхенцы не могли простить Вагнеру того, что он иностранец (Вагнер родился в саксонском Лейпциге), что он запятнал себя революционным бунтом (разбираться, что на самом деле привело композитора на баррикады^[53], естественно, никто не стал), что он разоряет казну Баварии. Дело доходило до совершенно абсурдных обвинений: что композитор якобы внушает королю мысль о безбрачии, что он — посланник масонской ложи, что в интересах Пруссии он хочет обратить баварцев в протестантство! Личная жизнь Вагнера также не была оставлена в стороне: газеты на все лады обсуждали новость, что Вагнер является любовником Козимы, жены своего друга Ганса фон Бюлова, — читатель любит «желтую прессу»!

Почему же такую волну ненависти вызвал *композитор*, обвиненный чуть ли не в узурпации королевской власти? Во имя чего Людвиг II тратил на Вагнера огромные суммы? Хотя, если разобраться, траты были далеко не такими «катастрофическими», как пытались представить противники короля и композитора.

Итак, давайте разбираться. Во-первых, Людвиг назначил композитору пенсию в размере 15 тысяч марок^[54] (которая, естественно, выплачивалась вовсе не регулярно) и погасил его долги, о чем было сказано выше. Во-вторых, позднее были выделены средства на приобретение Вагнером виллы «Ванфрид» в Байройте, о чем мы еще будем говорить, и запланирована так и не состоявшаяся постройка театра в Мюнхене. Кстати, и байройтский Фестшпильхаус был возведен не без участия короля, выдавшего на проект авансом кредит в размере 300 тысяч марок (100 тысяч талеров или около двух с половиной миллионов евро) из собственных средств, не трогая казну (этот долг семейство Вагнер и его потомки со временем выплатили полностью). Скрупулезно подсчитано, что в общей сложности за 19 лет, прошедших с момента личного знакомства до смерти Вагнера в 1883 году, Людвиг II истратил на его нужды 562 914 марок (4 503 312 евро)^[55]. Но для бюджета государства это не те суммы, из-за которых следовало впадать в панику! Значительные — да, но не разоряющие страну. Для сравнения годовой бюджет Баварии составлял тогда примерно 241,5 миллиона марок, из которых на содержание королевского двора отводилось пять миллионов

марок (около 40 миллионов евро). Стало быть, «вагнеровские расходы» за 19 лет равнялись немногим более десятой части годового содержания королевского двора!

Кстати, вполне возможно, что, если бы травли композитора не было и он остался бы жить в Мюнхене (к разочарованию жителей Байройта, бюджет которого ныне очень сильно выигрывает от расположения именно там вагнеровского театра), умиротворенный король ограничился бы перечисленными выше тратами, не пожелав строить свои «сказочные» замки, на которые были израсходованы действительно весьма значительные суммы. Такое предположение позволяет сделать хотя бы отрывок из процитированного выше письма Вагнера Шнорру, где он упоминает об отказе Людвига от любых построек в целях экономии средств ради осуществления художественных замыслов композитора. Во всяком случае, расходы на Вагнера и на возведение замков явно несопоставимы.

На самом деле причина внезапной ненависти к Вагнеру со стороны баварского правительства (в первую очередь именно правительства, инспирировавшего в дальнейшем недовольство населения) проста и банальна. Зависть — страшное чувство. И именно оно — основа всех бед и Людвига II, и Вагнера. К трону был приближен человек, социальное положение которого, как говорится, «не соответствовало занимаемой должности». А вдруг он еще и приобретет влияние при дворе? Вместо послушной марионетки царедворцев король стал послушной марионеткой какого-то композитора. Этого вполне достаточно, чтобы вызвать у тех, кто «остался за бортом», бурю «справедливого» гнева. В газетах была развернута такая травля Вагнера, что король просто не мог остаться в стороне и делать вид, что не замечает происходящего. Ему нужно было как-то реагировать. А обстановка всё больше накалялась. Вагнер интуитивно чувствовал, что Людвигу II придется в конце концов уступить. Романтическая сказка оказалась всего лишь недолгим сном!

В разгар газетной травли, 20 февраля 1865 года, Вагнер написал Элизе Вилле очень показательное письмо: «Два слова объяснения: мое возражение в № 50 «Альгемайне Цайтунг» Вы знаете. Оно содержит одну неточность: изображение границ моих отношений с королем. Во имя моей потребности в покое я страстно хотел бы, чтобы это было именно так. Во имя моего покоя я отказываюсь от прав, которые дает мне необыкновенно глубокая, фатальная привязанность ко мне короля. Но я не знаю, что мне сделать со своим сердцем, со своей совестью, как мне отстраниться от обязанностей, которые она на меня налагает. Вы догадываетесь, что всё то, чем меня травят, не имеет под собой никакого основания, это лишь оружие

клеветы, ставящей здесь свою последнюю, безнадежную ставку. Но где поводы к этой клевете? Вот что вызывает во мне содрогание, ибо я решительно не могу во имя личного покоя удалиться в спасительное убежище, предоставив короля окружающей среде. Это было бы мучительно для души, и я спрашиваю демона, управляющего моей жизнью: за что послана мне эта чаша? Зачем там, где я искал покоя и ненарушаемой возможности работать, на меня налагается ответственность, в мои руки отдается счастье божественно одаренного человека, может быть благо всей страны? Как спасти свое сердце, как при таких обстоятельствах быть художником? Около него нет ни одного необходимого близкого человека. Вот что причиняет мне настоящую боль! Внешняя интрига, рассчитанная целиком на то, чтобы вывести меня из себя и толкнуть на бестактный поступок, легко рассеется сама собой. Но для того чтобы навсегда вырвать друга из его среды, нужна энергичная работа, которая окончательно лишит меня покоя. С трогательной верностью он поддерживает со мною самые лучшие отношения и отворачивается от всякой клеветы. Что Вы скажете о моей судьбе? Моя жажда последнего покоя несказанна. Не могу больше выносить всех этих мерзостей»^[56].

Если размер «финансовой катастрофы» был преувеличен, то в отношении личной жизни композитора претензии были далеко не столь необоснованны и беспочвенны. Любовная связь Вагнера с Козимой фон Бюлов стала достоянием общественности. Газеты поливали грязью не только самих любовников, но и обманутого мужа — королевского капельмейстера. Препятствием для неизбежной развязки оставались пока лишь католический брак четы Бюлов, не предусматривающий развода, и придворная служба Ганса, требующая соблюдения определенных моральных правил.

Как мы уже упоминали, 10 апреля родился первый ребенок Вагнера и Козимы, дочь Изольда, что не помешало композитору, пытаясь удержаться в рамках приличий, до последнего отрицать свою связь с замужней женщиной. Чтобы «сохранить лицо» перед целомудренным королем, наивно и безоговорочно верящим в чистоту и непорочность своего кумира, Вагнер объявил ему, что присутствие Козимы в его доме вызвано... производственной необходимостью: в свое время король сам просил Вагнера написать мемуары; выполняя эту просьбу, композитор начал работать над автобиографией, и Козима записывала текст под его диктовку. В довершение всего Вагнер обратился к королю с просьбой выступить в печати с опровержением обвинений в адюльтере, рассчитывая, что после этого журналисты больше не посмеют копаться в грязном белье

композитора и оставят его и чету Бюлов в покое. Король пошел навстречу другу, фактически выставив себя не в лучшем свете, ибо глупо было отрицать очевидное...

Впоследствии Людвиг так и не смог до конца простить этот обман, ведь Вагнер заставил его лично поддерживать перед придворными заведомую ложь да еще и опровергать «клевету» в газетах!

Но те, кто обвиняет композитора в черной неблагодарности по отношению к своим ближайшим друзьям, имея в виду и Ганса фон Бюлова, и Людвигу II, говорят о «разнузданности нрава», о «разрушении чужих семейных очагов» и т. д., забывают о том, что отношения Вагнера и Козимы были не капризом, а настоящей любовью, которой оба они просто не в силах были противостоять. А они старались! Более трех лет Рихард и Козима отчаянно боролись со своим чувством, не желая предавать идеалы семьи и дружбы. При этом не следует забывать и о том, что брак Ганса фон Бюлова и Козимы не был безоблачно счастливым. Ганс женился на дочери своего учителя, во многом подчиняясь его воле, и из благодарности за всё, что Лист для него сделал. Козима же испытывала к мужу лишь уважение — любви в их отношениях не было изначально. Что же удивительного в том, что, когда это чувство наконец посетило молодую женщину, она оказалась не в силах ему противостоять? Со временем это понял даже сам Ганс фон Бюлов. Он благородно принес себя в жертву на алтарь этой любви и простил, хотя он единственный имел полное право осудить. Подобное самоотречение — Ганс фон Бюлов, несмотря ни на что, остался верен вагнеровским идеалам до конца своих дней — заслуживает самого глубокого уважения. Воистину «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1).

Но тучи сгустились пока лишь на горизонте. Лето 1865 года подарило королю и композитору еще немного безоблачных дней. В августе Вагнер приехал к Людвигу II в Хоэншвангау. Там же к ним присоединился страстный поклонник Вагнера, друг детства Людвигу II Пауль фон Турнунд-Таксис. Обладая прекрасным голосом, он часто исполнял для короля различные отрывки из вагнеровских музыкальных драм, отдавая особенное предпочтение «Лоэнгрину». И вот 25 августа, в день своего двадцатилетия, Людвиг устроил для Вагнера настоящий праздник. Принц Пауль в костюме Лебединого рыцаря на лодке в виде лебедя плыл по водам озера под звуки чарующей вагнеровской мелодии и пел для своих друзей арию Лоэнгрин. Поистине это были минуты настоящего счастья!

Людвиг почувствовал себя окрыленным, у него даже появилось желание «немного попутешествовать». 18 октября король инкогнито отправился в первую поездку по Швейцарии, чтобы воочию познакомиться

с родиной давно любимого им героя Вильгельма Телля, но поспешил вернуться — ведь в Баварии его ждал Рихард Вагнер!

Однако семена клеветы и интриг уже не только были посеяны, но и дали пышные всходы. В Мюнхене не ограничились газетными пасквилями; зрела угроза волнений среди населения. Приближенные и родственники короля умоляли его, пока не поздно, удалить от себя Вагнера. Находились даже те, кто сравнивал композитора с печально известной танцовщицей Лолой Монтез, за любовную связь с которой, как мы помним, дед короля фактически лишился престола. Людвиг не смог в одиночку противостоять подобному натиску и был вынужден сдаться.

В конце 1865 года король принял тяжелое решение расстаться с Вагнером и отослать его из Мюнхена. «Мне это очень больно, — сказал Людвиг своему министру барону фон Шренку^[55]. — Но я выше всего ставлю доверие моей страны; я хочу жить в мире с моим народом»^[57].

Седьмого декабря 1865 года Людвиг написал Вагнеру:

«Мой дорогой друг!

Как мне это ни больно, но я должен Вас просить исполнить мое желание, переданное Вам через моего секретаря. Верьте мне, я не могу поступить иначе. Моя любовь к Вам будет длиться вечно; также я прошу Вас сохранить Вашу дружбу ко мне навсегда. С чистой совестью я говорю, что достоин Вас. Кто имеет право нас разлучить? Знаю, Вы чувствуете ко мне то же, что и я; понимаете мою глубокую боль. Поступить иначе я не могу, верьте мне! Никогда не сомневайтесь в преданности Вашего лучшего друга. Ведь это не навсегда! До самой смерти верный Вам

Людвиг»^[58].

Вагнеру ничего не оставалось, как опять собираться в дорогу. Он снова стал изгнанником...

На следующий день Людвиг, страдая и чувствуя себя обязанным как-то сгладить обиду, нанесенную композитору баварским народом, написал еще одно письмо:

«Глубоко любимый, дорогой друг!

Нельзя выразить словами ту боль, которая раздирает теперь мое сердце. Необходимо сделать всё возможное, чтобы

опровергнуть новые отвратительные газетные сообщения. Это слишком далеко зашло! Наши идеалы должны быть защищены; в этом мне не приходится Вас убеждать. Будем часто и много писать, я прошу об этом! Мы знаем друг друга, мы не предадим Дружбу, которая нас связывает. Во имя Вашего покоя я должен был поступить так, как поступил. Не судите обо мне несправедливо никогда — это причинило бы мне муки ада. Будьте счастливы, друг мой любимый! Да процветают Ваши творения! Глубокий сердечный привет от Вашего верного

Людвига»^{[{59}](#)}.

Кстати, основываясь на поверхностном прочтении переписки Людвига II и Вагнера, некоторые недобросовестные «исследователи» дошли до того, что стали обвинять в гомосексуализме не только Людвига II (об этой теме мы поговорим в свое время), но и Вагнера, что говорит об их полной некомпетентности в вопросах психологии, а также о совершенном незнании и непонимании исторических реалий того времени и личностей, о которых они берут на себя смелость рассуждать. Для эпистолярного стиля XIX века нет ничего необычного в подобных выпренних и чересчур возвышенных оборотах речи, столь непривычных и, пожалуй, режущих слух современного читателя кажущейся нарочитостью. Для подтверждения достаточно обратиться к любому доступному эпистолярному источнику того времени, в особенности немецкоязычному, хотя бы к переписке Гёте или Шумана. Тогда так писали все, от экзальтированных барышень до классиков мировой литературы; подобный стиль был признаком хорошего художественного вкуса и литературного слога. Эпистолярное наследие короля и композитора не является исключением из общего правила.

После отъезда Вагнера Людвиг под предлогом болезни удалился в любимый Хоэншвангау и некоторое время никого не принимал. Король пытался найти успокоение среди дорогих ему образов, которые оживил для него Вагнер. Он никак не мог понять, за что его лишили друга. Вновь и вновь он подходил к фортепьяно, клавиш которого касались руки его кумира, играя для него мелодии из «Лоэнгрина», и вспоминал о чудных вечерах, проведенных вместе в Лебедином замке. Возможно, и Вагнер, глядя в разлуке на подаренный ему Людвигом точный макет Хоэншвангау, который можно увидеть сегодня в доме-музее Вагнера — вилле «Ванфрид» в Байройте, думал о том же...

До конца жизни Людвиг сохранил верность идеалам их дружбы,

несмотря на неоднократные «конфликты на расстоянии» (в частности, мы уже упоминали, что король был глубоко уязвлен раскрывшимся обманом со стороны Вагнера, когда тот настоял на «свидетельских» показаниях Людвига II, опровергавших существование его любовной связи с Козимой). «Это была, — пишет В. Александрова, — лучшая пора его жизни, период надежд и ожиданий, веры в прекрасное и людей. Но королем Людвиг не переставал быть ни на одну минуту, и когда трон предъявлял свои права, ему приносилось в жертву всё остальное. Мало-помалу «королевское», в том символе, в каком оно раз и навсегда выкристаллизовалось в воображении Людвига, стало заслонять образ Вагнера»^[60]. Постепенно в сознании Людвига II культ композитора был заменен культом короля — Вагнер уступил место Людовику XIV.

Они еще несколько раз встречались в Швейцарии и в Байройте — теперь уже Людвиг II был гостем Вагнера. Эти встречи практически ничего не значили, а были лишь данью памяти о былых мечтах. Но даже на расстоянии, даже после разочарования в человеческих качествах Вагнера и «смещения кумира с пьедестала» в угоду новому культу «короля-солнца», Людвиг всегда по мере сил старался помогать Вагнеру во всех его начинаниях. И в глубине души тот не мог не чувствовать благодарности.

The image shows a handwritten letter in German cursive script. The text is written on a light-colored paper. The handwriting is elegant and fluid. The letter begins with a large, decorative initial 'G'. The text is written in several lines, with some words underlined. The letter concludes with a date and a signature.

Gewissenhaft
Liebes Sie, bleiben Sie fern,
Aber sind fern von mir.
Es bin hoffnungslos. — Dies in dem
Ist
Ist
11 März 1865. Ludwig.

Письмо Людвига II Вагнеру от 11 марта 1865 года

На фоне взаимоотношений Людвига II и Рихарда Вагнера становится очевидно, что именно вынужденная разлука с Вагнером стала той роковой точкой отсчета, после которой Людвиг окончательно порвал с окружающим миром. Конечно, это произошло далеко не сразу — понадобилось еще четыре года сомнений и мучительной борьбы с собой, тщетных попыток всё-таки найти компромисс между желаемым и действительным. Людвигу пришлось пройти через две войны, через стремление обрести семью —

заменить Вагнера на новую родственную душу, — через окончательный крах «иллюзий монаршего подвига».

Но «точка невозврата» была пройдена. Именно с момента отъезда Вагнера Людвиг II возненавидел Мюнхен, даже всерьез намеревался перенести столицу Баварии в Нюрнберг. Этот мир он так и не смог переустроить... Раз мир так несовершенен, что не принял Вагнера, то и Людвигу в нем больше делать нечего. Королю казалось, что именно он не сумел «сохранить» и «отстоять» Вагнера. Лознгрин снова одинок, он самоотверженно защищал честь Эльзы, но ему всё равно пришлось признать поражение. А значит, отныне непонятый и отвергнутый подданными король будет в одиночестве служить великому Искусству, словно Парцифаль — Святому Граалю. Нужно лишь построить себе убежище (а может, и не одно) и укрыться в нем.

Мюнхенскую королевскую резиденцию Людвиг никогда не любил и даже не рассматривал в качестве *своего дома*. Да, одно время он пытался максимально приблизить ее интерьеры к своим вкусам. В частности, в 1867 году в резиденции был разбит знаменитый зимний сад^[56], и тогда же специально для Людвигу заказано роскошное тронное кресло в Зал для приемов. Тогда же Людвиг II перестроил и собственные апартаменты. Можно сказать, что это были первые попытки создать свой мир; от реконструкции личных апартаментов в Мюнхенской резиденции ведет прямая дорога к строительству новых замков. Кстати, глядя на интерьеры, запечатленные на фотографиях, можно заметить, что художественный вкус Людвигу сформировался уже тогда. Любая из комнат резиденции вполне вписалась бы в интерьеры его будущих замков. Особенно впечатляет зимний сад, этот «дедушка» гротов Нойшванштайна и Линдерхофа. Вдоль берегов искусственного озера, по которому можно было спокойно плавать на лодке (она сохранилась), росли пальмы, увитые лианами, и другие тропические растения. Настоящий необитаемый остров посреди шума и суеты столичной придворной жизни!

Но всё это уже не могло удовлетворить короля, тем более что он не желал жить в Мюнхене — городе, отвергшем Вагнера...

Вагнер и Людвиг II, как две одинаково заряженные частицы, оттолкнулись и стали двигаться в противоположных направлениях, придав друг другу определенный импульс. Жизнь короля отныне поворачивается в сторону трагического конца; жизнь композитора — к вершинам творчества и славы. Каждый из них выполнил по отношению к другому определенную миссию, после завершения которой они — в эмоциональном плане — стали не нужны друг другу. Об этом говорят хотя бы те редкие, можно сказать,

вымученные встречи, происходившие скорее по инерции, чем вследствие действительной необходимости общения. При этом Людвиг продолжал снабжать Вагнера деньгами, от которых тот никогда не отказывался; они по-прежнему обменивались письмами, в которых клялись в вечной дружбе, но на самом деле былых сердечных доверительных отношений больше не было. Людвиг переживал разрыв гораздо сильнее; Вагнер утешился довольно быстро. Ему было не привыкать утрачивать иллюзии. Сначала его отвергла революция; теперь — королевская власть. Значит, надо встать над тем и над другим — над человечеством. И этому импульсу он обязан Людвигу II! При этом сам Людвиг постепенно встал на путь эскапизма^[57], а Вагнер вернулся к действительности, окончательно отрезав от абстрактных мечтаний, и стал с удвоенной силой воплощать в жизнь свои идеалы — пусть смелые, зато вполне реальные и осуществимые.

Глава третья

ХРАНИТЕЛЬ ЛУНЫ

Наступил 1866 год. Людвиг всё еще пребывал в мрачном настроении из-за вынужденного отъезда Вагнера из Баварии. Но стремительно разворачивавшийся политический кризис, в итоге ввергнувший Баварию в пучину военного конфликта, вскоре заставил короля забыть о собственных обидах и интересах и полностью переключиться на проблемы государства.

Длительное противостояние между Пруссией и Австрией, начавшееся фактически еще с захвата Силезии прусскими войсками Фридриха Великого в 1742 году, вступило в критическую фазу. Авторитет Австрии, являвшейся официальной представительницей германских интересов на политической арене, падал. Пруссия, напротив, на этом фоне стремительно поднималась, приобретая негласный статус лидера «немецкого мира». Постепенно там утвердилась вера в то, что призвание Пруссии — объединение всей Германии. Вскоре явился и человек, способный осуществить эту высокую миссию, — в 1862 году министром-президентом (главой правительства) и министром иностранных дел Пруссии стал Отто фон Бисмарк^[58].

Обладая железной волей, настойчивостью в достижении целей, главной из которых было объединение Германии, а также профессионализмом истинного дипломата, Бисмарк смог в кратчайшие сроки подняться на вершину политического пьедестала. В то же время амбиции Австрии не были подкреплены ничем, кроме «давних консервативных традиций». Попытки уладить противоречия мирным путем были изначально обречены на провал. По словам Бисмарка, «Австрия желает войны, чтобы или поправить финансы прусскими контрибуциями, или же извинить банкротство неудачей войны»^[61]. Война казалась неизбежной.

Современник событий, военный педагог и историк, представитель России при прусской ставке Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) писал: «Борьба между Пруссией и Австрией началась не в 1866 году, и едва ли можно сказать, что она этим годом закончена. Пруссия выросла и растет за счет Австрии. Между ними вопрос победы или поражения есть вопрос жизни или смерти; при таком положении борьба может окончиться только с совершенным низложением которой-нибудь из них»^[62].

При этом слишком рьяную политику Пруссии поддерживали далеко не все. Властители мелких и средних германских государств отдавали предпочтение Австрии из боязни, что в процессе объединения их владения могут быть поглощены более сильной и агрессивной Пруссией. Бавария также не смогла остаться в стороне от этих «имперских баталий». Ее симпатии традиционно были отданы Австрии, тогда как к Пруссии баварцы испытывали столь же традиционную антипатию. Поэтому неудивительно, что Бавария всё-таки была втянута Австрией в войну, названную впоследствии Австропрусской, или Семинедельной.

В цели данной книги не входит подробное изложение хода военных действий, тем более что роль Баварии в них в итоге оказалась, можно сказать, просто ничтожной. К тому же Людвиг II изначально был против любого военного кровопролития и до последнего оттягивал объявление мобилизации. При всём восхищении подвигами средневековых героев король испытывал непреодолимый ужас перед перспективой войны. В ноте от 31 марта баварское правительство призвало и пруссаков, и австрийцев воздержаться от военного конфликта, предлагая немедленно начать переговоры. В качестве альтернативы единоличным притязаниям на германское лидерство Австрии и Пруссии Бавария выдвинула свой план объединения страны — идею так называемой триады: предлагалось создать союз мелких и средних германских государств во главе с Баварией и объединить Германию под эгидой Австрии, Пруссии и Баварского союза. Но все эти призывы так ни к чему и не привели. И Пруссия, и Австрия явно готовились к войне. 10 мая под давлением правительства Людвиг II также был вынужден объявить мобилизацию.

Однако тонкая натура короля была не в состоянии долго пребывать в атмосфере неотвратимого приближения военного конфликта. Он сделал отчаянную попытку вновь «убежать» от мира, объятых всеобщей враждой, к тихим радостям дружбы.

Но прежде чем рассказать о ней, отметим еще один поворотный пункт в биографии нашего героя. 16 декабря 1865 года «за превышение полномочий» был уволен с должности обершталмейстера барон Отто Йозеф Эммануэль фон Лерхенфельд-Ахам (Lerchenfeld-Aham; 1817–1884), после чего на сцене нашего повествования появляется новый персонаж — флигель-адъютант короля Максимилиан Карл Теодор граф фон Хольнштайн-аус-Байерн (Holnstein aus Bayern; 1835–1895). 29 марта 1866 года наперсник детских игр Людвига II назначается обершталмейстером, претендуя при этом и на королевскую дружбу.

Мы уже говорили, что верховая езда была настоящей страстью

Людвига. В сентябре 1866 года новый обершталмейстер короля заказал художнику Фридриху Вильгельму Пфайфферу (Pfeiffer; 1822–1891) очередную «галерею красавиц» — на сей раз это были портреты не женщин, а всех благородных лошадей королевской конюшни, а затем и придворного конного завода Роренфельд (Rohrenfeld) в Нойбурге-на-Дунае. Пфайффер работал над заказом, скрупулезно выбирая каждый пейзажный фон, в общей сложности до 1881 года, написав за это время 26 лошадиных портретов. (Ныне все они находятся в Музее экипажей (Marstallmuseum) в Нимфенбурге^[63].)

Но крепнущая дружба с графом Максом, как чаще всего называли Хольнштайна в его ближайшем кругу, всё-таки не могла полностью залечить раны короля. Людвиг стал искать примирения с Вагнером, хотя фактически ссоры между ними и не было.

К тому времени Вагнер уже нашел место в Швейцарии, где решил надолго поселиться. Свой выбор композитор остановил на идиллически красивом пригороде Люцерна под названием Трибшен (Tribtschen). Однажды, гуляя по Трибшену в сопровождении приехавшей навестить его Козимы, Вагнер обратил внимание на одиноко стоявшую посреди тенистого парка виллу. 4 апреля, уже после отъезда Козимы, композитор еще раз посетил Трибшен и снял на шесть лет приглянувшуюся ему виллу за пять тысяч франков. Стоит ли говорить, что эти деньги выделил для друга Людвиг II, решивший — возможно, в компенсацию за изгнание из Баварии — финансировать проживание Вагнера в Швейцарии?

Уже 22 мая, в день своего 53-летия, Вагнер, обустроившийся на новом месте, удостоился королевского визита. Людвиг II инкогнито, под именем Вальтер фон Штольцинг (так звали героя вагнеровской оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры^[59]»), прибыл в Трибшен. Праздник в тихом семейном кругу (Козима также присутствовала) удался на славу. Людвигу весьма понравилось «швейцарское убежище» Вагнера, а сам хозяин был польщен, что король не оставляет его своим вниманием. На мгновение обоим показалось, что все интриги и недоразумения остались в прошлом. Однако вернувшись в Баварию, Людвиг вновь почувствовал на себе, что королям запрещено отступать от светского этикета и запросто навещать «неблагонадежных особ». Скандал, разумеется, разразился, и стоило огромных трудов его замять.

Да и мюнхенская публика до сих пор не успокоилась и не забыла «расшатывания Вагнером моральных устоев». 6 июня Ганс фон Бюлов подал Людвигу II прошение об отставке с поста королевского

капельмейстера. Находиться на официальной службе в католической Баварии, при католическом королевском дворе, не имея безупречной репутации, было неслыханной дерзостью. А значит, останься он в Мюнхене, вновь пришлось бы изворачиваться, соблюдать видимость приличий и бесконечно врать общественности, прекрасно знающей правду, несмотря на все титанические усилия «заинтересованных сторон». Это было бессмысленно. Ганс разрывался между долгом служения высокому искусству (вагнеровскому искусству) и собственными чувствами, с которыми, похоже, никто не собирался считаться. Кроме того, после откровенного объяснения с Козимой Ганс понял, что для него будет лучше уехать из мест, являющихся болезненным напоминанием о его позоре и предательстве самых близких людей.

Король холодно принял его отставку.

Впоследствии, 8 сентября 1869 года, Вагнер писал старому другу Петеру Корнелиусу^[60] о перипетиях того времени: «До сведения Его Величества были доведены слухи, позорящие честь госпожи ф. Б. (Козимы фон Бюлов. — М. З.). При таких условиях для нее оставалось только одно — порвать навсегда с Мюнхеном и добиться развода с мужем, имя и честь которого она хотела оградить от ненависти враждебных ей людей. Совершенно разумно она советовала ему — еще несколько месяцев назад — оставить колебания и решиться на развод. Она полагала, что такой шаг создал бы более благоприятные условия для его дальнейшего пребывания в Мюнхене: тогда никто не имел бы права утверждать, что своим положением он обязан снисходительности супруги. (Находились «доброжелатели», которые действительно утверждали, что, прекрасно зная про измену жены, Бюлов остается с ней лишь для того, чтобы не потерять выгодное место дирижера Мюнхенского королевского придворного и национального театра. — М. З.) Во имя этой цели она даже готова была принять на себя все жестокости бракоразводного процесса. Б. (Ганс фон Бюлов. — М. З.) поблагодарил ее, согласился с ее советом, но в свою очередь заявил, что всё происходящее теперь в Мюнхене вызывает в нем сильнейшее отвращение, так что при таких обстоятельствах он всё равно отказался бы от своего места. Относительно всего этого имеются документальные данные, переданные мною в надежные руки, и я оставил за собой право сослаться на них в случае необходимости»^[64].

Итак, не успел Людвиг II вернуться из Швейцарии, как вновь оказался втянут в водоворот светских сплетен и конфликтов. Но вскоре ему уже было не до поиска тихих радостей мирной жизни.

В надвигающейся войне Бавария выступала на стороне Австрии, с которой ее связывали давние политические обязательства. Фактическим поводом к началу прямых военных действий послужил конфликт между Австрией и Пруссией из-за Шлезвиг-Гольштейна. 14 июня сейм Германского союза по предложению Австрии принял решение мобилизовать союзную армию против Пруссии. Бавария поддержала решение сейма и обязалась выставить свою армию численностью около 50 тысяч человек, а также согласовывать собственные военные действия с австрийским командованием. В свою очередь Австрия обещала не начинать переговоров с Пруссией без согласия и участия Баварии и всячески стараться минимизировать баварские потери.

Шестнадцатого июня прусская армия начала вторжение в Ганновер, Гессен и Саксонию. На следующий день Австрия официально объявила войну Пруссии. Мобилизация баварской армии продолжалась до 22 июня. Баварский главнокомандующий принц Карл^[61], которому подчинялись также южнонемецкие федеральные войска, спеша на помощь ганноверцам, узнал об их поражении в битве у Лангельсальцы (Langensalza) 28 июня.

Второго июля Людвиг II обратился к своему народу, заявляя, что целью войны является «сохранение общего германского Отечества как свободного и могущественного целого, упроченного союзом его князей и национальным представительством его племен, сохранение Баварии как самостоятельного и достойного члена великого немецкого Отечества».

В то же время Людвиг писал Вагнеру 18 июля: «Я не сомневаюсь, что Вы представите на сцене созданные Вами бесценные творения. О, это будут дни, похожие на тот, когда родился «Тристан»; я был тогда счастлив, это были лучшие часы моей жизни. О, как же ужасно теперь, как страшно в мире: мрачные призраки повсюду; ах, везде обман и предательство, клятвы не стоят ничего, всё обесценено; но я до сих пор не теряю надежды. Дай Бог, независимость Баварии будет сохранена; если же нет, если мое представительство во внешней политике будет утрачено^[62], если мы окажемся под прусской гегемонией, теневым королем без власти я быть не хочу! О Германия! Пусть все оставят друг друга, самые близкие, самые священные узы будут разорваны навсегда; мы останемся вечно верны друг другу. И настанет день, когда мир признает глубокий смысл нашего нерушимого союза»^[63].

А на следующий день Людвиг II учредил новый баварский орден «За военные заслуги» (Militärverdienstorden). Отныне это была главная военная награда Баварии, вручаемая как военным, так и гражданским лицам за

проявленную храбрость.

Однако для Баварии начавшаяся война оказалась крайне неудачной. После победы в битве у Лангельзальцы прусская армия перешла в наступление против австрийцев и саксонцев в Богемии. Баварские войска, неся потери, были вынуждены отступить к Киссингену (Kissingen). Поочередно сдав Швайнфурт (Schweinfurt) и Вюрцбург, баварцы отступали к Нюрнбергу. 1 августа город был сдан прусским войскам...

После падения Нюрнберга баварское правительство заключило трехнедельное перемирие с Пруссией, вступившее в силу 2 августа. 22-го числа был заключен мирный договор, по которому Бавария должна была выплатить Пруссии 30 миллионов марок военной контрибуции и, кроме того, уступала часть своих северных земель (хотя большого ущерба в смысле сокращения территории при этом не понесла).

Двадцать третьего августа в Праге, оккупированной прусскими войсками, был подписан мирный договор между Австрией и Пруссией, завершивший Австро-прусскую войну. Согласно этому договору Австрия соглашалась на «новое устройство Германии без участия Австрийской империи», признавала создание Северогерманского союза во главе с Пруссией и отказывалась в пользу Пруссии от своих прав на Шлезвиг-Гольштейн. Фактически Пруссия стала главенствовать среди немецких государств.

Что же касается баварской армии, то в ее неудачах в первую очередь были виновны ландтаг и Военное министерство Баварии. Сокращение бюджета на военные нужды, еще до войны принятое ландтагом по согласованию с Военным министерством, не позволило проводить маневры выше бригадного уровня. То есть армейские части не смогли отработать взаимодействие, необходимое для проведения широкомасштабных военных действий в условиях войны. Кроме того, практически ни у одного баварского генерала, за исключением принца Карла, не было опыта командования крупными воинскими подразделениями.

Надо отдать должное Людвигу II: из уроков, преподанных войной, он смог сделать правильные выводы и еще до подписания мирного договора, 1 августа 1866 года, назначил нового военного министра, Зигмунда фон Пранка^[63], которому было поручено проведение реформы баварской армии, завершившееся в 1868 году.

Между прусским и баварским правительствами был заключен наступательный и оборонительный альянс, положивший начало реальному объединению Германии. Бавария получила мощного и влиятельного союзника. Людвиг II прекрасно понимал (что характеризует его как

дальновидного политика), что, несмотря ни на какие антипруссские настроения в обществе, союз с Пруссией — единственно возможный путь для дальнейшего развития Баварии. Людвиг стал стремиться также к установлению личных отношений с Отто фон Бисмарком, которого сразу по окончании войны наградили орденом Святого Губерта^[64]. Правда, дружественными эти отношения пока не были, являясь лишь данью интересам страны.

Людвиг встречался с Бисмарком, еще будучи кронпринцем. В воспоминаниях «железного канцлера» есть строки: «Во время нашего пребывания в Нимфенбурге 16 и 17 августа 1863 года моим постоянным соседом за столом был кронпринц, впоследствии король Людвиг II, сидевший обычно напротив своей матери. У меня создалось впечатление, что мыслями он уносился куда-то вдаль и лишь по временам, очнувшись, вспоминал о своем намерении вести со мной беседу, не выходящую за рамки обычных придворных разговоров. Тем не менее из всего, что он говорил, я мог заключить, что это натура живая и даровитая, исполненная мыслями о своем будущем. Когда беседа прерывалась, он смотрел мимо своей матери, в потолок, и поспешно снова и снова опорожнял бокал с шампанским, который наполнялся с промедлением, вероятно, по приказанию его матери, так что принц неоднократно протягивал пустой бокал назад через плечо, и лишь тогда слуга нерешительно наполнял его. И в то время, и впоследствии принц соблюдал в питье меру, но мне казалось, что окружающие наводили на него тоску и с помощью шампанского он хотел придать иное направление своим мыслям. Принц произвел на меня приятное впечатление, хотя я с некоторой досадой должен был сознаться, что мое старание быть приятным для него собеседником за столом оказалось бесплодным. Это — единственный раз в жизни, когда я имел случай лично встретиться с королем Людвигом, но с тех пор, как вскоре после этого (10 марта 1864 г.) он вступил на престол, и до его кончины я поддерживал хорошие отношения с ним и находился в довольно оживленной переписке; у меня всегда было впечатление, что, как правитель, он хорошо разбирался в делах и разделял национальные немецкие убеждения, хотя и озабочен был преимущественно сохранением федеративного принципа имперской конституции и конституционных привилегий его страны»^[66].

И эта характеристика дана Людовику II человеком, которого невозможно заподозрить в излишней сентиментальности или необъективности по отношению к баварскому королю. Непримиримым

критикам монарха можно лишь посоветовать обратиться не к страницам желтой прессы и историческим анекдотам, а к свидетельствам современников, столь же авторитетных, как Отто фон Бисмарк. Поэтому к взаимоотношениям Людвига и Бисмарка мы еще вернемся.

Итак, в 1866 году Людвиг II получил «боевое крещение». При этом в душе впечатлительного молодого короля война оставила тяжелый осадок. Любые неудачи на фронте воспринимались им как катастрофа и личная трагедия. Сам он в военных действиях не участвовал, но сразу по окончании войны предпринял первую и единственную поездку по стране с целью оказания помощи населению и осмотра мест, пострадавших от боев. Эта поездка оказалась для Людвига II поистине триумфальной. Повсюду его сопровождали восторженные толпы народа, превознося его красоту, ум, образованность и благородство. Куда бы он ни приехал, его встречали, по словам В. Александровой, «шумные овации, искренность которых далеко переходила границы условных проявлений народной преданности»: «В необычайной наружности Людвига, в его искренней и умной речи, в сдержанной и полной величавого достоинства манере держать себя было что-то такое, что, несомненно, привлекало к нему сердце народа. Как бы ни были настойчивы и основательны слухи, возбуждавшие недовольство королем (будто бы во время аудиенции военного министра по поводу объявления войны король неожиданно прервал переговоры, вскочил на лошадь и умчался в неизвестном направлении; якобы он ездил в Трибшен к Вагнеру, чтобы получить в трудную минуту его поддержку и совет; во всяком случае, Людвиг отсутствовал в течение нескольких дней, а юмористические журналы еще долго изощрялись в фантазиях на тему «страны, разыскивающей своего короля». — М. З.), стоило ему показаться, сказать несколько слов, как восторженные приветствия с неподдельной искренностью вновь гремели ему навстречу. И если бы Людвиг хотел, он мог бы держать преданность народа на такой высоте, на какой никогда еще не стояла в Европе преданность народов своим монархам»^[67].

Если бы Людвиг хотел... Он, несомненно, хотел этого. Тогда еще хотел...

Глава четвертая

ВОКРУГ ЛУНЫ

Быстро преодолев последствия войны, баварцы с удвоенной силой отдались радостям мирной жизни. Венцом народного ликования должна была стать долгожданная свадьба любимого короля, которому его дед Людвиг I сказал в свое время: «Ты счастливый человек: тебе не может противостоять ни одна женщина». Действительно, даже если бы почти двухметровый стройный красавец не был королем (что само по себе делает любого мужчину самым завидным женихом в государстве и вне его), недостатка в претендентках на его руку и сердце не было бы. Вот только сердце романтического юноши по-прежнему оставалось свободным, и его галантность по отношению к женщинам была не более чем проявлением хорошего воспитания. Его душа принадлежала искусству, музыке и литературе. Он мог «влюбиться», например, в Кёльнский собор, в мелодию Вагнера, в героев средневекового предания или шиллеровской драмы. А реальные женщины из плоти и крови мало волновали его воображение.

Однако королю по статусу положено обзавестись женой и подарить стране наследника престола. Вдовствующая королева Мария уже давно переживала, что ее сын не женится. Одной из первых кандидаток на роль счастливой невесты была Мария Луиза Александра Каролина фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (Hohenzollem-Sigmaringen; 1845–1912). Но дальше объявлений в венской прессе дело не пошло^[68].

Ожидание королевской свадьбы продолжалось...

Правда, вдовствующая королева не могла не видеть, что Людвиг не тот человек, который свяжет себя узами брака исключительно по политическим соображениям. Он, с детства увлекавшийся рыцарскими легендами, тешил себя надеждой в реальности найти свою Прекрасную Даму.

В связи с этим уместно одно небольшое отступление. История иногда делает такие сюжетные повороты, что сама дает исследователю повод использовать вроде бы неприменимое к ней сослагательное наклонение...

За два года до описываемых событий, летом 1864-го, в курортном городе Киссинген Людвиг II принимал российскую августейшую чету — императора Александра II с супругой Марией Александровной^[65] и детьми: цесаревичем Николаем (1843–1865) и великой княжной Марией (1853–1920). Прибыв в Киссинген 18 июня, Людвиг не планировал задерживаться

там дольше четырех дней...

Если бы знакомство Людвига и великой княжны Марии со временем привело к свадьбе! Если бы породнились дома Романовых и Виттельсбахов! Если бы... Надежды на это были: по свидетельству очевидцев, Людвиг был необычайно оживлен и весел во время общения со своими августейшими гостями, а те отвечали ему таким же сердечным расположением.

Восьмого июля Александр II назначил Людвига II шефом 1-го уланского Санкт-Петербургского полка, именовавшегося отныне 1-м уланским Санкт-Петербургским Его Величества Короля Баварского полком. Почетное звание шефа этого полка Людвиг II, можно сказать, унаследовал от отца, который до 2 марта 1864 года также являлся его шефом. В этом качестве Людвиг II вплоть до 8 июня 1886 года «состоял» на службе в русской армии. Кстати, полный комплект полкового обмундирования был в кратчайшие сроки выслан из Санкт-Петербурга в Киссинген; как свидетельствуют современники, эта форма необыкновенно шла красавцу-королю.

Дружеское, практически неофициальное общение Людвига II с русской императорской фамилией мгновенно породило слухи о его предстоящей свадьбе с великой княжной.

Как только они достигли ушей деда нашего героя, Людвига I, он немедленно написал своему любимцу:

«Ашаффенбург, 8 июля 1864 года.

Дорогой Людвиг,

Ты знаешь, как я люблю тебя; поэтому я не могу подавить в себе сокровенное желание сказать, что ты не должен связывать себя узами брака. В твоём возрасте ты слишком молод для супружеской жизни; и, учитывая, что ты вырос так быстро, вряд ли брак будет хорош для твоего здоровья. Если ты дашь обещание жениться, ты лишаешь себя свободы видеть других принцесс. Позже многое кажется другим, чем в первое мгновение. Речь идет о твоём семейном счастье на всю твою жизнь, поэтому не торопись, но держи руки свободными. Я в этом убежден, любимый внук, и желаю тебе всего лучшего»^{[66][69]}.

Дед беспокоился напрасно. Сам Людвиг II даже не помышлял о женитьбе! Справедливости ради надо сказать, что дочери Александра II к тому времени исполнилось лишь 11 лет и вряд ли тут вообще уместно

рассуждать о какой-либо внезапно возникшей страсти. Юный король был очарован вовсе не великой княжной, а самой императрицей — умной, великолепно образованной женщиной с тонким художественным вкусом и богатым внутренним миром. Это подтверждается тем фактом, что ее изображения можно найти во всех дорогих сердцу короля местах его пребывания — от Нойшванштайна до Берга. Однако не следует искать в отношениях Людвига II и Марии Александровны любовной подоплеки. Существуют письменные источники, свидетельствующие, что Людвиг не просто называл русскую императрицу «своей подлинной матерью», но признавался, что она «осенена для него ореолом святой», что «рядом с ней он чувствует себя принявшим таинство Причастия». Сохранилось и несколько писем Людвига II Марии Александровне^[70].

На такое почти религиозное поклонение императрица отвечала искренними, ничем не замутненными материнскими чувствами. Мы уже говорили, что с собственной матерью у Людвига II никогда не было духовной близости. В Марии Александровне, которая была старше короля на 21 год, он неожиданно для самого себя нашел идеал женщины-матери. А Людвиг во всём и всегда стремился к идеалу! При этом сама российская императрица мягко и ненавязчиво советовала Людвигу сблизиться с королевой Марией, постараться полюбить ее настоящей сыновней любовью.

Детям окончательно испорченного ХХI века сложно понять и по справедливости оценить чистоту общения баварского короля и российской императрицы. Между тем оно достойно восхищения! Чтобы не быть голословными, обратимся к конкретным примерам. Вот как описывает пребывание в Киссингене, со слов самой императрицы, баронесса Мария Петровна Фредерикс (1832–1908), фрейлина императрицы Марии Александровны: «В Киссингене принимал Государыню Король Баварский, несчастный Людвиг, так трагически окончивший свое поэтическое существование. Он тогда был прелестный девятнадцатилетний юноша, только что вступивший на престол после смерти своего отца. Сам он нам рассказывал, что, сделавшись королем, его первое действие было велеть подать себе кофе, так как он не смел пить по утрам ничего другого кроме молока. Он был очень красив собою, имел выразительный, мечтательный взгляд и премилую улыбку; был большого роста, очень худ и гибок, как молодой кипарис. Хотя Великая Княжна Мария Александровна была еще ребенком, ей всего было еще около 11-ти лет, Ей прочили Короля баварского в женихи. Но впоследствии пришлось оставить эту мысль, так как удостоверились, что он слишком большой идеалист, чтобы быть

хорошим мужем. Притом римско-католическая вера препятствовала тоже этому браку. <...> К нашей Императрице юный Король питал какое-то особенное, восторженное поклонение, Она сделалась его божеством, и насколько мне известно, Король Людвиг остался верен этому восторженному чувству к Императрице Марии Александровне даже после Ее кончины, до последних дней своих. Он находил, что *нет на свете другой подобной женщины* (курсив наш. — М. З.). Король старался угождать Ее Величеству во всех малейших желаниях во время Ее пребывания в Киссингене. Например: однажды в разговоре Императрица сказала, что очень любит альпийские цветочки, так называемые EdelWeis, — на другое утро, когда Ее Величество вошла в Свою гостиную, Она увидела всю комнату, украшенную этими цветочками, вдоль и поперек стен висели гирлянды, миллионы этих цветов. Король приказал ночью их набрать, и к пробуждению Императрицы всё было уже готово и на месте. В другой раз разговор зашел об известном баварском массивного золота столовом plateau^[67] работы знаменитого художника Бенвенуто Челлини. Король подробно описывал эти изящные столовые украшения. Императрица, не думая ни о чем и скорей чтобы сказать что-нибудь приятное Королю, выразилась так, что интересовалась бы видеть это знаменитое произведение. Через день въезжает на двор занимаемого Ее Величеством дома вереница фургонов с громадными ящиками. Король выписал по телеграфу из Мюнхена весь этот громадный plateau. Все комнаты небольшого помещения, занимаемого Императрицей, буквально были завалены этими золотыми, чудной работы украшениями. Много еще других подобных выходок было со стороны Короля, которых теперь уже не упомяну. Ему ничего не казалось невозможным, так что под конец Императрица стала остерегаться с Королем в своих разговорах. Проводя вечера у Императрицы со всеми нами, Король часто просил г-жу Сабинину^[68] играть Вагнера, музыкой которого он уже тогда восхищался. Для этого он выписал из Мюнхена все собрание опер Вагнера в четыре руки; г-жа Сабинина исполняла их с братом Императрицы Принцем Александром Гессенским, играющим очень хорошо на фортепиано, — а юный Король слушал и восхищался. Императрицу сопровождал в Киссинген Наследник, и, подружась с Королем Людвигом, поехал с ним в Auberschwangau (то есть Хоэншвангау. — М. З.), любимый замок Короля. <...> Позже и Государь приехал в Киссинген...»^{[69]{71}}

Впоследствии Людвиг II обсуждал с Марией Александровной и политические вопросы и даже обращался за помощью. Так, после

поражения в Австропрусской войне он просил, чтобы российская императрица уговорила своего супруга ходатайствовать перед прусским правительством и лично перед королем Вильгельмом I о смягчении условий мира для Баварии. Однако в данном случае политика оказалась выше личных симпатий: Мария Александровна сообщила Людвигу, что никакого посредничества со стороны Российской империи быть не может, так как это могло бы осложнить отношения между Александром II и Вильгельмом I.

Кстати, необходимо отметить, что Российская империя всегда восхищала баварского короля. Он видел в ней тот идеал власти, к которому стремился сам и который стоял для него даже выше, чем «обожаемый» французский абсолютизм Людовика XIV. Людвиг писал Марии Александровне: «Трижды благословенная и прославленная Россия, что с полным правом называется Святой и является для меня идеалом империи, благословенная страна, в границах которой живет народ, как никто другой на Богом данной обширной земле; меня воодушевляет народ в верной и самоотверженной любви к своему дарованному Богом правителю»^{[70][72]}.

Король много читал о России, хотел непременно посетить ее. К сожалению, это желание так и не осуществилось.

Зато Мария Александровна со своей свитой из двадцати шести человек, но уже без мужа и дочери, в августе 1868 года вновь совершила поездку в Баварию. После недолгого пребывания в Киссингене Людвиг II пригласил императрицу подольше погостить в его замке Берг. Она провела там почти месяц — замок был предоставлен Людвигом в полное ее распоряжение. Сам король всё это время жил в небольшом домике при замке на берегу озера. Для Марии Александровны Людвиг устраивал праздники с фейерверками и музыкальными представлениями как в парке Берга, так и на Острове роз (Roseninsel) на Штарнбергском озере — Максимилиан II в свое время построил там для сына небольшую виллу, вокруг которой разбил сад с несколькими тысячами (!) розовых кустов. Возможно, в присутствии российской императрицы Людвиг II забывал даже о существовании Рихарда Вагнера...

Двадцать восьмого сентября Мария Александровна отправилась в Италию, и Людвиг проводил ее до Инсбрука.

«Неоднократно утверждается, что король Людвиг II из всех женщин, с которыми он познакомился, почитал больше всего императрицу Елизавету Австрийскую. При более точном исследовании это утверждение нуждается в исправлении. Ибо из дневников и писем Людвиг II видно, что он также почитал и других женщин, по крайней мере, столько же, сколько Сиси.

Среди них — российская императрица Мария Александровна, которая, по-видимому, повлияла гораздо больше, чем Сиси, на его представления о сути и о задачах королевской власти»^{[71][73]} — таков вывод исследователя Франца Мерты.

Вот и вся правда о «русско-баварских сердечных тайнах»...

Вернемся, однако, к нашему повествованию. Итак, королева-мать, как и весь баварский народ, продолжала томиться ожиданием свадьбы сына. И вот, наконец, в самом начале 1867 года Бавария была буквально потрясена великолепной новостью: Людвиг II нашел достойную невесту! Королева Мария возликовала. Родителям избранницы было отправлено официальное предложение; 22 января состоялась помолвка; определен день свадьбы: король будет венчаться 12 октября, в тот же день, когда венчались его дед и отец. Следование традициям, семейным и национальным, для истинных баварцев едва ли не более важно, чем для англичан.

Долгожданной невестой короля стала София Шарлотта Августа, принцесса Баварская, герцогиня Баварская, сестра императрицы Елизаветы Австрийской. Скорее всего, именно последнее обстоятельство сыграло для Людвигу решающую роль в выборе будущей жены. Ему казалось, что София напоминает Елизавету во всём — и внешне, и внутренне. Мы уже вскользь касались отношений, связывавших Людвигу и Елизавету, которыми оба очень дорожили. Они всегда старались встретиться, когда Елизавета приезжала на родину. Чаще всего это происходило на берегах Штарнбергского озера, когда Людвиг отдыхал в замке Берг, а Елизавета — на противоположном берегу озера в замке Поссенхофен (Possenhofen), купленном ее отцом Максимилианом Баварским (1808–1888) в 1834 году. Это место было бесконечно дорого сердцу австрийской императрицы: здесь она родилась и провела детство. Елизавета и Людвиг, вплоть до смерти последнего, встречались на Острове роз, куда король приплывал на своем пароходе «Тристан». Среди аромата роз две одинокие родственные души читали вслух стихи любимых поэтов, размышляли, мечтали... Между Людвигу и Елизаветой было условлено давать знак о свидании ударом колокола; если кто-то не мог прийти в назначенное время, другой оставлял для него письмо в почтовом ящике при вилле, ключ от которого был у обоих. В этих письмах Людвиг называл себя Орлом, а Елизавету — Голубкой...

Должно быть, Людвигу казалось, что родная сестра Сиси должна обладать такой же чуткой и романтической натурой. В то время Софии было 20 лет и она была настоящей красавицей. К тому же принцесса обладала приятным голосом, хорошо играла на фортепьяно, а главное —

любила музыку Рихарда Вагнера. Чего же еще желать?

Но, как бы ни ждали при баварском дворе объявления о свадьбе короля, скоропалительность принятого им решения изумила всех. Биограф Людвиг Карл Теодор фон Хайгель писал: «Объяснившись с принцессой на балу, он, ни с кем не посоветовавшись, прямо объявил, что женится на ней. Выбор его был одобрен королевой-матерью, а появление затем в театре жениха и невесты вызвало всеобщий восторг»^[74].

Медаль в честь помолвки короля Людвиг

Людвиг выглядел по-настоящему влюбленным. И это ни в коем случае не было притворством — король никогда не был способен на неискренность даже из политических соображений, не говоря уже о сфере личных чувств. Что бы потом ни говорил даже сам Людвиг, это не был и самообман: мол, под влиянием общественного мнения он заставил себя поверить, что это любовь. Он никогда ничего не делал под давлением общественного мнения — кроме, пожалуй, рокового удаления Вагнера из Мюнхена, которое в итоге и привело его к трагедии. Людвиг действительно полюбил, полюбил всем сердцем, со всей страстью порывистой эмоциональной натуры, для которой во внезапно вспыхнувших чувствах нет ничего из ряда вон выходящего. Современник и биограф короля профессор Конрад Байер (Beyer; 1834–1906) отмечал: «Король окружил свою невесту таким ореолом романтизма, что все в стране поверили тому, что она воплощенная поэзия. Он заказал лучшему скульптору ее бюст и поставил его в своем зимнем саду. Затем один из лучших художников Мюнхена, портретист Barfus^[72], по заказу короля, лично присутствовавшего на сеансах, писал портрет будущей королевы в подвенечном наряде; и раз, смотря на почти уже оконченный портрет, король воскликнул с восторгом: «Eine königliche Braut!»^[73] Принцесса была изображена в кружевном платье, с подвенечным вуалем, и была очень похожа на свою сестру императрицу Елизавету»^[75]. Поистине, любовь Людвиг II была подобна фейерверку — ослепительно вспыхнув, она так же быстро и погасла...

Между тем у короля практически одновременно с невестой неожиданно появилась... фаворитка — Лилла фон Бульовски (Bulyowsky, Bulyovsky), урожденная Силади (Szilägyi; 1833–1909). Актриса, танцовщица и поэтесса^[76] венгерского происхождения обладала многочисленными талантами и была настоящей красавицей. Актерскому мастерству она обучалась у отца, выдающегося актера Пала Силади (Pál Szilägyi; 1790–1874), блиставшего на сценах Пешта. С 1847 года Лилла уже с успехом выступала в родном Клаузенбурге^[74]. В следующем году она вышла замуж за писателя и литературного критика Дьюлу Бульовски (1827–1883), а еще через год переехала в Пешт, где вплоть до 1860 года была занята преимущественно в трагических ролях. Вершиной ее артистической карьеры стало воплощение на сцене образов заглавных героинь трагедий Фридриха Шиллера «Мария Стюарт» и Готхольда Лессинга «Эмилия Галотти». В 1867 году Лилла получила ангажемент в

Мюнхенский королевский придворный и национальный театр. Именно там в роли Марии Стюарт ее увидел Людвиг II.

Вскоре актрисе поступило королевское приглашение посетить замок Хоэншвангау, которое та с благодарностью приняла. Лилла и Людвиг вступили в переписку, продолжавшуюся более шести лет. В письмах король называет Бульовски «моя любимая подруга», рассыпает комплименты, восторгается ее талантом и красотой^[77]. Наконец, несмотря на уже объявленную помолвку с принцессой Софией, он приглашает Лиллу на свой «сакральный» Остров роз...

Что это, если не любовные отношения? В баварском обществе муссировались слухи, что то ли король пытался изнасиловать актрису, то ли актриса покушалась на непорочность короля. А на деле между ними не было никакой любовной страсти! Возможно, Лилла, несмотря на ее положение замужней женщины и значительную разницу в возрасте (она была старше короля на 12 лет), и испытывала к Людвигу некие романтические чувства (напомним, что он отличался редкой красотой, и устоять перед ним, особенно экзальтированной женщине, было довольно сложно). Однако смеем утверждать, что к женским чарам прекрасной актрисы Людвиг остался холоден, чего нельзя сказать о ее актерском таланте. Именно в талант, именно в «свою Марию Стюарт» влюбился король, увидев Лиллу на сцене. Ему было абсолютно всё равно, мужчина перед ним или женщина. Он отдавал дань эстетическому, а не любовному чувству. Забегая вперед скажем, что впоследствии место Лиллы рядом с королем займет актер Йозеф Кайнц; мы еще вернемся к проблеме принципиального различия для Людвиг II между любовью к человеку и поклонением таланту. Пока же можно сказать, что отношения с Лиллой фон Бульовски были «генеральной репетицией» перед встречей с Кайнцем.

Одновременно с любовными перипетиями и приготовлениями к свадьбе Людвиг II — на счастье и несчастье Вагнера — не забывал о своем друге и кумире и старался сделать всё возможное, чтобы его музыкальные драмы всё же увидели свет рамп. Король не мог не заметить, что с отъездом Вагнера и четы Бюлов из Баварии антивагнеровские настроения среди мюнхенской публики постепенно улеглись и постановки его произведений перестали быть чреватые публичными скандалами. Более того, мюнхенцы внезапно возгордились, что являются современниками великого композитора, и сами пожелали видеть его творения на сцене родного города.

И вот 5 апреля 1867 года Вагнер приехал в Мюнхен для аудиенции у Людвиг II. Он убеждал короля, что есть только один человек, способный

наилучшим образом поставить в Мюнхене его произведения, и это... Ганс фон Бюлов, «вагнеровский идеальный дирижер», как называл его сам композитор. Людвиг не мог не понимать, что Бюлов действительно является одним из лучших дирижеров своего времени и может составить гордость баварского театрального искусства. Король дал согласие на его возвращение в Мюнхен, тем более что семейный «вагнеровско-бюловский» скандал уже был отодвинут на второй план — после событий Австропрусской войны о нем подзабыли. Поэтому Гансу фон Бюлову был возвращен пост королевского капельмейстера; более того — он назначался руководителем открывшейся в Мюнхене Королевской музыкальной школы. Вагнер поспешил в Базель, где Ганс после отставки давал уроки фортепьяно, чтобы лично сообщить ему о переменах в настроении при баварском королевском дворе. Интересно отметить, что и Вагнер, и Ганс фон Бюлов — по крайней мере, на людях — всегда демонстрировали, что их интересует лишь искусство, а взаимоотношения носят по-прежнему дружески-деловой характер.

Вскоре Бюлов прибыл в Мюнхен и приступил к исполнению старой и новой должностей. Чтобы не подрывать очередными ненужными сплетнями готовящееся великое театральное предприятие, Козиме, несмотря на принятые ею ранее решения, пришлось опять вернуться к мужу, развод с которым до сих пор не был получен.

Между тем 24 апреля в Мюнхенской королевской резиденции торжественно отмечалось двухсотлетие рыцарского ордена Святого Георга, гроссмейстерами которого традиционно являлись баварские владетельные государи. Людвиг II впервые присутствовал на торжествах в этом качестве. 22-летний монарх выглядел поистине великолепно в расшитой золотом голубой мантии, подбитой мехом горноста, в камзоле с золотым шитьем, с рукавами, отороченными изысканным кружевом. Недаром на знаменитом посмертном портрете (1887) кисти художника Габриеля Шахингера (Schachinger; 1850–1912) король изображен именно в этом роскошном гроссмейстерском одеянии. Людвиг II и был последним королем-рыцарем! Рыцарем, беззаветно преданным идее Высокого Искусства.

Постановка «Тангейзера» в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре под управлением Ганса фон Бюлова планировалась на лето 1867 года. Король пожелал, чтобы и Вагнер не просто присутствовал на премьере, но и принимал непосредственное участие в ее подготовке. 30 мая он уже снял для композитора усадьбу Престеле (Prestele), снова в непосредственной близости от своего замка Берг. Вагнер вынужден был подчиниться желанию короля и на время покинул покой Трибшена.

Первого августа 1867 года с успехом прошла премьера «Тангейзера» на мюнхенской сцене. Надо отдать должное мужеству и таланту Ганса фон Бюлова: ради торжества искусства он был способен забыть причиненную ему боль и с полной самоотдачей выкладывался как на репетициях, так и на самом спектакле. Успех мюнхенской премьеры «Тангейзера» во многом явился его заслугой.

Вслед за «Тангейзером» было принято решение поставить «Лоэнгрина». Но тут случился совершенно неожиданный конфликт, повлекший за собой очередной виток охлаждения в отношениях композитора и короля. Людвиг II единолично решил заменить исполнителя главной партии. Первоначально предполагалось, что партию Лоэнгрина будет петь давний друг Вагнера Йозеф Тихачек^[75]. Но королю казалось, что в образе лучезарного Лебединого рыцаря — образе, дорогом ему с детства! — более уместно будет выглядеть не шестидесятилетний ветеран сцены, а более молодой исполнитель, и он, не посоветовавшись с Вагнером, настоял на кандидатуре восходящей звезды мюнхенской оперы Генриха Фогля^[76]. Вагнер был уязвлен вдвойне. Во-первых, он считал, что никто — даже король! — не имеет права вмешиваться в выбор исполнителей для его музыкальных драм. А во-вторых, он чувствовал себя неловко перед Тихачеком, которому партия Лоэнгрина в мюнхенской постановке была уже обещана. Несмотря на то, что Фогль впоследствии вполне оправдал доверие короля и прекрасно показал себя в спектакле, Вагнер, крайне раздраженный, немедленно покинул Мюнхен и вернулся в Трибшен.

Возможно, еще год назад после очередной ссоры с «великим Рихардом» король снова впал бы в отчаяние; но ныне он не был один на один со своим горем — рядом с ним находилась та, которая «понимает его, одинокого». Во всяком случае, так ему казалось...

Людвиг посчитал, что общество принцессы Софии, его будущей жены, заменит ему общество строптивного композитора. Но сравнение сначала с Елизаветой Австрийской, а затем с Вагнером оказалось для Софии роковым. Как знать, если бы ее ни с кем не сравнивали, не ставили бы слишком высокие планки «небесного совершенства и гениальности» — возможно, и не было бы у короля разочарований, повлекших за собой разрыв, который уже был не за горами? Пока же вся Бавария готовилась к королевской свадьбе.

По свидетельству современников, ничто не предвещало беды. Идиллия, да и только! С. Лаврентьева сообщает подробности подготовки к торжествам:

«Не будучи так царственно хороша, как сестра, принцесса была грациозна и чрезвычайно мила. Спокойная глубина ее голубых глаз, стройность ее стана искупали некоторую неправильность черт ее лица. Ничто не могло быть очаровательней этой пары! Молодая принцесса была так же популярна в народе, как и молодой король. По всей Европе, при всех дворах с симпатией смотрели на эту королевскую идиллию, так как слух о Людовиге II, идеалисте, мечтателе, артисте — становился легендарным... Эта пара, улыбающаяся в витринах эстампных магазинов, казалась счастливым предзнаменованием. Всё готовилось к брачным торжествам. Будущая королева составляла свой двор. Ее комнаты отделялись. Побывав летом на выставке в Париже, король много там закупил подарков своей невесте... Была даже готова парадная карета, стоившая, как говорили, более миллиона флоринов и возбуждавшая удивление и восторг всего города. (Сегодня свадебную карету Людовига II можно увидеть в Музее экипажей в Нимфенбурге. А роскошные королевские мантии, сшитые для церемонии венчания, — в Музее Людовига II в Херренкимзее. — М. З.) Государство заготовляло для рассылки по Баварии посвященные событию медали. Должны уже были начаться празднества. В это время стали распространяться тревожные слухи: свадьба отложена, а затем и совсем расстроена...»^[78]

Вскоре восторг общества по поводу предстоящего монаршего бракосочетания сменился недоумением. В назначенный срок, 12 октября, свадьба не состоялась и откладывалась без объяснения причин на неопределенный срок. Луиза фон Кёбель писала: «Король беседовал с герцогиней Софией о музыке, о художестве. Танцевал с ней франсез^[77] на балу князя Гогенлоэ^[78]; сидел подле нее в театре, а летом отвозил ее в Берг, где на своем пароходе «Тристан» катал по Штарнбергскому озеру к замку Поссенхофен, где в это время жила герцогская семья (герцога Баварского Максимилиана Иосифа (1808–1888), отца Елизаветы и Софии. — М. З.), наслаждавшаяся этими хорошими, полными надежд, днями. <...> Отчего произошел разрыв? Предположений было столько, сколько мошек в воздухе; но настоящая причина так и осталась неизвестной...»^[79]

Причина разрыва — одна из тайн Людовига II, унесенная им в могилу. Предположений по этому поводу действительно было множество. Как мы уже говорили, одно из самых правдоподобных — София не смогла соответствовать тому фантастическому идеальному образу, который родился в воображении короля. Да, в реальной жизни идеалу нет места! Один близкий к Людовигу царедворец вспоминал: «Король в его идеале

представлял женщину таким высшим существом, — чуть не настоящим ангелом, — которому недостает только крыльев... а первая женщина, к которой он приблизился, не подошла, видимо, под его идеал. Я сам слышал, как он раз сказал: «Wenn ich einmahl heirathe, so suche ich eine Königen, eine Landes-mutter, und keine Herrin!^[79]»... Король объявил, что его невеста его не любит и ему не верна»^[80].

Еще до официального разрыва помолвки, 8 октября 1867 года, в письме Козиме фон Бюлов Людвиг II уже делает попытку самооправдания, из которой становится понятно, что он всё решил: «Когда я летом часто писал моей кузине Софии о почитаемом и любимом ею Маэстро — нашем великом друге [Вагнере], — посылал ей книги, письма и т. д., ее мать из существующей между мной и ее дочерью корреспонденции узнала об этом и своим неуклюжим, недалеким умом решила, что это были обычные любовные письма. То, что речь шла о чисто духовных отношениях, эта Дракониша не могла даже вообразить, так как эти ограниченные люди всё возвышенное меряют по собственной мерке (здесь и далее курсив наш; в очередной раз обратим внимание на подчеркнутую королем разницу между любовными и духовными отношениями. — М. З.). София, расположение которой ко мне было действительно настоящей любовью, чувствовала себя глубоко несчастной, когда слышала, что я не испытываю со своей стороны ничего подобного; из умиления и откровенного сострадания к ее печальному положению я сделал необдуманый шаг к помолвке. Я знаю ее с юности, искренне любил ее всегда как родственницу, как сестру, дарил ей мое доверие, мою дружбу; но нелюбовь»^[81].

Очень часто биографы Людвиг II рисуют довольно непривлекательный портрет Софии: она, мол, не обладала и десятой долей обаяния и вкуса старшей сестры, ее любовь к музыке была не чем иным, как средством привлечь к себе внимание августейшего жениха, а на самом деле она — всего лишь недалекая и корыстная (еще бы — хотела выйти замуж непременно за короля!) жеманная барышня. Купившись на внешнее сходство Софии с Елизаветой, Людвиг был на время очарован ею, но, пообщавшись с ней более тесно, разочаровался и стал тяготиться ее обществом. А если к этому прибавить слухи, что он якобы застал принцессу в объятиях другого (то ли какого-то аббата, то ли грума, то есть конюха — тут «источники» расходятся во мнениях), то общая картина складывается, увы, не в пользу Софии. К тому же ряд биографов (к примеру, Конрад Байер, Карл Теодор фон Хайгель и Жак Банвиль) упоминают, что Людвиг в порыве гнева уничтожил портрет и бюст

возлюбленной, что косвенно подтверждает слухи о ее неверности. Правда, есть и другое мнение — София стала жертвой клеветы.

Еще говорили, что отец Софии, герцог Максимилиан, начал настаивать на ускорении свадьбы, прямо поставив вопрос: «Желает ли король назначить окончательный срок или возьмет свое слово назад?» Людвиг, не терпевший любого посягательства на свою свободу, тут же ухватился за предоставленную ему возможность, разорвал помолвку и отправил Софии письмо со словами: «Твой жестокий отец разлучил нас».

Скорее всего, дело обстояло намного проще и прозаичнее: Людвиг не только понял, что София не соответствует его идеалу, — он был попросту не готов нести бремя брачной ответственности. В фильме «Ирония судьбы, или С легким паром» Женя Лукашин говорит: «Но как представлю, что она будет вечно мелькать у меня перед глазами туда-сюда, туда-сюда...» Людвиг искренне поверил, что в лице Софии встретил свой идеал, мгновенно воспламенился, но так же мгновенно остыл. Он представил себе, что «она будет вечно мелькать перед глазами», и банально испугался. Лукашин в такой ситуации сбежал в Ленинград. Королю бежать было некуда. Он сначала малодушно оттягивал свадьбу, а затем стал хвататься за любую соломинку, чтобы и вовсе ее расстроить. Потому и называется столь много противоречащих друг другу причин разрыва — настоящая-то причина была не в невесте, а в женихе. Эту версию косвенно подтверждает письмо, написанное Людвигом Софии сразу после расторжения помолвки: «Если ты в течение года не найдешь человека, с кем могла бы быть счастлива, тогда мы можем пожениться, если ты этого захочешь». Таким образом он заглушил угрызения совести. Трудно представить, чтобы Людвиг написал подобное, если бы действительно застал принцессу с другим.

София не заслужила того, чтобы муссировать столь оскорбительную для ее памяти сплетню. Она и так была несчастлива. Оставим за рамками нашей истории действительно имевшую место романтическую влюбленность юной принцессы в мюнхенского фотографа Эдгара Ханфштэнгля (Hanfstaengl; 1842–1910), не принесшую ей ничего, кроме горя. Если она и изменяла жениху-королю, то лишь мысленно... В 1868 году София, фактически по настоянию родных, вышла замуж за Фернана де Бурбона Орлеанского, герцога Алансонского (1844–1910), внука французского короля Луи Филиппа. Сказать, что брак оказался неудачным, — значит не сказать ничего. Но все страдания, которые ей пришлось пережить, лишь укрепили ее. Чистая и мудрая душа Софии нашла подлинное отдохновение в благотворительности. О ее щедрости и

бескорыстии ходили легенды. Из жизни она ушла, словно героиня эпической драмы: погибла 4 мая 1897 года во время пожара на благотворительной ярмарке в Париже, твердо решив, что не будет спасаться до тех пор, пока с ее помощью не избегнут смертельной опасности все, до последнего человека.

Кстати, вскоре после гибели Софии, 10 сентября 1898 года, на набережной Женевы смертельный удар в сердце, нанесенный анархистом Луиджи Лукени, сразил ее сестру Елизавету Австрийскую. В свое время, сразу после похорон своего сына принца Рудольфа, покончившего с собой в замке Майерлинг, Елизавета сказала: «Я хотела бы умереть от небольшой раны в сердце, через которую улетит моя душа. Но я хочу, чтобы это произошло вдали от тех, кого я люблю». Ее желание полностью исполнилось...

Так ушли из жизни две главные *возлюбленные* в жизни Людвига II. Судьбы всех «вершин» этого своеобразного «любовного треугольника» на время пересеклись, а потом разошлись. И каждый из них до конца своих дней остался по-своему одиноким. Надо ли говорить, что Людвиг II так никогда и не женился?

И здесь мы подходим к одной довольно щекотливой теме, которую не имеем права обойти молчанием.

Общим местом является утверждение, что Людвиг II был гомосексуалистом. Достаточно вспомнить уже называвшийся нами фильм Лукино Висконти, где этой сюжетной линии уделено едва ли не основное внимание. (Правда, необходимо учитывать, что Висконти выражал в своих произведениях в первую очередь собственные внутренние переживания, поэтому его Людвиг имеет гораздо большее отношение к личности режиссера, чем к своему реальному прототипу.) Если принять эту точку зрения, становится вполне объяснимо странное на первый взгляд отношение короля к женщинам. Но всё не так просто...

Людвиг II не напрасно хотел остаться «вечной загадкой». Вопросов в отношении его личности гораздо больше, чем ответов. И нет *ни одного неопровержимого факта* гомосексуальной связи короля с кем бы то ни было! Более того, некоторые серьезные биографы Людвига II^[82] напрямую говорят о том, что король умер *девственником*.

Один из ближайших приближенных баварского монарха вспоминал: «Мюнхенский листок» в июне 1886 года после кончины Людвига II поместил статью, в которой, подобно всем тогдашним немецким газетам, спешившим набросать как можно более грязи на светлый образ короля, касаясь нравственности Людвига II, придает ему столько романтических

вымыслов, сколько влезло в его фантазию! Легион людей, поклонявшихся Бахусу, Гамбринусу или обоим вместе и ставивших на еще более высокий пьедестал богиню Венеру, — эти люди не в состоянии были даже поверить, чтобы такой красивый, молодой, здоровый человек, как Людвиг II, оставался равнодушен к женской красоте. Те, которым это поползновение так же необходимо, как еда, питье и сон, не допускали такого равнодушия Людвига II и награждали его в своем воображении всевозможными любовными похождениями исподтишка. Тут являются на сцену то красивая мельничиха, то дочь рыбака, то певица, то драматическая актриса! Старый служитель короля, бывший при дворе с 1843 года, видевший рождение Людвига II и остававшийся при нем до конца его жизни, говорил, что он прозакладывает свою голову, что король как жил девственником, так им и сошел в могилу. «Поверьте мне, — говорил он, — у нас он был всегда на глазах, так что ни одна кошка не могла прокрасться в его спальню без того, чтобы мы о том не знали. Мне уже 70 лет; я состарился при короле и знаю его так же хорошо, как своего отца. Я ручаюсь головой за нравственную чистоту и полную невинность короля Людвига II. Всё, что рассказывают о его любовных приключениях и разных страстях, — всё это ложь и клевета!»^[83].

Убедительно, не правда ли? А вот еще более категоричные заявления:

«Те, кто распускал разные гнусные клеветы про такого неуязвимого девственника, каким был Людвиг II, были так низки, что даже не заслуживают презрения!»^[84]

«Те, кто знал Людвига II в 18 лет, говорят, что это был в высшей степени чистый, целомудренный, вдохновенный юноша, горячий сердцем романтик, в котором не было ничего дурного. И этот романтизм красной нитью прошел через всю его жизнь, постепенно развиваясь»^[85].

Но откуда же в таком случае пошли слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации короля, которая в его время считалась одним из самых позорных пороков? И на чем они, в конце концов, основаны? Необходимо попытаться понять одну из многих психологических граней такой сложной и противоречивой личности, какой был Людвиг II, причем понять с позиций человека XIX столетия, да еще и руководствовавшегося возвышенными идеалами романтизированного Средневековья. Людям XXI века сделать это если не невозможно, то по меньшей мере очень сложно. Уже одно то, что Людвиг II отличался строгой набожностью, которая просто не позволила бы ему встать на скользкий путь порока и разврата, для людей, живущих в эпоху сексуальной революции, воинствующего

атеизма и морального разложения, является непостижимым. Мы привыкли судить по себе, и Людвиг II с его идеалами для нас — человек с другой планеты. Он даже в свое время уже выбивался из общих правил. Поэтому не приходится удивляться, что, когда новоявленного Дон Кихота не удалось «причесать» под всеобщий стандарт, он был объявлен сумасшедшим, а для достижения большего эффекта ему были приписаны еще и всевозможные пороки. Если не пытаться вникнуть в суть, а смотреть поверхностно, то почва для этого была исключительно благодатной.

Мы уже говорили об эпистолярном стиле короля, во многом явившемся причиной грязных сплетен. Не будем повторяться, напомним лишь, что злословие именно по этому поводу началось только в XX веке — при жизни Людвигу такой стиль переписки никого не удивлял. Гораздо больше пищи для слухов давало обыкновение короля приближать к себе актеров и деятелей искусств и давать им приют у себя во дворцах — и при этом избегать общества женщин! Современники вполне могли задаться вопросом: чем «эти актеришки» занимаются там под покровом ночи — ведь в комнатах короля до рассвета горит свет?.. Слухов и сплетен было более чем достаточно. А что же происходило на деле?

Говоря о тонком художественном вкусе Людвигу II, следует отметить, что он — пожалуй, как никто из его окружения — был способен оценить настоящий большой талант, особенно в сфере любимого им сценического искусства. Отношения короля с Вагнером мы уже подробно рассмотрели, отношения с Лиллой фон Бульовски — также; во втором случае дело хотя бы ограничивалось слухами о простом и понятном «натуральном» адюльтере. В целом же касательно приближения ко двору одаренных драматических актеров (такое поведение Людвигу почти всегда объяснялось исключительно его гомосексуальными связями с ними), в частности того же Йозефа Кайнца, о котором мы еще будем в свое время говорить подробно, берем на себя смелость предположить: это было следствие желания постоянно иметь при себе источник эстетического наслаждения, сродни тому, как мы покупаем диски с фильмами или музыкой, чтобы в любой момент, не выходя из дома, получить удовольствие от любимого произведения. Такое предположение получает подтверждение в воспоминаниях современников. «Любя пение и декламацию, Людвиг часто приглашал артистов и *артисток* (здесь и далее курсив наш. — М, З.) во дворец ночью, что всегда очень щедро оплачивалось. Но и здесь король не показывался лично: он слушал из соседней залы, из-за густой зелени, и даже свою благодарность и одобрение передавал письменно или через секретаря. Но бывали случаи,

когда увлечение игрой артиста переходило в личное знакомство с ним. Это случалось тогда, когда своей внешностью, манерами и голосом *артист совершенно сливался со своей ролью*»^[86].

Людвиг II, будучи мечтательной и экзальтированной натурой (этого никто отрицать не собирается), вживался в атмосферу сценического произведения, и его фантазии нуждались в энергетической подпитке извне. Приглашая актеров ко двору, король, с определенного времени ведущий ночной образ жизни, часто поднимал их среди ночи и просил прочитать какой-нибудь монолог или сыграть сцену, что они и выполняли. Людвиг действовал точно «по Станиславскому» — любил не самих актеров, а их искусство. Их личность для короля не существовала, что не мешало ему награждать их дорогими подарками. «Я знаю *артистку* Маллингер, — однажды ответил Людвиг на вопрос о знакомстве с упомянутой актрисой. — *Мадемуазель* Маллингер мне незнакома!» Ниже, разбирая пресловутые отношения Людвига с Кайнцем, мы воочию убедимся, что как раз они-то и являются прямым доказательством правильности нашего утверждения.

Что же касается отношений с женщинами, то (к вопросу о несостоявшейся свадьбе) нельзя забывать, насколько Людвиг II дорожил своей внутренней свободой, ведь свободы внешней он как король был лишен. Только оставаясь в одиночестве, Людвиг мог позволить себе быть самим собой. Женившись, он терял право на одиночество. Поэтому он искал — действительно искал! — женщину, которая бы не разрушила его внутренний мир, а гармонично дополнила его. Таковую женщину Людвиг нашел лишь в лице Елизаветы Австрийской, но брак между ними был невозможен. Хотя, скорее всего, именно вследствие этого их отношения и сохранили свежесть. Кроме того, подчеркнем еще раз, чувства Людвига к Елизавете и Елизаветы к Людвигу вообще нельзя назвать любовью в эротико-физиологическом понимании этого слова. Это была дружба — искренняя, чистейшая, высокая. Тот, кто не верит в возможность дружбы между мужчиной и женщиной, пусть обратится к примеру Людвига II и Елизаветы Австрийской! Людвиг стал искать себе спутницу жизни, максимально похожую на Елизавету; причем в приоритете была именно не жена, а друг. Он честно пытался найти в Софии замену ее сестре и, конечно, потерпел неудачу: для такого максималиста, каким был Людвиг II, малейшее несоответствие идеальному образу — а в Софии, отнюдь не являвшейся «клоном» Елизаветы, таких несоответствий было гораздо больше — разрушало возможность дальнейших отношений. Жак Банвиль писал: «Воспитанный при очень католическом мюнхенском дворе, в самой строгой дисциплине мысли, слова и нравов... схожий с теми героями

Вагнера, с которыми он любил себя сравнивать, он был человеком, которому женщина внушала что-то вроде привлекательного ужаса. Как Зигфрид, преодолев все опасности, содрогнулся, открыв Валькирию-Брюнгильду, — точно так Людвиг II трепетал перед мыслью о любви к женщине. Он останавливался на краю бездны, полной для него опасности и тайны: перед сердцем женщины. Никогда не зная разврата, оставляющего неизгладимое пятно, слишком уважая себя, чтобы растрчивать свой идеал на мелкие интрижки, Людвиг II при своей красоте, молодости, положении, способных очаровывать самые возвышенные, не сдававшиеся другим сердца, остался лучезарно-чистым и одиноким на своем троне. И это поражает даже еще более, чем его артистические вкусы и романтические замки. Такое глубокое чувство собственного достоинства представляет чудо в короле, поставленном среди всевозможных, самых опасных, предоставленных на его волю искушений. Он должен был бороться, чтобы завоевать уединение, тогда как другие люди борются, чтобы войти в самую середину искушений. Он должен был защищать себя против любовных натисков, которым всякий другой охотно бы уступил»^[87]. Лучше и точнее не скажешь!

Упомянутый в цитате любовный натиск на красавца-короля мог действительно испугать кого угодно. Очень скоро в личном знакомстве чуть ли не с любой женщиной Людвиг стал видеть посягательство на свободу своей личности. К такому неутешительному выводу его привели не беспочвенные фантазии, а многочисленные попытки прямого соблазнения юного короля, предпринимавшиеся хотя бы теми же актрисами, которые не допускали и мысли, что короля интересует лишь их искусство. Людвиг занял сугубо оборонительную позицию; ему приходилось постоянно защищаться, чтобы не попасть в сети, расставленные коварными интриганками. Поэтому-то в мужском обществе он чувствовал себя гораздо свободнее, а значит, и комфортнее; по крайней мере, он мог себе позволить расслабиться и не искать подвоха. Вот и всё!

Но и среди мужчин Людвиг не нашел человека, полностью отвечавшего его высоким требованиям к дружбе. Увидев в своем новом знакомом живое воплощение Зигфрида или Дидье^[80], Людвиг всем сердцем привязывался к нему. Но постепенно идеальный образ, созданный фантазией короля, уступал место реальной личности, и приходило болезненное разочарование. Одно разочарование следовало за другим. Наконец, во имя сохранения внутренней свободы и покоя Людвиг утвердился в убеждении, что идеальным жизненным спутником для него

может быть только... он сам.

И здесь уместно уже говорить не о *гомосексуализме*, а о *нарциссизме* Людвига II. Он был абсолютно самодостаточной личностью. Известная поговорка «Мне хорошо наедине с моей библиотекой» в широком смысле как нельзя более подходит к характеристике личности баварского короля. Т. Новиков и А. Медведев отмечают: «Поставленный перед необходимостью выбора между любовью и тронem и всё-таки избравший любовь, Людвиг I как художник разглядел во внуке удивительное сочетание Адониса и Нарцисса. Было бы странным, если бы недруги короля, иллюминаты^[81], не стали по свойственной им методике комментировать и интерпретировать особенность Людвига, отмеченную его дедом. Они принялись распускать слухи о гомосексуальных наклонностях Людвига. Враги монархии не сомневались, что слухи, подобно смертоносным парам едкой кислоты, заменят ореол фантастичности и ауру таинственности, окружающую юного прекрасного короля, на миазмы приписываемых ему пороков. Франц Герре в книге «Людвиг II Баварский. Его жизнь, его страна, его время», выпущенной издательством «Weltbild» в 1995 году к 150-летию со дня рождения Людвига II (мы используем первое издание этой книги, вышедшее в Штутгарте в 1986 году. — М. 3.), замечает, что если и уместно говорить о гомофилии и гомоэротизме баварского короля, то исключительно как о направленных им на себя самого. Он утверждает, что Людвиг по своему облику представлял редкий для барочнокатолической традиции тип пуританина. Вряд ли можно было найти какого-нибудь другого современника Людвига, с подобной ему тонкой душевной организацией, моральные устои которого были бы сравнимы с королевскими и также затруднили бы ему перешагнуть порог, отделяющий Эрос от Сексуса»^[88].

В завершение этой темы отметим: на сегодняшний день, при фактической недоступности для исследователей архива Дома Виттельсбахов, неопровержимых доказательств в пользу той или иной точки зрения по поднятому вопросу попросту не существует. Как говорится, «свечку никто не держал». Но приведенные нами свидетельства представляются нам более убедительными, чем сплетни и газетные утки, инспирированные явными недругами Людвига II. Для плодотворного продолжения дискуссии сторонникам теории о гомосексуализме короля следует привести столь же авторитетные доказательства своей правоты. Оговоримся сразу: то, что упомянутый нами в предисловии пресловутый «Дневник» Людвига II является грубой фальсификацией, доказано

настолько бесспорно, что доверять ему в наше время может лишь тот, кто совершенно далек от исторической науки. Кроме того, необходимо помнить, что во времена Людвига II гомосексуализм считался одним из признаков психического заболевания. Поэтому для создания «полной картины» падения короля его враги просто обязаны были разыграть и эту карту. Вскоре мы подробно разберем, как они действовали, не чураясь никаких средств. Пока же остается с сожалением констатировать, что наветы недобросовестных «прокуроров» почти всегда оказываются гораздо сильнее любых, даже самых достоверных доводов «адвокатов».

Как бы там ни было, начиная со времени несостоявшейся женитьбы Людвиг II всей душой отдался страсти, заменившей в его сердце чувства к женщине. Не найдя воплощения своих идеалов в людях, он сам стал, как Пигмалион, воплощать их в каменных творениях — только его «Галатееми» стали не статуи. Из настоящего король уходит в прошлое. Отныне он был «женат» на своих, пока еще не построенных, замках.

И на этом поприще наш девственник стал поистине «многоженцем».

Глава пятая

МАГИЯ ЛУННОГО СВЕТА

Итак, с конца 1860-х годов — точкой отсчета определим 1867-й — Людвиг II начал строить свои замки, пытаясь воплотить в реальности мечту. Он жаждал убежища от несправедливостей жизни, но не знал, каким должно стать идеальное убежище. Он искал, выбирая то один вариант, то другой. Может быть, еще и этим объясняется количество и многообразие практически одновременно начатых проектов?

Фактически именно это «неуемное строительство» стоило королю трона. В том, что Людвиг II во второй половине XIX века вдруг занялся строительством замков, недоброжелатели видели чуть ли не главное доказательство его безумия. Однако справедливости ради стоит обратить внимание на одну особенность «циничного и прагматичного XIX века». Если, как мы отмечали, раньше по всей Европе прокатилась мода на кунсткамеры, то во времена Людвига II как раз началось повсеместное, повальное увлечение, во-первых, Востоком, во-вторых — строительством псевдоготических «средневековых» замков. Людвиг отдал дань и тому и другому (пожалуй, лишь в этом смысле его можно назвать «героем своего времени»).

На беду, король относился ко всему слишком серьезно. Его увлечение Востоком вылилось в глубокое изучение предмета; он перечитал огромное количество философской, исторической и культурологической литературы (библиотека короля поистине впечатляет, и есть документальные свидетельства, что эти книги действительно были им прочитаны; некоторые даже по несколько раз). Современники же Людвига в основном увлекались, так сказать, европейским псевдовостоком, не утруждали себя изучением тонкостей восточных философий, ограничиваясь лишь внешними атрибутами: курением кальяна, ношением шелковых халатов, устройством «восточных комнат» (так в наше время в типовых загородных коттеджах устраивают японские «сады камней»).

Что же касается замков, то их строили уже не только короли и представители высшей аристократии, но и зажиточные купцы, банкиры — все, кто имел достаточно средств для столь дорогого увлечения. Более того, ради собственного замка люди влезали в долги, разорялись, но всё равно строили! Чтобы не быть голословными, приведем лишь несколько самых характерных примеров (об «архитектурных чудачествах» Людвига I мы уже

говорили).

На юге земли Северный Рейн — Вестфалия на склонах горы Драхенфельс (Drachenfels — нем. букв. Скала дракона) в живописном парке стоит замок Драхенбург (Drachenburg), построенный по заказу Стефана фон Зартера (von Sarter; 1833–1902) — разбогатевшего биржевого маклера из Бонна, получившего дворянский титул. Возводился замок в 1882–1884 годах, то есть являлся ровесником замков Людвига II и, можно сказать, «братом» того же Нойшванштайна, с которым его роднят и архитектура (неоготика), и внутренняя атмосфера. Так, например, в Драхенбурге есть «комната Нибелунгов», стены которой украшены фресками с изображением сцен из древних германских легенд. При этом ни о каком психическом заболевании удачливого финансиста Зартера никто почему-то не говорит.

Другой пример — резиденция Вельфов, одного из древнейших аристократических родов Германии, — замок Мариенбург (Marienburg — нем. букв. Замок Марии), в 20 километрах от Ганновера. Этот очередной «родственник» Нойшванштайна был построен несколько раньше, в 1857–1867 годах, ганноверским королем Георгом V (1819–1878) в качестве подарка его жене Марии Саксен-Альтенбургской (1818–1907). Мариенбург, кроме опять же неоготической архитектуры, примечателен еще и тем, что его хозяин имеет непосредственное отношение к так называемому фонду Вельфов, который сыграет в нашей истории далеко не последнюю роль. Дело в том, что в ходе Австропрусской войны королевство Ганновер было аннексировано Пруссией, Георг V низложен, его имущество конфисковано, а сам он бежал сначала в Австрию, а затем в Париж. Договором от 29 сентября 1867 года бывшему ганноверскому королю был выделен капитал в размере 48 миллионов марок. Однако во Франции Георг V, так и не смилившийся с потерей королевства, решил взять реванш и развернул бурную антипрусскую деятельность, включая издание агитационной газеты «Ситуасьон» и даже набор в Легион Вельфов — армию из своих сторонников. Естественно, правительству Пруссии такие действия бывшего монарха никак не могли понравиться; 2 марта 1868 года капитал Георга V был секвестирован. Эти средства и составили фонд Вельфов, доходами которого стал чуть ли не единолично распоряжаться Отто фон Бисмарк. Заметим, что расходование Бисмарком средств фонда Вельфов (в частности, деньги шли на подкуп нужных людей, в том числе представителей прессы, то есть использовались в качестве средства финансового давления) было абсолютно незаконным, так как фонд продолжал оставаться в собственности Ганноверского Дома. Правда, справедливости ради заметим, что семья Георга V не была оставлена без

средств к существованию: с 1879 года вдовствующая королева Мария получала из того же фонда ежегодную пенсию в 240 тысяч марок. Когда в 1892 году тайные махинации Бисмарка вскрылись, разразился скандал, к которому мы еще вернемся.

Можно еще и еще приводить примеры замковых новоделов XIX века (мода на них докатилась даже до нашего времени). Очень многие состоятельные люди начали таким образом «убегать» в прошлое. Романтическое, байроническое, онегинское — определение может быть любым, суть явления от этого не меняется — разочарование в жизни охватило аристократическую и образованную верхушку общества по всей Европе. Человечество уже нравственно заболело; никогда раньше люди не стремились столь отчаянно прятаться от мира в скорлупку своей индивидуальности. Причем атрибуты такого «побега» оставались преимущественно чисто внешними. Те, кто имел родовые, давно забытые развалины замков или крепостей, начинали отстраивать их заново в «неосредневековом» духе; у кого «фамильных руин» не было, норовили непременно купить их (напомним, что и отец нашего героя Максимилиан II в 1832–1837 годах построил свой Хоэншвангау на месте древней крепости). Неоготика расцвела пышным цветом!

Но чаще всего результат таких восстановительных работ имел мало общего с первоначальным вариантом. Пожалуй, самым показательным примером подобной романтической реставрации может служить нынешняя жемчужина земли Баден-Вюртемберг — замок Гогенцоллерн (Hohenzollern — от юж. — нем. Высокая скала), одиноко стоящий на вершине горы Цоллер в 50 километрах от Штутгарта. Здесь с 1267 года (по некоторым сведениям, даже раньше, с XI столетия) находилась родовая крепость династии Гогенцоллернов. В 1423 году крепость подверглась полному разрушению, но была отстроена заново. Однако в XVIII веке она стала приходить в запустение и довольно быстро была разобрана практически до основания. Лишь в 1850–1867 годах прусский король Фридрих Вильгельм IV^[82] вернул родовому гнезду былое величие, хотя построенный им неоготический изящный замок даже отдаленно не напоминает своего грубого средневекового предшественника — «укрепленное жилище феодала». Кстати, примерно за десять лет до начала этого строительства Фридрих Вильгельм заново возвел на левом берегу Рейна, также на месте руин XIII века, еще один замок — Штольценфельс (Stolzenfels — букв. Гордая скала), сделав его своей летней резиденцией, и она необычайно похожа на Хоэншвангау...

Так что в увлечении Людвига II строительством не было ничего

экстраординарного.

Первым в ряду королевских «сказочных» замков называют каменное чудо, ныне носящее звучное имя Нойшванштайн (это название замок получил уже после смерти Людвига II). Предтечами его можно назвать Хоэншвангау, где Людвиг провел детство, и построенный еще в XI веке замок Вартбург в Тюрингии, в котором, согласно легенде, проходили знаменитые средневековые состязания певцов-миннезингеров, в одном из которых принимал участие Тангейзер.

Первого июня 1867 года Людвиг II специально приехал в Вартбург, чтобы увидеть «замок миннезингеров». Там как раз закончилась масштабная реконструкция, и замок предстал перед королем во всей красе. В душе Людвига ожили воспоминания детства, проведенные в Хоэншвангау среди образов, навеянных «преданьями старины глубокой». Окунувшись в атмосферу подлинного Средневековья, король задумал построить свой замок, превосходящий по красоте и древний Вартбург, и романтический Хоэншвангау.

Людвиг буквально заболел этой идеей. На фоне радужных планов даже несколько притупилась боль утраты — 29 февраля 1868 года в Ницце скончался Людвиг I. Правда, внук уже настолько отвык от общения с дедом, что известие о его смерти воспринял лишь с оттенком тихой грусти...

С местом строительства будущего замка Людвиг определился быстро: недалеко от родительского Хоэншвангау над живописным ущельем с водопадом Пёллат сохранились руины старинной крепости Переднего и Заднего Хоэншвангау (Vorder-und-Hinterhohenschwangau). Красота и величие здешних мест, в которые Людвиг был влюблен с детства, окончательно решили вопрос в пользу ущелья. «Орел» (напомним, что так Людвиг называл себя в письмах Елизавете Австрийской) решил свить себе гнездо на горной вершине. Король обратился к мюнхенским художникам и архитекторам с предложением предоставить ему на утверждение проекты будущего замка. Особенно ему приглянулись по душе акварели художника-декоратора Мюнхенского королевского придворного и национального театра Кристиана Янка (Jank; 1833–1888), создававшего в свое время эскизы для постановок опер Рихарда Вагнера. Может быть, в пользу Янка сыграло то обстоятельство, что он уже имел опыт «оживления» на сцене вартбургских миннезингеров и самого Тангейзера.

Еще только задумав строительство, Людвиг не мог не поделиться новыми планами со своим другом и наставником Вагнером. 13 мая 1868 года он писал композитору: «Я намерен заново отстроить старые

крепостные руины Хоэншвангау возле ущелья Пёллат в подлинном стиле старых немецких рыцарских замков и, должен признать, с нетерпением ожидаю проживания там; там будет несколько удобных комнат для гостей с великолепным видом на горы Тироля и равнины... Это место — одно из красивейших, что только можно найти, священное и недоступное, достойный храм для божественного друга. Будут и напоминания о «Тангейзере»^[89]. Тогда Людвиг хотел назвать свой замок Новым Хоэншвангау и лелеял надежду, что счастливые времена можно будет вернуть. Но сказка не повторяется...

Согласно первоначальному плану Кристиана Янка, архитектурное сооружение, которое мы отныне во избежание путаницы будем называть более привычным именем Нойшванштайн, должно было представлять собой небольшой готический замок с тонкими башенками, остроконечными крышами и центральным величественным донжоном. Но по мере дополнений и изменений в проекте оно постепенно превращалось из строгого готического «храма» в цитадель со множеством элементов романского архитектурного стиля.

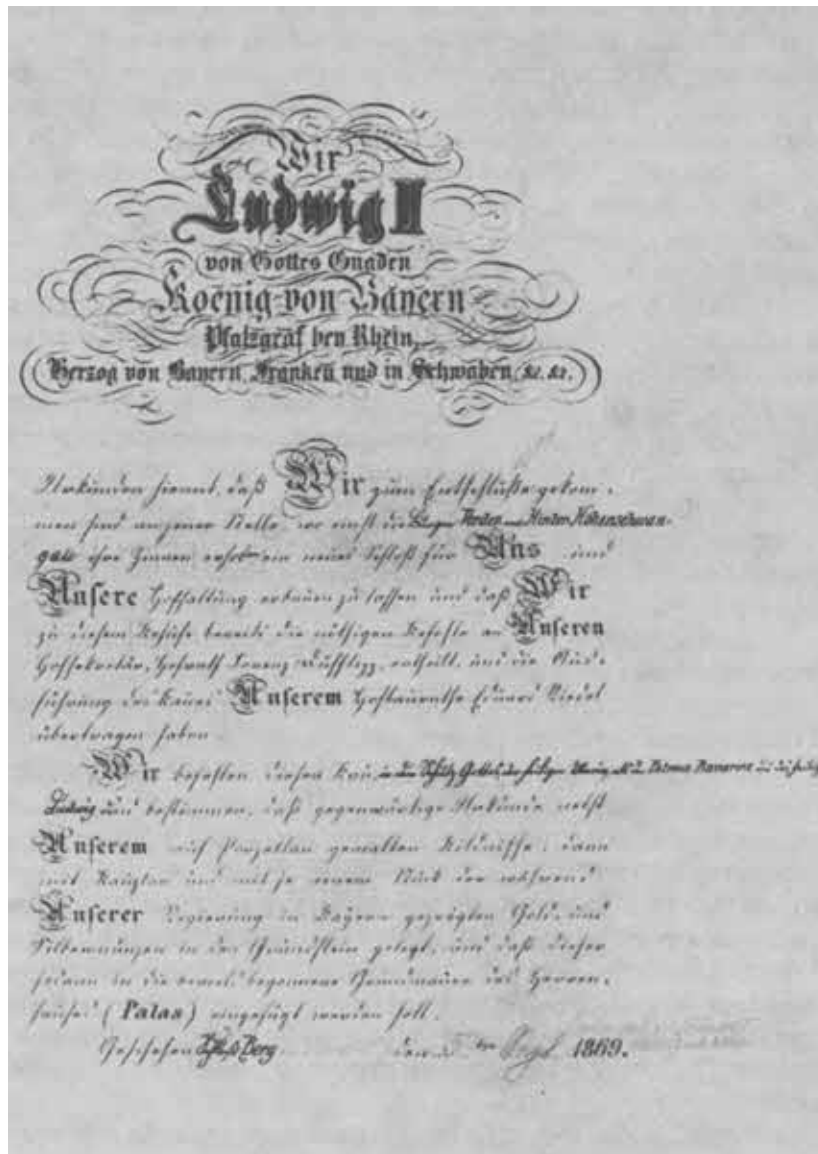
Окончательно дорабатывали проект Янка архитекторы Эдуард Ридель (Riedel; 1813–1885), Георг фон Доллман (Dollmann; 1830–1895) и Юлиус Хофман (Hofmann; 1840–1896). Грандиозное строительство началось.

Скала, на которой планировалось возведение замка, была взорвана, чтобы образовалось плато, пригодное для строительных работ. Таким образом, «орлиное гнездо» опустилось примерно на восемь метров. Затем на двухсотметровой высоте к месту строительства проложили дорогу и трубопровод. И всё же транспортировка строительных материалов на такую высоту требовала внедрения самых современных технологий. На плато был установлен подъемный механизм, поддерживаемый деревянными лесами, с вагонетками, приводимыми в движение паровым двигателем, — одна из первых подобных конструкций в Германии! Некоторые технологические приемы, использованные при строительстве Нойшванштайна, будут применяться много лет спустя при постройке другого «Орлиного гнезда» — резиденции Адольфа Гитлера на горе Кельштайн...

Кстати, необходимо отметить, что строительство королевского замка означало для местных жителей появление новых рабочих мест — как для мужчин, так и для женщин. Только на возведении Нойшванштайна было занято более двухсот строителей. А жительницы нескольких окрестных деревень еще в течение многих лет выполняли по эскизам художников и самого короля великолепные вышивки для портьер. Над внешним и

внутренним убранством всех королевских замков трудились в общей сложности 57 архитекторов, художников, декораторов и ювелиров. Причем, вопреки сложившейся во многих странах (включая и Россию) традиции, Людвиг II не стал выписывать мастеров из «модных» Италии и Франции — король поддерживал исключительно, как сейчас говорят, «отечественного производителя». К тому же, отмечает автор исторического путеводителя по Баварии Александр Попов, немалое внимание уделялось охране труда: «За безопасностью при выполнении работ следила «Баварская ревизионная комиссия по паровым машинам» (в ее ведении находились не только машины). Была создана специальная страховая касса при «Объединении ремесленников королевского строительства Хоэншвангау». Его члены ежемесячно отчисляли часть своего заработка для выплаты «больничных»^[90]. Для понимания якобы «необъяснимого феномена» любви простого народа к «безумному» королю иногда достаточно обратиться к сухой статистике: король был кормильцем для своих соседей-простолюдинов..

Наконец, 5 сентября 1869 года был заложен первый камень в фундамент «замка-мечты».

Акт закладки первого камня в фундамент Нойшванштайна. 5 сентября 1869 г.

Практически одновременно с Нойшванштайном было начато еще одно строительство. Пораженный красотой местности заповедника Аммергебирге (Ammergebirge), в котором его отец Максимилиан II в свое время приобрел маленький охотничий домик, Людвиг решил построить здесь свое второе убежище. Посетив в период с 20 по 29 июля 1867 года Версаль (напомним, что практически в то же время он ездил и в Вартбург), король «загорелся» идеей построить свой, баварский Версаль. Кстати, во

Францию Людвиг II отправился инкогнито, под именем графа фон Берга.

«Новый Хоэншвангау» и «Новый Версаль»! Замок средневекового рыцаря Грааля и дворец французского «короля-солнце»! Уже две стороны личности Людвига II заиграли отраженным светом — *пока* две.

Правда, в то время Людвиг был еще далек от мечтаний о пышной королевской резиденции. На фоне грандиозных, величественных проектов Нойшванштайна Людвигу очень захотелось милого уютного места для отдохновения, для уединенных раздумий и мечтаний. Горный заповедник подходил как нельзя лучше. Недаром говорят о намоленных местах: вблизи располагался старинный монастырь Этталь (Ettal), основанный в 1330 году Людвигом IV и являвшийся объектом паломничества. Кроме того, всего в восьми километрах лежит уже упоминавшаяся нами деревня Обераммергау. Здесь до сих пор кажется, что сам воздух очищает душу от всего, что ее гнетет, и наполняет сердце покоем и тихой радостью.

Под руководством Георга фон Доллмана, одного из создателей Нойшванштайна, началось строительство нового замка, известного ныне как Линдерхоф. Кстати, термин «замок» традиционно закрепился за всеми постройками Людвига II, и мы будем продолжать их так называть, хотя в данном случае это скорее не замок и даже не дворец, а дворцовая вилла. Своим названием Линдерхоф — Липовый двор (от нем, Linde — липа, Hof — двор) обязан вековой липе, которую до сих пор можно увидеть напротив южного входа в замок». Сам Людвиг II предпочитал называть Линдерхоф «Малым Трианоном» по ассоциации с временами Людовика XIV (а Версаль позднее найдет баварское воплощение на острове Херренинзель, купленном королем в 1873 году). Он даже дал своему замку еще одно название — Майкост Этталь (Meicost Ettal), которое, с одной стороны, говорит о принадлежности территории монастырю Этталь, а с другой — является анаграммой знаменитого выражения Людовика XIV: «L'état c'est moi»^[83].

Первый план здания был сделан еще в 1868 году, а уже в 1869-м Людвиг начал перестройку охотничьего домика отца согласно собственным вкусам и планам. Новый деревянный домик получил название Королевская вилла. В 1870–1871 годах к основному зданию было пристроено два крыла и почти закончена спальня — связующее звено всего проекта. Тогда дворец был переименован в Альпийскую хижину.

Итак, начиная с 1867 года Людвиг II перешел от мечтаний к их практическому воплощению. Он одновременно подготавливал себе «убежища от жизни» и все ещё предпринимал последние, можно сказать, безнадежные попытки окончательно не проиграть на «духовном фронте»:

Вагнер вновь был вызван в Баварию.

Свой 55-летний юбилей композитор отпраздновал в присутствии Людвига II, отношения с которым были восстановлены. На королевском пароходе «Тристан» они вместе совершили поездку по Штарнбергскому озеру, а затем остановились на Острове роз, с которым у Людвига были связаны самые романтические воспоминания его жизни. Там был дан праздничный обед для избранных гостей.

Но Вагнер был приглашен в Мюнхен не только ради празднования его юбилея: на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра готовилась премьера его новой оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры», и король выразил желание, чтобы автор присутствовал на спектакле сам. На этот раз Вагнер вступил в баварскую столицу не как изгнанник, а как триумфатор. Сами мюнхенцы, которые еще совсем недавно угрожали чуть ли не революцией, если «злой гений короля» немедленно не покинет их город, теперь восторженно рукоплескали «светлому гению немецкой музыки». И всё же это была не та окончательная победа над пошлостью, косностью и дурным вкусом публики, о которой мечтали Людвиг и Вагнер, не рождение нового человека, а лишь отражение общего подъема национального самосознания в преддверии объединения Германии во Второй рейх, победа не духовная, а политическая. И если Вагнер после долгих лет гонений и унижений первое время был действительно опьянен столь явными выражениями восторга публики, то Людвиг своим тонким чутьем уже давно понял бесполезность борьбы за человеческие души. Его неизбежное постепенное охлаждение к Вагнеру было на самом деле разочарованием в возможности победы их общего дела. Это доказывает, что король видел в Вагнере не столько человека, сколько (и в первую очередь) *проводника своих собственных духовных идеалов*.

Наконец, после долгих репетиций, 21 июня 1868 года в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре с заслуженным триумфом прошла премьера «Нюрнбергских мейстерзингеров». «Вчерашний спектакль был величественным торжеством, которое, вероятно, никогда больше не повторится. Всё время я должен был сидеть рядом с королем, в его ложе, и оттуда отвечать на овации публики. Никогда и нигде никто не видел ничего подобного»^[91], — вспоминал Вагнер. Мюнхенская публика приветствовала автора стоя, единодушно выказывая ему свое расположение. Король пожелал, чтобы и последующие премьеры проходили исключительно на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра. У Вагнера было на сей счет

собственное мнение, но он не стал раньше времени его высказывать и, вполне удовлетворенный успехом, вернулся в Швейцарию. Он вновь возжелал тихой семейной идиллии. Козима не заставила себя долго ждать — приехала в Трибшен, откуда написала Людвигу II о состоянии здоровья «любимого Рихарда»: «Он хорошо себя чувствует в Трибшене и вносит правку в биографию»^[92]. Напомним, что автобиографию Вагнер начал писать по просьбе Людвига II и судьба этого произведения очень интересовала короля.

С отъездом Вагнера Людвиг целиком погрузился в проблемы строительства Нойшванштайна и Линдерхофа и почти на год оставил композитора в покое.

Лишь к лету 1869-го «трибшеневская идиллия» Вагнера была нарушена волнениями, связанными с желанием Людвига II непременно поставить в Мюнхене первую часть тетралогии «Кольцо нибелунга» — «Золото Рейна». И немедленно! Вагнер был категорически против, чтобы какая-либо из четырех драм ставилась отдельно от всего «Кольца». Но король, которому Вагнер в свое время продал права на свое произведение, настаивал на постановке и не собирался ждать неопределенное время. Ведь тетралогия к тому времени еще не была закончена (Вагнер лишь начал работу над ее последней частью «Сумерки богов»), да и постановка «Кольца нибелунга» целиком в условиях Мюнхенского королевского придворного и национального театра была невозможна.

Конфликт обострился, когда друг Вагнера, дирижер Ганс Рихтер^[84], и исполнитель партии Вотана Франц Бетц^[85] из солидарности с мнением композитора отказались от участия в спектакле — вопреки воле короля! Репетиции были остановлены — но лишь на время. Людвиг не отступился от своего желания и теперь был настроен решительно против «Вагнера и его сообщников». В свою очередь Вагнер из Трибшена послал письмо с угрозами новому дирижеру Францу Вюльнеру^[86]: «Руки прочь от моей партитуры! Это я вам советую, господин; иначе убирайтесь к черту!»^[93]

Но против желания монарха композитор оказался бессилён. Несмотря на демонстративную отстраненность Вагнера от подготовки спектакля, премьера «Золота Рейна» под управлением Вюльнера состоялась 22 сентября 1869 года и была встречена бурными овациями. Однако успех не принес Вагнеру никакого удовлетворения. На спектакль он не приехал и лишь с удвоенной силой взялся за разработку «Сумерек богов».

В это время Вагнера занимала подготовка к печати завершённого первого тома его мемуаров «Моя жизнь». Книга была отдана в издательство

Бофантини (Bofantini) в Базеле и незадолго до Рождества вышла в свет. Первый экземпляр в качестве рождественского подарка был отправлен Людвигу II, несмотря на все ссоры и взаимные обиды в уходящем году.

Новый виток ссоры Вагнера с королем закрутился уже весной 1870-го. Теперь Людвиг II объявил о подготовке к постановке «Валькирии». Вагнер неоднократно и недвусмысленно выражал мнение, что тетралогия должна ставиться только целиком, и никак иначе! На этот раз он, видя свою беспомощность, уже был согласен на компромисс: «Валькирия» может быть поставлена частным образом, лишь для одного короля. Такая практика «театра для одного зрителя» уже не раз использовалась при дворе. Но Людвиг II оказался неумолим и настоял на публичной премьере в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре. Возможно, столь непримиримая настойчивость по отношению к вагнеровским творениям была продиктована всё еще не удовлетворенным желанием короля сделать из Баварии «страну музыкантов».

Тогда Вагнер, смирившись с неизбежным, предложил собственные услуги в качестве дирижера. Но Людвиг отказал ему и в этом, мотивируя тем, что отношения Вагнера с Козимой до сих пор не узаконены и его приезд в Мюнхен может негативно сказаться на приеме спектакля публикой. И это после того, как предыдущие вагнеровские постановки прошли успешно, как на премьере «Нюрнбергских мейстерзингеров» мюнхенская публика стоя приветствовала композитора и никто даже и не вспомнил о скандале пятилетней давности! Предлог был явно надуманный.

В эти дни Вагнер вновь с каким-то обреченным отчаянием стал мечтать о собственном театре, где никто не смог бы навязывать ему свою волю...

Но, несмотря на все недоразумения, Вагнер в глубине души с благодарностью воспринимал всё, что Людвиг II делал для него. А чтобы уже никто, даже сам король, не мог упрекнуть Рихарда и Козиму в нарушении норм морали, они 25 августа 1870 года, в день рождения Людвигу II, заключили законный союз в протестантской церкви Люцерна (Козима к тому времени перешла из католичества в лютеранство и получила, наконец, долгожданный развод). Свидетелями на их бракосочетании были Ганс Рихтер и Мальвида фон Майзенбург^[87]. В своем дневнике Козима красноречиво написала: «Каждые 5000 лет случается счастье»^[94].

Однако в целом 1870 год выдался очень тяжелым. Баварии грозил новый военный конфликт; кроме того, усилилось политическое

противостояние внутри страны. Это были первые ростки того политического кризиса, который для нашего героя закончился трагически.

Как мы помним, после войны 1866 года Людвиг понял, что единственно возможный для Баварии путь — сближение с Пруссией во имя объединения Германии. На этом пути Людвига всячески поддерживал — естественно, в первую очередь в своих интересах — Отто фон Бисмарк. В целом «железный канцлер» симпатизировал баварскому королю, одобряя его политику, направленную на соблюдение интересов родной страны. Прекрасно понимая, что союз с Пруссией неизбежен, Людвиг пытался вступить в него на наиболее выгодных для Баварии условиях, что в целом ему удалось. Насчет Бисмарка же король никогда не обольщался: «Бисмарк, кажется, хочет из Баварии сделать прусскую провинцию... И — увы!., когда-нибудь это ему удастся»^[95].

Под влиянием Бисмарка, пообещавшего, что Бавария, вступив в союз с Пруссией, сохранит независимость и собственную армию, а также получит немалое денежное вознаграждение, Людвиг II начал проводить планомерную пропрусскую политику. Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что, возможно, во многом он действовал против своих внутренних убеждений, но подчиняясь «голосу крови» (напомним, что его мать, королева Мария, приходилась двоюродной сестрой Вильгельму I, а стало быть, сам Людвиг — двоюродный племянник будущего германского кайзера). Помня об этих родственных связях, Людвиг не особо кривил душой, когда писал своему двоюродному дяде: «После того как заключен между нами мир и утверждена крепкая и постоянная дружба между нашими государствами, хочется дать этому факту внешнее символическое выражение, и я предлагаю Вашему Королевскому Величеству совместно со мной владеть знаменитым замком Ваших предков в Нюрнберге^[88]. Когда со шпилья этого общего родового замка взвьются рядом знамена Гогенцоллернов и Виттельсбахов, это будет символом того, что Пруссия и Бавария единодушно стоят на страже будущего Германии, которое через Ваше Королевское Величество направлено Провидением по новым путям...»^[96]

Но у простого населения Баварии исконно существовала национальная вражда к Пруссии, еще усилившаяся после войны 1866 года. Пропруская политика Людвига II вызвала волну возмущения. Прибыв в Мюнхен на открытие ландтага, король встретил на улицах города вместо привычных восторженных оваций злое молчание. Но националистический протест баварцев против союза с Пруссией не оказал на уже принятое

решение никакого влияния — Людвиг оставался тверд и непоколебим.

Еще 31 декабря 1866 года Людвиг назначил председателем Совета министров Баварии князя Хлодвиг Карла Виктора фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, решительного сторонника Бисмарка и единства Германии под эгидой Пруссии. Однако политика князя фон Гогенлоэ к 1870 году расколола баварское общество на два враждующих лагеря: на сторону короля и правительства встали либералы, против — почти все родственники Людвига II, включая принца Луитпольда, аристократия, католики и консерваторы.

Кстати, тогда же при поддержке короля поднялись до высших государственных должностей уже знакомый нам граф Максимилиан фон Хольнштайн и будущий барон Иоганн фон Лутц (Lutz; 1826–1890). Оба они сыграли очень большую роль в судьбе Людвига II, и поэтому подробнее остановимся на их биографиях.

Интересно отметить, что Хольнштайн и Лутц являли собой полные противоположности, начиная от происхождения и заканчивая характером и политическими убеждениями. Тем не менее в истории их имена оказались неразрывно связаны.

Граф — не просто потомственный аристократ, крупнейший землевладелец, баловень судьбы и покоритель женских сердец, но и, как мы помним, друг детства принцев Людвига и Отто, верный товарищ их игр и забав. Он приходился правнуком графу Францу Людвигу фон Хольнштайну (1723–1780), внебрачному сыну курфюрста Карла Альбрехта Баварского (1697–1745), императора Священной Римской империи (1742–1745). Франц Людвиг, несмотря на то, что был незаконнорожденным, всё же получил титул графа фон Хольнштайна-аус-Байерн и фамильный герб со знаменитыми сине-белыми ромбами Виттельсбахов — правда, с красной косой чертой, означающей внебрачное происхождение.

Мало того, настоящим отцом матери Максимилиана, графини Каролины фон Хольнштайн, урожденной баронессы фон Шпиринг (Spiering; 1815–1859)^{[1971](#)}, являлся принц Карл Теодор Максимилиан Август Баварский (1795–1875), брат короля Людвига I. Следовательно, граф Макс фактически приходился Людвигу II троюродным братом.

Таким образом, граф Максимилиан «тоже Баскервиль», в нашем случае — Виттельсбах. Ассоциация со знаменитым произведением Артура Конан Дойла «Собака Баскервильей» не случайна; вскоре мы убедимся, что реальный граф фон Хольнштайн по коварству и изобретательности ничуть не уступает литературному Стэплтону.

Его отец Карл Теодор фон Хольнштайн (1797–1857) был королевским

камергером, мать слыла одной из первых красавиц королевства — ее портрет до сих пор украшает Галерею красавиц Людвига I в Нимфенбурге. Однако брак родителей Максимилиана не был счастливым. Их первенец, родившийся в 1832 году, умер, не прожив и часа; дочь, появившаяся на свет в 1833-м, скончалась в день крестин. Лишь 19 октября 1835 года у супругов наконец-то появился здоровый и крепкий малыш, наследник рода, будущий граф Макс. Но Карл Теодор и Каролина не любили друг друга; их брак являлся классическим браком по расчету.

Красавица Каролина в 1836 году встретила настоящую любовь — braveго офицера барона Вильгельма фон Кюнсберга (Künsberg; 1801–1874). Оставив мужа, она ушла к барону, которому родила пятерых детей и за которого официально вышла замуж сразу же после смерти законного супруга в 1857 году. Максимилиан то воспитывался вместе с единокровными братьями и сестрами, то приезжал к отцу, с которым до самой его смерти и бывшая жена, и даже ее новый муж сохранили на удивление дружеские отношения.

На первый взгляд Макс не на что было жаловаться. Но в глубине души он чувствовал, что мать всё-таки больше любит своих «новых» детей. Это нанесло юной душе глубокую психологическую травму.

С самого раннего возраста Макс отличался неумным честолюбием и амбициозностью. Зная правду о своем королевском происхождении, он не мог не чувствовать некоторой ущербности своего положения потомка бастардов. А рядом с ним росли и получали такое же образование принцы Людвиг и Отто. Макс больше привязался к Людвигу; их сблизил страстная любовь к лошадям. Вот только никакого романтизма, отличавшего юного кронпринца, у графа Макса не было и в помине. Он прочно стоял на земле, и его прагматизм граничил с цинизмом, если не с жестокостью.

Карьеру он начал с военной службы. Юнкер в 1855 году, в 1859-м он поднялся до унтер-лейтенанта, затем в 1861-м стал ротмистром. Но вскоре его продвижение по службе оказалось под угрозой.

Двадцать седьмого декабря 1863 года Максимилиан убил на дуэли^[89] выстрелом в грудь барона Хуго Венцеля фон Штернбаха, мужа своей единокровной сестры Вильгельмины. За несколько дней до того, на Рождество, когда вся семья Кюнсберг была в сборе, барон спровоцировал конфликт, в основе которого лежала недавняя интрижка Штернбаха с официанткой пивоварни Вайенштефан (Weihenstephan) во Фрайзинге. Один из братьев Вильгельмины, защищая честь сестры, вызвал барона на дуэль. Но тут вмешался воинственный и вспыльчивый граф Макс. «Вы слишком близко связаны по родству, позвольте мне уладить дело», — сказал он

брату. В итоге Вильгельмина фон Штернбах осталась вдовой с тремя несовершеннолетними детьми...

За пистолетной дуэлью последовала вторая, уже на саблях, в двадцатых числах января 1864 года. Ни противник графа, ни точные последствия поединка неизвестны — эти сведения граф постарался всеми силами скрыть. Он и так уже находился под следствием — дуэли в Баварии были запрещены, а Людвиг II только-только назначил его своим адъютантом!

Суд над графом Максом состоялся 21 марта. Ему грозило два года тюрьмы. Но адвокат добился смягчения приговора: граф был приговорен к годичному заключению в крепости Оберхаус (Oberhaus) в Пассау (Passau), с 1822 по 1918 год служившей баварской тюрьмой для военнопленных. 13 апреля Хольнштайн отправился в крепость.

Бытует мнение (мы сами в свое время попали под обаяние этой легенды), что Людвиг II не забыл приятеля и 10 марта 1864 года, в день своего вступления на престол, даровал ему свободу. На самом деле, во-первых, к 10 марта граф просто не мог быть ниоткуда освобожден, поскольку даже суд над ним еще не состоялся; во-вторых, ходатаем выступал вовсе не Людвиг II, а «королевский дед» графа Макса, принц Карл Баварский. Именно по его просьбе и опираясь на доклад о примерном поведении Хольнштайна, представленный министром юстиции, Людвиг смягчил приговор. В итоге граф Макс был помилован и 12 февраля 1865 года вышел на свободу.

В 1866 году, как мы помним, граф Макс был окончательно приближен ко двору, получив должность обершталмейстера. Вскоре и в его личной жизни всё устроилось. 18 мая 1867 года он вступил в брак с баронессой Максимилианой фон Гумппенберг (Gumpfenberg; 1850–1937) и благодаря богатому приданому значительно улучшил свое материальное положение. Справедливости ради нужно отметить, что, несмотря на свою авантюрную натуру, склонную к любовным похождениям (женившись, граф Макс, всегда слывший «пожирателем женских сердец», вовсе не перестал заводить романы на стороне, но ловко скрывал их от супруги), Хольнштайн был искренне привязан к Максимилиане и в письмах нежно называл ее Котенок (Katzl); этим «домашним именем» она даже подписывала свои фото. Так что брак графа Макса вполне можно назвать счастливым. У супругов родилось четверо детей: Карл Людвиг (1868–1930), крестным которого стал Людвиг II; Каролина Адольфина (1870–1915), Карл Теодор (1874–1875) и Карл Адольф (1877–1916).

Вскоре после женитьбы Хольнштайн стал имперским советником и

одним из наиболее влиятельных политиков. Кроме того, он был почетным членом Мальтийского ордена, а главное — по-прежнему другом короля. С ним так приятно было беседовать и путешествовать (именно граф Макс сопровождал Людвига в поездке в Версаль в 1867 году), ему можно было во всём доверять...

Напротив, Лутц, внук простого крестьянина и сын учителя музыки, всего добивался сам. Получив юридическое образование, он в 1854 году стал ассессором окружного и городского суда в Нюрнберге. Упорство и трудолюбие делали свое дело, и Лутц постепенно и неуклонно поднимался по карьерной лестнице. Переехав в Мюнхен, молодой перспективный юрист был неожиданно замечен королем Максимилианом II, который в 1863 году назначил его секретарем в составе секретариата кабинета министров и своим помощником. После смерти Максимилиана Лутц не был обделен благосклонностью нового государя. В 1866 году он стал кабинет-секретарем Людвига II, сменив на этой должности Пфистермайстера, и главой личной королевской канцелярии. В этом же году Лутц за заслуги перед короной получил личное дворянство и, соответственно, добавил к своей фамилии приставку «фон» (потомственным дворянином он сделался 21 августа 1880 года, обладателем баронского титула — 28 декабря 1883-го). С 1867 по 1871 год он занимал должность министра юстиции и одновременно — с 1869 года — министра по делам Церкви.

Как раз в это время набирало силу одно из направлений политики Бисмарка, получившее впоследствии название «Культуркампф» (нем. Kulturkampf — букв. культурная борьба). Целью «Культуркампфа» были максимальное ослабление политической роли католической церкви и полное подчинение духовенства правительству. Правительство Бисмарка проводило эту политику неукоснительно и планомерно. Так, в декабре 1871 года в рамках «Культуркампфа» был принят закон о запрещении священникам вести политическую агитацию; в марте 1872-го — закон о лишении духовенства права надзора над школами. 4 июля того же года было решено изгнать из Германии иезуитов. В руки государства были переданы полномочия подготовки и назначения духовных лиц на должности (1873), а также ограничено право Церкви наказывать священнослужителей и верующих (1874). Наконец, 6 февраля 1875 года был принят закон о гражданском браке и распущены почти все католические ордена^[90]. Все эти законы принимались рейхстагом Германской империи, а следовательно, были обязательны к исполнению на территории всех государств Второго рейха, включая «независимую»

Баварию.

Активным сторонником «Культуркампфа» выступил Лутц, который в свою очередь стал планомерно выдвигать проекты законов против иезуитов.

При этом среди противников Людвига II и в целом непопулярной в исконно католической Баварии политики «Культуркампфа», которой он не столько сочувствовал, сколько *не препятствовал*, считая, что нельзя смешивать религию и политические игры, особенно выделилась клерикальная партия ультрамонтанов^[91]. Кстати, некоторые биографы Людвига II^[98] настаивают, что во главе баварских ультрамонтанов стоял принц Луитпольд, ревностный католик, что делает его вражду к племяннику не только политической, но и религиозно-идеологической. Вспомним, что в свое время Луитпольд отказался от греческой короны только из-за того, что для ее получения нужно было сменить веру.

Людвиг II, также ревностный католик, тем не менее не признавал доктрину о непогрешимости папы и хотел сломить оппозицию ультрамонтанов. Он снова призвал ко двору Иоганна Йозефа Игнаца фон Дёллингера. Известному католическому священнику, историку Церкви и богослову было уже 70 лет. Он обладал непререкаемым авторитетом среди участников так называемого движения старокатоликов, что заставило даже папу Пия IX однажды в сердцах воскликнуть: «Я очень хорошо знаю, что не имею никакой власти в Германии, что Дёллингер — немецкий папа!»^[99]

Интересно, что первоначально Дёллингер сам стоял на позициях ультрамонтанов, был одним из лидеров так называемого Католического движения, выступавшего против стремления германских властей подчинить религию и Церковь своим политическим целям. Однако постепенно он начал отходить от идеологии ультрамонтанства. В 1849 году на собрании Католического союза Германии в Регенсбурге Дёллингер произнес пламенную речь «Die Freiheit der Kirche» — «Свобода Церкви», где изложил идею автономии немецкого епископата от Рима, настаивая лишь на том, чтобы эта автономия ни в коем случае не препятствовала общему католическому единству. В 1857 году после путешествия в Италию Дёллингер окончательно порвал с ультрамонтанами и вскоре стал идейным вождем либеральной партии, противостоявшей ультрамонтанам. Его книга «Папа и Собор» («Der Papst und das Konzil», 1869) была занесена в «Индекс запрещенных книг»^[92].

В день рождения Дёллингера 28 февраля 1870 года Людвиг II написал ему теплое письмо: «Я желаю Вам много лет жизни, полных сил и

здоровья, чтобы Вы могли продолжать бороться в честь религии и науки и для истинного блага Церкви и государства. Не падайте духом! Не отказывайтесь от борьбы! На Вас устремлены глаза миллионов людей в надежде, что Вы ниспровергнете интриги иезуитов и восстановите победу света над тьмой!»^{100}

Кстати, ровно через год король написал Дёллингеру: «Я горжусь тем, что в числе баварцев я вижу такого человека, как Вы!.. Вы, Вы скала Церкви! Все католики, живущие в духе Создателя нашей святой религии, должны смотреть на Вас с непоколебимой доверчивостью и глубоким уважением»^{101}.

В 1871 году мюнхенский архиепископ Грегор фон Шерр (напомним, что именно он 15 октября 1875 года освятил скульптурную группу «Распятие» в Обераммергау) отлучил Дёллингера от церкви. Годом позже благодаря стараниям Дёллингера, поддерживаемым Людвигом II, еще до вступления в силу «закона Лутца» о запрещении всех организаций иезуитов, они были лишены возможности преподавать на территории Баварии. В 1873 году, признавая несомненные заслуги и неподкупную честность Дёллингера, Людвиг II назначил старого священника президентом Баварской академии наук.

Биограф Людвига II Карл Теодор фон Хайгель отмечает, что, искренне веря в Бога, Людвиг был начисто лишен фанатизма, презирал все религиозные споры и обладал широкими взглядами истинного христианина. Пожалуй, самым наглядным примером, подтверждающим правоту этого утверждения, является маленькая молельня Людвига II в Хоэншвангау. В ней находится скульптурное изображение головы Спасителя в терновом венце работы великого датского скульптора Бертеля Торвальдсена (1770–1844). По обе стороны от распятия на крошечном престоле стоят две иконы в золотых ризах, заставляющие русского туриста невольно проникнуться благоговением: это Казанская икона Божией Матери и икона святого Николая Чудотворца — подарки российского императора Александра II. То, что в молельне короля православные иконы соседствуют с католическими святынями, очень ярко характеризует личность монарха, показывает, насколько широкими взглядами обладал Людвиг II, с почтением относясь к христианской вере в целом, не делая принципиальных различий между конфессиями.

Кстати, еще 24 апреля 1867 года, впервые присутствуя на собрании ордена Святого Георга в качестве гроссмейстера, Людвиг II выразил желание, чтобы целью ордена стало *общехристианское милосердие*. В

качестве первого шага по этому святому пути король предложил учредить больницу для всех страждущих «без различия национальности и вероисповедания». Именно стараниями короля во время Франко-прусской войны были построены госпитали для раненых также «без различия национальности и вероисповедания».

Другой биограф Людвига II (кстати, его идейный противник!), пастор Фридрих Ламперт отмечает: «В последнее время рассказывают, что Людвиг II хотел сделать кое-какие изменения в своем молитвеннике. Интересуясь византийским стилем, он и обложку на своем молитвеннике заказал одному мюнхенскому художнику в византийском стиле. Однако книга эта так и не попала в руки короля, так как была окончена только после его смерти и продана художником в Англию. В замке Нойшванштайн каждый вечер подле кровати короля ставили маленький, так называемый русский, переносной алтарь; а в головах его кровати висел образ Богоматери с Младенцем в византийском стиле... В последние годы своего царствования Людвиг очень часто причащался, в особенности в великие праздники. Но по мере того, как развивалось его «человеконенавистничество», он очень редко, не более двух раз во всё время, причащался в придворной капелле, при торжественной процессии, но чаще всего в какой-нибудь деревенской церкви, стоя неузнаваемым среди других прихожан»^{102}.

Интересно отметить, что, стараясь истолковывать все поступки короля лишь в черном цвете, Ламперт против воли отдает должное чистоте его натуры. Смиренная молитва среди простого народа, без шумихи и помпы, никак не согласуется с «человеконенавистничеством». Этот факт говорит лишь о том, что король, будучи истинным христианином, не терпел превращения таинства богослужения в придворное театрализованное представление, предпочитая доказывать свою веру конкретными богоугодными деяниями.

Собственное политическое кредо Людвиг II выразил в свое время предельно ясно: «Справедливое решение социальных вопросов в моей стране я ставлю чрезвычайно высоко, поэтому даже если бы я мог силой оружия стать властителем Европы, то не хотел бы нести ответственность за жизнь хотя бы одного из моих подданных, потерянную ради достижения эгоистичных целей»^{103}.

Однако политические страсти разгорались. Одним из вождей баварской партии ультрамонтанов стал Йозеф Эдмунд Йорг (Jörg; 1819–1901). Еще в 1865 году он был избран членом баварской палаты депутатов. В феврале 1870 года его действия способствовали смещению князя

Гогенлоэ с поста председателя Совета министров Баварии. Однако движение в сторону баварско-прусского союза было уже не остановить — несмотря на победу над князем Гогенлоэ, Йорг не смог ни добиться нейтралитета Баварии в начинавшейся Франко-прусской войне, ни воспрепятствовать основанию Германской империи — Второго рейха.

К тому времени Пруссия стремилась не только расширить Северогерманский союз и объединить все германские земли под своей эгидой, но и ослабить свою давнюю противницу Францию, которая в свою очередь пыталась не допустить образования единой и сильной Германии. Военный конфликт был неизбежен. Формальным поводом к нему стали претензии на испанский престол князя Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена^[93], поддержанные прусским королем Вильгельмом. В Париже с возмущением восприняли притязания Леопольда. Франция не только настояла на его отказе от испанского престола, но и потребовала, чтобы прусский король дал обязательство запретить Леопольду когда-либо занимать испанский трон. Это требование не только нарушало дипломатический этикет, но и оскорбляло лично Вильгельма. Прусский король отказал французскому послу в аудиенции, пообещав, правда, вернуться к этому вопросу позже. Но Бисмарк не устраивала «страусиная» политика короля, пытавшегося избежать открытого противостояния с Францией. Он по собственной инициативе дал в широкую печать депешу, из которой следовало, что Вильгельм «отказался принять французского посла и велел передать, что более не имеет ничего сообщить ему». Возмущенные французские депутаты в ответ тут же почти единогласно проголосовали за войну с Пруссией, которая и была объявлена 19 июля 1870 года.

Людвиг II прекрасно понимал, что нейтралитет Баварии угрожает ее независимости, каков бы ни был результат военного конфликта. Поэтому он, — наверное, самый непримиримый враг войны среди государей того времени — вынужден был еще 16 июля в интересах национального единства и независимости своей страны подписать приказ о мобилизации. Бисмарк, которому баварская поддержка была необходима для усмирения многих враждебных «фракций» внутри самой Пруссии, мог вздохнуть спокойно...

На следующий день после объявленной мобилизации Людвиг II прибыл в Мюнхен. На этот раз его встретили бурные овации. Король постоянно был среди народа: посещал военных и студентов, торговцев и монахов, придворных и простых горожан. Недавние противники политики короля в среде консерваторов поняли его правоту и встали на его сторону.

У стен Мюнхенской королевской резиденции не смолкало восторженное: «Да здравствует король!» Это была настоящая победа, пожалуй, даже более важная, чем исход Франко-прусской войны.

Во главе южногерманских войск встал прусский принц Фридрих^[94]. Под его знамена пошли и принцы баварского королевского дома — дядя короля Луитпольд и младший брат Отто.

Мы уже отмечали, что Отто, в отличие от старшего брата, отнюдь не питал отвращения к войне. Не был он и противником светских развлечений. Отто вполне справедливо считался при дворе одним из самых отчаянных кутил и страстным любителем женского пола. Для завершения портрета не хватало лишь воинской славы героя-победителя. Еще до начала войны слухи о пикантных похождениях Отто доходили до короля, но он никогда не пытался перевоспитывать младшего брата. Вообще Людвиг и Отто по внутреннему складу были настолько не похожи друг на друга, что можно лишь удивляться, какими разными могут быть родные братья.

И если Отто воспринял начало Франко-прусской войны чуть ли не с восторгом, то в настроении Людвига II внезапно наступил резкий перелом. Не сомневаясь в правильности принятого им решения, он увидел и обратную его сторону: войска его страны под командованием прусского принца отправились завоевывать Пруссию европейскую гегемонию ценой крови его соотечественников. Людвиг почувствовал себя загнанным в угол. Союз с Пруссией неизбежен, но какое место уготовано в нем Баварии? Отныне короля не волновали вести о победах на фронте, а беспокоило только одно — независимость своей страны после окончания войны. В первые же дни конфликта Людвиг послал на фронт принцу Фридриху письмо, в котором напоминал, что при заключении мира этот вопрос должен быть решен безоговорочно и с абсолютной ясностью.

Недаром Людвиг давно уже пророчески предчувствовал: «Бисмарк, кажется, хочет из Баварии сделать прусскую провинцию».

Победы сопутствовали прусской армии с первых же дней войны, которая закончилась осадой Парижа. 28 января 1871 года французы были вынуждены заключить перемирие. 26 февраля в Версале был подписан предварительный мирный договор, который должен был быть ратифицирован Национальным собранием Франции. Чтобы стимулировать ратификацию, 1 марта германские войска вошли в Париж, а были выведены третьего числа после объявления о ратификации. Окончательный мирный договор был подписан во Франкфурте 10 мая.

Но даже не дожидаясь окончания войны, король Вильгельм и Бисмарк решили ускорить процесс объединения Германии. В этих условиях

Бисмарку вновь понадобилось содействие баварского монарха. Именно Бавария, крупнейшее королевство Германии и исконный антагонист Пруссии, должна была *просить* прусского короля принять германскую императорскую корону. Если бы баварский король не поддержал эту идею, для дальнейшей гегемонии Пруссии в составе Германского союза могли бы возникнуть серьезные, а возможно, и непреодолимые препятствия. Однако этот шаг символизировал для Людвига II не только полное и окончательное примирение двух стран, как ему представлял ситуацию Бисмарк. Людвиг остро почувствовал, что его относительно свободному правлению настал конец, он добровольно возлагает на себя ярмо зависимости от более могущественной монархии. Для Людвига, чьим идеалом всегда был французский абсолютизм, это был роковой удар. Только что он был вынужден воевать против милой его сердцу Франции на стороне агрессивной Пруссии, а теперь и его собственное королевство становится фактически «прусской провинцией». У Людвига, как говорится, опустились руки...

Бисмарк же нетерпеливо подталкивал короля к решительным действиям. В этом ему активно помогал друг и доверенное лицо короля граф фон Хольнштайн. Кстати, граф состоял в приятельских отношениях и с Бисмарком: из своей личной пивоварни поставлял пиво в личную пивоварню Бисмарка, из садов своих многочисленных имений посылал ему фрукты. Наконец, именно Хольнштайн подарил Бисмарку в 1874 году его любимого пса — знаменитого дога Зульта (Sultl), а когда тот трагически погиб в 1877 году, прислал в утешение нового друга — дога Тираса (Tyras). Кроме того, граф и Бисмарк регулярно встречались и состояли в постоянной переписке. В вопросе о необходимости обращения баварского короля к Вильгельму с просьбой принять императорскую корону они также были единомышленны. Бисмарк написал Людовику длинное письмо, в котором доказывал, что если Бавария не поторопится выступить с такой инициативой, то это сделает какое-нибудь другое германское государство и все выгоды от этого шага достанутся другим. Позволим себе привести часть переписки Бисмарка с Людвигом II, так как, говоря словами германского канцлера, цитируемые письма «способствуют *правильной характеристике этого несчастного монарха* (курсив наш. — М. З.); сами по себе они также могут сызнова приобрести актуальный интерес»^{104}.

Двадцать седьмого ноября 1870 года Бисмарк писал из Версаля:

«...Прошу Ваше Королевское Величество принять изъяснение моей благоговейной признательности за милостивые

сообщения, переданные мне по повелению Вашего Величества графом Гольнштейном (Хольнштайном. — М. 3.). Чувство признательности, которое я питаю к Вашему Величеству, имеет более глубокое основание, нежели одни только личные чувства, ибо мое служебное положение дает мне возможность оценить великодушные решения Вашего Величества, коими Вы содействовали с самого начала и вплоть до предстоящего окончания этой великой национальной войны объединению и могуществу Германии. Но не мне благодарить Баварский правящий дом за истинно немецкую политику Вашего Величества и за героизм Вашего войска: это долг немецкого народа, это дело истории. Я могу только засвидетельствовать, что до конца жизни буду благоговейно предан и искренно признателен Вашему Величеству и всегда почту за счастье, если мне удастся оказать Вашему Величеству какую-либо услугу. Почтительнейше сообщаю, что в вопросе о титуле германского императора, по моим соображениям, самое главное, чтобы почин исходил только от Вашего Величества и ни от кого более, в особенности не от народного представительства. Положение сложилось бы ложное, если бы вопрос не был поставлен благодаря свободной, хорошо продуманной инициативе могущественнейшего из всех примыкающих к Союзу государей. Я позволил себе передать графу Гольнштейну проект, который будет направлен моему все милостивейшему королю и по его желанию, с соответствующими редакционными изменениями, — другим членам Союза. В основу этой декларации положена идея, которой действительно проникнуты немецкие племена: германский император — их соотечественник, король прусский — их сосед, титул же германского императора означает лишь, что связанные с этим права основаны на добровольном вручении ему полномочий германскими князьями и племенами. История учит нас, что высокому европейскому престижу великих княжеских династий Германии, включая Прусскую, наличие избранного ими германского императора никогда не было помехой.

Почтительнейше пребываю
Вашего Величества
нижайшим и глубоко преданным слугой

фон Бисмарк»^{[105](#)}.

Аргументы произвели должное действие. Людвиг решил поступиться собственным самолюбием, но в обмен выдвинуть ряд требований в интересах родной Баварии. В ответе Бисмарку он писал:

«Любезный граф^[95]!

С особенным удовольствием я отметил, что, несмотря на Ваши многочисленные и не терпящие отлагательства занятия, Вы нашли время выразить мне воодушевляющие Вас чувства. Приношу Вам за это горячую благодарность, ибо я высоко ценю дружеское расположение человека, к которому вся Германия с гордостью и радостью обращает свои взоры. Вашему королю, моему любезному и высокоуважаемому дяде, мое письмо будет вручено завтра. От всего сердца желаю, чтобы мое предложение нашло полное сочувствие у короля и у прочих членов Союза, которым я также писал, и у всей нации; меня радует сознание, что благодаря положению, занимаемому мною в Германии, я мог в начале и при окончании этой достославной войны сделать решительный шаг на пользу национального дела. Но в то же время питаю твердую надежду, что Бавария сохранит и впредь свое положение, так как оно вполне согласуется с честной и прямодушной союзной политикой и вернее всего может помешать пагубной централизации. То, что Вы сделали для немецкой нации, велико, бессмертно, и я могу сказать без лести, что Вам принадлежит самое почетное место в ряду великих людей нашего века. Да продлит Господь Вашу жизнь на много, много лет, дабы Вы могли продолжать свою деятельность на благо и процветание нашего общего отечества. Примите, любезный граф, искренний привет, с коим я пребываю неизменно Вашим искренним другом

Людвиг

Хоэншвангау, 2 декабря 1870 года»^{106}.

При этом важно учитывать, что все родственники Людвиг — и принц Карл, и принц Луитпольд, и даже брат Отто — были против провозглашения Германской империи. Это обстоятельство также сыграло свою роль в колебаниях Людвиг. Наконец, он решился написать королю Вильгельму официальное послание — «Императорское письмо» — с

предложением принять императорскую корону, к которому его так активно подталкивали Бисмарк и граф фон Хольнштайн. Приводим отрывок из этого исторического документа, написанного Людвигом II 3 декабря 1870 года и зачитанного государственным министром Дельбрюком^[96] на заседании рейхстага 5 декабря: «После присоединения Южной Германии к германскому конституционному Союзу присвоенные Вашему Величеству верховные права будут распространяться на все германские государства. Я заявил свою готовность присоединиться, будучи убежден, что это отвечает всем интересам германского отечества и его союзных государей, но в то же время и в полном доверии к тому, что права, принадлежащие по конституции президиуму Союза, вследствие восстановления Германской империи и звания германского императора будут означать права, которыми Ваше Величество пользуется от имени всего германского отечества на основе объединения его государей. Поэтому я обратился к остальным государям с предложением просить вместе со мной Ваше Величество о том, чтобы соединить права Союза с титулом германского императора. Как только Ваше Величество и союзные государи сообщат мне о своих желаниях, я поручу своему правительству приступить к дальнейшим действиям, необходимым для достижения объединения»^{107}.

A photograph of a handwritten letter in German cursive script. The paper is aged and slightly discolored. At the top left, there is a handwritten number 'X 6393' and a date '30. November 1870'. The text is written in dark ink and is somewhat slanted. The letter appears to be a formal communication, possibly a declaration or a statement of intent, given the historical context provided in the caption. The handwriting is fluid and characteristic of the late 19th century.

Письмо Людвиг прусскому королю Вильгельму I от 30 ноября 1870 года

Восемнадцатого января 1871 года в Зеркальном зале Версальского дворца было официально объявлено о создании Германской империи — Второго рейха. Влияние и могущество Пруссии возросли многократно. Благодаря действиям Людвиг II Бавария сохранила право иметь не только собственное правительство, но и Военное министерство, Министерство иностранных дел, собственные почту, таможню и другие неотъемлемые атрибуты независимого государства. Кстати, несмотря на первоначальные

антипрусские настроения, депутаты баварского ландтага отдали 102 голоса за вступление в Германскую империю при 48 голосах против.

Политика короля не была проявлением слабости перед более сильным противником. Это был тонкий дипломатический расчет, позволявший даже, казалось, из безвыходной ситуации извлечь выгоду, причем немалую. Фактически именно благодаря дальновидной политике Людвига II Бавария еще довольно долго сохраняла позиции самостоятельного государства, несмотря на все попытки Берлина подмять ее под себя.

В ознаменование завершения великого дела объединения страны Людвиг написал Бисмарку еще одно письмо:

«Любезный граф!

В знак признательности за Ваши выдающиеся заслуги в деле заключения германских союзных договоров я жалую Вас прилагаемой при сем звездой с бриллиантами к имеющемуся у Вас нашего Дома ордену Св. Губерта. Благодаря главным образом Вашему содействию справедливые интересы Баварии были приняты в этих переговорах во внимание, и поэтому Вы, любезный граф, можете видеть в этом пожаловании не только акт простой вежливости, но и выражение моего дружеского к Вам расположения, на которое Вы имеете несомненное право. Орденский девиз — «верность без колебаний» — является также и моим девизом. Бавария, руководясь им, будет искренним союзником Пруссии и гармоническим звеном империи. Выражая еще раз свое постоянно и особенно благожелательное к Вам отношение, я шлю Вам, любезный граф, мой искренний привет, неизменно пребывая вашим искренним другом.

Людвиг

Мюнхен, 22 марта 1871 года»^{[108](#)}.

Но несмотря на внешнее спокойствие, в душе Людвига II произошел глубокий надлом, гораздо более болезненный, чем при разрыве с Вагнером. Достаточно сказать, что на торжествах в Версале по случаю объявления объединения Германии от Баварии присутствовали кронпринц Отто, принц Луитпольд, граф фон Хольнштайн и «другие официальные лица». Не было только короля...

Отто писал брату из Версаля: «Германский император, Германская

империя, Бисмарк, громкое прусское воодушевление, много сапог — всё это делает меня бесконечно печальным... мучительно было на душе у меня во время той церемонии... Какое грустное впечатление это производило на меня: видеть склонившуюся нашу Баварию там, перед императором; я не был приучен с детства к чему-то в этом роде... всё так холодно, так гордо, так блестяще, так нарочито хвастливо, бездушно и пусто»^[97].

Империя Людвига рушилась, его идеалы были безжалостно растоптаны прусским сапогом. Людвиг прекрасно понимал, что отныне над Баварией устанавливался контроль со стороны Берлина и в частности Бисмарка.

Отчаяние овладевает Людвигом. Его гордая самолюбивая натура не в состоянии смириться с тем, что отныне он лишь пешка в большой игре. Времена абсолютизма канули в Лету. Он никогда не сможет построить свое идеальное королевство на земле.

Людвиг II находит весьма своеобразный выход. «Отныне он король в беспредельных областях своей фантазии, и свое королевство он строит в горах, среди великолепных замков, среди величественной природы, среди простого, ничего от него не требующего народа. Людвиг делается Королем Альп!»^[109]

Для любого другого человека подобное решение проблемы было бы идеальным. Но трагедия Людвига II состояла в том, что он был король, а стало быть, не имел права жить собственной жизнью. Но в то же время он оправдывал себя тем, что как монарх уже не нужен своей стране, для которой и так сделал всё, что мог. Настоящий глава Германии — а значит, и Баварии — отныне Вильгельм I. И, конечно, Бисмарк. Именно они реально определяют политику. А быть лишь номинальной фигурой, шутком на придворном спектакле, марионеточным королем Людвиг II не хотел. А раз так, раз он не может быть настоящим королем Баварии, значит, он станет королем самого себя, тем более что средства для этого, как ему казалось, у него есть.

Дело в том, что король договорился с Бисмарком не только о политических привилегиях для Баварии в качестве платы за «Императорское письмо», но и о выгоде для самого себя: Бисмарк пообещал в течение следующих десяти лет выплачивать ему денежную компенсацию из уже упоминавшегося нами фонда Вельфов. Первая выплата в размере 270 тысяч марок прошла 25 сентября 1873 года. Конечно, можно сказать, что Бисмарк подкупил баварского короля, заставив под финансовым давлением подписать нужный документ. Деньги были

необходимы Людвигу II для реализации своих строительных планов — он не разорял казну, а пытался обойтись своими средствами.

270 тысяч марок из фонда Вельфов были потрачены в качестве первого аванса за покупку самого большого острова на озере Кимзее, называвшегося Херренинзель. Общая стоимость земли составляла 350 тысяч марок. Именно здесь король решил строить свой «баварский Версаль».

Справедливости ради скажем, что деньги явились последним аргументом Бисмарка. Сначала Людвиг выдвигал требования исключительно в интересах родной Баварии. Сделав для своей страны всё, что мог, король почувствовал, что имеет право отойти от дел. Всё равно он уже не полноценный монарх.

Впоследствии получение средств из фонда Вельфов будет также вменено в вину Людвигу II. Его будут выставять чуть ли не преступником, не только грабящим казну своей страны, но и не брезгующим сомнительными сделками. Сделка действительно была сомнительной — но лишь со стороны Бисмарка. В свое время фонд Вельфов рассматривался Георгом V в качестве компенсации за утраченное Ганноверское королевство. Людвиг также посчитал, что выплаты Бисмарка — это компенсация за его потерянное королевство. То, что эти деньги шли не из прусской казны, было тщательно засекречено Бисмарком, как мы уже говорили, не имевшим права единолично распоряжаться доходами фонда Вельфов. Необходимо обратить внимание, что эти секретные выплаты шли непосредственно через графа фон Хольнштайна, причем каждый раз он получал десять процентов от выплачиваемой суммы. Эти взаиморасчеты были, в свою очередь, тщательно засекречены. Другими словами, Хольнштайн и Бисмарк вступили в сговор; возможно, граф был таким образом подкуплен Бисмарком, чтобы при баварском дворе лоббировать прусские интересы. Напомним, что все документы по этому делу всплыли уже после смерти Людвигу II, в 1892 году. Финансовый скандал стоил графу карьеры. Но пока до этого было еще далеко...

Размер выплат Людвигу II из фонда Вельфов в разные годы составлял от 270 тысяч до 800 тысяч марок. Эти суммы вполне сопоставимы со средним размером ежегодной пенсии отошедшей от дел монаршей особы — низложенного короля или овдовевшей королевы. Людвиг II считал себя именно низложенным монархом. Общая сумма, полученная королем, составляла 4 миллиона 720 тысяч марок. Велика ли она? Всё познается в сравнении. Как и в случае с Вагнером, напомним, что содержание королевского двора обходилось в год в пять миллионов марок. Таким

образом, за десять лет Людвиг получил от Бисмарка меньше, чем за год от бюджета Баварии! При этом он пока вообще не трогал баварскую казну.

Людвиг II начал ускоренными темпами строить собственную империю. Нойшванштайн, возведение которого шло полным ходом, был задуман как величественный храм Искусства; Линдерхоф должен был стать убежищем для души. Но Людвигу этого было уже мало...

Почти все, кто посещает замки Людвига II, видят, что король, не доведя до конца один проект, начинал следующий, затем еще один; каждый новый замок задумывался им всё более грандиозным и роскошным. Зачем Людвигу это было надо? Не проще ли было бы полностью отстроить и отделать хотя бы что-то одно? Некоторые видят в этом проявление его душевного недуга. Людвиг II строил «параллельную Баварию» — ту, в которой он действительно был бы королем. Он не мог ограничиться чем-то одним. Все грани его богатой натуры должны были быть воплощены в настоящем, а не фантастическом мире. Разброс интересов и обилие самых различных проектов в этом ключе выглядят не просто логичными, а совершенно необходимыми. Король словно предчувствовал свою скорую кончину и торопился. Торопился оставить после себя свой истинный портрет, а не ту карикатуру, которой представлялось ему его нынешнее царствование. Сложенный из многочисленных кусочков, каждый из которых сам по себе являлся бы шедевром архитектурной и художественной мысли, портрет *последнего истинного короля* остался бы потомкам как памятник величию и победе духа над низменным бренным существованием.

Король торопился, но всё равно не успел...

Часть третья

ЗАТМЕНИЕ

1872 год — июнь 1886 года

*Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!*

Н. Гумилев. Каракалла. 1906 г.

Глава первая

ГОРЬКАЯ ЛУНА

Наступивший 1872 год не принес королю желанного успокоения. Он уже утвердился в мысли о необходимости создания «параллельной» Баварии, уже успел с головой окунуться в строительные проекты, но жестокая действительность вновь разрушила с таким трудом восстановленное душевное равновесие. Пока строительство Нойшванштайна и Линдерхофа находилось в самом разгаре, Людвига II настиг тяжелейший удар. По стране разнеслась весть, что всеобщий любимец, жизнерадостный кутила и ловелас, младший брат короля наследный принц Отто сошел с ума.

Мы уже не раз упоминали, что Отто, любивший общество, веселье, кутежи, войну и фривольные оперетки, был полной противоположностью Людвига II. Казалось, ничто не предвещало грядущей трагедии. Признаки недуга просто не замечали, приписывая их взрывному неуравновешенному характеру кронпринца. Однако даже на детских портретах Отто можно обратить внимание на его тяжелый расфокусированный взгляд. Кстати, обычно отмечают, что следы будущего сумасшествия были заметны и у самого Людвига II. Хрестоматийными стали слова, якобы произнесенные французским психиатром Огюстом Бенедиктом Морелем при первой встрече с юным наследным принцем Людвигом: «Это глаза, в которых горит будущее безумие». Но если абстрагироваться от штампов и стереотипов, то придется признать, что никаких внешних признаков болезни даже на последних фотографических портретах Людвига II не наблюдается.

Еще 10 мая 1871 года у кронпринца Отто случился тяжелый припадок, после которого было решено установить за ним регулярное врачебное наблюдение. Но болезнь начала развиваться столь стремительно, что долго сохранять тайну внутри правящего Баварского дома уже не получалось, и 15 ноября о недуге наследника было доложено непосредственно канцлеру Германской империи Бисмарку. 15 января 1872 года консилиумом врачей был вынесен официальный диагноз: «душевная болезнь, прогрессирующее слабоумие».

Забежим в нашем повествовании вперед, чтобы поставить точку в этой грустной истории. С 1873 года Отто практически безотлучно жил в Нимфенбурге. Правда, он всё еще изредка показывался в мюнхенском

обществе, в частности на праздничных богослужениях и на столь любимых им прежде военных парадах. Однако надежд даже на частичное выздоровление практически не было, что подтвердил очередной буйный припадок болезни, произошедший 27 мая 1875 года прямо во время службы в главном соборе Мюнхена Фрауенкирхе (Frauenkirche). 22 августа Отто вместе с братом последний раз присутствовал на военном параде. Оказалось, что это было последнее подобное мероприятие и в жизни Людвига II — до самой его смерти в Баварии больше не проводили военных парадов...

А сам король, подавленный и угнетенный, с 24 по 27 августа находился в Реймсе и истово молился в кафедральном соборе Божией Матери (Notre-Dame de Reims), традиционном месте коронации французских королей. Просил ли он у Бога совершить чудо и вернуть ему брата? К тому времени надежд на выздоровление Отто уже не было...

Вначале лечением кронпринца занимался ведущий немецкий психиатр того времени Бернхард Алоиз фон Гудден^[98]. (С этим человеком мы вскоре познакомимся поближе.) Но в течение следующих четырех лет болезнь прогрессировала настолько, что с 1879 года потребовалась уже целая группа врачей, безотлучно находившихся при Отто: «Prinzenärzte» — «врачи принца». Припадки становились всё более опасными для окружающих. 13 марта 1880 года Отто пришлось поместить в специально оборудованную для его содержания клинику в замке Фюрстенрид (Fürstenried), который он уже не покидал до самой смерти. Он перестал узнавать даже родного брата, периодически навещавшего его. Очень скоро Отто был практически изолирован от всех, кроме лечащих врачей.

Людвиг, по-видимому, был искренне привязан к брату, болезнь которого вызвала в нем взрыв безмерного отчаяния и заставила еще больше замкнуться в себе. Возможно, несмотря на всю непохожесть и даже противоположность натур двух братьев, Отто всё же был той родной душой, которой король мог довериться всегда: поймет его брат или нет, не важно; главное — он не предаст, в этом Людвиг был свято уверен. И вдруг эта последняя ниточка, связывавшая его со светской жизнью, оборвалась. Впереди полное одиночество... Ко всему прочему, по Мюнхену поползли слухи, что болезнь Отто — якобы расплата за легкомысленную и разгульную молодость Максимилиана II! Верил ли король этим слухам или нет, но именно со времени явного развития душевного недуга кронпринца Людвиг стал крайне неприязненно относиться даже к самой памяти об отце, с которым, как мы уже говорили, у него и так никогда не было особой душевной близости.

Кстати, после смерти Людвига II, 14 июня 1886 года, согласно баварским законам наследник трона, несмотря на свою болезнь, был официально провозглашен королем Баварии. При этом сообщалось, что регентство Луитпольда продолжается, так как новый король Отто I «скорбен разумом» («Der König ist schwermütig»). 15 июня делегация от правительства Баварии, прибывшая в Фюрстенрид, зачитала текст документа самому Отто. По воспоминаниям присутствующих, тот во время официальной церемонии оставался ко всему безучастным и явно так и не понял, что отныне стал королем. Когда же в 1912 году скончался принц-регент Луитпольд, фактический правитель Баварии в течение двадцати шести лет, его сын Людвиг (1845–1921) был провозглашен новым принцем-регентом. Но вскоре этот статус перестал устраивать честолюбивого принца, которому к тому времени исполнилось уже 67 лет. 4 ноября 1913 года была внесена поправка в конституцию Баварии, согласно которой регентство не могло продолжаться более десяти лет; по истечении этого срока, если нет надежды на то, что законный король будет когда-нибудь способен управлять страной, регент имел право принять корону. 6 ноября эта поправка была принята ландтагом, и уже 8 ноября принц-регент Людвиг стал баварским королем Людвигом III^[99]. При этом Отто I не был официально смещен с престола. Парадоксально, но факт: вплоть до смерти Отто 11 октября 1916 года в Баварии было два короля. 14 октября тело несчастного короля Отто I было упокоено в крипте церкви Святого Михаила в Мюнхене рядом с гробницей его брата Людвига II...

Интересно отметить, что в связи с душевной болезнью Отто развитие психиатрии в Баварии становится чуть ли не основной государственной и социальной задачей того времени. Такое отношение, а также финансовая поддержка со стороны правительства вскоре вывели немецких психиатров в первые ряды европейской науки, подчеркивая их авторитетность и значимость, что с готовностью признавали их коллеги во всем мире. Словосочетание «немецкий психиатр» стало фактическим синонимом высокого профессионализма.

Очередная ирония судьбы: впоследствии карту якобы наследственной душевной болезни ловко, но *непрофессионально* разыграют недруги Людвига II. Предчувствие подобного шага заставляло Людвига переживать болезнь брата еще острее. «Если меня лишат короны, это будет горько, но мне будет еще прискорбнее, если они провозгласят меня сумасшедшим!» — скажет он незадолго до своей кончины.

А пока, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Людвиг с еще большей страстью отдается строительству. Казалось, он ищет в этом не

просто утешения, а забвения. Понимая, что замков ему придется ждать еще долго, а убежище нужно прямо сейчас, король находит оригинальный выход.

Летом 1872 года, ко дню рождения Людвига, было оперативно завершено строительство маленького «замка» Шахен (Schachen) в окрестностях селений Гармиш (Garmisch) и Партенкирхен (Partenkirchen) (ныне — город Гармиш-Партенкирхен). Людвиг был совершенно очарован местными видами, особенно покрытыми вечным снегом склонами горы Цугшпитце (Zugspitze)^[100]. В 1869–1872 годах по проекту Георга фон Долмана на высоте 1800 метров с видом на Цугшпитце был построен «замок» Шахен.

Мы уже оговаривались, что далеко не все постройки Людвига II в прямом смысле слова являются замками; называть их так — лишь дань традиции. В большинстве своем это не замки, а дворцы; строго говоря, замком можно назвать лишь Нойшванштайн. «Замок» Шахен — это даже и не дворец, и не вилла, а просто высокогорное деревянное двухэтажное шале, с виду совершенно не похожее на королевское жилище. Комнаты первого этажа по меркам других творений Людвига выглядят довольно скромно; стены отделаны резными панелями из кедра, какого-то одного определенного стиля в оформлении не наблюдается. Зато атмосфера второго этажа магическим образом переносит посетителей с альпийской вершины в сказочный мир Востока.

Людвига II давно привлекала восточная культура, особенно архитектура, и он мечтал создать нечто подобное при своем дворе (кстати, к тому времени увлечение короля Востоком уже нашло воплощение в Индийском павильоне в Мюнхенской королевской резиденции). Турецкий зал Шахена, занимающий целиком второй этаж, вполне может соперничать по роскоши отделки, к примеру, с Мавританским павильоном в Линдерхофе, о котором еще пойдет речь. Окна зала с цветными витражами создают волшебную игру света; мебель богато украшена золотой инкрустацией; павлиньи перья, обилие мягких подушек словно воплощают собой грезы по сладкой восточной неге.

Собственно, для отдохновения Шахен и был построен. Людвиг любил здесь бывать в непринужденной обстановке, покуривая один из кальянов своей богатой коллекции (часть ее экспонатов ныне хранится в Музее Людвига II в Херренкимзее) и уносясь мечтами то во дворцы турецких султанов, то на романтические горные вершины родной Баварии — Шахен удачно сочетал в себе оба этих образа. Ощущение покоя и неги, видимо, настолько впиталось с дымом королевского кальяна в атмосферу Шахена,

что чувствуется даже теперь. Приют забвения был найден!

Но и основное строительство не останавливалось. Мы уже говорили, что сердце Людвига II было верно трем основным идеалам, каждый из которых получил воплощение в одном из трех замков, построенных королем. Нойшванштайн стал символом идеалов романтического Средневековья; в нем «живут» не столько вагнеровские герои, сколько их древние «предки». В замке Херренкимзее, о котором мы вскоре будем говорить, олицетворена абсолютная королевская власть, тот идеал монархии, достичь которого Людвигу II было изначально не суждено... Линдерхоф стал памятником двум кумирам Людвига II — Рихарду Вагнеру и Людовику XIV. Причем именно здесь можно не только увидеть, но и почувствовать, как в душе короля композитор постепенно уступал «лидерство» французскому монарху.

Интересно отметить, что Людвиг восхищался в своих кумирах только *идеями*, носителями которых они являлись. Как и в случае с актерами, «всё человеческое» было ему абсолютно чуждо. Людвиг не старался слепо копировать их образ жизни, их вкусы, их пристрастия, что происходит обычно с «talантами и поклонниками». Карл Теодор фон Хайгель подметил, что во многом они даже были антиподами: «Какое сходство было между Людвигом II и Людовиком XIV? Людовик XIV любил охоту, карточную игру и женщин. Людвиг II никогда не охотился, не играл и был равнодушен к женской красоте»^[110].

Отвращение Людвига II к охоте было общеизвестно. Мы уже отмечали, что в ранней юности он отдал дань этой забаве, скорее, подчиняясь влиянию графа Ла Розе, своего воспитателя. Очень скоро Людвиг не просто разочаровался, а буквально возненавидел охоту. Более того, приезжая зимой в Линдерхоф, король ходил в лес и собственноручно кормил хлебом встречавшихся ему на прогулке диких коз, доверчиво подходивших к нему, или же оставлял им корм на дорожке. Проливать кровь живых существ ради удовольствия казалось Людвигу отвратительным. И это в то время, когда высший свет и Баварии, и всей Европы не мыслил себя без охоты. Страстным любителем этой жестокой забавы был, в частности, принц Луитпольд; можно сказать, олицетворением охотника-маньяка являлся австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник императора Франца Иосифа, превративший свой чешский замок Ко-нопиште фактически в склеп из чучел, рогов, черепов и других охотничьих трофеев. Право же, невольно возникает мысль, что его убийство в Сараеве в 1914 году было вполне заслуженным...

Любовь к природе позволяла Людвигу II видеть и глубоко чувствовать

ее красоту. Для своих будущих замков он выбирал самые живописные уголки родной Баварии. При этом король очень бережно относился к природному ландшафту, следя, чтобы во время строительства не было спилено ни одного лишнего дерева.

Характерно, что к творениям рук человеческих Людвиг относился не менее трепетно. Так, став в 1864 году полноправным хозяином Хоэншвангау, он никогда не пытался модернизировать отцовский замок, хотя собственные постройки сразу же снабжал всеми достижениями прогресса, такими как электричество, паровые машины, подъемники и т. п. Романтические мечтания детства были слишком дороги королю; любое изменение, казалось, разрушало очарование былого. А может, он просто не хотел тревожить покой дорогих ему теней легендарных героев, «чувствовавших» себя намного комфортнее при таинственном трепетном мерцании свечей, чем при свете вульгарных электрических фонарей?..

Лишь в 1910 году принц-регент Луитпольд провел в Хоэншвангау электричество. А в 1913-м замок был открыт для посещения в качестве музея. Под любопытными взглядами миллионов туристов благородные рыцари, прекрасные дамы и волшебные лебеди предпочитают больше «не сходить» со своих полотен. Лишь тот, кто верит в сказку, сумеет вступить в контакт с духами-хранителями древних традиций и в полной мере почувствовать неповторимую атмосферу романтического рыцарского Средневековья. Кстати, Хоэншвангау совсем не пострадал во время Второй мировой войны и сохранил подлинные предметы интерьера (в наши дни часть дворца закрыта — там находятся жилые помещения членов Дома Виттельсбахов, которым официально принадлежит замок).

Итак, в середине 1870-х годов первым в ряду «готовящихся к сдаче» королевских объектов стоял замок Линдерхоф. Он всё более приобретал тот облик, который мы можем увидеть сегодня. Первоначальное деревянное здание было облицовано камнем; в 1873 году был утвержден план парка. Еще в 1868 году ландшафтный дизайнер Карл Йозеф фон Эффнер (Effner; 1831–1884) предложил на рассмотрение короля уменьшенную копию Версальского парка. Однако даже в таком «урезанном» виде этот план не вписывался в сравнительно небольшую узкую горную долину, где было развернуто строительство. Тогда Людвиг решил перенести здание примерно на 300 метров западнее (где оно стоит и поныне), что позволяло увеличить общую площадь парка.

В целом строительство замка было закончено к началу 1874 года («днем рождения» Линдерхофа можно считать 21 января, когда завершились отделочные работы в интерьере). Однако уже в 1885 году

была начата реконструкция королевской спальни — центрального помещения здания. Она была значительно расширена и продлена с северной стороны, что потребовало общей реставрации замка. Работы были доведены до конца в 1886 году. Но король их результатов уже не увидел, хотя и считается, что Линдерхоф — единственный замок, завершённый при его жизни...

Во время строительства замка произошёл один эпизод, рассказанный Луизой фон Кёбелль и очень точно характеризующий баварского короля. Мраморные статуи и лепнина в Линдерхофе были выполнены скульптором Филиппом Перроном (Perron; 1840–1907). Однажды Людвиг II вошёл в ещё не до конца отделанную спальню и увидел работающего под самым потолком Перрона. «Что же вы не прикажете, чтобы вам подержали лестницу? — живо спросил король скульптора. — Позовите кого-нибудь из прислуги. Ведь вы рискуете упасть!» Перрон, торопясь окончить работу, слушал упреки короля, не прерывая лепки. Тогда Людвиг сам стал держать лестницу и делал это до тех пор, пока скульптор не спустился вниз. «Этот случай ещё более усилил рвение Перрона к работе и его привязанность к королю»^[111], — сообщает госпожа фон Кёбелль.

Пройдёт всего несколько лет, и в адрес Людвиг II будут брошены обвинения в неподобающем жестоком и слишком высокомерном обращении с окружающими. Эти обвинения приходится слышать до сих пор, хотя есть множество доказательств обратного. Увы, очернить и оклеветать человека значительно легче, чем оправдать...

В нашу задачу не входит описывать интерьеры Линдерхофа. Скажем лишь, что это место, где царит дух Людовика XIV. И ещё одна особенность: в то время как в душе короля Вагнер постепенно уступает позиции Людовику XIV, в декоре интерьера «вездесущего» лебедя заменяет вторая «орнитологическая любовь» Людвиг — павлин. И это очень символично. Ведь лебедь — олицетворение величия духовного мира; павлин — олицетворение абсолютной монаршей власти. Приоритеты сменились: отныне Людвиг — в первую очередь король! К тому же павлин — символ Солнца. Раз Линдерхоф посвящён «королю-солнце», то и эта царственная птица должна непременно в нём присутствовать.

Уже закончив строительство замка, Людвиг II с 21 по 28 августа 1874 года предпринял вторую поездку в Париж, словно желая убедиться непосредственно в городе своего кумира в точности воспроизведения им в горах Баварии Малого Трианона. 25 августа король отпраздновал день рождения в Версале, а затем посетил Лувр и могилу Наполеона в Доме инвалидов, а также Фонтенбло.

Но если сам Линдерхоф «насквозь французский», то в парке Людовик XIV полностью теряет свою власть. Находящиеся там павильоны заслуживают отдельного внимания. В целом их можно разделить на три группы: «восточные», «вагнеровские» и «реликтовые» — те, что существовали здесь задолго до постройки замка, а затем были искусно вписаны в общую панораму, оформление которой в основном было завершено в 1880 году.

Особенно примечателен ближайший к Линдерхофу «вагнеровский» Грот Венеры, построенный в 1876–1877 годах известным «творцом ландшафтов» Августом Дириглем (Dirigl). Рукотворная сталактитовая пещера с озером и водопадом была первоначально предназначена для постановки первого акта музыкальной драмы Вагнера «Тангейзер». Художник и декоратор Франц фон Зайтц (von Seitz; 1817–1883) специально сконструировал челн в виде золотой раковины; для подсветки воды и различных световых эффектов было проведено электричество. Вход в грот также регулировался с помощью хитроумного электрического механизма: словно по приказу «Симсим, откройся!» кусок скалы открывал и снова замуровывал скрытую от посторонних глаз пещеру в горе. Завершение строительства Грота Венеры совпало с празднованием 32-летия короля — 25 августа 1877 года.

Но, несмотря на изначальное предназначение Грота Венеры и многочисленные мифические истории, которые до сих пор можно услышать от экскурсоводов или прочитать в некоторых статьях, там никогда не осуществлялась ни одна музыкальная постановка. Испарения подогреваемой воды в замкнутом пространстве и отсутствие должной акустики не позволяли музыкантам ни играть, ни петь. Что ж, Людвиг утешался тем, что иногда сам садился в золотой челн и плавал среди мистических переливов света и еле слышных всплесков искусственных волн. Наверное, тогда король чувствовал себя зачарованным Тангейзером и надеялся, что молитвы за него чистых душ умиловят Создателя и после смерти его прощенная душа обретет покой...

Не менее интересен Мавританский павильон Линдерхофа. (О серьезном увлечении Людвига II Востоком мы уже упоминали.) Изначально павильон был построен в 1867 году архитектором Карлом Дибичем (Diebitsch) для Всемирной выставки в Париже. В 1876-м баварский король смог купить павильон, и уже через год, отреставрированный и расширенный, он нашел свое место в парке Линдерхофа на небольшой возвышенности, что позволяет уже издалека заметить три золотых купола, венчающих его крышу.

А между тем Мавританский павильон — не единственный приют Востока в парке замка Линдерхоф. Ближе всего к входу в парк находится Марокканский павильон, приобретенный Людвигом II на очередной Всемирной парижской выставке 25 ноября 1878 года. Он представляет собой небольшой домик с фасадами, раскрашенными в красно-белую полоску, и стилизованным минаретом. Судьба Марокканского павильона была довольно непростая: изначально он стоял почти на баварско-австрийской границе за пределами парка, после смерти Людвига II был куплен частным лицом и вывезен из Линдерхофа и лишь в 1982 году выкуплен государством и вновь поставлен в Линдерхофе.

Старейшим зданием в парке является часовня Святой Анны, построенная в 1684 году монахом из монастыря Этталь. Интересно отметить, что в планы Людвига II первоначально входила перестройка двухсотлетней часовни, которая по мере строительства замка и парковых павильонов уже не вписывалась в общий облик комплекса. В 1871 году был представлен план нового купольного здания в необарочном стиле, но Людвигу он не понравился. В 1876 году король решил, наконец, оставить часовню в неприкосновенности, так как в окончательно принятый проект английского пейзажного ландшафта «неказистое» старинное здание вполне вписывалось.

К тому же на территории парка сохранялся еще один «реликт» — сам охотничий домик Максимилиана II, «прародитель» Линдерхофа. Он лишь получил новое имя — Королевская хижина, ведь такому ненавистнику охоты, как Людвиг II, охотничий домик был ни к чему. Первоначально хижина, построенная еще в 1790 году, располагалась непосредственно на месте самого замка Линдерхоф, но в 1874 году была перенесена на другое место, где находится и поныне. Кстати, Людвиг II часто жил в ней во время строительства самого замка. А после его смерти Королевская хижина превратилась... вновь в охотничий домик: принц-регент Луитпольд, страстный охотник, стал использовать ее по прямому назначению. «Жестокий век, жестокие сердца!»

В глубине парка вновь начинают преобладать «вагнеровские» мотивы. Дальше всего от замка, у закрытого для посетителей Линдерхофа выхода, ведущего в Этталь и Обераммергау, находится Хижина Хундинга — чуть мрачноватая и таинственная «декорация» к музыкальной драме Вагнера «Валькирия»^[101]. Она стоит уже почти в диком лесу, в который незаметно переходит парк. Хижина Хундинга была построена в 1876 году по эскизам Кристиана Янка, но в 1884-м сгорела. Правда, по желанию короля павильон почти сразу же восстановили. Однако, видимо, стихия огня была роковой

для данной постройки. В 1945 году Хижина Хундинга вновь сгорела почти дотла и была восстановлена лишь в 1989-м. Так что ныне перед нами, по сути, копия, но копия, обладающая душой оригинала. Низкая бревенчатая хижина построена вокруг могучего векового ясеня, в гигантский ствол которого воткнут «заколдованный» меч. Стены обшиты грубыми досками, вместо скамей — пни, покрытые звериными шкурами. Под потолком висит гамак; в углу — открытый очаг, сложенный из необработанных камней. Сбоку находится крошечная комнатка с узкой кроватью с небрежно наброшенным грубым одеялом, служившая спальней королю, проводившему в Хижине Хундинга иногда по несколько дней наедине со своими мечтами, любимыми книгами и неповторимой альпийской природой.

И, наконец, в непосредственной близости от Хижины Хундинга находится последний «вагнеровский» павильон Линдерхофа — Хижина Гурнеманца — персонажа оперы «Парсифаль», старого рыцаря, воспитателя заглавного героя, раскрывшего юноше не только рыцарские, но и христианские добродетели. Хижину Гурнеманца постигла не менее печальная судьба, чем ее соседку: после смерти Людвига и вплоть до 1960-х годов она была полностью заброшена и забыта, вследствие чего совсем разрушилась. Лишь в 1999–2000 годах Хижина Гурнеманца была восстановлена на частные пожертвования, но из-за того, что павильон расположен слишком далеко от замка, он практически недоступен для посетителей. Что ж, будем просто знать, что где-то под покровом леса находится таинственный приют того, кому ведомы все добродетели и тайны Святого Грааля...

Мы уже говорили, что замки Людвига II являются отражением его души. Здесь нет ничего случайного, преходящего, *не выстраданного*. Скажем больше: замки Людвига II вообще нельзя рассматривать вне связи друг с другом! Каждый из них — лишь часть целого, фрагмент «архитектурного портрета» короля. В свою очередь, отдельно взятый замок также состоит из многочисленных граней; лучший пример тому — Линдерхоф с его многочисленными павильонами. Это целая мозаика, своим разнообразием отражающая разносторонность личности баварского короля. И не даром в парке Линдерхофа так много «вагнеровского»! Время его создания — тот период отношений короля и композитора, когда были окончательно расставлены все точки над «i».

Еще в марте 1870 года Ганс Рихтер обратил внимание Вагнера на статью «Маркграфская опера в Байройте» из энциклопедического словаря, в которой шла речь о любимом детище маркграфини Фридерики Софии

Вильгельмины Байройтской (1709–1758), урожденной принцессы Прусской, дочери прусского короля Фридриха Вильгельма I, любимой сестры прусского короля Фридриха II Великого и крестницы польского короля Августа II Сильного. В 1732 году эта неординарная женщина переехала в Байройт и все свои силы отдала тому, чтобы превратить небольшой провинциальный город в центр культурной жизни Баварии. И это ей удалось. По инициативе маркграфини Вильгельмины, одной из образованнейших женщин своего времени, ведшей переписку с Вольтером, прекрасно игравшей на лютне и даже написавшей оперу, в Байройте были основаны университет и Академия искусств. В городе развернулось масштабное строительство, настоящей жемчужиной которого стало здание Маркграфской оперы — Опернхаус (Opernhaus), и поныне одно из самых красивых в Байройте. Торжественное открытие театра состоялось 23 сентября 1748 года. Но после смерти Вильгельмины Байройт вновь впал в провинциальное забвение. Рихтер предложил Вагнеру съездить туда и посмотреть на своеобразный забытый памятник былой оперной славы Баварии. Он и не предполагал тогда, что Вагнер принесет с собой в Байройт «новый ренессанс».

В 1872 году Вагнер переехал в Байройт, в свой город, в котором намеревался остаться уже навсегда. Композитор выбрал то сакральное место, где, согласно его планам, должен был быть возведен Театр — храм Великого Искусства, о котором когда-то грезил он с молодым баварским королем Людвигом II; тот самый театр, предшественником которого был Бюненфестшпильхаус, так и не увидевший свет в Мюнхене.

Двадцать второго мая, в день 59-летия Вагнера, ровно в 11 часов началось празднество закладки первого камня будущего Фестшпильхауса, одним из архитекторов которого стал всё тот же Готфрид Земпер, готовивший мюнхенский проект.

И Людвиг II, и Вагнер почти одновременно строили на баварской земле архитектурные памятники самим себе! Кстати, в конце 1872 года байройтский магистрат подготовил документ о предоставлении Вагнеру баварского гражданства. Отныне он стал полноправным подданным Людвига II.

Однако уже в начале 1873 года Вагнер при строительстве своего театра столкнулся с практически непреодолимыми материальными трудностями. Еще двумя годами ранее, когда постройка театра только намечалась, родилась идея создания так называемых патронатных обществ (Patronatsvereine), или «Вагнерферейнов», которые собирали бы добровольные пожертвования на постройку нового «Храма искусства».

Членами «Вагнерферейнов» становились все, кому было небезразлично дальнейшее развитие музыкального искусства. «Борьба за Вагнера» выливалась в борьбу за национальное искусство. В «ферейны» входили не только музыканты, но и художники, писатели, представители аристократии. Однако несмотря на, казалось бы, огромный размах деятельности патронатных обществ, взносов их членов оказалось явно недостаточно. Дело в том, что многие вступали в общества под влиянием моды или сиюминутного порыва, а когда надо было раскошелиться, уходили в тень. Размер реальных поступлений в кассу «Театра века» был весьма далек от ожидаемого. В итоге весь 1873 год продолжение строительства находилось под угрозой. Чтобы спасти предприятие, Вагнеру не оставалось ничего другого, как напрямую обратиться за помощью к Людвигу II.

И надеяться...

1874 год начался с очередных неприятностей и потрясений. Однако долгожданный ответ от баварского короля вселил надежду. В письме от 25 января Людвиг писал Вагнеру: «Нет! Нет и снова нет! Это не должно завершиться так; надо помочь! Наш план не может сорваться!»^[112] Как оказалось, у Вагнера (если не считать коллегу Листа) по-прежнему был лишь один бескорыстный покровитель, готовый прийти на помощь другу и единомышленнику.

Несмотря на все разочарования, в глубине души Людвиг II продолжал верить в победу вагнеровского искусства. Король предоставил из личных средств кредит в 100 тысяч талеров (по современному курсу — около двух с половиной миллионов евро). (Кстати, еще раз напомним, что эта сумма была полностью выплачена баварскому правительству наследниками Вагнера из бюджета Фестшпильхауса.) Благодаря такому солидному взносу вагнеровский театр был спасен.

Кроме того, Людвиг полностью профинансировал и строительство виллы «Ванфрид», которое благодаря этому было очень быстро завершено. 28 апреля 1874 года Вагнер въехал в свой первый и единственный *собственный* дом. Позднее, в июле 1875-го, Людвиг II прислал в подарок Вагнеру свой бронзовый бюст, который и ныне стоит перед самым входом в виллу «Ванфрид», словно своеобразный ангел-хранитель приюта композитора.

Итак, констатирует Анри Лиштанберже, «Байройтский театр, начатый с сумм, подписанных «патронами» дела, был окончен благодаря материальному содействию Людвигу II, который в тот момент, когда Вагнер хотел было публично объявить, что дело проиграно и труды прерваны, выдал авансом фонды, необходимые для того, чтобы довести предприятие

до благополучного конца»^[113].

Первого августа 1875 года многострадальное строительство Фестшпильхауса было полностью завершено. Открытие Первого Байройтского фестиваля намечалось на лето следующего года.

1876 год явился своеобразным рубежом и в жизни Людвига II. Можно сказать, что до этого король всё еще время от времени, как того требовал придворный этикет, принимал участие в многочисленных светских мероприятиях. Его «уход в одиночество» происходил постепенно. Последние появления на Октоберфесте — в 1874 году, на военном параде — в 1875-м. Вскоре настала очередь пышных дворцовых приемов, которые монарх должен был проводить регулярно. 10 февраля 1876 года состоялся последний торжественный прием при дворе Людвига II. С тех пор за королевским столом собирался в лучшем случае тесный кружок друзей, но чаще всего Людвиг принимал пищу в одиночестве.

Придет время, и даже слуги, обслуживающие короля во время трапезы, станут раздражать его. И родится идея «стола-самобранки», которая будет впервые реализована в замке Линдерхоф. Секрет в том, что стол находится на специально устроенном люке в полу, приводимом в движение подъемным механизмом, расположенным этажом ниже. В нужный момент люк опускался вниз, на кухню, где слуги либо сервировали стол, либо убирали посуду. Благодаря этому приспособлению никто и ничто не нарушало уединение короля, которым он так дорожил. Такой же механизм будет установлен и в Нойшванштайне, а позднее и в Херренкимзее.

Кстати, обычно наличие «стола-самобранки» трактуется как болезненное проявление человеконенавистничества Людвига II.

Но, во-первых, это не была оригинальная выдумка баварского короля. Мода на уединение родилась задолго до времен Людвига II. К примеру, «столы-самобранки» были в ходу во Франции при дворе Людовика XV, которого можно обвинять в чем угодно, только не в мизантропии и нелюдимости. Еще раньше, в 1723 году, французский столярных дел мастер Мишель изготовил «стол-самобранку» для российского императора Петра I, повелевшего, как указано в надписи на чертеже подъемного механизма, «делать к лестницам мадель и стол в палаты Эрмитажа, который стол станет подыматца». Уже после смерти Петра, 25 июля 1725 года, готовый овальный «стол-самобранка» на 14 персон был опробован в действии императрицей Екатериной I. Его и ныне можно видеть вместе с подробными чертежами подъемного механизма в петергофском павильоне Эрмитаж. Кстати, сам Эрмитаж — уединенное место отдохновения — тоже дань общеевропейской традиции; эрмитажи строились повсеместно: и в

Германии, и во Франции, и в России.

Во-вторых, прежде чем осуждать, можно попробовать примерить ситуацию на себя. Не всем нравится, когда, например, в ресторане официант постоянно стоит у посетителя за спиной, неустанно следя за тем, как и что тот ест. Значит ли это, что тот, кого это раздражает, человеконенавистник и нелюдимый мизантроп? Между тем при трапезе королевских особ именно так всё и происходило да и прислуги было гораздо больше.

Показательным в плане постепенного «ухода в одиночество» стал единственный приезд Людвига II в Байройт перед торжественным открытием Фестшпильхауса и Первого Байройтского фестиваля в 1876 году. Он прибыл в ночь на 6 августа и остановился в местном дворце Эрмитаж. Прослушав генеральные репетиции всей тетралогии «Кольцо нибелунга»^[102] (на Первом фестивале она полностью прозвучала трижды), 9 августа король внезапно уехал, не оставшись на само празднество, состоявшееся 13 августа. В письме Вагнеру он объяснил, что в последнее время его особенно утомляют многолюдная толпа, суeta, ажиотаж вокруг королевской персоны. Он вообще предпочел бы прослушать «Кольцо нибелунга» в одиночестве (генеральные репетиции почти всегда проходят в присутствии публики), но Вагнеру удалось убедить короля не восстанавливать против себя многочисленных зрителей, жаждущих попасть на репетиции. Кроме того, композитору было необходимо заранее оценить акустические новшества своего театра при полном зале (кстати, акустика Фестшпильхауса до сих пор считается непревзойденной).

Перед отъездом Людвиг совершал одинокие прогулки при блеске луны в парке Эрмитажа. По свидетельству Луизы фон Кёбелль, «Вагнеру он преподнес ширмочку для свечей удивительно тонкой работы, из слоновой кости, изображавшую сцену в волшебном саду между Парцифалем и Кундри, которая, несмотря на рельефную технику, казалась совершенно прозрачной»^[114].

Хотел ли Парцифаль-Людвиг своим подарком в очередной раз благословить Вагнера на создание священной мистерии и тем самым показать, что в душе он всё равно остался верен их общим идеалам? Во всяком случае, все дальнейшие взаимоотношения Вагнера и Людвига II проходили, можно сказать, уже исключительно «под знаком Парцифалья».

Нам снова придется забежать вперед, чтобы завершить рассказ об этих непростых взаимоотношениях.

Как ни парадоксально, но итогами Первого Байройтского фестиваля

стали для Вагнера крайняя усталость, опустошенность и разочарование. В те дни он для себя исключал возможность дальнейшей борьбы за высокое искусство. Когда были подведены финансовые итоги предприятия, выяснилось, что вместо ожидаемой прибыли фестиваль принес дефицит в 148 миллионов марок (1 миллион 184 тысячи евро). Блестящая публика, собравшаяся в Байройте в августе 1876 года, вовсе не торопилась раскошелиться; члены «Вагнерфрейеров» — «патроны» — молчали; денег снова было взять неоткуда. Практически сразу после проведения Первого фестиваля Фестшпильхаус был закрыт на неопределенное время, что для Вагнера означало поражение дела всей жизни. Композитор был близок к тому, чтобы официально объявить свое театральное предприятие банкротом, а виллу «Ванфрид» продать за долги.

И вдруг 25 января 1877 года Вагнер позвал к себе Козиму и торжественно объявил ей: «Я начинаю «Парцифалья»^[103], и пока не закончу его, никуда не уеду отсюда»^[115].

Людвиг II в разные периоды своей жизни «становился» то одним, то другим вагнеровским персонажем. В детстве он воображал себя Зигфридом, в юности — Лоэнгрином и, наконец, — Парцифалем. Причем с Парцифалем он ассоциировал себя с того момента, когда лично познакомился с Вагнером и фактически стал его ангелом-хранителем — хранителем «Чаши Грааля» — высокого, чистого, истинного искусства, олицетворением которого стало для него творчество Рихарда Вагнера. И новоявленный Парцифаль сделал для своего кумира всё, что было в его силах.

В начале 1878 года Людвиг II вновь выступил спонсором Вагнера, в очередной раз находившегося на грани отчаяния. Еще до окончания работы над музыкальной драмой он выкупил у композитора право поставить «Парсифалья» в Мюнхене и в ожидании постановки заплатил Вагнеру довольно солидное вознаграждение. Кроме того, в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре опять же стараниями короля готовилась к постановке тетралогия «Кольцо нибелунга». Таким образом, доходы, полученные от мюнхенских представлений «Кольца нибелунга», и аванс за «Парсифалья», выплаченный баварским королем, помогли Вагнеру если не покрыть все долги, то по крайней мере благополучно просуществовать до лета 1878 года и продолжать работать над «Парсифалем», который сам автор стал называть «христианской музыкальной мистерией».

Между тем Байройт «не отпускал» и Людвига, хотя сам он больше

туда не приезжал. В свое время маркграфиня Вильгельмина Байройтская «привела» в Байройт Вагнера; она же явилась и для Людвигу своеобразным магнитом, вновь и вновь притягивавшим его внимание к этому небольшому франконскому городу.

Маркграфиня, «остроумная сестра Фридриха Великого», как называл ее Людвиг, совершенно очаровала баварского короля. В какой-то степени он мог ассоциировать с ней самого себя: просвещенный правитель-меценат, строящий театры; покровитель искусств, стремящийся превратить свое маленькое «государство» в общеевропейский культурный центр.

В том, что касалось его идеалов, Людвиг II был человеком дела, одними мечтами не ограничивался. В 1879 году, в разгар строительства собственных замков, он был озабочен реставрацией Эрмитажа в Байройте, в котором жил перед открытием Первого Байройтского фестиваля. Изучая историю дворца, Людвиг узнал, что в 1753 году маркграф Фридрих подарил Эрмитаж, построенный в 1715 году, своей жене Вильгельмине. Маркграфиня лично занялась проектом его расширения, спроектировав Музыкальный зал, Китайский зеркальный кабинет, в котором впоследствии писала мемуары, и Японский кабинет. В период с 1743 по 1753 год было построено еще несколько павильонов и фонтанов, в том числе Руинный театр, Нижний грот, Новый дворец и Верхний грот. Центральное место архитектурного ансамбля Эрмитажа занимает храм Солнца, украшенный золотой квадригой Аполлона; к нему примыкают два крыла Оранжереи, расположенные полукругом. Что-то неуловимо схожее — не по внешнему виду, но по духу — роднит байройтский Эрмитаж с Линдерхофом Людвигу II — недаром ему так понравился этот маленький уютный дворец. Требуя немедленно начать реставрационные работы, король писал: «Слишком жаль видеть, как это милое местопребывание всё больше и больше приходит в запустение, что, к сожалению, теперь происходит; во всяком случае, это не вызовет больших расходов. Комнаты снова должны быть такими же, как описаны в мемуарах знаменитой маркграфини Байройтской; в главном здании самого Эрмитажа, а также в храме Солнца, прежде всего, необходима новая позолота; требуется привести в порядок сад; в первую очередь должны быть отремонтированы гидротехнические сооружения»^[104].

Пока Людвиг II был занят «на строительных площадках», к декабрю 1879 года здоровье Вагнера оказалось сильно подорвано изнурительным трудом и довольно сырым климатом Байройта. Композитор предпринял длительную — почти десятимесячную — поездку в теплую, любимую им Италию. А партитура «Парсифаля» всё еще не была завершена...

Весьма показательно, что по возвращении в Германию Вагнер не спешил вернуться в Байройт, а прибыв 31 октября 1880 года в Мюнхен, остановился там на некоторое время. Здесь он встретился с Людвигом II. 10 и 12 ноября Вагнер в двух частных концертах продирижировал для короля отрывками из «Лоэнгрина» и «Парсифаля» и вновь заручился его материальной поддержкой предстоящей премьеры «Парсифаля» в Байройте. Вагнер специально отметил, что в программе Второго Байройтского фестиваля будет только эта священная мистерия. Людвиг II тут же великодушно распорядился о безвозмездном предоставлении для Фестшпильхауса хора и оркестра Мюнхенского королевского придворного и национального театра.

Однако 1881 год начался с непредвиденных волнений. Не подозревая о договоренности Вагнера с Людвигом II, барон Ганс Пауль фон Вольцоген (von Wolzogen; 1848–1938), фактически исполнявший обязанности пресс-секретаря композитора, предал гласности конфиденциальную информацию, что тот якобы собирается получить материальную помощь от нескольких высших аристократических семейств Германии и именно они будут официальными «патронами» Второго Байройтского фестиваля. Но Людвиг II, узнав об этом, ничуть не обиделся на своего друга. Последствием необдуманного поступка Вольцогена стала вовсе не катастрофа, как первое время казалось Вагнеру, а, наоборот, победа: Людвиг II официально объявил, что *единолично* возглавит Второй Байройтский фестиваль и, более того, отказывается от приобретенного им в 1878 году права на постановку «Парсифаля» в Мюнхене без возврата денег. Король также подтвердил свое прежнее решение о предоставлении в распоряжение Вагнера хора и оркестра Мюнхенского королевского придворного и национального театра. Судьба Второго фестиваля была решена — ему быть! И опять благодаря Людвигу II!

Двадцать шестого июля 1882 года после шестилетнего мучительного перерыва премьерой «Парсифаля» был открыт Второй Байройтский фестиваль. Вагнер завещал, чтобы «Парсифаль», вершина его творчества, не ставился больше нигде, кроме ничем не оскверненного королевского Храма Высокого Искусства — байройтского Фестшпильхауса. Еще 28 сентября 1880 года Вагнер писал «своему Парсифалю», королю Людвигу II, делая его в некотором роде своим душеприказчиком: «Я принужден был отдать в руки нашей публики и театральным дирекций, в глубокой безнравственности которых я убежден, мои произведения, несмотря на всю их идеальную концепцию. Теперь я задаю себе важный для меня вопрос: не следует ли это последнее священнейшее для меня создание спасти от

пошлой карьеры обыкновенных оперных спектаклей? К этому особенно побуждает меня чистая тема, чистый сюжет моего «Парсифаля». В самом деле, разве возможно, чтобы драма, которая дает нам в сценическом образе возвышеннейшие мистерии христианской веры, исполнялась в таких театрах, как наши, с их оперным репертуаром, с их публикой? Я не стал бы обвинять наше духовенство, если бы оно выразило обоснованный протест против постановки священнейших мистерий на тех самых подмостках, которые вчера и завтра были и будут залиты широкой волной фривольности, перед публикой, для которой эта фривольность является единственной притягательной силой. Постигая то, что происходит кругом, я назвал своего «Парсифаля» «сценическим священнодействием». Им я должен освятить мой театр, мой фест-театр в Байройте, одиноко стоящий в стороне от всего мира. Только там будет поставлен «Парсифаль». Его не должны давать на других сценах — для забавы публики. Но как осуществить это на деле — этот вопрос составляет предмет моих забот и размышлений. Я думаю о том, каким путем, какими средствами я могу упрочить за моим произведением тот характер исполнения, о котором я говорю»^{116}.

Надо сказать, что поставленное Вагнером условие — не исполнять «Парсифаля» нигде, кроме Фестшпильхауса, по крайней мере, в течение тридцати лет после его смерти, — неукоснительно соблюдалось.

До последнего своего часа Вагнер верил в великую миссию истинного искусства. В это вместе с ним верил еще один человек — баварский король Людвиг II. Доживи они до сегодняшнего дня, испытали бы величайшее разочарование...

Людвиг больше не виделся с Вагнером, но оставался верным почитателем его гения. Последняя телеграмма короля композитору датирована 2 января 1883 года, ответное письмо — 10 января. С. И. Лаврентьева отмечает: «Когда Вагнер 13 февраля 1883 года умер в Венеции, Людвиг горько плакал, а затем послал своего генерал-адъютанта встретить гроб Вагнера на границе и возложить на него чудесный венок из лавров, цветов и пальмовых ветвей с надписью: «Король Людвиг Баварский — великому артисту, поэту слова и музыки, Рихарду Вагнеру». Этот венок провожал потом гроб Вагнера до могилы»^{117}.

Так закончились великая дружба и великая борьба за великое Искусство.

Глава вторая

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Мы забежали в повествовании далеко вперед и теперь должны вновь вернуться в 1870-е годы. На королевских строительных площадках дела продвигались далеко не так быстро, как хотелось бы Людвигу II. Особенно это касалось его «настоящего замка» — Нойшванштайна.

За 1869–1873 годы были возведены и полностью отделаны Главные (Въездные) ворота с прилегающими постройками. Но в целом, в отличие от Линдерхофа, строительство шло очень медленно и так и не было завершено к моменту смерти Людвигу II: за 17 лет отстроено лишь основное здание — Палас (1880) и завершены личные апартаменты короля (1881), Зал певцов (1884) и Тронный зал (1885). Правда, начиная с 1884 года Людвиг уже мог полноценно жить в королевских апартаментах, лично следя за продолжавшимся строительством. В общей сложности король провел в своем главном детище всего 172 дня...

Нойшванштайн — поистине замок-парадокс. В его Зале певцов при жизни короля никогда не звучала музыка, в Тронном зале никогда не стоял трон... Замок, являвшийся величайшим памятником Средневековью, был оснащен самыми последними достижениями технического прогресса: в нем было проведено электричество, личные покои короля обогревались системой центрального отопления, температура и влажность воздуха регулировались калориферной системой, на каждый этаж были проведены трубы с горячей и холодной водой, а кухня оборудована автоматическими вертелами и установкой с проточной водой. Наличествовали и другие технические достижения, например электрический звонок для вызова прислуги и даже телефоны на третьем и четвертом этажах. Между замком и административным зданием у подножия горы была также проведена телефонная линия — одна из первых в Германии.

По ходу строительства Людвиг постоянно вносил коррективы в проект. Время шло, менялось отношение короля к жизни, к окружавшим его людям. С одной стороны, ему уже не хотелось, чтобы в его убежище толпились посторонние (по иронии судьбы Нойшванштайн сегодня — самое посещаемое место не только в Баварии, но и во всей Германии, принимающее около полутора миллионов (!) человек в год); он стал особенно ценить уединение — и комнаты, предназначенные для гостей, превратились на планах в Мавританский зал с фонтаном, который так

никогда и не был построен. С другой стороны, король мечтал стать настоящим абсолютным монархом, новым «королем-солнце», — и первоначально скромный Зал для приемов становится величественным Тронным залом. Причем необходимость радикальных изменений внутри уже завершенных к тому времени помещений Паласа поставила перед строителями задачу создания дополнительных инженерных конструкций. «Новый Хоэншвангау» постепенно переставал быть *жилищем* — он превращался в *храм*.

Современники писали о новом архитектурном чуде: «Не придерживаясь слепо архитектуры древних замков, имевших главной целью оборону их владельцев и потому ставивших по углам сторожевые башни и проделывавших узкие окна, пропускавшие мало света, — замок Нойшванштайн своими окнами и балконами воспринимает и солнечные лучи, и горный воздух. Его несимметричная башня вышиной в 65 м — идея самого Людвига, — лишая замок шаблонности, придает ему особенную красоту!.. То, что представляет теперь этот замок, может быть названо лучшим, что создано в новейшее время, представляя Валгаллу для всех любителей искусства!»^[118]

Нойшванштайн — это не просто памятник архитектуры и истории. Он — пожалуй, самый *людвиговский* из всех замков баварского короля — сохранил в себе нечто сакральное, непостижимое, не от мира сего. Недаром баварцы говорят, что «тело короля Людвига покоится в Мюнхене, в Михаэлькирхе, но дух его остался в замке Нойшванштайн». Какую же тайну хранит загадочный замок, в котором обитают тени Парцифалья и Лоэнгрина? Отчего его атмосфера настолько очаровывает, что теряется связь с реальностью? Не иначе как именно здесь воплотилась легенда о хранителях Святого Грааля, последним из которых, быть может, и был несчастный король Людвиг — адепт чистого романтического искусства? Создавая свой замок, он населил его образами из средневековых германских саг, дорогими ему с детства.

Многие упорно считают, что настенные росписи и картины Нойшванштайна — иллюстрации к вагнеровским музыкальным драмам. Но такое мнение ошибочно. В замке «обитают» герои древнеисландского поэтического сборника «Старшая Эдда», германских легенд и поэзии Вольфрама фон Эшенбаха, а вовсе не вагнеровских музыкальных драм, как сообщают некоторые путеводители. Чисто вагнеровских персонажей в Нойшванштайне практически нет; вопреки ожиданиям, основанным на преклонении Людвига II перед гением композитора, художники, оформлявшие внутренние покои замка, по распоряжению короля отдавали

предпочтение средневековым «предкам» вагнеровских героев.

Такой подход очень важен для понимания истинного духа Нойшванштайна. Вагнер всегда философски переосмысливал — иногда весьма существенно — литературную канву для своих произведений. Людвиг II особо настаивал, чтобы в его замке были запечатлены сцены непосредственно из древних первоисточников, а не из современных ему, пусть даже и гениальных произведений. В Нойшванштайне «действуют» Сигурд, а не Зигфрид; Парцифаль, а не Парсифаль. Любители мистики могут усмотреть в этом обстоятельстве даже своеобразный знак — сам Вагнер никогда не бывал в Нойшванштайне...

А еще они могут обратить внимание на то, что по крайней мере в трех помещениях замка как нигде чувствуется связь «короля-луны» с *Небом*.

О благочестии Людвиг II мы уже говорили. Еще одно доказательство тому представлено в молельне Нойшванштайна, отделенной от деревянного готического кружева спальни красивой окованной металлом дверью. К. Т. фон Хайгель отмечает: «Взгляд на подушку «*prie-Dieu*»^[105] покажет вам, как часто верующий человек преклонял свои колени в молитве перед образами своих святых заступников. Потертый бархат говорит яснее о благочестии короля, чем религиозные картины «Тронной залы». Там блистают великие законодатели и учителя, тут мы видим верующего христианина, молящегося за нас»^[119]. Вспоминаешь эти строки, и на душе становится особенно грустно...

И сразу несколько по-другому воспринимаются алтарная роспись, выполненная Вильгельмом Хаушильдом (Hauschild; 1827–1887), изображающая Людовика Святого, небесного заступника Людвиг II, а также великолепный витраж боковой стены «Людовик Святой принимает последние утешения», созданный в придворной художественной мастерской. Какого *последнего утешения* искал здесь сам несчастный Людвиг?.. Буквально вторит Хайгелю С. И. Лаврентьева: «На алтаре чудесное распятие из слоновой кости, а перед ним «*prie-Dieu*», обитое фиолетовым бархатом, потертым от коленопреклонений короля, несшего сюда, в часы скорби и разочарований, никем не подслушанные стоны больной души...»^[120]

Король недаром называл себя Парцифалем. Именно с ним — даже не с Лоэнгрином! — у Людвиг II имелась, можно сказать, настоящая сакральная связь. И чтобы понять это, достаточно лишь всмотреться в картины другого помещения Нойшванштайна — Зала певцов. Для начала позволим себе частично вспомнить сюжет романа Вольфрама фон

Эшенбаха.

Итак, однажды Парцифаль попал в замок Святого Грааля и узнал, что король, хозяин замка, тяжело болен. Давно и тщетно он ждал обращенного к себе одного-единственного вопроса: «Отчего ты так страдаешь?» Но Парцифаль, боясь нарушить законы рыцарской вежливости, не проявил должного *сострадания* и ни о чем не спросил короля. А ведь именно в сострадании как раз и заключается основная заповедь рыцарства; сила, доблесть и даже справедливость — ничто без умения прощать и сострадать, чувствовать чужую боль, как свою собственную. Наутро Парцифаль обнаружил, что замок словно вымер. Вскочив на коня, он покинул зачарованное место, но с тех пор не знал покоя. Наконец Парцифаль узнал, что в битве с язычником король Грааля был ранен отравленным копьем. И когда все рыцари Грааля, коленопреклоненные, молили Грааль вернуть здоровье их сюзерену, на священном камне появилась надпись, гласившая, что в замок скоро явится неизвестный рыцарь и спросит о причине страданий короля. Причем никто не должен побуждать гостя задать вожаделенный вопрос — он должен сделать это по доброй воле, и тогда король исцелится силой его сострадания, а спросивший займет его место на престоле...

На картинах Зала певцов нет изображений, иллюстрирующих продолжение и, тем более, счастливый финал предания. Мы видим лишь, как Парцифаль первый раз приходит, но не выдерживает свой главный экзамен — экзамен на сострадание. Пожалуй, это ключевой момент не только в символическом оформлении Зала певцов, но и всего Нойшванштайна. Король, который истово молился за своих подданных в тишине часовни, *просил и о сострадании к самому себе, но так и не дождался его*. Окружавшие Людвига придворные и те, кто называл себя его друзьями, включая и самого Вагнера, не задали королю единственно важного вопроса: «Отчего он так страдает?» А потом спрашивать стало уже некому. Некому и передать престол Святого Грааля... Вот почему в сакральном смысле последний король-романтик, последний служитель Рыцарства, так и не смог найти себе преемника и, одинокий, унес священную тайну с собой в могилу.

Кстати, Людвиг II мечтал о небе не только в духовном, но и во вполне материальном смысле. В рабочем кабинете короля в Нойшванштайне — средоточии мечтаний и мучительных раздумий — находились, по свидетельству Луизы фон Кёбелль, «два пера с изящными ручками: одно гусиное, которое только последние годы король переменял на стальное, а другое стальное, исторически замечательное тем, что им Людвиг

собственноручно писал королю Вильгельму то письмо, в котором предлагал ему принять императорский титул. Говорят, что прежде в той комнате повсюду лежали альбомы и папки с дорогими акварельными рисунками любимых художников короля, тут же был и план летательной машины, придуманной Людвигом II, на которой он мечтал когда-нибудь перелететь через Alpsee и Schwansee^[106]»^{121}.

Упомянутая летательная машина нашла свое виртуальное воплощение лишь в 2006 году, когда в Баварии отмечали 120 лет со дня гибели Людвига II. Тогда был впервые продемонстрирован своеобразный аттракцион: желающим с помощью специальных очков предоставлялась возможность с высоты птичьего полета, словно путешествуя в корзине воздушного шара, осмотреть все красоты альпийского пейзажа, живописные баварские озера. Именно эти завораживающие картины и мечтал увидеть, — а может быть, и видел мысленным взором, — король-романтик, когда придумывал летательную машину в тишине своего кабинета в Нойшванштайне...

Подобные проекты могли двигать науку вперед — или просто помочь выжить мечтательной натуре в жестокой действительности. Людвиг признавался: «Вы не можете поверить, насколько глубоко несчастлив я бываю! Весел и доволен я могу быть только среди природы, в моих милых горах; в противном городе я грустен и в высшей степени меланхоличен, чувствуя себя совершенно одиноким. Я не могу жить в атмосфере этой могилы; моя душа ищет свободы. Как альпийские розы блекнут и чахнут в болотных миазмах, так и для меня нет жизни вне блеска солнца, вне благоухания воздуха! Долго оставаться в Мюнхене было бы для меня смертью»^{122}.

К середине 1870-х годов относится развитие теплых и доверительных отношений короля с актрисой Марией Дан-Хаусман (Dahn-Hausmann; 1829–1909), которой адресовано процитированное выше письмо. И вновь ни о какой любовной связи не может быть и речи. Это еще один весьма характерный пример поиска «запасной матери». Вот откровенное признание одинокой души, которой всю жизнь не хватало материнской ласки, сделанное в адресованном Марии письме Людвига от 25 апреля 1875 года: «Мою мать, королеву, я почитаю, люблю ее, как это должно быть. Но близкие отношения абсолютно невозможны; при таком характере, как у нее, я ничего не могу поделать...»^{[107]{123}}

Но в данном случае Людвиг искал понимания и поддержки не у царственной, равной себе по положению особы (как было, к примеру, с императрицей Марией Александровной), а у служительницы муз, у одной

из тех, кто олицетворял для короля само понятие «искусство». В то же время характер общения с Дан-Хаусман по сути отличался и от взаимоотношений с Лиллой фон Бульовски, основанных исключительно на эстетическом начале — в Лилле соединились выдающаяся женская красота и драматический талант.

Что касается Марии, здесь также имело место восхищение внешними данными; Людвиг преклонялся и перед ее актерским дарованием, которым был покорён еще будучи кронпринцем (Мария выступала на сцене Мюнхенского придворного и национального театра с 1849 года). Но главное — короля с актрисой, как в свое время с Елизаветой Австрийской, соединяло несомненное родство душ, совершенно отсутствовавшее во взаимоотношениях с Бульовски. «То, что мое сердце еще не умерло для всех чувств, я всегда ощущаю, когда вижу Вас, почитаемая ффрау, говорю с Вами и читаю Ваши письма, из которых я чувствую утешительное тепло, свойственное Вам очарование. Будьте уверены, навсегда стойко убеждены, что, хотя я и редко пишу, никогда моя верность Вам не изменится. Я неизменно буду искренне радоваться с Вами, потому что мне всегда грустно, когда печаль одолевает Вас... Наши души чувствуют это, соприкасаясь в той точке ненависти против низости и несправедливости, и это радует меня»^{124}.

Еще в 1852 году Мария вышла замуж за актера Фридриха Дана (Dahn; 1811–1889), блиставшего на мюнхенской сцене с 1834 года. Людвиг оказывал талантливой актерской чете всяческие знаки расположения. В 1875 году он даже пригласил их погостить на Херренкимзее. Когда три года спустя чету постиг тяжелый удар — их единственную дочь внезапно сразило неизлечимое психическое заболевание, — Людвиг не остался в стороне и сочувственно писал Марии: «То, что Вы обратились ко мне в своей большой скорби, доверительно изливая глубокое горе, наполнило меня истинным умилением. Ваше сердце не обмануло Вас; Вы знали, что мое сердце сочувствует Вам и в радости, и в горе. Вы всегда можете полагаться на меня во всех жизненных ситуациях. <...> Но я не понимаю, каким образом в дни счастья и радости могла вторгнуться ужасная беда для Вашего ребенка (безумие поразило девушку в дни празднования ее бракосочетания. — М. З.), ведь лишь моменты боли и отчаяния влекут за собой помрачение разума. Через один или два дня после свадьбы я получил письмо благодарности от Вашей дочери из Инсбрука, которое мне очень понравилось; оно было написано с глубокими чувствами, пронизано подлинной поэзией...»^{125}

Мария Дан-Хаусман оставалась задушевым другом короля до самой его смерти. Их чувства были взаимны. Марии было суждено пережить не только безумие дочери, но и потерю дорогого «сына-покровителя», тоже объявленного безумным...

В 1877 году должность кабинет-секретаря Людвига II занял Фридрих фон Циглер (Ziegler; 1839–1897), чиновник судебной и административной службы^[108]. Несмотря на столь скучную должность, Циглер привлек внимание короля творческой жилкой: он писал стихи и неплохо рисовал. Очень скоро шапочное знакомство переросло в дружбу; король и юрист начали обмениваться письмами, тон которых постепенно становился всё сердечнее. Правда, пройдет не так уж много времени — чуть более пяти лет — и дружба будет омрачена сначала взаимным глухим недовольством, а затем и открытыми ссорами. А там недалеко и до предательства! В 1883 году, сразу после своей отставки с поста королевского кабинет-секретаря, Циглер уже предлагал баварскому правительству признать Людвига II недееспособным! Но тогда правительство было еще не готово к столь радикальным шагам. Лишь в 1886 году заговорщики обратились к Циглеру за помощью, и он дал показания, вошедшие в позорное медицинское заключение...

Кстати, в том же году, когда Циглер стал кабинет-секретарем Людвига, государственным министром финансов был назначен барон Эмиль фон Ридель (von Riedel; 1832–1906). На этой должности Ридель продержался с 1877 по 1904 год! Став регентом, принц Луитпольд не стал менять весь кабинет верных ему министров. Именно с Риделем был связан финансовый конфликт, который стоил Людвигу II не только трона, но и жизни...

Между тем неуклонный «уход в одиночество» продолжался. 26 апреля 1880 года Людвиг II в последний раз присутствовал на традиционных торжествах ордена Святого Георга. Гроссмейстер прощался со своими рыцарями.

А 22 августа того же года, за три дня до своего 35-летия, король выступил с обращением к баварскому народу. Отдавал ли Людвиг себе отчет в том, что оно последнее? Собирался ли он уже тогда окончательно порвать связи с внешним миром? Скорее всего, он просто не задумывался над этим, полностью полагаясь на волю Всевышнего. Несомненно одно: на торжество своих идеалов король уже не надеялся, он оставлял поле битвы победителям...

«Это мой герой! — сказал однажды Людвиг о Парцифале. — Когда-то я избрал Зигфрида; но он в своей несокрушимой силе торжествовал надо всем, тогда как Парцифаль *склоняется перед* верховным могуществом!

(курсив наш. — М. З.)»^{126}.

В 1880 году главный «форпост-убежище» короля, Нойшванштайн, уже был готов принять его. 12 декабря Людвиг II впервые остался на ночлег в своем недостроенном замке.

Однако парадокс данного периода жизни баварского короля заключается в том, что, несмотря на постепенный уход от реальности, он, вопреки распространенному мнению, всё еще продолжал живо интересоваться политическим положением не только в своей стране, но и в мире. И доказательство тому — переписка Людвига II с «железным канцлером» Бисмарком. Вообще дальнейшее развитие взаимоотношений этих двух людей столь неординарно, что не может быть обойдено молчанием.

Мы уже говорили, что изначально никакой особой сердечной привязанности романтического и возвышенного Людвига II к Бисмарку не было. Настороженность, недоверие, смирение перед более сильным противником — да. Но не дружба. Это неудивительно, учитывая полную противоположность их натур. Удивительно другое: искренняя душевная симпатия наблюдается как раз со стороны расчетливого и циничного Бисмарка.

С точки зрения политики Людвиг после «Императорского письма» перестал быть необходим Бисмарку. Но оставались взаимные обязательства — в частности, выплаты пресловутого фонда Вельфов. И тот и другой честно соблюдали договор; имперский канцлер находился в деловой переписке с государем союзной страны.

Однако постепенно тон писем Людвига и Бисмарка меняется, становясь менее казенным. А главное — в письмах Людвига ощущается искренняя заинтересованность всем, о чем идет речь, будь то дела внешней или внутренней политики, взаимоотношения между церковными и светскими властями, проблемы войны и мира. Король действительно ставил Бисмарка как политика очень высоко и прислушивался ко всем его советам. Бисмарк же по отношению к Людвигу выступал опытным наставником. Конечно, нельзя полностью исключать и его непосредственной заинтересованности — именно как циничного политика — в тотальном контроле за всем происходившим в «свободной» Баварии. Для этого «приручение» баварского короля было как нельзя более кстати. Но при этом имела место и явная симпатия к Людвигу II. Бисмарк не мог не почувствовать надлом в душе Людвига II и стал для него, пожалуй, самым надежным якорем, до последнего пытаясь удерживать короля в обыденном мире. Людвиг — возможно, подсознательно — чувствовал это. И был

благодарен.

Вот лишь несколько примеров из переписки 1877–1883 годов, взятых в хронологическом порядке и наглядно демонстрирующих ошибочность как излишней «демонизации» Бисмарка в отношениях с баварским королем, так и утверждений о полной отстраненности Людвига II от государственных дел. (Напомним еще раз уже цитированные нами слова самого Бисмарка, что только подлинная переписка «способствует правильной характеристике» несчастного Людвига II.)

«...Примите также, любезный князь, мою искреннюю благодарность за сообщаемое Вами радостное известие о надеждах на поддержание мира и за уверение, что фон Руд-гарт, посланник, назначенный мною в Берлин, будет принят Вами благосклонно и с полным доверием. Ваше отношение ко всё чаще всплывающему вопросу об учреждении ответственных имперских министерств доказывает, что мы имеем в Вас могучий оплот и защиту прав союзных князей; *мне доставили большое успокоение Ваши слова, любезный князь, что Вы видите благо Германии в будущем не в централизации* (курсив наш. — М. З.), которая была бы достигнута учреждением подобных министерств. Будьте уверены, что я употребляю все силы к тому, чтобы непременно обеспечить Вам и на будущее время в борьбе за сохранение основ имперской конституции самую чистосердечную и полную поддержку со стороны моих представителей в Союзном совете, к коим, без сомнения, присоединятся и уполномоченные прочих государей.

Людвиг

Берг, 7 июля 1877 года»^[127].

Недопущение усиления централизации, которая неизбежно угрожала бы относительной независимости Баварии, после 1871 года стало основной задачей политики Людвига II. Кроме того, по-прежнему были не решены проблемы, связанные с «Культуркампфом» и католической церковью. Бисмарк писал королю из Киссингена 7 августа 1879 года:

«Зная, что Ваше Величество живо интересуетесь ходом наших переговоров с Римом, я осмеливаюсь представить

прилагаемые при сем копии нижеследующих документов:

- 1) письма папы к Его Императорскому Величеству от 30 мая,
- 2) ответа на это письмо от 21 июня,
- 3) письма папы к Его Императорскому Величеству от 9 июля, на которое еще не последовало ответа.

Фон Бисмарк»^{128}.

Обратим внимание на то, что с документами, присланными Людвигу Бисмарком, вовсе не было необходимо знакомить баварского короля. Это была добрая воля имперского канцлера, воодушевленного искренним интересом Людвига II, который не мог не оценить такого доверия:

«Любезный князь!

Шлю Вам горячую благодарность за Ваши, доставившие мне большое удовольствие, письма от 4 и 7-го числа сего месяца, в которых Вы сообщаете мне так много интересного о позиции [отдельных] партий и о положении римских дел. Переговоры, которые Вы ведете с Римом, уже увенчались успехом, так как заметное улучшение наших отношений с римской курией оказало решающее влияние на партию Центра^[109] и способствовало удачному завершению Вашей финансовой реформы. Да увенчаются и в других отношениях успехом Ваши энергичные попытки создать большую консервативную партию. Я искренно желаю, любезный князь, чтобы здоровье и силы позволили Вам осуществить Ваши великие и столь важные задачи...

Людвиг

Берг, 18 августа 1879 года»^{129}.

А вот еще одно письмо, написанное почти через год и доказывающее, что политика в отношении Церкви до сих пор не отошла для Людвига на второй план. Кстати, именно тогда, в 1880 году, министр по делам Церкви Лутц стал председателем Совета министров и получил потомственное дворянство. Людвиг всё больше приближал к себе этого человека. Напомним, что во многом позиции Лутца, Бисмарка и Людвига II по церковным вопросам совпадали. Причем из приведенного ниже отрывка из письма ясно видно, что в данном случае интересы короля простираются

еще дальше — его волнует политика не Баварии, а Пруссии!

«Любезный князь фон Бисмарк!

Я с большим интересом ознакомился с проектом церковного закона, который должен быть внесен в прусский ландтаг (курсив наш. — М. З.), и горячо благодарю Вас за его присылку, с приложением Вашего столь ясного изложения обстановки... Если условия в рейхстаге и не всегда складываются так, как хотелось бы, то всё же, любезный князь, Союзный совет всегда с неизменной готовностью поддержит Вас на основе федеративного принципа имперской конституции. Мое правительство, никогда не отклоняющееся от этого принципа, было всегда проникнуто поддерживавшим его сознанием, что оно оказывается, таким образом, заодно с человеком, высокой политической прозорливости и деятельности которого Германия обязана своим вновь возникшим величием на пути не только сохранения, но даже укрепления в едином союзе необходимой самостоятельности и силы отдельных государств. Верность подобным принципам обеспечивает нашему общему отечеству мир и могущество. Чем более страстно я к этому стремлюсь и чем крепче моя неуклонная решимость бороться за это, тем труднее мне расстаться с надеждой, что я и со мной вся Германия еще долгие годы будем чувствовать Ваше всегда одинаково незаменимое руководство делами. Примите вновь, любезный князь, уверения в особом уважении, с коим пребываю Вашим искренним другом

Людвиг

Замок Берг, 17 мая 1880 года»^{[130](#)}.

Не остается король в стороне и от внешней политики. Два следующих отрывка особенно интересны, поскольку в них речь идет о России.

«Любезный князь!

...Я не хочу упустить случая сказать Вам, что я прочел с величайшим интересом (курсив наш. — М. З.) приложенную к Вашему письму записку о нынешнем политическом положении. К величайшему моему удовлетворению, я вывел из нее

заключение, что в настоящее время нет серьезных признаков, которые дали бы основания опасаться в ближайшем будущем за европейский мир. Хотя положение дел в России и концентрация войск на ее западной границе могут возбудить некоторое опасение, но я всё же питаю надежду, что благодаря отрадному согласию, существующему между Германией и Австрией, служащему мощным залогом мира на Европейском континенте, и благодаря Вашей мудрой и дальновидной политике удастся избежать военных осложнений, и мирные намерения русского императора (Александра III. — М. З.), провозглашенные им во всеуслышание совсем недавно по случаю торжественной коронации в Москве, одержат в конце концов верх... Искренно желаю Вам скорейшего восстановления сил и здоровья, дабы Германия долго еще пользовалась сознанием безопасности, какое внушает ей доверие к энергии и проницательности ее великого государственного человека...

Людвиг

Замок Берг, 2 сентября 1883 года»^{131}.

«Любезный князь фон Бисмарк!

Я имел удовольствие получить Ваше письмо от 19-го числа сего месяца; горячо благодарю Вас, любезный князь, за Ваши сообщения и за приложенный к ним документ из Санкт-Петербурга. С тем и другим я ознакомился с живейшим интересом... Что касается, в частности, отношений Германии к России, то я с удовольствием заключаю из донесения генерала фон Швейница, что нет по крайней мере причины сомневаться в искреннем миролюбии русского императора и его руководящего министра. Этот успокоительный факт в связи с согласием, упрочившимся, к счастью, между Германией и Австрией и ныне, судя по Вашим словам, вполне обеспеченным, что меня искренно радует, еще более укрепляет во мне надежду на дальнейшее упрочение мира...

Людвиг

Эльмау, 27 сентября 1883 года»^{132}.

Итак, в 1880-е годы в Людвиге II мучительно пытаются ужиться две противоположные натуры: мечтателя-идеалиста, стремящегося скрыться от реальных проблем, и государственного деятеля, радеющего о благе своей страны. Людвиг по-прежнему король — не только «сказочный», но и *баварский*'.

В это время мучительнейшего душевного разлада ему, пожалуй, как никогда прежде хотелось видеть рядом с собой понимающую, родственную душу. И если Людвиг — государственный деятель нашел поддержку в лице Бисмарка, то теперь помощи жаждал мечтатель-идеалист. Но Бисмарка уж никак нельзя назвать родственной Людвигу душой. Нет, здесь нужен был не политик, а Артист!

В свое время Людвиг II нашел духовную опору в Вагнере. Мария Дан-Хаусман жила своей жизнью, а *эпистолярной* поддержки Людвигу было слишком мало. Наконец судьба вновь подбросила королю знакомство с «человеком творческой профессии». Им оказался молодой актер Йозеф Игнац Кайнц (Kainz).

Мы уже говорили о серьезном увлечении Людвиг II театром. Король, будучи прекрасно образованным человеком, умел по-настоящему ценить искусство. В. Александрова пишет: «Литературу Людвиг глубоко ценил и уважал. Обладая полной возможностью приобретать книги в неограниченном количестве, он постоянно имел под рукой всё, что появлялось значительного на европейском книжном рынке. Классическая литература всех стран была представлена в его библиотеке широко, но материалом его постоянного чтения были сочинения, так или иначе соприкасающиеся с главными идеями его жизни. Любимыми его авторами называют Шиллера и Гёте, Байрона и Шекспира, Расина, Мольера и Гюго... Уровень его общего образования был очень высок. То, чего он не успел усвоить до вступления на престол, он пополнял впоследствии усердным чтением. Но и здесь он остался верен основной своей склонности — из занятий своих извлекать только то, что так или иначе могло действовать на его воображение. Когда его интересовал, например, Восток, он не только в неопределенных формах грезил о нем — он изучал его, читал о нем книги по географии, истории, этнографии... Обстановку, в которой жили французские короли, Людвиг действительно знал не хуже своего собственного дворца. Его превосходная память облегчала ему [задачу] приобретать эти знания из массы прочитанных книг, из чертежей, рисунков и, наконец, из личных наблюдений в период пребывания в Париже»^{[133](#)}.

Любовь к литературе, в частности к французской, проявилась у

Людвига очень рано и не покидала его до конца жизни. Она-то во многом и явилась той предпосылкой, которая позволила ему уже в зрелом возрасте с романтизмом, свойственным юности, «перевоплотиться» в героя одной полюбившейся ему пьесы.

В 1881 году Людвиг несколько раз был на спектакле по пьесе Виктора Гюго «Марион Делорм». Начинающий артист Йозеф Кайнц в роли Дидье произвел на короля незабываемое впечатление. Дидье — романтический юноша, скорее всего знатного происхождения, и маркиз Саверни — беспечный баловень судьбы, жертвующий собой ради Дидье, однажды спасшего ему жизнь... В этих образах Людвиг, с его пылким воображением, увидел Кайнца и самого себя. После первого же представления «Марион Делорм» Кайнц получил от короля сапфировый перстень и письмо с призывом «следовать трудному и тяжелому, но прекрасному и возвышенному призванию»^[134]. Кстати, всегда требуя во время представлений полнейшей исторической точности и правдивости в обстановке, костюмах и т. д., Людвиг однажды всерьез разгневался на Кайнца — играя роль Дидье, бедного человека, тот надел на палец подаренный перстень, надеясь тем самым заслужить еще большее расположение короля. Тем не менее вскоре Кайнц получил приглашение прибыть в Линдерхоф, где и зародилась пылкая, но недолгая дружба короля и актера.

К тому времени Кайнцу не было еще и двадцати трех лет. Он родился 2 января 1858 года в Визельбурге (Wieselburg) в семье железнодорожного чиновника, бывшего актера. Йозеф впервые вышел на сцену в пятнадцатилетнем возрасте, а серьезную актерскую карьеру начал в Вене, после чего несколько лет выступал на подмостках в провинциальных театрах Германии. В 1880-х годах он, наконец, получил работу в Мюнхене, а затем и в Берлине. Кстати, именно Берлин по-настоящему открыл талант Кайнца; здесь он создал целую галерею классических образов: мольеровских Тартюфа и Альцеста, шиллеровских Фердинанда и Франца Моора в «Разбойниках», шекспировских Ромео и Шута в «Короле Лире», роستانовского Сирано де Бержерака... Вершиной его актерского мастерства стал Гамлет; в этой роли он впервые вышел на сцену в 1891 году. В конце жизни Кайнц вернулся в Вену, став ведущим актером Бургтеатра. В Вене же 20 сентября 1910 года он и скончался, будучи признан одним из крупнейших немецких и австрийских актеров рубежа XIX–XX столетий. В Австрии даже существует театральная медаль Кайнца, которой награждаются наиболее выдающиеся актеры.

Но пока до такого признания было еще далеко. Молодой артист,

немного робея, впервые переступил порог королевских покоев в Линдерхофе.

Впоследствии дружбу короля и актера будут так же пристрастно «препарировать», как в свое время разглядывали под микроскопом дружбу короля и композитора, чтобы найти в ней что-то ненормальное и предосудительное. Казалось, Людвиг нашел, наконец, замену Вагнеру. Однако между его отношением к Вагнеру и к Кайнцу не было ничего общего, за исключением дани уважения таланту обоих. «Со свойственным ему увлечением и нежным, искавшим идеальной привязанности сердцем, — констатирует С. И. Лаврентьева, современница событий, — Людвиг под впечатлением игры Кайнца сразу почувствовал большую симпатию к этому молодому и талантливому артисту. Приблизив его к себе, конечно, он тотчас же возбудил этим зависть, насмешки и осуждение в кругу придворных, нашедших эту дружбу короля с *актером* неприличной и недостойной, не прощая Людвигу и того, что он первый из царственных особ взглянул на сценического артиста как на *человека*, а не как на пария общества! Разбирали по волоску все проявления симпатии короля к Кайнцу, видя в этом тоже признаки ненормальности, в которой он будто бы повторял свою, пережитую им в юности, любовь к Вагнеру. Это сравнение простиралось до того, что в нескольких написанных королем письмах к Кайнцу видели повторение, чуть ли не копии с его писем к Вагнеру! Тогда как в этих известных мне письмах и в его письмах к Вагнеру такая же разница, как и в чувствах Людвиг к тому и другому. Дружески-покровительственный тон их с одобрением таланта Кайнца так же отличается от полного экстаза, уносившего в небо идеальную душу «небесного юноши» в письмах к Вагнеру, как и нежная, полная снисходительности привязанность к Кайнцу — от экзальтированного обожания Вагнера»^{135}.

Отношения с Кайнцем — аналог отношений с Лиллой фон Бульовски, причем аналог абсолютный. Однако интересно, что дружбу с *актрисой* общество королю прощало, а с *актером* — тут же ринулось осуждать.

В июне 1881 года Кайнц гостил в Линдерхофе целых две недели, в течение которых он и его августейший покровитель вели долгие беседы об искусстве, декламировали целые сцены из любимых пьес и совершали многочасовые прогулки. Конечно, справедливости ради надо сказать, что для Кайнца, обладавшего гораздо менее романтической натурой, чем Людвиг, бесконечные декламации и ночные бдения были тяжелым испытанием. Но он до поры всё терпел, понимая, что королям не принято отказывать ни в чем, тем более что так же прекрасно осознавал, что дружба

с Людвигом открывает для него самые радужные карьерные перспективы.

Конечно, его можно заподозрить в лицемерии. И всё же эта дружба была в равной степени нужна им обоим. «Дружба с Кайнцем, — пишет В. Александрова, — была светлым лучом в последней темной полосе жизни Людвига. Это были *последние его отношения с человеком, который мог понять его* (курсив наш. — М. З.). Пусть Людвиг был не всегда чуток к личному человеческому достоинству Кайнца, а Кайнц — несколько утилитарен в своих взглядах на короля. Но несомненно, что моментами оба были довольны друг другом»^{136}.

Вскоре после отъезда Кайнца из Линдерхофа Людвиг написал ему в Мюнхен письмо с предложением совершить совместную поездку в Швейцарию, на родину любимого ими обоими легендарного народного героя Вильгельма Телля. При этом, желая соблюсти инкогнито, они выбрали себе псевдонимы: Людвиг назвался маркизом Саверни, а Кайнц — Дидье. 27 июня они в вагоне первого класса обычного поезда, никем не узнанные, отправились в Люцерн, а оттуда по озеру на пароходе в Бруннен.

Это путешествие настолько показательно для характеристики личности нашего героя, что остановимся на нем более подробно. Итак, устав от придворного этикета и шумихи вокруг своей особы, Людвиг мечтал отдохнуть, как «простой смертный», не стесняемый никакими условностями, в обществе близкого по духу творческого человека. Надо сказать, что для Людвига это был не первый опыт путешествий инкогнито. Еще в октябре 1865 года он посетил Швейцарию, чтобы осмотреть те места, где действовал любимый им швейцарский патриот. С. И. Лаврентьева отмечала: «Швейцарская газета кантона Швиц с восторгом отзывается об этом «туристе», молодом человеке поразительной наружности, который с таким интересом осматривал ратушу, а в книжном магазине покупал те книги, что могут дать понятие о Швейцарии и ее горах; и всё, что он говорит, выражает глубокий интерес к занимавшему его предмету»^{137}.

«Родина Вильгельма Телля шлет горячий привет своему юному коронованному другу!» — писала газета. Растроганный Людвиг ответил письмом:

«Господин редактор!

Моя душа ликовала, когда я прочел теплое приветствие, присланное мне родиной Вильгельма Телля, к которой я питаю с детства особенное влечение. Передайте мое искреннее сочувствие друзьям в старинных кантонах. Воспоминание о моем

посещении великолепных швейцарских гор всегда будет дорого для меня, так же [как] и память о свободном и честном народе, которого да благословит Бог! Ваш доброжелательный

Людвиг

Хоэншвангау, 2 ноября 1865 года»^[138].

Но с годами потребность в покое усиливалась; всё же король — очень стрессовая «профессия». Поэтому Людвиг очень болезненно реагировал, когда его планы на уединенный отдых нарушались. Биограф короля Жак Банвиль пишет: «Путешествуя по Франции под именем графа Берга, Людвиг II в Париже запросто посещал театры, музеи и даже ездил по городу на омнибусе. <...> В 1875 году он инкогнито едет в Реймс^[110] с целью посетить знаменитый собор. Но народ узнал о его приезде, и когда он, долго пробыв в соборе, вышел оттуда полный размышлений, собравшаяся толпа устроила ему шумную овацию, которая, несмотря на всю ее сердечность, была такой дисгармонией с настроением Людвигу, что он на другой же день покинул город»^[139].

Примерно то же приключилось и во время путешествия короля с Кайнцем в Швейцарию. Как только пароход причалил в Бруннене, с берега раздались овации, и Людвиг увидел, что вся набережная запружена народом, ожидающим, когда он сойдет на берег. Это был удар для желающего покоя и максимального уединения «маркиза Саверни». Решено было высадиться в более отдаленном месте и уже оттуда добраться до заранее подготовленного к приезду путешественников скромного отеля. Но оказалось, что и там их уже поджидали толпы любопытных. Лишь через несколько дней королю и его спутникам удалось устроиться на уединенной частной вилле «Гутенберг» («Gutenberg»), имевшей вид простого швейцарского дома в окрестностях живописного озера, окруженного горами. Это было то, что нужно. Садовник, исполняющий на вилле также должность управляющего, рассказал русскому биографу Людвигу II С. И. Лаврентьевой один весьма характерный эпизод: «Я был с королем на балконе; он дружески расспрашивал меня о том времени, что я провел в школе «Телля», и о моих школьных воспоминаниях, и о воспитании вообще, что его интересовало. Когда я, отвечая ему, употребил его королевский титул, он, быстро взглянув на меня, спросил: «Вы ведь господин Шмид?» — «Точно так, Ваше Величество!» — отвечал я. «Ну так прошу вас говорить и мне просто «mein Herr»^[111]. Я Majestät^[112] только в

Баварии. Заметьте это, любезный Шмид»^[140].

И всё же король всегда оставался королем, тем более что он был воспитан в строгих традициях дворцового этикета, от которых не мог, даже если бы очень хотел, освободиться. Одна часть его души жаждала свободы, другая находилась в жестких тисках условностей церемониала. Парцифаль требовал простоты и непосредственности, Людовик XIV — поклонения и почитания. Именно этого не смог вовремя понять Йозеф Кайнц.

В первые дни «отпуска» Людвиг и Кайнц наслаждались покоем. В такие минуты король особенно нуждался в творческой подпитке со стороны нового друга. Мелодичный голос молодого актера, декламирующего бессмертные строки великих поэтов, был настоящим лекарством для страдающей души короля. На вилле «Гутенберг» к услугам Людвигу была лодка, и он вдвоем с Кайнцем совершал ночные прогулки по озеру. Людвиг делился с другом обширными познаниями из истории Швейцарии; Кайнц читал монологи из «Вильгельма Телля». Но идиллия продолжалась недолго.

Кайнцу не доставало терпения и такта вынести испытание королевской дружбой. В какой-то момент он начал вести себя непочтительно и даже несколько вызывающе и в итоге перешагнул ту грань, которая отделяла непринужденность от фамильярности. Вначале Людвиг прощал ему всё. Но дисгармония усиливалась. Как всегда, сначала ослепленный и очарованный актером король стал постепенно освобождаться от романтической пелены на глазах. Кайнц начал открыто пренебрегать им. Однажды во время чудной лунной ночи Людвиг и Кайнц поплыли в Рютли^[113], где, сойдя на берег и поддавшись магии места, король-романтик захотел послушать один из своих любимых монологов в исполнении Кайнца. Но актер демонстративно завернулся в плащ и, ни слова не говоря, преспокойно заснул на траве под деревом. Людвиг не захотел тревожить друга и даже поручил слуге остаться при спящем, а после его пробуждения сопроводить его обратно на виллу.

Тогда Кайнцу всё сошло с рук. Терпение короля переполнилось 11 июля, когда они снова поплыли в Рютли. По дороге Людвиг спросил, согласен ли Кайнц прочесть, наконец, обещанный монолог. Тот ответил утвердительно. По прибытии на место король, окинув восхищенным взглядом чудный пейзаж, озаренный луной, обернулся к Кайнцу и восторженно спросил: «Как это вам кажется?» — «Мерзко!» — услышал он в ответ. Людвиг пропустил мимо ушей столь откровенное хамство и напомнил актеру о монологе. «Я устал и не буду ничего декламировать!» —

последовал дерзкий ответ. Ошеломленный король повернулся, быстро пошел к пристани и на вопрос слуги, надо ли ждать господина Дидье, сухо ответил: «Дидье устал, пусть отдохнет», — после чего уехал на виллу один...

На следующий день Людвиг, не дожидаясь Кайнца, отбыл в Люцерн, откуда через гофкурьера послал телеграмму, всё же вызывавшую актера для совместного возвращения в Мюнхен: несмотря на нанесенную обиду, Людвиг не хотел выставлять напоказ свое недовольство артистом. Однако в Баварию Кайнц возвращался уже в адъютантском вагоне.

При расставании на вокзале Людвиг обнял Кайнца и долго молча смотрел на него, словно пытаясь до конца понять его душу, казалось бы, близкую, но оказавшуюся такой чужой. Больше они уже никогда не встречались. Кайнц лишь получил от Людвига последнее прощальное письмо, исполненное не враждебности, а тихой грусти:

«Надеюсь, что Дидье будет дружелюбно вспоминать время от времени своего Саверни. Приветствую Вас сердечно. Да витают над Вами добрые духи! Желаю этого от всего сердца. Дружески к Вам расположенный

Людвиг»[{141}](#).

Впереди короля ждало уже полное одиночество...

Глава третья

ЛУНА И ГРОШ

Как не похоже по эмоциональному настрою было путешествие «графа фон Берга» в Париж в 1867 году на вояж «маркиза Саверни» в Швейцарию в 1881-м! Тогда Людвиг вернулся полный новых планов, вдохновленный и отдохнувший душой; теперь — угнетенный и подавленный. Тогда его сопровождал, можно сказать, ровня — блестящий вельможа, кутила и прожигатель жизни, друг детства граф фон Хольнштайн; теперь — молодой актер, человек из низов, которому настолько вскружило голову благоволение монаршей особы, что он возомнил себя чуть ли не выше всех. Но тогда у Людвигу еще не было ни одного замка-убежища, а теперь, если считать Шахен, их имелось уже три и полным ходом шло строительство четвертого, обещавшего стать самым роскошным и великолепным, торжественным и величественным, настоящим воплощением абсолютной королевской власти. Для короля, только что фактически униженного своим подданным, это было особенно нужно.

Как мы уже говорили, замысел строительства «баварского Версаля» возник у Людвигу II после посещения в 1867 году Версаля настоящего. Но тогда король был занят проектами Нойшванштайна и Линдерхофа и этот план не получил дальнейшего развития. В итоге Линдерхоф из «Версаля» превратился в «Малый Трианон», а мечта так и оставалась нереализованной.

К тому времени Людвиг уже сознательно расширял границы «параллельной Баварии». У него появились убежища в горах (Нойшванштайн и Шахен) и в лесах (Линдерхоф). Где же еще искать уединения, как не на острове, среди вод?

И в 1873 году король, воспользовавшись первым траншем из фонда Вельфов, купил самый большой остров на озере Кимзее. На Кимзее два больших острова — Херренинзель (Herreninsel — Мужской остров), названный так потому, что в свое время на нем находился мужской монастырь августинцев^[114], и Фрауенинзель (Fraueninsel — Женский остров), на котором и по сей день действует женский бенедиктинский монастырь. Король выбрал первый остров. Его территория, поросшая лесом, позволяла и построить большой дворец, и разбить регулярный французский парк. Кстати, соединив названия острова и самого озера,

Людвиг «окрестил» свой новый замок-дворец — Херренкимзее.

В том же году Людвигу II были представлены первые планы будущего «Версаля». Над его проектом работали всё те же Кристиан Янк, Георг фон Доллман и Франц фон Зайтц. Король поставил перед архитекторами и художниками сложную задачу: воздвигнуть храм абсолютной монархии. (Именно поэтому в замке наряду с изображениями его любимого Людовика XIV имеются портреты и, можно сказать, «обитает дух» другого абсолютного монарха, правнука и наследника престола «короля-солнце» Людовика XV.) При этом Людвиг вовсе не стремился к слепому копированию французского оригинала; ему был важен в первую очередь не внешний вид замка, а его душа, атмосфера, в которой он чувствовал бы себя настоящим королем. Скорее всего, именно поэтому Херренкимзее должен был роскошью и размерами даже превосходить Версаль, создатель которого Людовик XIV не ставил перед собой никаких сакральных задач.

В частности, примером такого превосходства может служить Большая зеркальная галерея, занимающая почти всю западную часть замка. С одной стороны, она, несомненно, является копией версальской Зеркальной галереи, но с другой — по длине (98 метров) она протяженнее версальского оригинала на 25 метров! Большая зеркальная галерея была возведена в 1879–1881 годах по проекту Георга фон Доллмана. По внешней стене расположены 27 окон, выходящих в парк. Напротив каждого окна находится зеркало; отражаясь в зеркалах, пространство галереи, кажется, уходит в бесконечность. Это царство Зазеркалья, в котором перестаешь понимать, где кончается реальность и начинается *параллельная Вселенная*.

Роскошь Херренкимзее подавляет. Это протест, отчаянный вызов и своему времени, и своей судьбе...

Но во внешний облик замка очень быстро начали вносить коррективы обстоятельства, не зависевшие от воли монарха: в 1885 году строительные работы были приостановлены из-за нехватки средств; два боковых «версальских» флигеля так и не были достроены. Более того, один уже частично возведенный флигель был снесен в 1907 году, чтобы не нарушать общую симметрию здания.

Схожая судьба постигла и парк Херренкимзее. К его проектированию в 1882 году, через четыре года после начала строительства дворца, — приступили ландшафтный архитектор Карл Йозеф фон Эффнер, создававший парк Линдерхофа, и скульптор Йохан Непомук Хаутман (Hautmann; 1820–1903). Для начала требовалось провести большую подготовительную работу по расчистке и разравниванию территории, на которой предполагалось разбить регулярные французские сады. Согласно

первоначальным планам Эффнера, парк в целом должен был занимать 81 гектар. Сегодня его «цивилизованная» часть несоизмеримо меньше, остальное пространство по-прежнему занимает лес.

Херренкимзее — самый недостроенный замок Людвига II: из его семидесяти комнат отделаны только два десятка. И если в Нойшванштайне, который также не был достроен, эта незавершенность совершенно не ощущается, то здесь она оставляет гнетущее впечатление. Как будто вырвали с корнем и бросили умирать прекрасное мощное дерево, ветви которого всё еще покрыты листвой, но уже поникшей и тронутой увяданием. Так и вся роскошь золотой отделки замка воспринимается как прощальная осенняя позолота, за которой вскоре наступит неизбежный холод смерти...

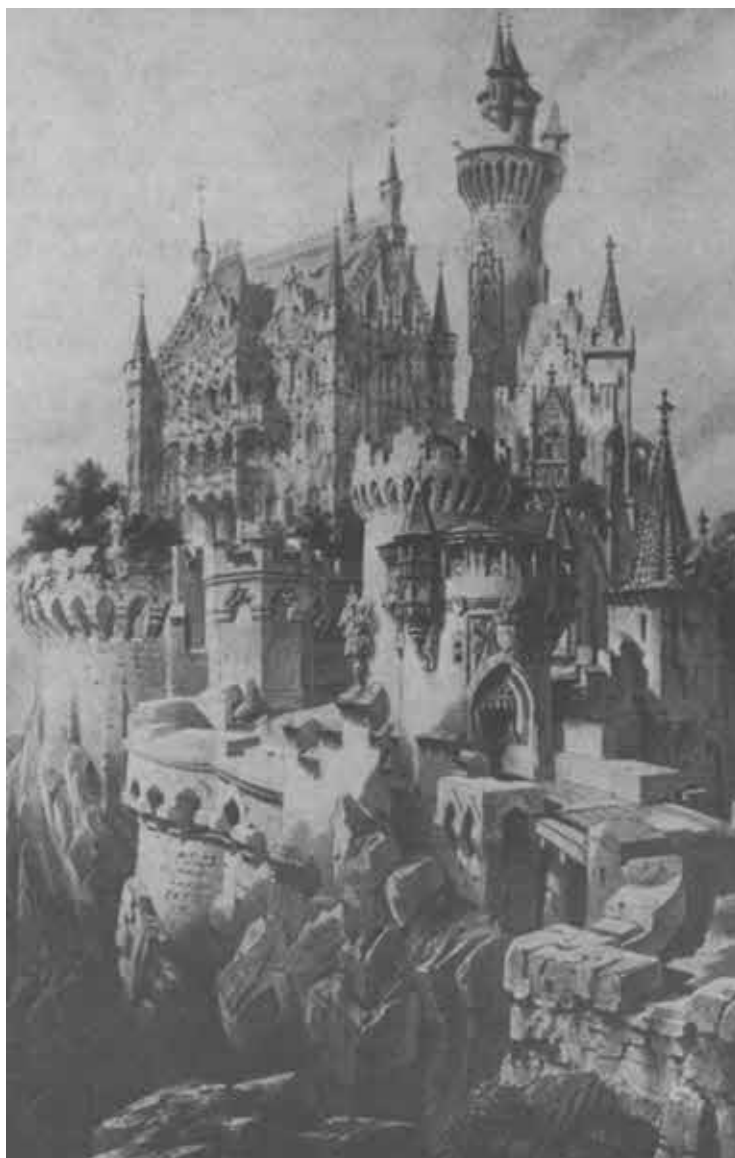
Наверное, Людвиг II предчувствовал приближение катастрофы, поэтому очень спешил со строительством. Первый камень в основание Херренкимзее был заложен 21 мая 1878 года, а уже к 1881-му основное здание было возведено. 29 сентября 1882 года Людвиг II приехал на свой остров и до 8 октября жил в монастыре августинцев, следя за строительством, шедшим полным ходом. Вокруг был разбит настоящий строительный городок с бараками для рабочих, собственными кухней, столовой, мастерскими. Использовались последние достижения технического прогресса. Чтобы ускорить транспортировку доставляемых на остров стройматериалов, по специально проложенной к озеру дороге был пущен поезд на паровой тяге. Параллельно заказывались многие элементы интерьера — в частности, ткани, мебель, картины; часто они бывали готовы задолго до начала внутренней отделки помещений. Но времена абсолютной монархии, как на собственном горьком опыте чувствовал Людвиг, безвозвратно ушли в прошлое. Храм забытым богам изначально был обречен... Золотой дворец Херренкимзее — это Валгалла, последнее обиталище богов, над которыми уже сгустились сумерки.

Грустная статистика Херренкимзее: непосредственно в самом замке Людвиг II прожил всего лишь девять дней — с 7 по 16 сентября 1885 года. Может быть, именно поэтому атмосфера холода нежилого помещения так остро чувствуется даже в отделанных, поражающих своей роскошью помещениях? Они, словно пустая, хотя и красивая оболочка, лишены души, как и недостроенная Северная лестница дворца, которая буквально обдает холодом не только из-за своего месторасположения и названия. Отделочные работы здесь даже не начинались. Голый кирпич, деревянные перекрытия... Стоя среди этого запустения, невольно хочется воскликнуть вслед за шекспировским Гамлетом: «Бедный Йорик!» Лестница чем-то

похожа на череп мертвеца: хотя в нем и угадываются знакомые черты, но ему никогда не суждено обрести живой плотью.

Никогда не подняться и стенам тех дворцов «параллельной Баварии», которые остались лишь в проектах. Все они относятся к последнему периоду царствования Людвига II начиная с 1883 года. Тогда идея создания собственной империи целиком завладела воображением короля. Он стремился запечатлеть в реальности все свои идеалы, включая глубокий интерес к восточной культуре. Но мечты так и остались мечтами.

Единственный из невоплощенных проектов — замок Фалькенштайн (Falkenstein — букв. Соколиный камень) — получил официальное название и фактически был доведен до начала строительства. Остальные — Византийский и Китайский дворцы — существуют только на бумаге, а их названия условны. Людвиг не оставил после себя наследника, который бы разделял его интересы и продолжил дело его жизни. Он жил одиноким, умер одиноким и остался непонятым и чуждым и современникам, и потомкам.

Романтический замок Фалькенштайн.

Рисунок Кристиана Янка. 1883 г.

Кстати, сегодня руины Фалькенштайна — самые высокорасположенные в Германии. Они находятся в окрестностях города Пфронтен (Pfronten) в Восточном Альгое (Allgäu) на высоте 1284 метра всего в 15 километрах от Нойшванштайна. В 1280 году здесь построил

мощную крепость граф Тироля Мейнхард II (Meinhard; ок. 1238–1295). Интересно отметить, что в 1258 году Мейнхард женился на Елизавете Виттельсбах (1227–1273), дочери баварского герцога Оттона II (1206–1253). Название Фалькенштайн было дано крепости лишь в XV веке, а во время Тридцатилетней войны (1618–1648) она была обращена в руины, которые постепенно всё сильнее разрушались.

Путешествуя по стране, Людвиг II обратил внимание на живописные средневековые развалины и в 1883 году решил построить на их месте замок, еще более романтический и волшебный, чем Нойшванштайн. В этом же году Кристиан Янк представил на суд короля первые эскизы. Замок был задуман в стиле высокой готики. Глядя на рисунки Янка, трудно даже представить себе, какой людской поток хлынул бы в маленький Пфронтен, если Нойшванштайн ежегодно посещают миллионы туристов (кстати, даже заброшенные руины Фалькенштайна притягивают к себе посетителей, которых год от года становится всё больше). А новый замок Фалькенштайн, будь он построен, стал бы шедевром Кристиана Янка, который, возможно, затмил бы собой его первое детище. Воодушевленный король 16 мая 1884 года купил руины Фалькенштайна, и вскоре начались подготовительные работы: были проложены новая дорога и даже водопровод (1885). К тому времени планы и чертежи нового замка были полностью готовы, вплоть до декора интерьера. Правда, генеральный проект по ходу дела постоянно изменялся, в первую очередь из-за всё более остро ощущавшегося дефицита средств. Но Фалькенштайну так и не суждено было подняться из руин. Со смертью Людвиг II стройка была остановлена навсегда.

Второй неосуществленный проект Людвиг II носит условное название Византийский дворец. Любовь короля к византийскому стилю была общеизвестна. В 1869 году, начав постройку Линдерхофа, Людвиг хотел возвести Византийский дворец в его парке. Первый проект был разработан в 1869–1870 годах Георгом фон Доллманом. Но тогда строительство так и не было начато. «Византийский проект» был забыт вплоть до 1885 года. Новый план дворца разработал Юлиус Хофман, который 16 октября 1884 года официально сменил Доллмана на должности придворного архитектора. По проекту Хофмана Византийский дворец должен был представлять собой грандиозный архитектурный комплекс, включающий башню, церковь в византийском стиле, выложенную мрамором площадь с бассейном в центре и массивное двухкупольное здание с королевскими апартаментами. Величественный Тронный зал Византийского дворца должен был быть оформлен в стиле храма Святой Софии в Константинополе. Всем этим масштабным планам также не

суждено было сбыться.

Неменьшей роскошью должен был поражать и Китайский дворец. Это был последний проект Юлиуса Хофмана, представленный королю в январе 1886 года. Прообразом его послужил пекинский садово-парковый комплекс Юаньминъюань (Сады совершенной ясности), располагавшийся в восьми километрах от Запретного города. Построенный в 1707 году по приказу императора Канси, в 1860-м он был разрушен англичанами и французами, захватившими Пекин на исходе Второй опиумной войны. Бесценное собрание фарфора и остальные произведения искусства — всё было разграблено. Участвовавший в уничтожении генерал Чарлз Джордж Гордон (1833–1885) писал: «С трудом можно себе представить красоту и величие сожженного нами дворца... Мы уничтожили, подобно вандалам, поместье столь ценное, что его не удалось бы восстановить и за четыре миллиона». Может быть, Людвиг II хотел дать второе — баварское — рождение утраченному китайскому шедевру? Но и второй людвиговский храм абсолютной монархии — в варианте китайских императоров-богов — постигла судьба Византийского дворца. Довольно небольшое здание планировалось разместить в парке Линдерхофа. Уже была начата закупка китайских ваз и тканей для отделки, но смерть короля всё остановила...

Среди немногих людей, сохранивших в те годы верность Людвигу II, был Александр фон Шнайдер (Schneider; 1845–1909). С 1876 года он являлся непосредственным помощником Циглера, а в 1883-м сменил его на посту королевского кабинет-секретаря, оставался доверенным лицом Людвиг до его последних дней и никогда не предавал своего господина.

Мы подошли к кульминации нашей драмы и теперь попробуем разобраться в причинах рокового конфликта. Пожалуй, «точкой невозврата» определим всё тот же 1883 год. До этого времени глухое недовольство баварского правительства возрастающими личными тратами короля было подобно постоянно тлеющему, но никогда не вспыхивающему костру. Теперь же угли начали активно раздувать.

Конечно, для обострения конфликта имелись вполне объективные причины и материального, и психологического характера. Людвиг II не собирался останавливаться и, несмотря на возрастающий дефицит бюджета, начинал всё новые проекты. Пока он покрывал расходы из личных средств, правительство молчало. Но этих средств стало катастрофически не хватать. Нужно было либо остановиться, либо неизбежно залезть в долги.

Остановиться Людвиг не мог.

Напомним, что в то время возведение замков являлось повальным увлечением. Если уж какой-нибудь разбогатевший банкир-наториш мог

себе позволить строить поистине королевские хоромы, то каково же было *настоящему* королю сознавать невозможность для себя подобного «хобби»? Тем более что для Людвига II строительство являлось не просто увлечением, а своего рода потребностью, страстью, победить которую значило окончательно отказаться от всех его жизненных идеалов, устоев и принципов.

В связи с этим уместно будет провести параллель и проанализировать подход к материальным проблемам Рихарда Вагнера, кумира Людвига II, и его самого. Так, еще за девять лет до встречи с королем, в письме от 3 октября 1855 года, композитор с предельной ясностью высказался по вопросу «добывания денег»: «...Америка представляется мне ужаснейшим кошмаром, но если в Нью-Йорке когда-нибудь решатся предложить изрядную сумму, то это поставит меня в затруднительнейшее положение. Если такого предложения не принять, то об этом факте надо будет хранить глубочайшее молчание, потому что все будут обвинять меня в том, что я отношусь без достаточной сознательности к собственным моим делам. Однако решиться на такую поездку я мог бы лет десять тому назад, но броситься искать окольными путями простого хлеба теперь было бы слишком тяжело, именно теперь, когда я могу делать только одно: отдаваться моему действительному призванию, в строгом смысле слова. При таких условиях я никогда не смог бы довести до конца «Нибелунгов». Бог мой, те деньги, которые я заработал бы (??) в Америке, просто должны *подарить* мне люди, не требуя от меня ничего, кроме того, что я вообще делаю, и делаю лучше всего. Ведь я скорее способен в шесть месяцев промотать 60 000 франков, чем заработать их. Зарабатывать я ничего не умею. *Не мое это дело зарабатывать деньги!* Мне кажется, что это — скорее всего — *дело моих почитателей давать мне столько материальных средств, сколько нужно, чтобы, при хорошем настроении, я мог заниматься серьезным творчеством* (курсив наш. — М. З.)»^[142].

Данная позиция на первый взгляд может показаться шокирующей. Но если вдуматься, то Вагнер просто-напросто ратует за то, чтобы каждый занимался своим прямым делом! Другими словами, пироги пек пирожник, сапоги тачал сапожник, поэт писал поэмы, композитор сочинял музыку, а зрители и читатели, кем бы они ни были, должны за эту музыку и за эти поэмы платить, тем самым создавая композитору и поэту условия для дальнейшего творчества. Ведь ни пирожнику, ни сапожнику не нужно забивать себе голову вопросом, где взять деньги, — они получают доход от реализации своей продукции. Почему же поэт и композитор не могут обеспечить себе существование исключительно своим трудом? Если

человек свободной профессии не получает от общества достаточно средств, он больше не имеет возможности творить на благо этого общества. Вот почему, беря крупные суммы от того же Людвига II, Вагнер не считал себя его должником: король *обязан* был платить композитору, чтобы тот писал гениальные произведения ради славы народа и самого короля. Возможно, благодарные потомки и могут простить гению такую жизненную позицию. Но вот современники вовсе не собирались страдать из-за того, что им не повезло жить в одно время с этим гением. Вагнер же не собирался отступать от своего жизненного кредо, да еще и удивлялся (а иногда и смертельно обижался), если кто-то не спешил по собственной инициативе предложить ему «презренный металл».

Примерно так же относился к деньгам и Людвиг II. Он тоже создавал произведения искусства, он тоже творил для вечности. Вагнер написал «Тангейзера» — Людвиг построил Линдерхоф; Вагнер возносился к духовным высотам «Парсифаля» — Людвиг отвечал возведением Нойшванштайна; Вагнер проклинал золото в «Кольце нибелунга» — ему эхом вторила осенняя позолота сумерек богов Херренкимзее.

Кроме того, по сравнению с Вагнером Людвиг имел дополнительный аргумент в пользу того, что он не только никому ничего не должен, но, напротив, ему все должны: он был не просто творцом, но *творцом-королем*.

Как же можно было не дать королю денег? Он не должен унижаться поисками средств для удовлетворения своих желаний. Заботили ли когда-нибудь финансовые проблемы Людовика XIV или Людовика XV? Члены баварского правительства забыли, на каких примерах был воспитан Людвиг II, как с раннего детства идеалы абсолютной монархии взращивались, а иногда и искусственно культивировались в неокрепшей романтически-экзальтированной душе будущего короля.

Было ли упорное нежелание и неумение Людвига II считать деньги проявлением душевной болезни? Нет, это был *результат воспитания!*

А теперь обратимся к одному на первый взгляд не особо значительному факту биографии Людвига II. В том самом роковом 1883 году Бисмарк перестал выплачивать королю ежегодные суммы из фонда Вельфов. Мы не обладаем достаточной информацией, чтобы назвать единственную подлинную причину этого отказа. Их может быть несколько: Бисмарк мог изначально оговорить срок — скажем, десять лет, — истекающий как раз в 1883 году; мог оговорить конечную сумму — не более пяти миллионов марок (напомним, что к 1883 году Людвиг II уже получил 4 миллиона 720 тысяч марок); мог единолично счесть, что и так

заплатил королю вполне достаточно. При этом Бисмарк использовал лишь проценты с капитала, оставляя в неприкосновенности основные суммы фонда. Поэтому обвинение, что Людвиг II, кроме собственной казны, подчистую растратил еще и фонд Вельфов, не имеет под собой никакого основания.

После отказа Бисмарка выплатить очередную сумму Людвиг II, внезапно переставший получать уже привычное вспомоществование, на которое он так рассчитывал, обратился к своему другу графу Макс фон Хольнштайну с приказом немедленно изыскать новый источник средств для финансирования в первую очередь строительства Херренкимзее. Напомним, что платежи фонда Вельфов все десять лет проходили непосредственно через Хольнштайна, за что тот не стеснялся брать десять процентов с каждой выплаченной суммы. Нетрудно подсчитать, насколько пополнилась казна самого Хольнштайна, и без того одного из богатейших людей Баварии. К тому же граф был другом детства короля, и тот был вправе рассчитывать на его понимание, благодарность и помощь...

Ко времени описываемых событий граф Макс занимал при дворе исключительное положение. Мало того что он сам имел практически неограниченное влияние на короля — его доверенные люди также получали должности в ближайшем окружении Людвига II. Недаром Хольнштайн имел среди придворных прозвище Серый кардинал. Для достижения своих целей граф не стеснялся в средствах, не брезговал никакими, порой недозволенными, методами и был невероятно жаден до денег. Эти неприятные черты со временем всё яснее проступали из-под маски общительного бонвивана, и к началу 1880-х годов Людвиг начал разочаровываться в своем ближайшем друге. Но до открытого разрыва дело пока не доходило.

Однако, как только граф Макс стал замечать, что теряет былое расположение короля, он начал действовать. Понимая, что рано или поздно он лишится своего неограниченного влияния, Хольнштайн «на опережение» сделал ставку на принца Луитпольда и для начала демонстративно примкнул к лагерю ультрамонтанов. На это следует обратить особое внимание: честолюбие графа не знало границ; поняв, что при дворе Людвига II он уже достиг пика своей карьеры, Хольнштайн вполне мог прийти к выводу, что для дальнейшего возвышения нужно просто... поменять короля!

Наконец, в 1883 году произошло неизбежное — Максимилиан и Людвиг крупно поссорились. Всесильный обершталмейстер окончательно впал в немилость.

Точная причина ссоры до сих пор остается неизвестной. В большинстве биографических трудов указывается, что Людвиг II, лишившись финансовой поддержки фонда Вельфов, обратился за помощью непосредственно к Хольнштайну, но получил решительный отказ. Другой возможной причиной разрыва могли быть дошедшие до короля нелестные высказывания графа в его адрес, чего Людвиг также никак не мог стерпеть. Наконец, существует и еще одна, самая темная, можно сказать, конспирологическая версия. Среди любовниц графа Макса выделяется одна — Хильдегард Риксингер (Rixinger; 1835—?). Известная авантюристка и мошенница, помимо пленившей графа красоты, обладала еще и весьма полезным ему криминальным талантом — мастерски подделывала почерки. Так как большая часть финансовых документов благодаря доверию Людвига II к своему обер-шталмейстеру шла непосредственно через него, в один прекрасный день Хильдегард предложила своему любовнику воспользоваться ситуацией — начать откровенно воровать деньги, подделывая королевскую подпись. Правда, с такой же долей вероятности можно предположить, что и сам граф мог стать инициатором преступления — нет никаких неопровержимых доказательств относительно степени виновности обоих, а Риксингер впоследствии, стремясь обелить себя, всю ответственность возлагала именно на Хольнштайна. Вполне возможно, что в данном случае она говорила правду. Как бы то ни было, афера удалась на славу, долгое время никто ничего не подозревал. Но в конце концов Людвиг узнал об обмане...

Все три версии роковой ссоры графа Макса и Людвига II никак не противоречат друг другу. Вполне возможно (и даже скорее всего), что имели место и первое, и второе, и третье. По сути, это одна и та же версия, но поданная с разных ракурсов. Главное — что, с какой бы стороны ни смотреть, личность друга детства Людвига, бок о бок с которым он провел почти всю жизнь, предстает в крайне неприглядном свете.

Как бы там ни было, угодив в опалу, граф Макс затаил обиду. Он не считал себя виновным! Финансовые махинации, оскорбления в адрес короля? Ну и что? Ведь ему можно всё! А его в одночасье отлучили от двора. Его — блестящего вельможу, обершталмейстера, представителя знатнейшей баварской фамилии, состоящей в фактическом родстве с Витгельсбахами, старого товарища короля, его правую руку! Не иначе *король сошел сума!*

Да, граф Макс умел ненавидеть и умел мстить! Людвиг поступил очень неосмотрительно, сделав такого человека своим врагом.

Кстати, на финансовых аферах граф и его любовница не остановились.

Следующей ступенью стала подделка личной королевской корреспонденции. Вскоре мы подробно рассмотрим механизм, с помощью которого в баварское общество была запущена клевета на Людвига II. Не последнюю роль здесь сыграли и поддельные письма, изготовленные Риксингер на основе подлинной переписки короля, которую она изучала, чтобы максимально правдоподобно передавать особенности его эпистолярного стиля. Хольнштайну, раз уж он начал свою игру, нужны были *прямые доказательства неумения короля*, Хильдегард щедро снабжала его таковыми, красочно описывая различные безумные выходки, тайные желания и противоестественные наклонности баварского монарха. А фантазия у любовницы графа Макса была очень богатая! Она предоставила «бесценный» материал не только для составления медицинского заключения, на основании которого Людвиг был лишен трона, но и для авторов будущих фальшивых «дневников» короля. Но в связи с засекреченностью архивов отделять зерна от плевел по-прежнему невероятно трудно — слишком многое в этой запутанной и в целом отвратительной истории до сих пор остается покрыто мраком. Даже судьба самой Хильдегард Риксингер, вскоре после трагического 1886 года уехавшей в Америку и канувшей там в безвестность...

Между тем к моменту опалы Хольнштайна его антипод Лутц продолжал делать блестящую карьеру, получив в 1884 году баронский титул. На должности председателя Совета министров он приобретал все больший вес в правительстве, одновременно консультируя короля в том числе по финансовым вопросам.

Наводит на размышления тот факт, что именно после опалы Хольнштайна в правительстве Баварии слышались пока еще робкие и одиночные высказывания по поводу того, что неумные траты короля могут быть результатом его душевного недуга. И Лутц начинает всё чаще и внимательнее к ним прислушиваться. Кроме того, Хольнштайн вполне мог, общаясь с тем же Лутцем, которого близко знал, делиться с ним *приватной* информацией, тем самым зарабатывая себе «очки» доверия кабинета министров.

Время шло, и о ссоре с графом Максом Людвиг II предпочитал больше не вспоминать. 12 мая 1885 года, можно сказать, окончательно завершился его «уход в одиночество». В этот день король в последний раз присутствовал на спектакле Мюнхенского королевского придворного и национального театра, игравшемся только для него одного. Мы уже отмечали, что Людвига стало очень угнетать внимание населения к нему как к монаршей персоне. Об этом он писал Вагнеру еще в 1876 году,

объясняя свое нежелание остаться на открытие Первого Байройтского фестиваля. Но совсем побороть свою страсть к театру король не мог, и был найден весьма оригинальный выход — «сепаратные» спектакли, игравшиеся для единственного августейшего зрителя (скрупулезно подсчитано, что спектакль, данный 12 мая 1885 года, был 209-м «сепаратным» представлением). Пустое и низкое любопытство толпы больше не отвлекало короля от Искусства, не мешало наслаждаться пьесой. Можно ли назвать «сепаратные» спектакли проявлением болезненной мизантропии? Осуждать всегда легко. Вспомним постоянные жалобы публичных персон на то, что они совершенно лишены личной жизни, что они устали от назойливых журналистов и неуравновешенных фанатов, что они «отдали бы всё на свете, чтобы хоть ненадолго снова оказаться простыми людьми». Это далеко не всегда рисовка для публики; такие признания могут быть и искренними — выдержать испытание славой действительно очень непросто.

Людвиг устал, он уже не чувствовал себя королем. Во имя чего же продолжать испытывать страдания? Характерно, что только после ясного и окончательного осознания «марионеточности» своей монархии Людвиг II начал сторониться толпы. Он не хотел быть клоуном, которым неизбежно начинал чувствовать себя на людях. А в театре такое чувство еще обострялось. Если представить себе, что испытывал тогда король, то этого будет вполне достаточно, чтобы понять — Людвиг II достоин сострадания, а не осуждения.

Людвиг не любил Мюнхен; с этим городом было связано много неприятных моментов, которые хотелось поскорее забыть — и побыть в любимых горах, заповедных лесах, на берегах озер. Вскоре «сепаратные» спектакли были заменены «сепаратными» прогулками — правда, уже не верхом, а преимущественно в коляске или пешком. Еще в начале 1870-х годов у короля из-за чрезмерного увлечения верховой ездой образовалась паховая грыжа; пришлось отказаться от того, можно сказать, спортивного образа жизни, к которому он привык с детства. Вполне возможно, что именно с этим связано не только общее ухудшение здоровья Людвига, но и та чрезмерная полнота, которой он страдал в последнее десятилетие своей жизни.

Теперь король предпочитал общаться с природой, как и с искусством — наедине, по тем же причинам, по которым отказался от посещения публичных спектаклей. Более того, «король-луна» стал предпочитать одинокие *ночные* прогулки: днем его могли увидеть и узнать, ночью он принадлежал только себе.

Однако следует обязательно обратить внимание на то, что Людвиг сторонился общения лишь с представителями окружавшего его высшего света, с придворными и чиновниками с их фальшью и лестью, а также бежал от праздного любопытства бездельников-зевак. С простым народом, с крестьянами из соседствовавших с его замками деревень, с рабочими на его стройках король оставался неизменно приветливым и дружелюбным. Этот факт характеризует Людвигу как нельзя лучше: он вовсе не был человеконенавистником, психически больным мизантропом, каким его часто представляют. На искренность он всегда отвечал искренностью. Вот лишь один из многочисленных примеров, доказывающих, что любовь простых баварцев к своему королю возникла не на пустом месте.

Михаэль Дайзенбергер (Daisenberger), один из жителей Обераммергау, вспоминал о своих встречах с Людвигом II: «Когда я прибыл в 13 лет в лесное хозяйство в Линдерхоф, где я провел почти 38 лет своей службы, я в первый раз увидел «нашего короля». Его взгляд величественно смотрел вдаль или на небосвод, так он ходил в задумчивости по замковому парку. И часто я слышал во время работы в лесу, как в темном лесу внезапно раздавался звон бубенчиков. Где-нибудь между елками появлялись золотые сани короля, запряженные иногда даже шестеркой, а иногда четверкой белых лошадей. В большинстве случаев король был один, если он совершал быструю поездку по зимнему лесу. Но это ложь, что Людвиг был нелюдим. Мы часто видели, как он останавливался внезапно в лесу у нас, лесорубов, или появлялся поздно вечером в трактире. Тогда он осведомлялся, как проходила работа, было ли у нас достаточное количество инструментов и удовлетворяет ли нас зарплата. Несколько раз мы обсуждали между собой, что, несмотря на любовь к одиночеству, король с удовольствием общается и рад видеть людей вокруг себя. Среди ночи я видел, как король однажды поднимался к скульптурной группе «Распятие». Одиноким как перст, он шел в глубоком благоговении. Людвиг бродил также часами по горным лесам. Молчаливое приветствие и любезный взгляд были единственным, что он дарил нам, рабочим. На охоту он никогда не отправлялся — для него лес с животными был сказочным царством»^{[115][143]}.

Людвиг II мог бы найти гармонию с самим собой. *Если бы не был королем!*

В мае 1885 года Людвиг уехал из Мюнхена — как оказалось, навсегда. Согласно баварской конституции, монарх имел право не проживать в столице, не присутствовать лично на заседаниях ландтага, не участвовать в официальных публичных церемониях в течение года. Но по истечении

этого срока король обязан был появиться в столице. Это важно помнить, когда мы перейдем к финалу нашей драмы.

Людвиг уехал, но практически неразрешимые финансовые проблемы продолжали довлеть над ним, словно проклятие. К середине 1885 года общая сумма долга королевской кассы составила 14 миллионов марок.

Двадцать девятого августа Людвиг II поручил лично министру финансов барону фон Риделю предпринять необходимые шаги к урегулированию проблемы, исходя из того, что, несмотря на растущий долг, строительство ни одного из замков не будет остановлено. 3 сентября Ридель дал официальный ответ, что это невозможно; наоборот, необходимо ввести строжайшие меры экономии, чтобы восполнить дефицит личных средств короля.

Не такого ответа ожидал от своего министра Людвиг II. Он *уже не мог* остановить строительство! Король в полном смысле слова находился на грани отчаяния. Он уехал в Херренкимзее и провел там десять дней, с 7 по 16 сентября, в одиночестве — самый недостроенный королевский замок в первый и последний раз принимал своего хозяина.

Пожалуй, последним светлым событием в жизни Людвига II стало празднование шестидесятилетнего юбилея его матери, вдовствующей королевы Марии. Казалось, напоследок между матерью и сыном вспыхнула искра взаимопонимания. Непосредственно в день ее рождения, 15 октября, Людвиг повез мать в Нойшванштайн, с гордостью продемонстрировав ей свой шедевр.

Наконец, 8 января 1886 года Лутц посоветовал Людвигу II «ходатайствовать о единовременном пожертвовании в личный фонд короля 20 000 000 марок *из избытков государственного бюджета* (курсив наш. — М. З.)»^[144]. Обратим на это обстоятельство особое внимание. Во-первых, до того момента Лутц не просто ничего не замыслил против Людвига II — он был с ним заодно. Во-вторых, сама формулировка «из избытков государственного бюджета» уже говорит о том, что баварская казна — в отличие от королевской кассы (эти понятия нельзя путать) — находилась в не столь уж плачевном состоянии, как впоследствии пытались представить враги короля.

Здесь уместно сказать еще несколько слов о постоянных упреках в адрес Людвига II в том, что он «вздорными фантазиями своего болезненного воображения довел страну фактически до разорения». Вот свидетельства беспристрастных исследователей и очевидцев: «Правда, расходы на эти замки были велики; но если их сравнить с громадными суммами, которые расходовались другими монархами на фавориток и

позорные удовольствия, за что платили голодающие подданные, то безумные капризы Людвига II вполне простительны!»^{145}

Для сравнения можно вспомнить хотя бы, какие суммы были потрачены дедом короля Людвигом I и на его «архитектурные чудачества», и на Лолу Монтез. Да, в итоге он лишился престола, но никому и в голову не пришло объявлять его сумасшедшим! А для страны «чудачества» Людвига II оказались несоизмеримо полезнее, чем капризы его деда.

«Он (Людвиг II. — М. З.) часто лично чертил чертежи и планы, отличающиеся необыкновенной точностью и правильностью, отсылая их на суд авторитетных профессоров, и очень радовался, когда получал их одобрение. И везде видны его изумительный художественный вкус и серьезное знание дела. Кстати, по расчету профессионалов, его феноменальные замки обошлись даже очень дешево! Вы скажете: а те долги, что король оставил? А разве *та высота, на которую король поднял Баварию, вложив на государственном уровне в искусство 14 миллионов, не стоит ничего!* Король на примере ценнейших произведений искусства, которыми полны его замки, дал возможность своим художникам учиться и развивать свой вкус. Он вложил в свои замки все те деньги, что ему оставались от его скромной жизни, *не издержав, а приумножив своей мудростью необходимый для его страны капитал* (курсив наш. — М. З.)! Один серьезно образованный художник-ремесленник говорил: «Если мы имеем теперь художественное образование, если мы сами имели возможность развить себя и если баварское искусство достигло той степени совершенства, на которой стоит сегодня, то этим мы обязаны Людвигу II, этому идеальному королю, поднявшему нас»^{146}.

Как мы уже отмечали, Людвиг очень существенно поддержал «отечественного производителя». Он не только поднимал общий культурный уровень своих подданных, но еще и обеспечивал местное население рабочими местами. Луиза фон Кёбелль констатировала: «Все художники и ремесленники, работавшие на короля, были исполнены к нему благодарности. Они очень высоко ценили то, что король всегда отдавал предпочтение родному искусству и баварским художникам перед иностранными»^{147}.

Говоря о затратности проектов Людвига II, нельзя сбрасывать со счетов такой немаловажный фактор, как безнаказанное *расхищение королевской собственности*. А в том, что вокругстроек Людвига II кормилось немалое число, мягко говоря, нечистых на руку людей, сомневаться не приходится. С. И. Лаврентьева свидетельствует:

«Нарастанию долгов много способствовал и тот грабеж, которым пользовались многие, состоявшие при постройке замков, люди. Один из чиновников министерства сказал мне после смерти короля: «Я уверен, что если бы не было этой бездонной пропасти, вмещавшей грабителей при постройке замков, то в кассе совсем не было бы долгов». В настоящее время долги эти все уже уплачены, и не по́том баварского народа, а деньгами любителей искусства, толпами идущих осматривать замки и несущих свою лепту за их осмотр»^{148}.

Какие еще аргументы нужны для доказательства нечистоплотного манипулирования фактами со стороны врагов Людвига II?

Между тем первые семена клеветы, посеянные в 1883 году, начали давать всходы. 17 апреля 1886 года на ходатайство, предложенное Лутцем, баварское правительство ответило решительным отказом выплачивать в дальнейшем королевские долги из казны. Кроме того, король отныне лишался какой-либо финансовой помощи. Вслед за этим категоричным заявлением 5 мая король получил от кабинета министров «прошение», призывавшее его немедленно возвратиться в столицу и приступить к урегулированию финансового положения. Фактически Людвигу II был впервые поставлен жесткий ультиматум. В это время как раз истекал годичный срок отсутствия короля в Мюнхене, и по закону он обязан был вернуться. Возможно, он так и поступил бы, если бы не оскорбительный приказной тон «прошения»! Для гордой натуры короля пойти на поводу у правительства после такого оскорбления было равнозначно отречению от престола.

Нужно было хорошо знать характер Людвига II, чтобы вести игру подобным образом. Людвиг был очень предсказуем в своих реакциях, и министерство нарочито поступило так, чтобы *король начал действовать себе во вред*. Еще совсем недавно ни о каких ультиматумах и речи не было, что опять же косвенно указывает, что к этой истории приложил руку Хольнштайн. Ультиматум правительства наглядно показал: жребий брошен, Рубикон перейден. Что бы Людвиг тогда ни решил, его судьба к тому времени уже была predetermined.

Идея признать короля недееспособным лежала на поверхности; можно сказать, была прописана в баварской конституции. Король продолжает требовать от правительства денег? Существует шанс избавиться от этой проблемы раз и навсегда. Тем более что есть устраивающий всех кандидат в регенты — положительный и уравновешенный принц Луитпольд, от которого не приходится ждать ничего экстраординарного. Всё складывается как нельзя лучше. Вот только где взять доказательства невменяемости

короля?

К тому времени Хольнштайну удалось силой своего авторитета втянуть в интриги против Людвига II верхушку баварского правительства, в частности Лутца, уже отчаявшегося урегулировать финансовые проблемы короля. Но как быть с баварским народом? Низложение монарха могло иметь непредсказуемые последствия. Законопослушных и верноподданных баварцев нужно было к этому долго готовить. Для начала решили обратиться к «большому брату» — имперскому правительству в Берлине.

Двадцать третьего мая баварский посланник в Пруссии граф Гуго фон Лерхенфельд-Кёферинг (Lerchenfeld-Köfering; 1843–1925) выехал напрямик к Бисмарку и на следующий день, сразу по приезде, доложил канцлеру план баварского правительства: признать Людвига II недееспособным и ввести регентство принца Луитпольда. К чести Бисмарка надо сказать, что этот план был им решительно отвергнут. Рейхсканцлер сухо объявил посланнику, что если уж правительство Баварии хочет избавиться от своего короля, то действовать нужно исключительно законными методами — пойти на открытый процесс перед обеими палатами ландтага и всем баварским народом, иначе «дело в любом случае будет иметь характер таинственного»^[149]; другими словами, вскоре обрастет слухами и легендами, нелестными для правительства (так на самом деле и произошло). Людвигу же Бисмарк тут же направил письмо, в котором призывал его немедленно ехать в Мюнхен.

Не получив поддержки Бисмарка, заговорщики — будем называть вещи своими именами — решили поступать на свой страх и риск. Конечно, далеко не все, кто принимал участие в признании Людвига II недееспособным, действовали из низких или корыстных побуждений. Личная заинтересованность была лишь у графа фон Хольнштайна, надеявшегося «в благодарность за службу» получить от нового правительства Луитпольда еще и должность премьер-министра, о которой он давно мечтал (этой честолубивой мечте так и не суждено было сбыться, в чем можно усмотреть своеобразную справедливость судьбы). Поэтому мы и возлагаем на него главную ответственность. Для него собственная опала уже была фактическим доказательством неумения короля. Этот человек был буквально ослеплен злобой.

У графа были и повод, и возможности организовать свержение «предавшего» его монарха. Ведь он обладал информацией из первых рук, а его свидетельства не подвергались сомнению. Благодаря такому «арсеналу» круг заговорщиков вскоре стал расширяться; и первым в этом списке оказался, как мы уже упоминали, Иоганн фон Лутц. Это неудивительно.

Во-первых, как председатель Совета министров он не мог оставаться в стороне. А во-вторых, поднявшись из низов на самую вершину власти, он оказался сражен аргументами блестящего вельможи Хольнштайна. Ведь граф — друг детства короля, знает его, как никто другой; граф радеет за отечество; графу нельзя не поверить. И Лутц поверил! И действовал исключительно по совести: у него не было личной вражды к королю, и, кроме того, он особо не выигрывал от смены правительства; zenith его карьеры пришелся как раз на время правления Людвига II. Что он получил за свое отступничество? В 1886 году Лутц стал пожизненным членом верхней палаты рейхстага; спустя четыре года он по состоянию здоровья отошел от дел и вскоре умер.

Что же касается Луитпольда, то оговоримся сразу — мы далеки от того, чтобы взваливать на него груз обвинения в узурпации трона. Ему в силу происхождения было, как говорится, некуда деваться. Политический кризис набирал обороты. И всё же правительство Баварии не могло пойти на переворот, то есть открытое нарушение законности — народ вполне мог не поддержать (и, скорее всего, не поддержал бы) нелегитимную власть. Единственный выход — регентство, обусловленное «объективной необходимостью». Следующим после Людвига II и его брата Отто законным претендентом на баварский трон был как раз Луитпольд. Если бы он не принял условий правительства и не стал регентом, то неизвестно, во что мог вылиться «заговор министров». Принц Луитпольд своими действиями сохранил корону для потомков Виттельсбахов, можно сказать, спас династию. Это не значит, что он действовал вопреки своей воле. Конечно, принц являлся заинтересованной стороной. Но он искренне полагал, что в первую очередь радеет о благе своей страны, а не о своем собственном, как пытаются представить некоторые слишком рьяные защитники Людвига II. Справедливости ради надо признать, что во время своего регентства он действительно сделал много полезного для Баварии.

Мы до сих пор не упоминали еще одного, последнего из главных фигурантов нашей истории — министра иностранных дел и королевского двора Фридриха Августа Эрнста Густава Христофа барона Краффта фон Крайльсхайма (Crafft von Crailsheim; 1841–1926), второго человека в правительстве после Лутца (в большинстве исторических работ Краффт фон Крайльсхайм именуется графом, однако этот титул он получил лишь в 1901 году). На должность министра иностранных дел и королевского двора он был назначен 4 марта 1880 года и очень быстро приобрел значительное влияние в баварском правительстве. (В 1890 году он сменил Лутца на посту председателя Совета министров.) Барон сразу и безоговорочно принял

позицию главы правительства и стал правой рукой Лутца не только в политике, но и в процессе объявления короля недееспособным.

Итак, Хольнштайн являлся идейным вдохновителем и организатором заговора в баварском правительстве, Лутц и Краффт фон Крайльсхайм стали основной движущей силой предприятия, а принц Луитпольд, в силу своего происхождения не имевший права оставаться в стороне, был готов полностью «взвалить на себя тяготы управления государством». Оставалось найти *непосредственных исполнителей*.

Ирония судьбы, в итоге приведшая к трагедии! Все эти люди, за исключением, разумеется, Хольнштайна, не были подлецами и предателями. Они, безусловно, являлись искренними патриотами и стремились достичь процветания родной страны. Им казалось, что они действуют правильно, что на одной чаше весов лежит верность своему государю, а на другой — благополучие Баварии. Поставленные в ситуацию выбора между судьбой человека и интересами страны, они выбрали страну. Но они не опустили до политического убийства, пытались действовать в рамках закона, а главное — не искали личных выгод. Последнее является наиболее существенным аргументом в их пользу.

И всё же они оказались заложниками того рокового стечения обстоятельств, которым сопровождался заговор. Безусловно, это был заговор! А как еще назвать «дело, имеющее характер таинственного»? Если бы был открытый процесс, о котором говорил «железный канцлер», если бы выслушивались аргументы не только против, но и в пользу короля, то, возможно, имена этих людей и не были бы вписаны в историю черной краской. Не нужны были бы подтасовки и фальсификации, клевета и подлог. Но враги Людвига II использовали, пусть и в благих целях, слишком грязные методы. Нельзя войти в грязь и не испачкаться. Вот все они и оказались замараны участием в одном из самых отталкивающих сюжетов в мировой истории.

Но истинные причины заговора против Людвига II кроются еще глубже — в роковом конфликте с обществом. В противоборстве с ним не выстоять даже королю. Такому человеку, как Людвиг II, *герою не своего времени*, просто не было места во второй половине XIX века.

Он неизбежно должен был уйти...

Глава четвертая

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Несмотря на то, что в правительстве всё чаще раздавались гневные голоса против «разорения страны из-за неограниченных чудачеств короля» и определенные правительственные круги уже наметили кандидатом на престол принца Луитпольда, вплоть до начала 1880-х годов положение Людвига II всё еще было незыблемым. Простые подданные по-прежнему обожали своего короля, и его противники не могли открыто выступить против него, опасаясь народных волнений. К сожалению, Людвиг сам дал в руки своим врагам оружие против себя.

Он всё больше и больше замыкался в своем одиночестве. Между королем и его министрами теперь существовал один посредник — кабинет-секретарь, который обязан был исполнять целый ряд изнурительных обязанностей. «Он, — сообщает В. Александрова, — являлся посредником не только в государственных вопросах, но и во всех личных делах Людвига, касающихся театра, построек, книг и т. п.... Он должен был уметь лавировать между министерством и королем, требования и интересы которых часто невозможно было согласовать. Немудрено поэтому, что секретари довольно часто менялись. Характерен тот факт, что все личные секретари Людвига, уже будучи в отставке, давали вполне единогласные отзывы о характере короля и об отношении его к своим приближенным. Этим отзывам нельзя не придавать значения не только потому, что они солидарны между собой, но еще и потому, что они высказывались в такое время, когда лицам, занимавшим какое-нибудь официальное положение, было гораздо удобнее молчать о короле, чем говорить о нем что-либо лестное. Мнение секретарей о Людвиге — назовем среди них тех, кто пользовался особым расположением короля: Эйзенгарта, Лютца, Мюллера, Циглера (вероятно, автор путает последнего со Шнайдером. — М. З.) — сводится, в общем, к тому, что король, которого обвиняли в жестокости и деспотизме, в сущности говоря, очень нуждался в присутствии понимающего и преданного человека, Раз поверив в чью-либо преданность, Людвиг умел ценить ее (курсив наш. — М. З.), умел привязываться к человеку, вызвавшему это чувство»^{150}.

Как же всё вышесказанное не соответствует тому одиозному образу короля, который уже предстал на страницах мюнхенских газет того

времени! И насколько несправедливо выглядят попытки якобы официальных источников «играть в одни ворота», предоставляя широкое поле деятельности для противников монарха и сознательно замалчивая всё, что противоречило утверждениям о «явной неадекватности, деспотизме и жестокости» баварского короля.

Но справедливости ради нужно отметить еще одно обстоятельство, которое нельзя сбрасывать со счетов и которое наглядно показывает, насколько полуправда бывает страшнее и разрушительнее прямой лжи и клеветы. Ведь, как известно, дыма без огня не бывает. Однако можно по-разному расставить акценты. Постараемся понять ту психологическую составляющую, без которой невозможно создать полный и правдивый портрет исторической личности. Что же послужило реальной основой для слухов и сплетен, так активно муссировавшихся при баварском дворе? Вспомним причины психологического надлома Людвига II. Во-первых, на короля сильно повлияли обстоятельства его разлуки (фактически — разрыва) с Вагнером. Во-вторых, при становлении Второго рейха Людвиг ясно осознал, что полноценным королем в своей стране ему уже никогда не стать — его политическая воля всегда будет зависеть от воли Берлина. В-третьих, даже в самой Баварии с ним как с монархом фактически перестали считаться — показателем для него стал отказ правительства в кредите... Итак, король потерпел поражение от своих подданных.

Для такого самолюбивого человека, каким был Людвиг II (повторим, что льстивое преклонение перед ним нарочито культивировалось его приближенными до самого последнего времени), это явилось роковым ударом. А, как известно, любое действие рождает противодействие. Чем больше король осознавал, что времена абсолютной монархии миновали, что его правление носит скорее номинальный характер, тем острее он ощущал потребность воскресить абсолютную королевскую власть хотя бы в «отдельно взятом дворце». Отсюда берет начало его «мания величия»: непоколебимая вера в божественность королевской власти и непогрешимость самого монарха. Если бы король снизошел до борьбы за свое доброе имя, нашел в себе силы регулярно приезжать в ненавистный Мюнхен и вести более или менее публичную жизнь — словом, уподобился бы другим монархам, присутствовавшим на балах, участвовавшим в выездах и демонстрировавшим себя народу, — это положило бы конец слухам и сплетням, и неизвестно как повернулась бы вся последующая история Баварии.

Но трагедия Людвига II произошла как раз оттого, что он посчитал ниже собственного достоинства идти на поводу у придворной клики и

поступил, если можно так выразиться, согласно одному из основополагающих принципов уголовного права — презумпции невиновности: «Я не обязан доказывать, что невиновен; это вы должны неопровержимо доказать обратное». Вот тут-то его недоброжелатели и принялись усердно «доказывать»! К сожалению, как мы видели, король во многом сам помогал им.

Со временем Людвиг становился всё более раздражительным и подверженным вспышкам гнева, когда какое-либо обстоятельство вступало в конфликт с его убеждениями и идеалами, которым и так уже был нанесен сокрушительный удар. Он всё меньше считался с окружающими. «Тем труднее, — пишет В. Александрова, — стало приближенным уживаться с ним. В последние годы Людвига окружали лишь грубые льстецы, люди совсем неинтеллигентные, без самолюбия и с подозрительной нравственной физиономией»^[151]. Что же удивительного в том, что подобные субъекты, не знакомые с чувством долга, без зазрения совести предали своего государя, когда им стало это выгодно? Кроме того, эти люди были в принципе неспособны на объективность и судили обо всём по самим себе. Отсюда кажущиеся противоречия в оценках Людвига II, зависевших от того, кто их давал: от восторженно-возвышенных, не доходивших до страниц столичных газет и сохранившихся лишь в немногих мемуарах да в сердцах простых баварцев, до уничижительно-отталкивающих, получивших наиболее широкую огласку.

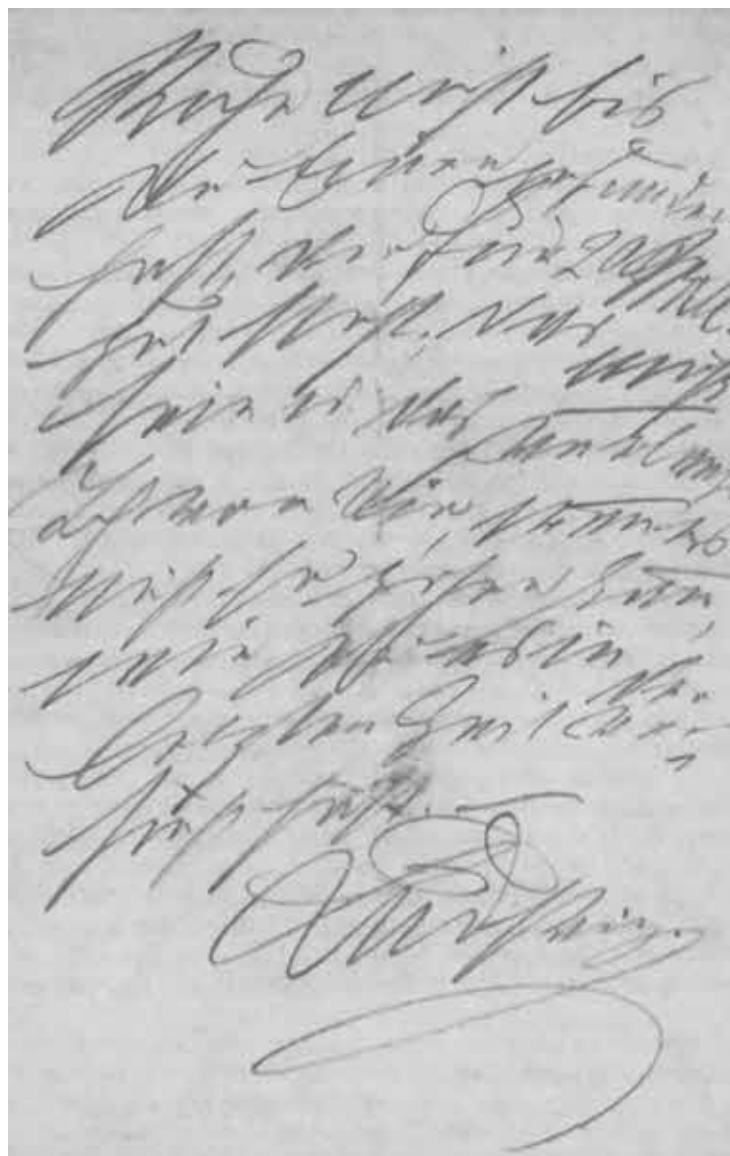
Сам механизм политической клеветы всегда одинаков: все положительные аспекты замалчиваются или извращаются, а малейшая ошибка или просчет раздуваются до вселенских размеров, трактуются как преступления против собственного народа и немедленно тиражируются. При этом достоверность фактов вообще не играет роли: чем больше абсурдных обвинений, тем лучше. Но этим абсурдным обвинениям необходимо придать вид неопровержимой, желательно засекреченной информации, полученной лишь по случайности из первых рук. Другими словами, из мухи делают даже не слона, а гигантского сказочного (во всех смыслах) монстра. Вот тогда механизм политической интриги работает на полную катушку. А уж в эффективности этого механизма сомневаться не приходится — проверено веками.

(Пожалуй, здесь уместно будет вспомнить события российской истории, когда на свергнутого императора Николая II и его семью полилось столько клеветы, воспринимавшейся, кстати, тоже без всякой критики, что на долгие годы в сознании простого человека, не знакомого с историческими документами, укоренился образ «тирана Николая

Кровавого», не имеющий ничего общего с истинным обликом монарха-страстотерпца.)

И наступило время, когда Людвиг совершил фатальную, трагическую ошибку — удалил от себя последнего кабинет-секретаря, верного Александра фон Шнайдера (кстати, его оправдывавшие короля показания были вскоре уничтожены, и этот факт уже говорит сам за себя) и начал отдавать распоряжения через придворного посыльного и камердинера, причем не письменно, а устно.

Какое необозримое поле для клеветы открылось перед врагами Людвига II! И никаких материальных доказательств его невиновности: слово «верных подданных» против слова «сумасшедшего короля». Ну кто же будет верить душевнобольному? Кроме того, такое положение дел, с одной стороны, наглядно показало царедворцам, как «халатно» король относится к своим прямым обязанностям, а с другой — поставило Людвига в прямую зависимость от честности и порядочности тех людей, через которых он отдавал приказы.

Одна из записок короля Карлу Хессельшвердту. Осень 1885 г.

К сожалению, в данном случае о честности и порядочности речь не идет. Мы имеем дело с прямым предательством своего государя, в первую очередь придворным посыльным Карлом Хессельшвертом (Hesselschwert; 1840–1902), к тому времени служившим у Людвига уже 20 лет, и камердинером Лоренцем Майром (Maug). Интересно, что о последнем не сохранилось никаких биографических сведений, кроме факта его трехлетнего пребывания при дворе Людвига II.

Оба, пользуясь близостью к королю, очень скоро стали для газетчиков и правительства неиссякаемым источником пресловутой «информации из первых рук» касательно психического здоровья короля. Были ли они подкуплены членами правительства (например, материальные возможности того же графа фон Хольнштайна позволяли ему в одиночку подкупить хоть десяток королевских слуг; в данном случае есть прямой резон предположить, что именно он профинансировал деятельность предателей) или действовали из каких-либо других своих интересов? Бесспорных документальных свидетельств тому — по крайней мере, доступных исследователям (напомним про закрытые частные архивы и бумаги сомнительного происхождения) — нет.

Почему же тогда, несмотря на презумпцию невиновности, возникают сомнения в честности этих наиболее приближенных к королю людей? Дело в том, что и механизм передачи информации исключительно определенным лицам, и то, что это были за лица — в первую очередь заинтересованные в смене власти члены баварского правительства барон фон Лутц и барон Краффт фон Крайльсхайм, граф фон Хольнштайн и принц Луитпольд — говорят сами за себя.

Итак, доверенные люди короля общаются с самыми главными его врагами. Более того, дают исчерпывающий, чуть ли не ежедневный отчет о том, что король делал, что говорил, чем занимался. Зачем? Очень уж напоминает всё это банальную слежку с ожиданием момента, когда «объект проколется». Впрочем, и этого особо не требуется: если «объект не прокалывается», можно где-то присочинить, где-то исказить факты. Главное, чтобы заказчики были довольны!

Почему мы упорно говорим о политическом заказе? Если бы донесения придворного посыльного и камердинера были *правдивыми*, то они *не противоречили* бы воспоминаниям других приближенных, не замеченных в контактах с правительством а следовательно, заведомо не заинтересованных в подтасовках фактов. Но как раз это мы и видим: с одной стороны, мемуары верных слуг, полностью опровергавших любые попытки сделать из Людвига II умалишенного, в большинстве своем либо вовсе не попадавшие в печать, либо тут же изымавшиеся из обращения; с другой — донесения всего двух человек, рисовавшие прямо противоположную картину и печатавшиеся чуть ли не на первых полосах центральной прессы. Всё это наводит на мысль, что «отчеты» Хессельшверта и Майра носят заказной характер и являются в лучшем случае полуправдой, а в худшем — прямой ложью.

Первую скрипку в криминальном дуэте играл Хессельшверт. Он

представлял на всеобщее обозрение практически все записки короля, даже самые незначительные, в которых тот распекал слуг за халатность или какой-либо проступок. Да, Людвиг порой бывал вспыльчив, но его гнев очень быстро проходил — это отмечают все близкие ему люди. Более того, король заглаживал свою вину, делая «пострадавшим» щедрые подарки. Но записки оставались... При желании их можно было использовать в качестве компромата — как прямое доказательство «болезненной гневливости», неадекватности и т. п.

В связи с этим необходимо коснуться содержания тех писем Людвига Хессельшверту, которые только в 1999 году всплыли на аукционе и попали в руки исследователя Роберта Хольцшу (Holzschuh)^[116]. Дело в том, что правнучка Хессельшверта, уничтожив большую часть корреспонденции (опять же возникают вопросы, что именно уничтожила и зачем), всё же сохранила 27 писем, впоследствии признанных историками подлинными. Именно их и опубликовал Хольцшу в книге «Потерянный рай Людвига II: Личная трагедия сказочного короля» («Das verlorene Paradies Ludwigs II. Die persönliche Tragödie des Märchenkönigs»)^[152]. Именно они стали дополнительным «доказательством» для сторонников теории гомосексуальности короля. Мало кто принял во внимание, что Хольцшу при анализе текста совершил ту же весьма распространенную ошибку, о которой мы уже говорили, рассматривая особенности эпистолярного стиля Людвига II: он трактовал тексты писем с позиций сегодняшнего дня, не беря во внимание психологию человека XIX века. При беспристрастном же прочтении этих писем утверждение Хольцшу о гомосексуальности Людвига II не выдерживает критики. В корреспонденции, в частности, оговариваются обязательные критерии отбора кандидатов на королевскую службу, обсуждаются подарки для слуг, длина бород персонала и т. п. И вполне естественным представляется желание короля увидеть фотографию претендента на должность при дворе, прежде чем решить, брать ли его на работу.

Еще одним доказательством нетрадиционной сексуальной ориентации короля историк считает содержащуюся в письмах информацию, что он заказывал для своей приватной коллекции изображения людей, отличающихся физической красотой. Но в подобных заказах опять-таки нет ничего противоестественного. Здесь может идти речь лишь об эстетизме, свойственном, кстати, не только Людвигу. К примеру, Елизавета Австрийская имела целый альбом с фотографиями красавиц своего времени. И она, и Людвиг были истинными поклонниками и ценителями

красоты в любых ее проявлениях, будь то произведение искусства или привлекательная внешность.

Этот пример мы привели, чтобы наглядно продемонстрировать, какой разрушительной силой могли в умелых руках стать письма и записки короля, трактуемые в угоду его врагам; насколько, повторяем, полуправда бывает опаснее лжи.

А ведь на основании именно таких и подобных им «показаний» выносился вердикт о невменяемости короля, и именно они стали «первоисточниками» для последующих биографов Людвига II. Ведь противоположных данных было крайне мало или же им просто не находилось места на страницах светской хроники. Доступ же к официальным документам частично закрыт до сих пор. При этом весьма показателен тот факт, что материалы уже упоминаемого нами частного архива Дома Виттельсбахов, относящиеся к Людвигу II (Geheimes Hausarchiv, Kabinettsakten Ludwig II), выдаются исключительно по разрешению главы Дома и исключительно выборочно: доступны те, что подтверждают официальную версию — сумасшествие, самоубийство и т. д., в частности «отчеты» и письма тех же Хессельшверта и Майра. Но большая часть документов — под замком.

Что в них? Неизвестно. Такая выборочность как раз и дает в первую очередь основу для сомнений; право, было бы логичнее вообще никого не допускать в архив, мотивируя отказ «охраной частной собственности».

То, что архив Дома Виттельсбахов, можно сказать, засекречен, в принципе понятно. И причина тому — вовсе не трепетное отношение к «тайне частной жизни больного монарха». По этой логике необходимо было бы скрывать как раз те документы, которые находятся в открытом доступе! Вряд ли в архивах содержится что-либо более компрометирующее Людвига, чем та грязь, что была выплеснута на него в то время, когда его объявляли сумасшедшим. Но *правительству Луитпольда необходима была видимость легитимности*, а любой факт, противоречащий официальной версии событий, наносил бы этой легитимности непоправимый ущерб. Лучше уж неподтвержденные слухи, чем прямые улики, свидетельствующие об узурпации трона. Да и современные Виттельсбахи, являясь потомками именно Луитпольда, до сих пор не стремятся хоть в какой-то степени реабилитировать память несчастного короля: ведь тогда пришлось бы признать, что они сами — наследники узурпатора.

Но вернемся к тогдашним печальным событиям. Итак, правительство Баварии твердо решило возвести на трон своего ставленника принца Луитпольда, *не выходя за рамки законности*. Для этого, не опускаясь до

убийства, оно посчитало наиболее оптимальным признать короля недееспособным, что давало возможность автоматически отдать власть регенту. Нужно было подготовить почву для окончательного вердикта, чтобы избежать народных волнений. И для этого был запущен упомянутый выше механизм политической клеветы. На основании «свидетельств» Хессельшверта и Майра был составлен первый «обвинительный акт», согласно которому Людвиг II объявлялся недееспособным.

Весьма показательным является тот факт, что королевский лейб-медик Макс Йозеф Шляйс фон Лёвенфельд (Schleiß von Löwenfeld; 1809–1897), весьма уважаемый и авторитетный специалист, автор многих трудов по медицине, знавший короля с детства и служивший еще при дворе его деда и отца, не признавал наличия у Людвига II психического заболевания даже в самый момент его отстранения от власти. 10 июня 1886 года он телеграфировал в мюнхенскую газету *Allgemeine Zeitung*: «Поправка: существование тяжких страданий, которые Его Величеству Людвигу II постоянно препятствуют осуществлять управление, *вовсе не неоспоримо* (курсив наш. — М. З.)»^{[153](#)}. Шляйс фон Лёвенфельд отказался подписать медицинское заключение, на основании которого короля признали недееспособным. Другой врач, не менее известный в медицинских кругах Франц Ксавьер фон Гитль (Gietl; 1803–1888), также отказался ставить свою подпись под позорным актом.

Более того, достаточно внимательно рассмотреть фотографии короля тех лет, сделанные его придворным фотографом Йозефом Альбертом, чтобы убедиться: на этих портретах нет ни тени душевной болезни, которая часто накладывает на внешний облик больного неизгладимый отпечаток (кстати, напомним, что внешность принца Отто кардинально изменилась после 1872 года).

Но врагам короля нужно было действовать, и действовать быстро! После отказа Лёвенфельда и Гитля правительственные круги обратились к тогдашнему светилу психиатрии Бернхарду Алоизу фон Гуддену...

Настало время поближе познакомиться с главным обвинителем по «делу Людвига», впоследствии разделившим с ним судьбу. Известный немецкий психиатр, анатом и физиолог уже несколько десятилетий являлся непререкаемым авторитетом в своей области. С 1869 года он возглавлял кафедру психиатрии в Цюрихском университете, а в 1872 году, переехав в Мюнхен, стал главой Баварского института психиатрии. Научная деятельность Гуддена, помимо психиатрии, касалась области анатомии и физиологии головного мозга. К моменту описываемых событий он опубликовал много серьезных научных работ, успешно сочетал теорию с

практикой и был ведущим психиатром Германии.

Остается открытым вопрос: что же заставило такого уважаемого и авторитетного ученого поступиться своим добрым именем и оказаться участником столь сомнительного предприятия? Ведь будучи практикующим и опытным врачом, Гудден, как никто, должен был знать, что диагноз не может быть поставлен заочно. Врач обязан лично наблюдать и неоднократно беседовать с пациентом и лишь на основании этих контактов делать окончательные выводы. В данном случае мы имеем дело с вопиющим нарушением одного из основных законов медицины: Гудден вынес свой вердикт, основываясь только на словах третьих лиц, не утруждая себя проверкой подлинности фактов. Причем вынес его еще до объявления ультиматума Людвигу II о немедленном возвращении в Мюнхен. Известно, что Лутц и Краффт фон Крайльсхайм еще 23 марта 1886 года встретились с Гудденом и заручились его согласием признать короля душевнобольным.

И всё же вряд ли почтенный профессор действовал по злему умыслу. Ведь если исходить из принципа «ищите, кому выгодно», приходится признать, что, признавая короля душевнобольным, Гудден ничего не выигрывал. Может быть, лишь самолюбию врача льстил тот факт, что его пациентом становилась коронованная особа. Хотя и в этом смысле его амбиции к тому времени уже были частично удовлетворены: именно Гудден официально являлся лечащим врачом кронпринца Отто. А может, психиатр исходил из чисто научного интереса: ему был предоставлен уникальный случай наблюдать в «стационарном режиме» личность, которая еще совсем недавно была облечена высшей властью. О подобном «подопытном материале» любой практикующий ученый мог только мечтать.

В любом случае, скорее всего, «преступление» Гуддена состоит лишь в том, что он принял на веру те «документы», которые ему показали лица, в правдивости которых он не сомневался ни на мгновение. Как можно было не поверить, скажем, другу детства короля графу фон Хольнштайну, воспитанному при дворе и, несмотря ни на что, в глазах царедворцев продолжавшему оставаться самым близким и доверенным лицом Людвига II, или принцу Луитпольду, имевшему репутацию чуть ли не самого порядочного человека в Баварии? Гуддену просто не пришло в голову не доверять людям, основной задачей которых, по их же словам и «согласно занимаемым должностям», была забота о благополучии родной страны. Гудден исходил из высших интересов, считая, что тоже действует во благо Баварии, а может (как знать?), и всей Германии.

Профессор фатально ошибся и заплатил за свой промах страшную цену. Он стал таким же заложником событий, как и главные исполнители заговора, и не только запятнал свою дотоле безупречную репутацию врача, но и перечеркнул прошлые заслуги, оставшись в истории не как ученый с мировым именем (каким он был в действительности), а лишь как мелкий заговорщик (которым он, скорее всего, не являлся). И даже холодные волны Штарнбергского озера, в которых Гудден нашел свою искупительную кончину, не смыли с памяти о нем греха предательства. Таким образом, главный обвинитель сам стал такой же трагической жертвой, как и тот, кого он помог лишить престола...

Как бы то ни было, на основании свидетельств «очевидцев» профессор Гудден составил пресловутый «обвинительный акт», ставший главным козырем в руках врагов Людвига II. Чтобы не быть голословными, упорно утверждая, что этот документ появился на свет благодаря умелой подтасовке фактов, приведем еще несколько примеров, наглядно показывающих, какими методами действовали враги монарха.

По мнению многих ближайших слуг Людвига II, чьи высказывания собраны в книге О. Герольда «Последние дни короля Людвига II: Воспоминания свидетелей» (*Gerold O. (Hrsg.) Die letzten Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903*), кабинет-секретарь короля Шнайдер «положительно отвергал болезнь короля, говоря лишь о «чуткости нервов, не выносивших грубого прикосновения». С. И. Лаврентьева цитирует: «Вспышки же его гнева и неудовольствия относились к состоянию его здоровья, так как, при своем геркулесовом сложении, король иногда страдал головными и зубными болями, а также и желудочными, почему он был очень умерен в еде и питье. Вина он пил очень мало, только за большими обедами пил шампанское, чтобы придать себе более оживления; пива совсем не переносил. Циглер (имеется в виду Шнайдер. — М. З.) до последнего дня подолгу беседовал с королем и с энтузиазмом говорил о нем, прославляя его высокий образ мыслей, его стойкость в опровержении всякой несправедливости, его собственную справедливость. «С ним невозможно было интриговать против кого-нибудь, — говорил он, — он сейчас ловил и выводил человека на чистую воду!»^[154]. Так же остро Людвиг чувствовал, что над его головой сгущаются тучи, вот только не сумел противостоять своим врагам...

А вот еще одна цитата из книги с весьма показательным названием «*Endlich völlige Klarheit über den Tod des König Ludwig II*» («Окончательная и полная ясность относительно смерти короля Людвига II»), вышедшей ограниченным тиражом в Лейпциге почти сразу после смерти короля и

представляющей собой еще один сборник воспоминаний наиболее близких к нему слуг. «Просмотрев тот обвинительный акт, — вспоминает ближайший к Людовику служитель (к сожалению, С. И. Лаврентьева, по чьей книге мы цитируем этот труд, не называет его имени. — М. З.), — который подписали такие известные доктора, как Гудден и другие^[117], конечно, можно признать короля душевнобольным. Но дело в том, что доктора подписали его, основываясь на донесении пары слуг (Хессельверта и Майра. — М. З.), не опросив других, постоянно при нем находившихся, которые не замечали ничего изложенного в акте. После смерти короля, когда газеты кричали обо всех подробностях акта, мы, впервые с ним ознакомься, увидели всю ложность изложенных в нем фактов, на что я могу указать тотчас же. Никто из нас не видал, чтобы король преклонялся перед статуей Людовика XIV и заставлял своих слуг делать то же. Также ложен рассказ о том, что каждый день обеденный стол короля накрывали на 12 приборов для тех видимых только королем гостей, с которыми он будто бы громко беседовал, начиная с того, что за тем столом, за которым обыкновенно обедал король, не могло бы и поместиться столько приборов. (У любого посетителя замков Людвига есть возможность лично убедиться в правдивости этих слов: все обеденные столы короля довольно небольших размеров. — М. З.) Рассказывали, будто король последнее время, «как все сумасшедшие», был неопрятен за едой, ел всё руками и пр. Я же могу засвидетельствовать, что после каждого кушанья ему непременно, как и прежде, меняли приборы. Я никогда не видел тех ширм, через которые будто бы король разговаривал со своим секретарем. Рассказывая о его мнимых жестокостях в последнее время с прислугой (в своих вымыслах доходили до того, будто король, рассердившись на двух слуг, приказал их казнить, что и было тотчас же исполнено; делая из него не конституционного правителя, а всевластного падишаха!), приводили, между прочим, случай, как он, в порыве гнева выталкивая из комнаты молодого служителя, так придавил его дверью, что тот вскоре умер. Я спрашивал о том даже отца этого служителя, который сказал, что ничего подобного и не было; то же подтвердил другой служитель, про которого говорили, что он подвергся страшному гневу короля за то, что не выпустил из комнаты ту птицу, которую будто бы в своих галлюцинациях видел король. Наконец, рассказ о маске, в которой король будто бы приказал ходить Майру, тоже извращен. Дело было так. Майр, случайно попав на службу к королю, сначала ему не понравился и не был в милости, так что даже, не желая с ним много разговаривать, король отдавал ему приказания письменные, которые Майр должен был, исполнив, разрывать, что он не

делал, как бы накапливая материалы, которые должны были ему пригодиться в будущем. Он и Хессельшверт давно уже были в непрерывных сношениях с враждебными королю кружками. Майр всячески старался втереться в доверенность короля, в чем и успел. Раз король, рассердившись на него за что-то, сказал ему: «Убирайся прочь! И чтоб я не видел больше твоей физиономии!» На другой день Майр является к королю в маске, объяснив это нежеланием короля видеть его физиономию. Гнев короля мгновенно прошел, он рассмеялся и приказал только ему в наказание целый год являться к нему в маске; но с тех пор стал к нему милостивее относиться, а Майр употребил это во зло. <...> Я не буду тут приводить всех пунктов обвинительного акта, где даже ночные поездки короля в горы толковались тем, что он при этом воображал себя горным духом; но все эти вымыслы ничто перед нелепым обвинением Людвига в желании «*продать*» Баварию за 40 миллионов графу Парижскому, а на вырученные деньги удалиться «куда-нибудь, где он создаст новое государство и будет строить новые дворцы — по одной версии — даже с золотыми полами и бирюзовыми в них вставками!»^{155}.

В связи с последним «пунктом обвинения», естественно, тут же попавшим в печать, представляет особый интерес реакция французской прессы. 19 июня 1886 года газета «Журналь де Деба» («Journal des Döbats») решительно заявила: «Вся эта история не что иное, как махинация, изобретенная баварскими политиками, заинтересованными в том, чтобы очернить память покойного короля, и находящими удобным обвинить его в желании изменить немецкому отечеству»^{156}. (Вспомним, как во времена Первой мировой войны политиканы обвиняли императрицу Александру Федоровну в том, что она якобы является немецкой шпионкой. Сделать представителя верховной власти главным изменником своей страны — пожалуй, высший пилотаж политической интриги: на простой народ это действует безотказно.)

Самое интересное, что эта интрига имела основанием реальное желание короля сделать частный заем для окончания строительства замка Херренкимзее. Когда Людвиг получил от баварского правительства официальный отказ финансировать это предприятие, он поручил Хессельшверту от его имени сделать заем за границей. Хессельшверт воспользовался еще одной возможностью очернить короля в глазах подданных — он представил правительству целую «тайную» переписку Людвига II с принцами Орлеанского дома. Причем ни на одном из писем не было собственноручной подписи короля; более того, не было ни одного

доказательства, что данная переписка вообще велась с согласия или даже с ведома Людвига! Приведем для примера всего одну выдержку из письма, датированного 11 мая 1886 года: «Скажите ему (Циглеру. — М. З.), что строительство — главная радость в моей жизни и из-за этого позорного промедления я совершенно несчастен и подумываю об отречении и самоубийстве. Чтобы избавиться от этого состояния, я не должен больше медлить со строительством. Если он всё это устроит, то буквально вернет меня к жизни... Мое счастье зависит от этого»^{157}. Обратим особое внимание на нарочитое педалирование темы «самоубийства и отречения». После трагической гибели короля версия о давно задуманном им самоубийстве стала официальной. Ниже мы рассмотрим более подробно, насколько она правдоподобна, а пока скажем лишь, что, скорее всего, эти письма были написаны самим Хессельшвертом. Кстати, после передачи в правительство «обличительных» писем, которые, естественно, были приобщены к делу по обвинению Людвига II, Хессельшверт больше не вернулся на службу к королю, оставшись в Мюнхене. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». При этом Майр, изображая беззаветную преданность Людвигу II, остался при нем до самого конца позорного спектакля, постоянно получая от «режиссеров» из Мюнхена подробные инструкции к своей роли.

В заключение беглого обзора «пунктов обвинительного заключения» отметим еще один немаловажный момент — отношения Людвига II со слугами. И в противовес обвинениям в несусветных жестокостях по отношению к ним приведем показательный отрывок из воспоминаний очевидца: «Насколько приветлив и ласков был Людвиг II с крестьянами и горцами, настолько же он был снисходителен и добр с прислугой, часто делая сам то, что мог бы приказать: «чтобы лишний раз ее не тревожить». «Вся прислуга обожала его, — говорил мне один из служивших при Людвиге, — и это ложь, что рассказывали, будто он под конец был с нею жесток. Этого никто не может сказать; это всё выдумки его врагов!» «А сколько он давал работы при постройке своих замков! — говорят другие. — И как был ласков с рабочими и щедр при расплатах!» Людвиг устраивал для народа выставки по сельскому хозяйству: «чтобы возбудить в них самосознание, поднять общественную честь и указать им их призвание». Устраивал он для них и общественные мастерские»^{158}. Как говорится, комментарии излишни.

Теперь мы видим, как действовали враги несчастного короля и какова цена тем обвинениям, которые до сих пор кочуют из книги в книгу. Мы

сознательно не перечисляем все «грехи» короля, поставленные ему в вину и легшие в основу известного в России труда профессора П. И. Ковалевского, о котором мы ниже поговорим более подробно. Откройте любую биографическую статью, и найдете полный перечень: и «разговоры с деревьями», и «приглашения на обед Людовика XIV и Марии Антуанетты», и «продажи Баварии», и «издевательства над слугами», и т. д. и т. п... Грустно, что до сих пор никто не подверг даже не проверке, а хотя бы сомнению достоверность этих «фактов», опираясь на свидетельства об обратном. Сплетни лишь многократно тиражируются, закрепляя за Людвигом II славу «безумного короля». Да и тогда, во времена Людвига, «свидетельства» двух предателей заглушили все голоса в защиту короля, которых было гораздо больше. Вот что значит «административный ресурс»!

Но вернемся к трагическим событиям лета 1886 года, которые уже набрали обороты.

Седьмого июня председатель Совета министров барон фон Лутц, министр иностранных дел и королевского двора барон Краффт фон Крайльсхайм и принц Луитпольд впервые публично и недвусмысленно высказали мнение, что у короля обнаружены явные признаки тяжелого психического расстройства, и потребовали его медицинского освидетельствования.

1,
Ärztliches Gutachten.
über den Geisteszustand Seiner Majestät
des Königs Ludwig II. von Bayern.
Es erscheint, es für die Angehörigen
des Königs ist, an die Entscheidung der geistigen
Zustände Seiner Majestät das König-
liche Gutachten, das uns in dem folgenden
Beschluss folgen lassen wird, ausfallen lassen
unter Berücksichtigung der Befehle auf den
von ihm geleisteten für die Seiner
Majestätlichkeit soll können bewiesen,
nach Pflicht und Gewissen das verordnete
Gutachten, welches wir bezeugen, das wir
geistliche Untersuchung Seiner Majestät
nach unserer Überzeugung ansetzen über
flüchtig sein wird, hauptsächlich, das dem
vorliegenden Gutachten nicht mehr auf
nicht notwendig war.
Zunächst darf an die Angehörigen,
sich erinnern werden, das wir in der
Seiner Majestät des Königs Gutachten
Königlichen Gutachten eine lange Reihe
Lassen (das zum folgenden Gutachten) an dem
festen Gutachten nicht ist.

Первая страница медицинского заключения о признании короля Людвига II недееспособным. 8 июня 1886 г.

Уже к девяти часам утра 8 июня у членов правительства был документ, подписанный светилами психиатрии (Гудден и К⁰):

«Сим нижеподписавшиеся врачи подводят итог своему совещанию и, ссылаясь на уже приведенные в представленном материале различные факты, приходят единогласно,

безоговорочно и окончательно к следующим выводам:

1. Его Величество находится в далеко зашедшей степени душевной болезни, а именно мании величия, и страдает от формы психического заболевания, которое обозначается психиатрами как паранойя (безумие).

2. При существующей форме заболевания его уровень, прогрессирующее развитие, а также длительный срок — болезнь развивается уже в течение ряда лет — Его Величество необходимо объявлять неизлечимо больным, а также утверждать, что упадок умственных способностей продолжится.

3. Болезнь полностью исключает свободное рациональное волеизъявление Его Величества, мания величия препятствует исполнению его правительственных функций и не может быть купирована в течение одного года (напомним, что по конституции Баварии король лишь в течение этого срока имел право не появляться в Мюнхенской резиденции. — М. 3.), а сохранится на всю жизнь.

Мюнхен, 8 июня 1886.

Фон Гудден, королевский старший медицинский советник

Д-р Хаген, королевский придворный советник

Д-р Грашей, королевский профессор университета

Д-р Хубрих, королевский директор»^{[159](#)}.

Следующим шагом правительства стало ознакомление с этим документом короля и помещение его под постоянное медицинское наблюдение — по сути, арест. Людвиг II находился тогда в Нойшванштайне и даже не предполагал, что дело зашло настолько далеко. Представим подробную хронологию тех печальных событий. Для достоверности вновь обратимся к свидетельствам очевидцев, собранным в книге О. Герольда^{[160](#)}, в которых всё, происходившее в то время в замке Нойшванштайн, изложено обстоятельно и подробно. Пожалуй, более полного и, главное, *правдивого* отчета не найти, поэтому, учитывая его несомненную историческую ценность, позволим себе привести его целиком.

«9 июня 1886 г. вечером в Хоэншвангау приехали министры и врачи, составляющие депутацию (прозванную позже «позорной»)^[118], и хотели ночью захватить короля, жившего в замке Нойшванштайн, и увезти его в замок Линдерхоф. Приехавшие министры очень комфортабельно расположились, заказав себе роскошный ужин с десятью бутылками шампанского и 50-ю пива, что совсем не согласовалось с их грустной миссией... Я видел меню ужина под королевской короной, с надписью: «Souper de sa Majestö le roi»^[119]. На обороте меню был набросан карандашом план замка Линдерхоф и обозначена комната, которая будет темницей короля. Циглер рассказывал, что министр Лутц отсоветовал Гольштейну (Хольнштайну. — М. З.) вступать в комиссию, но что тот холодно ответил: *«Я давно искал хорошего случая, чтобы укрепить за собой положение министра»* (курсив наш; обратим на это утверждение особое внимание. — М. З.). Люди, вступившие в «позорную» комиссию, крепко надеялись на то вознаграждение, что им обеспечит новый правитель Баварии, принц-регент, — в чем и не ошиблись! Итак, ухватившись за случай «укрепить за собой положение министра», Гольштейн в тот же вечер идет на конюшню; увидев, что кучер prepares экипаж для обыкновенной ночной прогулки короля, он сказал, что этого не нужно, что теперь распоряжается не король, а принц Луитпольд и что у него есть другой экипаж для короля и с другим кучером. Этот экипаж был простое ландо, которое снаружи запиралось крепкими ремнями; такие же ремни, в виде кандалов для ног, были и внутри кареты. (В Мюнхене старались распространить слухи, что король бесноватый!..) Узнав о том, кучер Остергольц тотчас оседлал лошадь и поскакал в Нойшванштайн, чтобы предупредить короля об опасности. Король не поверил. «Если б была опасность, Карл написал бы мне о том!» — заметил он, не зная о предательстве Гессельшверта (Хессельшверта. — М. З.), оставшегося в Мюнхене»^[161].

Здесь позволим себе прерваться, чтобы процитировать не менее важный документ — последнее письмо, отправленное Людвигом II своему кузену и другу Людвигу Фердинанду^[120]:

«Дорогой кузен!

Прости за плохой почерк, пишу в большой спешке. Только представь, сегодня случилось неслыханное! Сегодня ночью прибежал человек из конюшни и сообщил, что несколько людей (в том числе — страшно сказать!) министр и один из моих

придворных, прибыли в полной тишине, приказали заложить мою карету и лошадей (из верхнего замка) за моей спиной, чтобы забрать меня и заставить ехать в Линдерброф, чтобы там, очевидно, держать меня под стражей и Бог знает что еще делать, чтобы добиться моего отречения. Позорный заговор! Кто может стоять за таким преступлением? Вероятно, принц Луитпольд. Жандармы и пожарная охрана смело противостояли и сорвали это. Позорные мятежники были арестованы. Держи это всё, пожалуйста, пока при себе. Как такое может быть возможно! Пожалуйста, узнай сам и через других надежных людей! Ты бы мог подумать только, что подобное возможно? Уже давно я писал тебе, что намеренно распространяются слухи обо мне (якобы больном); это не является правдой. Это слишком плохо. Должен пролиться свет в эту бездну злобы! С непоколебимым доверием и искренней любовью

твой верный кузен Людвиг

Хоэншвангау, 10 июня 1886».

К письму сделана приписка карандашом: «Эти злобные подонки напали ночью и хотели меня захватить!!!»^[121]

Данное письмо было впервые обнародовано полностью лишь в 2016 году благодаря известному баварскому политику Петеру Гаувайлеру (Gauweiler), занимающемуся также исследованием биографии Людвига II. По словам Гаувайлера, этот документ невероятно важен, поскольку, во-первых, доказывает, что Людвиг полностью осознавал опасность, с которой столкнулся; во-вторых, наглядно демонстрирует ясность мышления и адекватность короля даже в последние дни жизни, что многими историками отрицалось. Интересно отметить, что отрывок из этого письма уже был опубликован в книге известного немецкого психиатра Хайнца Хефнера «Король будет удален: Людвиг II Баварский» (*Häfner H. Ein König wird beseitigt. Ludwig II von Bayern. München, 2008*). Тогда исследователи не обратили на него особого внимания. Между тем Хефнер, несмотря на то, что опирался на выводы, представленные в упоминавшейся нами книге Роберта Хольцшу, тем не менее на профессиональном уровне решительно опровергает безумие короля. Теперь же, опубликованное полностью, письмо наделало в Баварии много шума и заставило пересмотреть оценку психического состояния Людвига II. Данное обстоятельство важно помнить

при ознакомлении с дальнейшими событиями рокового июня 1886 года.

Обратимся снова к свидетельствам очевидцев:

«Между тем весть о прибытии депутации разнеслась в народе и возмутила всех вероломством против любимого короля, за которого народ готов был положить жизнь. Тотчас же пронеслась молва о Бисмарке. Из Фюссена сбежался народ, и прискакали жандармы. Когда члены комиссии на рассвете прибыли к замку, жандармы их не пустили, несмотря на то, что они представили бумагу о свободном доступе. Вахмистр ответил, что для них существует один приказ — короля; а когда они хотели войти в замок силой, то добавил: «Ни шагу вперед; я велю стрелять!» Прождав добрых полчаса, депутаты ни с чем уезжают. Кральсгейм (Краффт фон Крайльсхайм. — М. З.) дает в Мюнхен телеграмму: «Ничего не удалось. Необходимы прокламация и назначение регентства».

Между тем король, пожелав узнать имена членов комиссии, отдает приказ их арестовать и привести в замок Нойшванштайн, что и исполняет окружной начальник Фюссена — Зонтаг. Когда арестованных вели по улицам к замку, жандармы должны были их защищать от ярости народной; так велико было возбуждение против этих врагов обожаемого короля. Много пришлось им услышать от народа далеко не лестного! «Смотри! — кричала одна женщина, поднимая свою семилетнюю дочь, — когда ты вырастишь большая, то можешь сказать, что ты видела изменников!» Другие изъявляли желание бросить всех этих господ, в особенности Гуддена, в Пёллатшлюхт^[122]. Граф Гольштейн старался казаться равнодушным и когда уже был в замке, то нарочно громко закричал из окна: «Я всё же хочу позавтракать!» — что вызвало замечание услышавшего эти слова короля: «Может быть, эти господа хотят, чтобы я поднес им по стакану вина?» Но гнев короля прошел так же быстро, как всегда; и, забыв все свои жесткие слова, он в 12 часов приказал пленников освободить; так что они пробыли в заключении всего три часа. (Как же этот рассказ не согласуется с баснями о необузданном гневе, приказах бросить в подвал и, того хлеще, выколоть глаза членам комиссии, заморить их голодом и т. д., которыми нас потчевало официальное «людвиговедение»! — М. З.) Освободившись, эти господа, во избежание неприятной встречи с народом, постарались как можно незаметнее, без шума, задними ходами оставить замок и, избегая людных улиц, сами протащили свой ручной багаж до ожидавших их экипажей. Граф Гольштейн, желая соединить приятное с полезным, как большой любитель охоты и рыбной ловли, думал, благодаря своей миссии, провести время в Хоэншвангау; но теперь никто из этих господ и не подумал бы остаться в этих местах! Они не

смели даже нигде порядком отдохнуть, пока не достигли границ Хоэншвангау. Сильно трусил за свою жизнь и безопасность доктор Гудден, упрасывая Зонтага проводить его до ворот Фюссена, что тот и исполнил. Затем разнесся слух, что король хочет ехать в Мюнхен, и это было бы самым желательным для всех! Одного его появления среди обожавшего его народа было бы достаточно, чтобы произвести большой триумф и разрушить козни его врагов! Но он скоро отменил это решение. Полагают, что, давно не бывав в Мюнхене и зная теперь, как действуют его враги, он мог предположить, что мюнхенцы встретят его враждебно, и он не хотел подвергать свою гордость унижению. Он только телеграфировал графу Дюркгейму (Дюркхайму. — М. З.). «Этот мне предан!» — сказал король»^{162}.

Позволим себе еще одно отступление от текста документа. Необходимо отметить, что единственное справедливое обвинение Людвига — в том, что он не был в своей столице более года, тем самым превысив установленный баварской конституцией максимальный срок отсутствия в Мюнхенской королевской резиденции, — в «обвинительном акте» Гуддена и К° как раз и не фигурировало!

Нельзя обойти молчанием упомянутого графа фон Дюркхайма. Альфред Карл Николаус Александр Экбрехт фон Дюркхайм-Монмартен (Dürckheim-Monmartin; 1850–1912) — представитель одного из знатнейших родов Баварии. В 1870 году он начал военную карьеру юнкером; спустя четыре года был произведен в обер-лейтенанты и состоял адъютантом кронпринца Отто; с 1878-го являлся гофмаршалом принца Арнульфа (1852–1907), младшего сына принца Луитпольда. В 1883 году Дюркхайм был произведен в капитаны и тогда же стал адъютантом и другом Людвига II, фактически заменив опального графа фон Хольнштайна. Дюркхайм — один из немногих людей, кто мог по праву назвать себя последним истинным другом несчастного монарха. Честнейший и благороднейший человек, он никогда не использовал безграничное доверие к нему короля в корыстных целях. Граф оказывал самое благотворное влияние на Людвига и был едва ли не единственным человеком, от которого король спокойно сносил критику в свой адрес и даже старался следовать его советам. После объявления регентства Дюркхайм пытался до последнего помочь Людвигу избежать трагической участи. Считается, что за свою преданность граф поплатился карьерой. Действительно, он по возвращении в Мюнхен был арестован и провел в тюрьме десять часов, а затем освобожден и направлен в 5-й пехотный полк. В 1890 году Дюркхайм получил чин майора и продолжил военную карьеру уже без своего короля...

Для лучшей характеристики не только этого достойнейшего человека, но и самого Людвига II приведем отрывок из воспоминаний дочери графа, баронессы Марии Ольги фон Мальсен-Дюркхайм:

«К сожалению, мой отец очень мало говорил о временах глубокоуважаемого короля. <...> К сожалению, смерть настигла моего отца неожиданно, в 62 года. Мой отец часто рассказывал о Людвиге II, каким свободным и счастливым был он в своих горах. Особенно охотно упоминал о вечерах с королем в хижине на Тегельберге (охотничий домик в горах, в окрестностях Нойшванштайна. — М. З.), где Людвиг множество раз выказывал свою глубокую любовь к природе словами: «Насколько прекрасна природа! Она никогда не разочаровывает, в отличие от людей». Мой отец всегда удивлялся ясному *политическому видению* (здесь и далее в приводимом фрагменте курсив наш. — М. З.), а также богатым литературным познаниям короля. Людвиг II, имевший бесконечное духовное богатство, из-за полного непонимания окружающих был изгнан в уединение. Мой отец *никогда не замечал странных особенностей характера*, часто он *энергично оспаривал тот факт, что слуги носили маски перед королем*.

Отец поведал мне об интересном случае. Известно, что иногда Людвиг II поручал людям, одному из своих слуг, фурьеру или секретарю, чтобы те ехали к известным личностям, дабы занять деньги для строительства, в которых государство начало отказывать королю. Некоторые из господ брали себе для таких заказов «командировочные» и возвращались по прошествии некоторого времени к королю с пустыми руками. После чего, разумеется, выражали королю свое сожаление о том, что визит был совершенно безуспешным. Однажды король дал и моему отцу похожее задание. Но мой отец объяснил королю со всем почтением, что такой приказ не стоит отдавать, он может только повредить королевской репутации. Людвиг поблагодарил моего отца за это искреннее заявление и немедленно отказался от этого дела. *Ясные и открытые соображения, высказанные в правильной форме, всегда находили понимание у короля*».

О последних днях короля в Нойшванштайне баронесса рассказывает:

«Да, верно, что мой отец приложил все силы, чтобы освободить Людвига II. Сначала он пытался убедить короля ехать с ним в столицу, в Мюнхен, и даже созвать там народ на его сторону. Король подписал призыв, манифест баварскому народу, согласно которому он, король, верен своему народу, что его ошибочно считают безумным, и приказал отцу этот манифест разослать. Через некоторое время этот призыв был, как известно, конфискован и больше не мог быть опубликован. Причиной, по которой

король тогда не последовал просьбе моего отца, был, вероятно, тот факт, что Людвигу не доставало необходимой энергии. <...> Если бы вокруг него было бы больше таких людей, как мой отец, всё было бы по-другому. О *самоубийственных намерениях* в эти последние роковые часы Людвиг II ничего моему отцу *не говорил*.

Когда король не смог решиться на поездку в Мюнхен, мой отец предложил ему план побега через границу в Ройтте, в соседнюю Австрию. Всё было подготовлено для этого. Почему король уклонился от этого выхода — об этом мой отец никогда не говорил.

Я оспариваю заявление, что король был душевнобольным, после рассказов моего отца: его жизнь можно описать, как «комплекс одиночества», можно назвать некоторые причуды характера, но больным король не был! У него была только широкая душа, которая в конечном итоге всеми была отвергнута. Просто он был одиночкой»^{[123][163]}.

Вернемся к свидетельству очевидца, тем более что следующий эпизод посвящен тому же графу Дюркхайму:

«Граф Дуркгейм-Монмартен был прежде адъютантом у принца Арнульфа. В 1880 году он женился на русской, графине Бобринской. Принц стал ухаживать за молодой графиней, и граф Дуркгейм раз перехватил любовную записку принца к его жене. Дело грозило кончиться дуэлью; но жена графа и его сестра бросились за помощью к королю, который устроил дело миролюбиво, а графа взял к себе во флигель-адъютанты (описываемые события происходили в 1883 году. — М. З.).

Граф был тоже за то, чтобы король ехал в Мюнхен; тем более что еще раньше, обратившись за советом к Бисмарку, он получил от него ответ, в котором Бисмарк советовал королю ехать в Мюнхен самому «*защищать свое дело*». Бисмарк бил наверняка, зная, что Людвиг, при своей гордости, не поехал бы в Мюнхен именно для «этого дела», являясь как бы в качестве *подсудимого* перед своими судьями! А Бисмарк между тем не переставал разглашать кругом: «Если король не поедет в Мюнхен, то тем докажет, что он сумасшедший!» (Обвинения в адрес Бисмарка беспочвенны; мы помним, что он искренне пытался помочь Людвигу II и поездку в Мюнхен действительно считал единственно возможным выходом из положения. — М. З.)

В ожидании решения короля на поездку в Мюнхен граф Дуркгейм от его имени написал прокламацию к народу и послал телеграмму в Кемптен с вызовом оттуда стрелкового батальона, готового явиться на защиту короля. Но телеграмма попала в руки Майру, который сделал на ней прибавку об остановке. Изумленный такой двойственностью командир, не зная ни о чем

происшедшем, обратился за разъяснением в военное министерство. Ответ, конечно, последовал отрицательный в отношении первого распоряжения, а графу Дуркгейму послан был из военного министерства приказ тотчас явиться в Мюнхен. Он не обратил сначала внимания на этот приказ; но когда пришел второй, обвинявший его в нарушении дисциплины, он показал его королю, и король отпустил его: это было их последнее свидание!.. По приезде в Мюнхен граф тотчас же был арестован и посажен в военную тюрьму; а через несколько дней разбиралось его дело, по которому он был признан изменником страны и верховной власти (напомним, что на самом деле граф провел в тюрьме всего десять часов. — М. З.). <...> Между тем король, довольный своей победой над первой комиссией, предоставил мюнхенским делам идти своим ходом. Увидя на другой день по отъезде графа Дуркгейма окружавших замок Нойшванштайн жандармов, король думал, что это те, которых граф вызвал для его охраны, не зная, что он сам под арестом. Но после 24 часов сильного возбуждения предшествующих дней — он впал в апатию, предоставив всё судьбе!

В это время у него стали являться мысли о смерти, которая избавила бы его от жизни, становившейся невыносимой. Утром 11 июня — пятница — прибыла по почте прокламация, объявлявшая регентство (принц Луитпольд принял регентство накануне. — М. З.). Никто из народа не хотел этому верить. Волнение в стране и на границе стало еще сильнее. «Что же, ты уже присягнул?» — спросил молодой жандарм другого. «Нет, — ответил тот спокойно, — я еще не желаю прослыть изменником!»^{164}.

Народ между тем был готов на восстание. Когда сам Людвиг II узнал об этом, то возразил: «Я не хочу, чтобы ради меня жертвовали человеческой жизнью!»^{165} Он сдался на милость судьбы и больше не думал о сопротивлении:

«Ему было известно, что в следующую ночь прибудет вторая комиссия в лице докторов и санитаров и он станет пленником в их руках. Он ходил взад и вперед по «тронной» зале, делая иногда вопросы своему служителю Веберу. «Веришь ли ты в бессмертие души?» — спросил он его и, получив утвердительный ответ, продолжал: «Я тоже верю. Я верю в бессмертие души и в справедливость Бога. Я много читал о материализме. Но все эти книги ничего не доказывают, и невозможно ставить человека на одну ступень с животным. Невозможно, чтобы с той высоты, на которой стоит человек, его можно было свести в ничто; это была бы потерянная жизнь; тогда не стоило бы жить!» «Если меня лишат короны, это будет горько, но

мне будет еще прискорбней, если они провозгласят меня сумасшедшим! — сказал он дальше. — Конечно, я не перенес бы того, чтобы они поставили меня в такое положение, в котором находится мой брат Отто, которому может приказывать каждый сторож и грозить кулаком, если он не слушается». Парикмахер Гоппе рассказывал, что король всего более был возмущен тем, что его хотят объявить сумасшедшим. «Видали ли вы у меня припадки сумасшествия?» — спрашивал он с горечью»^{166}.

Всю ночь шел проливной дождь, словно природа оплакивала несчастного короля. Он отослал всю прислугу и остался в замке один. Наверное, это были самые тяжелые часы в его жизни... На рассвете 12 июня новая комиссия во главе с доктором Гудденем беспрепятственно вошла в замок Нойшванштайн. Король казался обреченно-спокойным даже тогда, когда Гудден объявил о его пленении и препровождении для дальнейшего «лечения» в замок Берг. (Кстати, изначально планировалось перевезти Людвига в Линдерхоф, но прошел слух, что по дороге его собираются отбить восставшие местные жители. Кроме того, Гудден оценил преимущества содержания своего августейшего пациента именно в Берге: близость к Мюнхену позволяла ему самому не прерывать врачебную практику в столице.) Лишь когда санитары хотели схватить короля за руки, он гордо сказал: «Никакого насилия! Я иду добровольно»^{167}. Эта трагическая сцена происходила в знаменитой готической спальне короля, в которой даже в наши дни некоторым туристам становится не по себе — такая атмосфера безысходности ощущается в этой комнате до сих пор.

Отъезд из Нойшванштайна состоялся в три часа пополудни: «Было приготовлено три кареты. В первую из них сел[и] доктор Мюллер^{124} со своим ассистентом, камердинер короля и санитар. Во вторую карету сел король. Он был один; но ручки у дверец кареты были сняты, так что их нельзя было отворить изнутри. На козлах подле кучера сидел главный санитар, а по обеим сторонам кареты ехали верхами конюхи, которым было приказано не спускать глаз с короля, чтобы подметить припадок болезни. В третьей карете, сзади, ехал Гудден с жандармским капитаном и двумя санитарями. На протяжении всего пути вдоль дороги толпились люди, пришедшие проститься со своим королем. Многие плакали. Одна жительница Фюссена вспоминала, что «если бы король нам не то что слово сказал, а знак один подал, мы бы бросились да в куски разорвали бы тех, кто его захватил! Но он ничего не сказал...»^{168}.

На повороте Людвиг II бросил последний взгляд на любимый замок, с которым расставался навсегда...

Печальная процессия направлялась в Берг. Он был построен около 1640 года и изначально не особо напоминал замок. Его возводили в барочном итальянском стиле с расписными фасадами, окружив здание глубоким рвом. Очень скоро, в 1669 году, Берг перешел во владение Виттельсбахов — его приобрел курфюрст Фердинанд Мария (1636–1679), по инициативе которого был также построен замок Нимфенбург, будущее место рождения Людвига II. Затем на долгое время Виттельсбахи «забыли» свой «маленький замок». Обновлением и кардинальной перестройкой Берга никто не занимался, был лишь засыпан ров по его периметру.

Первый баварский король Максимилиан I Йозеф тоже не особо жаловал Берг, но по его приказу в 1807–1811 годах был приведен в порядок одичавший замковый парк, превращенный в английский сад. Лишь с воцарением Людвига I Берг, можно сказать, пережил второе рождение. Дед нашего героя сделал его официальной загородной резиденцией королевского дома и начал капитальную реконструкцию, завершённую уже его сыном Максимилианом II; по углам замка в 1849–1851 годах были возведены четыре готические зубчатые башни. С тех пор Берг стал по праву называться замком. Кстати, по прихоти судьбы ровно через 100 лет Берг, серьезно пострадавший во время Второй мировой войны, был вновь основательно перестроен. Замку был возвращен первоначальный вид — башни снесены. Перестройка и реконструкция не коснулись лишь замковой капеллы, построенной Людвигом II. Таким образом, ныне замок существует совсем не в том виде, в каком был при своем самом знаменитом владельце — Людвиге II, пристроившем к зданию пятую, самую изящную башню, служившую входом.

Берг был, пожалуй, любимым убежищем — именно убежищем! — несчастного короля. Здесь он пытался найти успокоение еще в самом начале своего царствования; здесь в небольшой комнате нижнего этажа висели портреты императора Александра II, императрицы Марии Александровны и Вагнера. Кстати, фотографический портрет Марии Александровны в золотой рамке с короной украшал также спальню Людвига II. Обратим особое внимание на символическое соединение: русская императорская чета и немецкий гений-композитор! Причем именно в Берге становится особенно очевидно, насколько король был постоянен в своих пристрастиях, стремился, чтобы дорогие его сердцу образы окружали его везде, куда бы он ни направился.

На втором этаже «царила» уже другая эпоха, олицетворенная мраморными бюстами Людовика XIV и Марии Антуанетты. Берг словно вобрал в себя всё то, что в разные периоды жизни Людвига II составляло

предмет его чаяний и устремлений.

Надо сказать, что Берг, несмотря на спокойное существование полузабытой загородной резиденции, был «участником» как радостных, так и трагических событий. С одной стороны, именно в Берге, наряду с Хоэншвангау, молодой Людвиг II провел счастливейшие дни своей жизни. Он любил замок не только за близость к Мюнхену (ведь, с государственной точки зрения, если монарху и можно отлучаться, так это в места в пределах досягаемости столицы). В Берг Людвиг мог уезжать по первому своему желанию, в отличие от Хоэншвангау, а впоследствии Нойшванштайна и Линдерхофа, переезд в которые сопровождался немалой суетой и затратами (это сейчас можно доехать из Мюнхена в любой из этих замков менее чем за два часа). Людвиг был также покорён окружающей замок природой, прекрасным парком, величественным спокойным озером. Король любовно обустроил свою загородную «дачу» по собственному вкусу, обновив как внешнюю отделку замка, так и его внутренние покои. Здесь, на берегу озера, можно было спокойно отдыхать от суеты столичной жизни, от светских приемов и интриг.

«Людвиг II 12 июня 1886 года принимает из рук хозяйки почты фрау Фогль в Зеехаупт последний стакан воды». Историческая открытка

Последняя прогулка короля Людвига II и доктора Гуддена. Историческая открытка

Поэтому неудивительно, что сразу же по приезде в Мюнхен его кумира Рихарда Вагнера король в первую очередь пригласил композитора сюда, в Берг, и подарил ему виллу в нескольких минутах езды от замка. Как часто на берегу живописного Штарнбергского озера Людвиг и Вагнер, полные сил и веры в будущие победы, грезили о возрождении немецкой музыки, обсуждали планы постановок «Кольца нибелунга» и «Тристана и Изольды», погружались в героический мир древних германских преданий!

Но счастливые дни забылись — Берг стал символом трагедии и смерти...

По пути трижды меняли лошадей, последний раз на почтовой станции Зеэхаупт. Существует баварская историческая открытка: «Людвиг II 12 июня 1886 года принимает из рук хозяйки почты фрау Фогль в Зеэхаупте последний стакан воды». Тогда король не выходил из кареты, но смог поприветствовать местных жителей. Он заметил знакомую хозяйку почты Терезу (Анну?) Фогль (Vogl), жестом подозвал ее и беседовал несколько минут, а затем попросил стакан воды. Фрау Фогль исполнила королевскую просьбу. Людвиг выпил воду, вернул стакан и трижды поблагодарил хозяйку почты.

Так король попрощался со своим народом.

Наконец, поздним вечером прибыли в замок, где для Людвига II были приготовлены две комнаты с зарешеченными окнами, заставленной шкафом балконной дверью и «глазками» в дверях, чтобы можно было в любое время наблюдать за «больным». Настоящая тюрьма в ранее столь дорогое сердцу узника месте!

Вскоре по прибытии Людвиг испытал новое унижение. Один из очевидцев писал в воспоминаниях, помещенных в книге «Последние дни короля Людвига II»: «Король привык последнее время ложиться поздно, делая свои прогулки ночью. Но с первого же дня доктора в смысле гигиены посоветовали ему лечь раньше. Он это исполнил; но по привычке не мог уснуть и желал встать, но из его комнаты приказано было вынести всю его одежду, и он едва упросил санитара оставить ему чулки, в которых он и в нижнем белье часами в ночной тишине прохаживался по своей запертой спальне. Всё это имело вид намеренного раздражения короля всяким способом; и сколько королю нужно было силы воли, чтобы сдерживать свое справедливое негодование, малейшая вспышка которого была бы тотчас же объяснена припадком сумасшествия, на что и рассчитывали эти позорные представители позорной верховной власти»^{169}.

В это же время Гудден телеграфировал в Мюнхен: «Всё обстоит благополучно»^{170}.

Кстати, при регентстве принца Луитпольда королю были назначены еще и опекуны: граф фон Тёринг-Йеттербах-унд-Гутенцель и... граф фон Хольнштайн. Последний счел ниже своего достоинства даже появляться в Берге. Сразу уехав в Мюнхен, он, вероятно, и думать забыл о своем царственном «подопечном». Такое поведение вполне согласуется с версией, согласно которой именно Хольнштайн являлся инициатором заговора против Людвига II. Теперь его уязвленное самолюбие было удовлетворено, месть свершилась, впереди ожидало, как он надеялся, карьерное

повышение, а дальнейшая судьба короля его уже не интересовала.

Заключительный штрих к портрету графа Макса: вплоть до 1892 года он оставался обер-шталмейстером и председателем Королевского Баварского придворного охотничьего ведомства. После того как в 1892 году разразился уже упоминавшийся нами финансовый скандал, связанный с махинациями в фонде Вельфов, замешанный в нем граф был вынужден удалиться от двора. В 1893 году он уехал в свой родовой замок Шварценфельд (Schwarzenfeld) и продолжил успешно заниматься бизнесом. Достаточно сказать, что граф фон Хольнштайн являлся одним из соучредителей Баварского объединенного банка (Bayerischen Vereinsbank, ныне один из крупнейших банков Баварии). И самое любопытное: еще до окончательного переезда графа Макса в Шварценфельд, в 1890–1892 годах, туда был вызван бывший придворный архитектор Людвига II Юлиус Хофман, чтобы значительно обновить и перестроить замок «в историческом стиле». На масштабной стройке было задействовано 160 рабочих; при этом все ближайшие к замку здания были снесены, чтобы не портить открывающийся на замок вид. Однажды Хольнштайн в сердцах воскликнул: «Пусть я лучше ослепну, чем пожалею короля!» Так вот, незадолго до смерти граф полностью ослеп. Оставим право делать выводы любителям мистики, предположим лишь, что в конце жизни граф испытывал угрызения совести из-за того, что погубил своего бывшего друга детства, несчастного короля Людвига. В 1895 году граф Макс был похоронен в родовой усыпальнице Хольнштайнов на кладбище Шварценфельда.

Но пока до всего этого было еще очень далеко. Наступило воскресенье 13 июня — День Святой Троицы. Праздник начался с того, что короля... не пустили в церковь! Он покорился и этому. Во время обеда Людвигу был подан на десерт апельсин... без ножа для его чистки. Король отослал его обратно на кухню нетронутым. После обеда, в 18 часов 25 минут, Людвиг II послал за Гудденом, чтобы отправиться с ним на прогулку.

Перед самой прогулкой состоялся весьма любопытный диалог между королем и государственным контролером Зандером, который нашел отражение в уже упоминавшейся нами книге «Die letzten Tage König Ludwigs II: Erinnerungen eines Augenzeugen».

«Они смотрят на меня, как на бесноватого! А как вы думаете, может так продолжаться еще год?» Я (Зандер. — М. З.) стал успокаивать его, говоря, что когда они увидят, что нервы его успокоились, то всё изменится. «Вы так думаете? — сказал король. — Мой дядюшка Луитпольд, привыкнув к своему регентству, не захочет от него отступить и меня не

выпустит». Потом он спросил, сколько в парке жандармов стерегут его. «От шести до восьми, Ваше Величество». — «Решились бы они стрелять в меня?» — быстро спросил он. «Как вы могли о том подумать, Ваше Величество!» — проговорил я. «Вооружены ли они?» Я ответил, что нет»^[171].

Этот диалог впоследствии цитировался в подтверждение версии, что король якобы готовил побег.

Погода стояла пасмурная, моросил мелкий дождик. Взяв зонты, Людвиг и Гудден ушли в парк по направлению к озеру. Было 18 часов 30 минут. Прогулка должна была продолжаться час. В 19.30 доктор Мюллер стал готовиться к их возвращению. На 20.00 был назначен ужин. В 20.30 уже все были на ногах: стало понятно, что что-то произошло. В 22.30 один из служителей замка нашел на берегу озера шляпу короля, а неподалеку его пальто. Тотчас снарядили лодку, в которую сели доктор Мюллер, управляющий замком Губер и королевские конюхи Вульмеер и Клазен. Вскоре бездыханное тело короля было обнаружено в темных водах Штарнбергского озера, а в нескольких шагах от него — тело доктора Гуддена. Часы короля, внутрь которых попала вода, остановились в 18.54...

Глава пятая

ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ

Как восприняли в Баварии и во всём остальном мире трагическое известие о гибели Людвига II? Что на самом деле произошло в тот роковой вечер? Если на первый вопрос есть четкий ответ, то по второму ясности нет до сих пор. И всё же попытаемся разобраться, призвав на помощь логику и те обрывки информации, которые стали достоянием общественности.

Для примера — причем весьма наглядного и показательного, так сказать, взгляда со стороны — обратимся к русской прессе, в частности к июльскому номеру журнала «Вестник Европы» за 1886 год. Его статья «Иностранное обозрение за 1 июля 1886 года» не только являет собой, пожалуй, квинтэссенцию настроений того времени, но и подтверждает многие выводы, к которым мы уже пришли в ходе предыдущих рассуждений:

«Когда 10-го июня обнародована была в Мюнхене прокламация о назначении регентства вследствие «тяжелой болезни» короля, то в массе населения невольно возникли вопросы недоумения и вопросы, которых никогда не могло бы разъяснить министерство. Какая эта болезнь вдруг открылась у короля? Если она была у него издавна, то почему раньше не было принято надлежащих мер лечения и контроля? Отчего те самые причины, которые до сих пор не мешали министрам спокойно исполнять свои обязанности от имени короля, побудили их вдруг потребовать регентства и медицинской опеки над Людвигом II? Баварцы давно уже знали, что их король отличается многими странностями, что он скрывается в уединении со своими ближайшими слугами, строит фантастические замки, поглощающие массу денег, и совершенно не интересуется делами правительства, которые лежали на ответственности министров и законодательных палат. Народ привык думать, что артистические вкусы и таинственное уединение короля никому не мешают. Король мог свободно тратить свои личные средства на удовлетворение каких угодно фантазий; он располагал только теми суммами, которые назначались на содержание двора, так что *его увлечения и прихоти не могли повредить финансам государства*. (Здесь и далее в выдержках из указанной статьи курсив наш. — М. З.)»^{172}.

Вспомним, что одним из главных пунктов «обвинительного акта» было

инкриминирование королю полного разорения казны. Как вяжется с этим, например, пресловутый отказ правительства в финансировании строительства Херренкимзее? Раз правительство имело право отказать и король не мог заставить выполнить свой приказ, то о каком разорении может идти речь? Или же придется признать, что при конституционной монархии правительство допустило полное разорение казны и спохватилось слишком поздно? Тогда уже возникают сомнения в профессионализме самого правительства. Кроме того, у каждой медали всегда две стороны. Не будем забывать, что при строительстве своих замков Людвиг не только совершал «безразмерные» траты, но и давал работу сотням мастеровых различных специальностей.

Продолжим чтение «Вестника Европы»:

«Король щедро покровительствовал артистам и художникам, увлекался операми Рихарда Вагнера, устраивал специально для себя театры и спектакли, и всё это не вызывало никакого протеста; *что же особенного произошло* именно за последнее время, *чтобы оправдать возведение прежних эксцентричностей на степень «тяжелой болезни»?* Известно было всем, что король физически крепок и здоров — по крайней мере, по внешности; даже из официального отчета о действиях его за последние дни до катастрофы можно видеть, что о каком-либо физическом недуге не было и речи. Понятно поэтому, что прокламация 10 июня встречена была в Баварии с большим недоверием; слухи о незаконном низложении короля, о преступных замыслах и заговорах быстро распространились в народе. *Король был любим и популярен* благодаря его поэтическим наклонностям и рыцарским свойствам характера; а главное — он *никому и ничему не был помехой: не стеснял общественной жизни страны, мало вмешивался в политику и занимал воображение публики своими оригинальными художественно-архитектурными предприятиями.* Население было настолько предано этому идеалисту-королю, что толпы мирных обывателей готовы были вооружиться для защиты его от врачей-психиатров и министров, пытавшихся учредить над ним опеку. Нужно заметить, что *решение старших родственников короля было весьма неудачно исполнено министерством...* Зачем было перевозить его из одного замка в другой, подобно пленнику? Крайняя нелюдимость, замкнутость и болезненная чувствительность его были известны всем; не лучше ли было оставить его в Гогеншвангау (Хоэншвангау. — М. З.), в прежнем убеждении, что он полновластный король, переменив только весь штат служителей? Такие вопросы ставят себе баварцы и не находят ответа в официальных объяснениях»^{[173](#)}.

Эти вопросы возникали не только у баварцев, но и у всех логично рассуждающих людей. Дилетантизм, с каким была проведена операция по лишению Людвига II власти, наводит на мысль, что ею руководило не правительство, не профессионалы, а именно дилетанты, например обиженный баловень судьбы граф фон Хольнштайн. Умный и дальновидный политик озаботился бы тем, чтобы страна не оказалась на грани народных волнений, продумал бы все детали, все мелочи, а не перевозил короля трусливо из замка в замок, как раз из-за боязни выступлений населения, вооружавшегося и всерьез готовившегося к самым решительным действиям. Несогласованность шагов, отсутствие четкого плана, полная растерянность и бессилие, когда дело пошло не так, как хотелось, — всё это наблюдается в поведении членов «позорной депутации». Они явно не были готовы к тому, что совершали. Они боялись, а значит, сомневались в своей правоте. И это бросалось в глаза, что находит подтверждение в следующем отрывке:

«Вся обстановка, при которой объявлено было регентство, указывает на то, что не только в обществе и среди приближенных короля, но даже у министров и психиатров не было твердой уверенности в действительном сумасшествии Людвига II. Этим объясняется и неудача депутации, вследствие предупреждения короля одним из его флигель-адъютантов, и готовность местных граждан защищать его от «бунтовщиков»-министров, и поразительная доверчивость доктора Гуддена. Если бы господствовало мнение о душевной болезни короля, не было бы повода сообщать ему о враждебном намерении правительства, и самое сообщение осталось бы без результата, потому что не встретило бы веры или не привело бы к тем практическим мерам охраны, которые были приняты королем. Окрестные жители, взволнованные известием о «бунте», равно как офицеры, арестовавшие министров, очевидно, не считали короля помешанным. Профессор Гудден, специалист по психиатрии, не мог бы исполнить просьбу больного о прогулке к озеру без соупутствия санитаров, если бы он с большею твердостью отнесся к королю как к человеку ненормальному»^{174}.

А вот это уже очень серьезный довод. Действительно, как опытный психиатр, специалист высочайшего класса, мог решиться пойти на прогулку с человеком ненормальным, да еще и без дополнительной охраны? Если он действительно верил, что у Людвига случались «немотивированные вспышки гнева» и тот отдавал «приказы немедленно казнить, выколоть глаза» и т. д., то никак не мог считать короля «тихим и неопасным». Обвинения Гуддена в непрофессионализме и преступной

беспечности не выдерживают критики. Следовательно, он сам за недолгое личное общение с Людвигом убедился, что его заочный диагноз ошибочен! Возможно, это послабление режима — слабая попытка хотя бы частично загладить свою вину. Повторяем, в порядочности профессора Гуддена у нас нет причин сомневаться, чего нельзя сказать о моральных качествах некоторых других участников «дела баварского короля». И вот доказательство:

«Любопытные факты были извлечены из документов, переданных парламентским комиссиям для ознакомления обеих палат и всей страны с положением дел покойного короля... Докладчики парламентских комиссий в обеих палатах могли привести только незначительную часть материала, имевшегося у них в руках, ибо они, понятным образом, старались избежать всего того, что бросало бы излишнюю тень на несчастного короля или нарушило бы благоговение к его памяти»^[175].

Причина, по которой в распоряжении докладчиков оказалась только часть материалов, причем именно выгодная правительству, конечно, абсолютно другая: оправдание короля поставило бы крест на решении правительства о введении регентства. О противоречии «желания не нарушать благоговение к памяти» и обнародования документов, как раз нарушающих это благоговение, мы уже говорили, как и о том, что на окружающих короля воспитателях и царедворцах лежит меньшая, а возможно, и гораздо бóльшая вина за трагедию более чем 130-летней давности.

«Не надо забывать, что Людвиг II был еще неопытным 18-летним юношей при вступлении на престол; характер его не успел установиться и окрепнуть, а природная склонность к мечтательности поддерживалась всем средневековым кругом идей и стремлений, в котором он был воспитан с детства. *Одностороннее влияние окружающих, их фантастическая лесть, рассказы о прошлом величии и могуществе, легенды о таинственных замках и рыцарских подвигах — всё это отчуждало короля от прозаической действительности, уносило его в область поэзии и влекло к одиночеству.* Многие находили свою выгоду в этом настроении короля; самая страсть к постройкам была вызвана, быть может, теми лицами, которые распоряжались подрядами и обогащались в короткое время... Глава кабинета, барон Лутц, откровенно заявил в палате, что он не имел понятия о наиболее странных поступках короля и что его ужасно поразило предположение о душевной болезни, высказанное врачами... Ненормальность короля выражается только в том, что утрачено понимание текущей действительности; но самая сущность так называемых «нелепых

идей» дана специальным характером историко-политического воспитания, в котором традиции далекого прошлого играли главную роль... *Несчастье короля заключалось в том, что ему приходилось подчиняться духу времени* (увы, Людвиг II — хрестоматийный пример героя не своего времени. — М. З.). <...> Покойный баварский король имел в глазах немецкого народа две великие исторические заслуги: во-первых, после войны 1866 года он подписал военную конвенцию с Пруссией и, не колеблясь, выполнил свое обязательство в 1870 году, присоединив свои войска к прусским против Франции, и, во-вторых, он первый предложил королю Вильгельму императорскую корону от имени союзных германских государей в ноябре 1870 года, после решительных немецких побед. Действовал ли он в этих случаях независимо или под сильным давлением извне — неизвестно; бесспорно только одно, что имя Людвига II неразрывно связано с национальным объединением Германии. *Немецкая печать всех партий и оттенков вспомнила эти заслуги и отнеслась с живым сожалением и сочувствием к личности несчастного короля»*^[176].

От прессы и политических настроений перейдем непосредственно к медицинской проблеме и прямо спросим: *так был ли король безумным?*

Для начала обратимся к известному труду профессора П. И. Ковалевского «Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский» (СПб., 1900). Эта публикация интересна нам не потому, что ценна с исторической точки зрения, — ее, при всем уважении к выдающемуся русскому психиатру, основателю первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», нельзя рассматривать в качестве исторического источника, о чем, кстати, говорил и сам автор. Но именно из этой книги авторы последующих русскоязычных работ заимствовали основные аргументы для доказательства душевной болезни баварского короля. Профессор честно признавался, что материал для своей книги черпал из «обвинительного акта» профессора Бернхарда фон Гуддена, а также из мюнхенских газет конца 1880-х годов, которые, естественно, обеляли и всячески оправдывали фактическую узурпацию власти баварским правительством. О «достоверности» таких первоисточников мы уже достаточно говорили. Насколько можно доверять прессе, особенно ярко продемонстрировал XXI век с его обилием бульварных газет и журналов, раскупаемых как горячие пирожки. Публика во все времена любит «желтую» прессу. Сегодня будут смаковать «скандальный союз певца N с продюсером Y», тогда — «жареные факты» из жизни только что почившего монарха.

Отметим, что, с одной стороны, Ковалевский рассматривал перипетии жизни Людвига II лишь как *иллюстративный материал для своих умозаключений* (отсюда и обращение к источникам, по большому счету недостойным внимания серьезного ученого). С другой стороны, профессор был изначально уверен, что берет для примеров бесспорные случаи душевных заболеваний. Тем не менее даже при таком настрое у него как у честного ученого неизбежно возникли определенные сомнения.

Вот что пишет по данному вопросу сам Ковалевский:

«Изложив, однако, вышеприведенные факты (именно те, скандальные, на которые потом и будет опираться русскоязычное «людвиговедение». — М. З.), мы должны сделать следующую оговорку: наш больной — король, т. е. лицо, по своему общественному положению стоящее вне общества. Его жизнь скрыта от глаз простых смертных. Достоянием общества стали только отдельные случаи, остальная же жизнь сокрыта в душах его приближенных. Приведенные нами факты разбросаны по всей его жизни в течение многих лет, едва ли не 20. Если приведенные случаи слишком ярко и резко обрисовывают болезненное состояние короля, то только потому, что они соединены нами в единое целое; будучи же разбросанными на много лет, они несравненно меньше оттеняют болезненность данного лица. С другой стороны, мы должны добавить, что положение короля, т. е. пребывание его вне и выше общества, лишает нас возможности иметь побольше обстоятельств, указывающих на болезненное состояние короля, так как его жизнь стояла вне ведения простых смертных. Очевидно, болезненных явлений было несчетно больше, но они остались для нас неизвестными. Наконец, принимая во внимание особенное положение нашего больного, мы не можем отрицать и того, что *некоторые из приведенных нами фактов есть плоды фантазии и праздного воображения людского*. Может и это быть. Мы привели только то, что появилось в газетах о жизни короля, и на основании этого делаем свои заключения (курсив наш. — М. З.). Невольно напрашивается вопрос: каким образом, однако, при такой массе примеров, ясно указывающих на очень давнее расстройство умственных способностей короля, он не только мог оставаться королем, но и заслуживать любовь приближенных, расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей? На это мы ответим: король жил крайне уединенно и одиноко. Его жизнь была известна лицам, только близко к нему стоящим. (Налицо явное противоречие — как же он смог заслужить пресловутые «любовь», «расположение», «уважение» и «почтение»? — М. З.) Кроме того, министры свидетельствуют, что в государственных делах

Людвиг отличался замечательным знанием дела, ясностью понимания и необыкновенною проницательностью. Наконец, самые его болезненные увлечения искусством, музыкой и архитектурой могли в его подданных возбуждать только беспредельное уважение и восхищение»^[177].

Насколько объективны, с учетом перечисленных обстоятельств, выводы о наличии психического заболевания? Напомним, что Людвиг вплоть до своего ареста и официального признания его недееспособным не проходил медицинского освидетельствования. Ни один уважающий себя врач никогда не поставит диагноз, опираясь лишь на свидетельства третьих лиц, не проводя детального обследования самого больного. Заочный диагноз недопустим ни при каких обстоятельствах. В случае же баварского короля мы имеем именно такой пример. «Как же вы поставили мне диагноз? Вы ведь даже не беседовали со мной», — сказал Людвиг во время своего ареста — и получил очень характерный ответ: «Ваше величество, в этом нет необходимости. *Мы обладаем информацией, которая нам дает достаточно доказательств*». Трудно удержаться от ассоциации с событиями, происходящими у нас на глазах: пресловутое «хайли лайкли^[125]» — вовсе не «новая царица доказательств», а «хорошо забытая старая»...

Если всё же рассматривать «историю болезни» Людвига с окончательным диагнозом «паранойя», то картина получается следующая:

«Под именем паранойи, или первичного помешательства, — пишет профессор Ковалевский, — разумеется такое расстройство умственных способностей, при котором в обычный круг мышления, в обычное сочетание представлений, в обычный, признаваемый нами за правильный, образ жизни и действий врывается круг безумных идей в виде ограниченного бреда. Таким образом, при этом происходит раздвоение сознания в человеке: с одной стороны, он живет здоровою жизнью, ее интересами, делами и обстоятельствами; с другой стороны, внутри себя такой больной таит болезненные мысли, бредовые идеи и целый ряд безумных представлений... Особенно хорошо обработанным и выкристаллизованным этот плод является в тех случаях, когда унаследованные качества и свойства характера и душевной деятельности находят себе поддержку и укрепление в воспитании и обстоятельствах дальнейшей жизни данного лица... Уже от природы он (Людвиг. — М. З.) унаследовал болезненную, мечтательную и фантазирующую натуру, дарования, в которых блестящие умственные способности заглушались гениальными созданиями воображения. Воспитание, образование,

обстановка, обстоятельства жизни и случайности сделали то, что не рассудок взял перевес над образами фантазии, а воображение и фантазия одержали победу над рассудком. <...> Людвиг II при всех его болезненных проявлениях почти до конца жизни являлся умным, находчивым, сообразительным и настойчиво отстаивающим интересы королевства королем (здесь и далее в приводимом фрагменте курсив наш. — М. З.). Диво ли, что при его правильном управлении как короля, при его уединенной и замкнутой жизни его подданные знали его как мудрого короля и настойчивого охранителя государственной самостоятельности даже пред лицом железного человека (Бисмарка. — М. З.). С этой точки зрения Людвиг II по праву пользовался преданностью и любовью баварцев.

Но этого мало. *Его болезненные страсти — страсти в высокой степени благородные и возвышенные.* Он тратил десятки миллионов на постройки дворцов. Страсть в высочайшей степени благородная и заслуживающая полного сочувствия и одобрения. Людвиг *тратил на эти дворцы не государственные деньги, а свои личные, те деньги, которые государство отпускало ему на его личные потребности.* Он тратил их на высокохудожественные произведения и тем *украсил государство, развивал в нем возвышенные вкусы и потребности и этим привлек тысячи путешественников в Баварию и создал ей славу и обогащение.* Наконец, он тратил деньги в своем государстве и тем *обогастил десятки тысяч подданных*»^[178].

Согласитесь, что если не брать во внимание «факты», тиражируемые тогдашней проправительственной прессой, то на основании приведенного заключения профессора Ковалевского вырисовывается не столь уж безнадежная картина. Ближайшее окружение короля просто не смогло (или не захотело?) направить его природные наклонности в нужное русло, тем самым оградив Людвига от самого себя. Кстати, в первые годы своего правления он охотно выслушивал советы министров, старался максимально следовать им, внимательно вникал в государственные дела и был очень послушным и благодарным учеником.

Исходя из того, что личного психиатрического освидетельствования короля проведено не было, попробуем поставить под сомнение точность диагноза Людвига. Фактически мы с Гудденом, поставившим его, находимся в равных условиях, опираясь лишь на свидетельства третьих лиц. Мы не претендуем на профессиональное психиатрическое заключение, но имеем право на собственное суждение, исходя хотя бы из того, что заочный диагноз тоже нельзя назвать профессиональным. Основные вопросы, на которые мы попытаемся ответить: было ли

заболевание Людвига II необратимым, прогрессирующим и приводящим к недееспособности? и была ли это паранойя?

Конечно, мы обязаны делать скидку на тогдашний уровень развития психиатрии. Мы попробуем лишь, опираясь на современные научные знания о причинах и характере течения паранойи, посмертно реабилитировать короля.

Начнем с научного определения разновидностей паранойи согласно «Справочнику по психиатрии»:

«Инволюционная паранойя. Течение хроническое (до нескольких лет) или волнообразное. Клиническая картина определяется систематизированным монотематическим паранойяльным бредом в виде то идей ревности (преимущественно у мужчин), то идей ущерба (чаще у женщин) или преследования. Такие психозы богаты аргументацией и бредовыми интерпретациями; постепенно развивается детально разработанный бред. Бред распространяется и ретроспективно (бредовое переосмысление фактов прошлого). Эти психозы обычно не сопровождаются значительными изменениями личности и не переходят в органическое снижение.

Инволюционный параноид. Течение таких психозов бывает затяжным или волнообразным. Клиническая картина параноида определяется «маломасштабным» бредом преследования. Бред направлен преимущественно против конкретных лиц из окружения больного (члены семьи, соседи) или людей, с которыми «преследователи» могут быть связаны (работники милиции, врачи и т. п.). Одновременно развиваются разоблачительные идеи, направленные против преследователей. Настроение бывает временами тревожным и подавленным, но преобладает оптимизм. Вне сферы бреда больные сохраняют обычные социальные связи, обслуживают себя, полностью ориентируются в бытовых вопросах. Даже при длительном течении заболевания выраженные психоорганические расстройства не развиваются. Личностные изменения ограничиваются нарастающей подозрительностью и конфликтностью. <...>

Реактивные параноиды. Содержание бредовых идей обычно отражает психотравмирующую ситуацию. Основные опорные критерии: ситуационная обусловленность, конкретный, образный, чувственный бред, связь его содержания с психотравмирующей ситуацией и обратимость этого состояния при изменении внешней обстановки»^{179}.

Вспоминая «факты» из «обвинительного акта», можно сделать вывод, что на первый взгляд профессор Ковалевский был прав. Но «достоверность» этих «фактов» нам уже известна. Теперь обратимся к

«чистой» науке. Достаточно сказать, что в настоящее время однозначный диагноз «паранойя» *вообще не ставится*, а различные типы этого психического расстройства *успешно купируются*. Кроме того, у пациента *не происходит патологических необратимых личностных изменений*. Обратим внимание на еще один момент, который в свое время явился дополнительным аргументом против Людвига II. Как мы помним, его младший брат Отто начиная с 1872 года (болезнь окончательно погасила последние искры его разума в 1876-м) страдал буйным помешательством, полностью разрушившим его личность. Его недуг (скорее всего, шизофрения, хотя для установления точного диагноза доступных исследователям данных совершенно недостаточно) был действительно необратимым, прогрессирующим и приводящим к недееспособности. На основании этого факта Гудден и К⁰ сделали вывод о наследственном характере болезни Людвига II. Но, во-первых, Отто не диагностировали паранойю; во-вторых, паранойя не является наследственным заболеванием (во времена Людвига твердо придерживались обратного мнения). Что же мы получаем в итоге? Болезнь короля, даже если это и была паранойя, не являлась наследственной, необратимой, прогрессирующей и не приводила к недееспособности!

Но, возможно, это была вовсе не паранойя. Современная психология оперирует понятием «фрустрация». Этот термин (от *лат. frustration* — обман, неудача) обозначает психологическое состояние, возникающее в ситуации разочарования, неосуществления какой-либо значимой для человека цели или потребности. Фрустрация проявляется в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности. И, что самое важное, реакцией на фрустрацию может быть уход в мир грез и фантазий, а также немотивированная агрессивность. При этом фрустрация — *не психическое заболевание*, а именно *психологическое состояние*, из которого пациента можно вывести определенными методами терапии. Человек может впадать во фрустрацию периодически, в зависимости от частоты раздражающих его ситуаций. Но фрустрация может быть вызвана и определенной навязчивой идеей; при этом длительная фрустрация, если ее не купировать, способна привести к более тяжелым последствиям — депрессиям и тяжелым неврозам.

Если не учитывать клеветнические измышления, у короля можно обнаружить и болезненное разочарование в действительности, и невозможность полностью достичь своих идеалов, и уход в мир грез и фантазий, и немотивированную агрессивность. Не слишком ли большое количество соответствий, чтобы это было простым совпадением? Делайте

выводы сами. Повторим еще раз — заочно поставить точный диагноз психического заболевания невозможно!

Психиатр Геннадий Корнийко считает: «Нормальных людей нет вообще. Есть только те, кто лучше притворяется... У каждого человека есть свои психологические травмы и фобии — у кого-то наследственные, у кого-то приобретенные в раннем детстве. И это дает основание поставить диагноз почти каждому человеку. Если судить строго. Но при таком педантичном подходе придется закрыть в дурдомах 90 % населения, а остальные 10 % будут персоналом. В психиатрические лечебницы людей помещают по одному главному критерию: степень опасности для общества. Если твои страхи и отклонения начинают напрягать окружающих людей (как, например, эксгибиционизм) и того хуже — причинять вред обществу, тогда тебе следует пройти принудительное лечение в изоляции от общества. В истории были случаи, когда неугодных власти отправляли на «вразумительные процедуры». В дурдоме сидели Врубель и Хлебников, Лимонов и Егор Летов, Бродский и другие...»^{180}

Приведенная цитата, пожалуй, может, наконец, поставить точку в рассуждениях о психическом заболевании Людвига II.

Тем не менее всё (!), что написано на русском языке о несчастном баварском короле, по-прежнему опирается лишь на «Психиатрические эскизы» П. И. Ковалевского. Из статьи в статью и из книги в книгу кочуют «факты» (часто цитируемые дословно без ссылок на книгу именитого психиатра), якобы подтверждающие безумие короля. Приходится признать, что русскоязычное «людвиговедение» крайне бедно, а временами и просто нечистоплотно: бесконечные перепевы одного и того же можно смело назвать очевидным плагиатом.

Лишь в 2002 году в Санкт-Петербургском издательстве «Новая Академия» был опубликован уже упоминавшийся нами очень ярко и эмоционально написанный труд известного петербургского художника Т. Новикова «Белый лебедь. Король Людвиг II», написанный им в соавторстве с единомышленником А. Медведевым и весьма своеобразно трактующий тему. Это первая попытка реабилитации баварского короля в России. Причем его «адвокаты» — не профессиональные историки, живописцы, натуры творческие, глубоко прочувствовавшие и понявшие такую же творческую душу «коронованного художника».

Итак, вопрос о диагнозе Людвига II более или менее прояснился. Обратимся теперь к обстоятельствам его трагической гибели. Здесь мы, можно сказать, переходим от вопросов медицинских к вопросам криминальным. Для ответа на них придется внимательно исследовать

место происшествия.

Ныне на некотором возвышении от берега, напротив того самого места, где было найдено тело короля, стоит так называемая Гедэхтнискапелле (Gedächtniskapelle)^[126]; на дорожных указателях она обозначается как Фотифкапелле (Votivkapelle)^[127]; в переводных путеводителях ее обычно называют Часовней-мемориалом. Она была построена по распоряжению принца-регента Луитпольда на месте каменного столба с неугасимой лампадой, который был установлен здесь по желанию матери Людвига II сразу после его гибели. Согласно мемориальной доске у входа в часовню, ее архитекторами были отец и сын Юлиус и Рудольф Хофманы, а художником — Август Шпийс, чьи картины украшают залы Нойшванштайна. Первый камень в основание часовни был заложен 13 июня 1896 года, в десятилетнюю годовщину смерти короля, а открыта она была ровно через четыре года — в воскресенье 13 июня 1900-го в присутствии членов Дома Виттельсбахов и при большом скоплении народа. Тогда же состоялось и первое богослужение в новой часовне. С тех пор поминальные службы проходят здесь ежегодно в день рождения (25 августа) и в день смерти (13 июня) Людвига II, а также в день смерти его матери королевы Марии (17 мая). До сих пор на эти торжественные мероприятия съезжаются люди со всех концов Германии (и не только).

Внутреннее убранство часовни скромное и одновременно торжественно-печальное. Над престолом в нише — полотно «Суд Иисуса Христа». Слева надпись по латыни: «В память Его Величества Людвига II короля Баварии, погибшего после 22-летнего правления, простившегося с жизнью в этом месте». Отметим эту формулировку — «простившегося с жизнью». Не убитого, не погибшего, не покончившего с собой! Волею Господа *простившегося с жизнью*, как и положено богопомазанному монарху. Справа другая надпись: «По повелению его королевского высочества принца-регента Луитпольда построена часовня, закладной камень которой заложен 13 июня 1896 года. Открыта 13 июня 1900 года». Посетить часовню можно ежедневно с 9 до 17 часов в период с 1 апреля по 31 октября. К сожалению, войти внутрь получится только в дни поминальных служб; в остальное время придется довольствоваться созерцанием интерьера через решетку за входной дверью.

Спуск от часовни к берегу озера сначала приводит на нижнюю террасу, на которой установлено высокое каменное распятие. А еще ниже, прямо в воде, совсем недалеко от берега, высится деревянный Поминальный крест, отмечающий то самое место, где было найдено тело Людвига II. Крест был

впервые поставлен здесь в 1887 году. С тех пор периодически происходит его замена, и каждый новый крест традиционно делается из дерева.

Правда, необходимо иметь в виду, что Поминальный крест отнюдь не отмечает непосредственное место гибели короля. Но даже если считать, что там, где он установлен, всего лишь было обнаружено тело, то и тогда далеко не всё ясно.

Существует один любопытный документ — план места трагедии, выполненный «по горячим следам» окружным инженером Францем Ксавером Хэртингером (Härtinger) 15 июня 1886 года по поручению мюнхенской следственной комиссии. Его оригинал хранится ныне в коллекции Карла Йосса (Sammlung Joss) в Розенхайме (Rosenheim)^[181].

Рельеф местности мало изменился за 130 лет и позволяет соотнести план Хэртингера с реальным пейзажем. В южном направлении от замка Берг вдоль озера проходит тропинка; справа от нее находится узкий пологий спуск к воде, поросший кустарником и травой; береговая линия начинается полосой мелких камней и щебня. Следует отметить, что большую роль в установлении полной картины происшествия играет точное знание направления ветра, так как от этого напрямую зависит перемещение вод озера. План Хэртингера дает и эти необходимые сведения. Но, несмотря на столь точные расчеты, вопросов всё же больше, чем ответов.

Итак, согласно материалам следственной комиссии, события вечера 13 июня 1886 года развивались следующим образом. Людвиг II в сопровождении доктора Гуддена вышел из замка между 18.30 и 18.45. Неспешно прогуливаясь, они прошли около 800 метров по тропинке вдоль озера. Примерно в 15 метрах от берега и не доходя 18 метров по тропе до скамейки для отдыха (видимо, являвшейся целью их прогулки), король резко свернул с маршрута (точка А на плане) в направлении озера. Судя по всему, это произошло совершенно неожиданно для его провожатого. Гудден поспешил за Людвигом и, возможно, при этом несколько раз падал в заросли кустарника, где потерял зонт. Наконец, доктор догнал и попытался удержать своего пациента на берегу (точки В — С), когда тот уже складывал на землю одежду: пиджак и пальто Людвиг при их обнаружении лежали один на другом, зонтик был брошен рядом; шляпы короля и доктора Гуддена были, скорее всего, отнесены ветром на значительное расстояние в северном направлении.

Схема места гибели короля Людвига II.

Прорисовка автора, сделанная по плану Ф. К. Хэртингера

Король вырвался и напрямую бросился к озеру, успев пробежать около 16 метров, однако Гудден снова настиг его уже в воде (точка D), и, как предполагала следственная комиссия, здесь-то дело и дошло до ссоры. Доктор тянул короля к берегу, в то время как тот стремился в противоположную сторону. Согласно последующей реконструкции событий, отраженной на плане Хэртингера, королю сначала удалось одержать верх над Гудденом и достичь точки F, откуда доктор снова потащил Людвига в сторону точки D. Таким образом, первоначально борьба между Гудденом и королем происходила в точках F — E—D. Вероятно, именно тогда Гудден получил телесные повреждения, которые впоследствии были обнаружены на его трупе. Вскоре, оттолкнув Гуддена, освободившийся король смог преодолеть в северо-западном направлении примерно 25 метров (точки D — G). Точка G на плане — это место

непосредственной гибели Людвига II. Отсюда по траектории Н — I—K воды озера перемещали уже его труп. Однако, учитывая, что тело Гуддена было найдено всего лишь в трех метрах от тела короля, можно предположить, что, несмотря на полученные травмы, доктор всё же снова догнал своего подопечного в точке G. Следовательно, это место гибели не только короля, но и Гуддена, тело которого по той же траектории Н — I—K было снесено водами к берегу. Однако план Хэртингера так и не дает ответа на главный вопрос: что же произошло в этом злополучном месте — в точке G — и что явилось причиной смерти двух людей в водах Штарнбергского озера?

Примерно за час до полуночи мертвые тела короля и его врача были обнаружены в 18 метрах от берега (это расстояние учитывает прибрежную полосу мелких камней и щебня; соответственно, непосредственно по условно глубокой воде оно не превышает четырех-пяти метров). На основании степени трупного окоченения доктор Мюллер констатировал, что смерть Людвига II и Бернхарда фон Гуддена произошла около 19 часов. Таковы выводы следственной комиссии.

Было подсчитано, что от замка до места своей гибели король прошел 966 шагов. Эта цифра априори неточна, так как, согласно плану Хэртингера, она может быть соотнесена не с точной G, а лишь с точкой A. К тому же сегодня вообще не представляется возможным повторить весь последний маршрут короля: если идти в обратном направлении, непосредственно от Поминального креста в сторону Берга, то примерно через 350 шагов упруешься в глухой забор — Берг закрыт для посещений, являясь частной собственностью членов семьи Виттельсбахов.

Дальнейшие рассуждения находятся уже в области предположений и догадок, тем более что причина смерти короля до сих пор остается невыясненной. На этот счет существует несколько версий (совершенно фантастические предположения, что Гудден якобы сам пытался убить короля или что Людвиг на самом деле вовсе не утонул, а спасся и инкогнито проживал в секретном месте, дожив до преклонных лет^[128], мы рассматривать не будем ввиду их явной несостоятельности):

1. Официально принятая версия утверждает, что Людвиг не смог смириться с фактическим низложением и совершил самоубийство; доктор Гудден был убит им, когда пытался спасти своего коронованного пациента.

2. Людвиг пытался совершить побег, подготовленный его сторонниками, для чего должен был вплавь переправиться на противоположный берег; Гудден хотел воспрепятствовать этому и в схватке был убит. Людвиг от пережитых волнений и холодной воды умер на месте

от апоплексического удара (инсульта) или сердечного приступа.

3. Людвиг и Гудден пали жертвами заговора членов правительства, стремившихся привести к власти принца Луитпольда в качестве регента при действительно недееспособном брате короля, принце Отто, причем доктор был убит заговорщиками, поскольку стал нежелательным свидетелем преступления.

На первый взгляд все три версии выглядят довольно правдоподобно — иначе, не выдержав испытание временем, они отпали бы сами собой.

Начнем их разбор с третьей версии, тем более что так называемая теория заговора очень популярна во все исторические эпохи. Спросим себя, зачем было заговорщикам настолько усложнять себе задачу: инспирировать шумиху в прессе, пытаться перетянуть на свою сторону врачей; рисковать навлечь на себя гнев народа, готового чуть ли не на восстание, устраивать для царственного узника специально оборудованные оконными решетками покои и т. д. Лишь для того, чтобы соблюсти видимость законности и на следующий же день (!) убить короля? Не проще ли было бы, прекрасно зная о пристрастии Людвига II к ночным прогулкам, подстроить несчастный случай в горах, а потом объявить подданным, что страну постигла тяжелая утрата, любимый монарх внезапно скончался: неудачно упал с лошади, оступился на краю обрыва, его убил дикий кабан и т. п.? И никаких проблем с законом у нового правительства! Можно спокойно рыдать на похоронах, объявлять всенародный траур и исключительно в интересах государства приносить себя в жертву, обрекаясь тяжким бременем власти.

Король и так уже слишком приблизил к себе предателей — Майра и Хессельшверта. Почему бы не подкупить их еще один, последний раз, спровоцировать убийство, а затем без шума избавиться от ненужных свидетелей? Кого проще убить — никому не известного королевского камердинера или же светило мировой психиатрии доктора Гуддена?

На наш взгляд, сторонники «теории заговора», увлекшись, перехитрили самих себя.

Но факты говорят о том, что заговорщики не искали легких путей. Хорошо, пусть так. В сложившихся обстоятельствах фигура Людвига действительно становилась знаменем для любой оппозиции новому правительству. Его внезапная кончина подозрительно устроила всех заинтересованных лиц, которым необходимо было убрать короля как можно раньше, ибо мертвый государь уже не был им опасен. Предположим также, что заговорщики проделали массу трудоемкой подготовительной работы только для того, чтобы безупречно выглядеть в глазах закона. Но тогда

почему они избрали для убийства такой неудобный способ, как утопление, тем более что было прекрасно известно, что Людвиг отличался недюжинной физической силой и являлся великолепным пловцом?

Даже если предположить, что имела место имитация побега, то и тогда надо признать, что исполнители заговора сработали грубо и неумело. Ведь для широких слоев населения однозначный вывод напрашивался бы сам собой: несчастного короля предали, он пытался бежать, чтобы найти спасение, и был убит теми, кто потом стал во главе его государства. Худшей «предвыборной кампании» для правительства Луитпольда представить себе трудно. Так можно договориться до того, что короля убили как раз его сторонники, чтобы скомпрометировать в глазах народа правительственные круги! Заговорщикам менее, чем кому-либо, нужно было увенчивать несчастного монарха мученическим венцом; они должны были бы сделать всё, дабы никто не заподозрил, что Людвиг II умер не своей смертью. Итак, если бы заговор и имел место, то скорее всего Людвига после ареста тихо отравили бы, благо медиков вокруг короля было больше, чем в психиатрической больнице, и опять же представили бы его кончину как естественную, что устраивало абсолютно всех.

Что же касается «нежелательного свидетеля» Гуддена, то при таком подходе избавляться нужно было бы еще по крайней мере от десятка лиц, официально участвовавших в заговоре против короля. К тому же вполне логично предположить, что члены комиссии по признанию короля недееспособным и есть «заговорщики», а потому должны были быть в первую очередь посвящены во все тонкости процесса — они же прямые исполнители плана приведения к власти Луитпольда! А если нет, то получается, что существовало несколько независимых друг от друга заговоров. Абсурд!

И еще один момент. Если уж исходить из того, что заговор реально существовал, то его идейным вдохновителем следует признать графа фон Хольнштайна. Мы уже говорили, что месть графа за отлучение от королевского двора могла явиться причиной затеянной им против бывшего друга интриги. Но Хольнштайну для достижения своей цели не нужно было убивать Людвига! Как мы уже говорили, назначение опекуном недееспособного монарха означало бы полное удовлетворение амбиций графа. Чем дольше Людвиг оставался бы живым, тем дольше Хольнштайн мог тешить свое самолюбие, возвышаясь над тем, кто, как ему казалось, в свое время его унизил.

Таким образом, эту версию приходится отместить как несостоятельную по всем статьям.

Что же касается второй версии, то в ней наиболее спорна сама возможность подготовки побега. Довольно подробно задокументирован процесс ареста короля и препровождения его в Берг: под усиленной охраной, ни на минуту не оставляя в одиночестве. Даже если предположить, что Людвиг, предвидя подобное, заранее заручился у Елизаветы Австрийской или, например, у Бисмарка принципиальным согласием оказать ему помощь, то всё равно непонятно, каким образом он смог уже после ареста связаться со своими спасителями, чтобы подготовить конкретную операцию. К тому же решение препроводить Людвига в Берг было принято чуть ли не спонтанно — как мы помним, сначала его хотели содержать в Линдерхофе, но изменили это намерение из-за слухов, что местные крестьяне готовятся отбить своего короля на горных дорогах, ведущих в замок.

Кстати, такой поворот событий вполне мог иметь место, ведь простой баварский народ обожал, практически боготворил своего монарха. Но при этом сам Людвиг ничего не знал о готовящемся спасении! Может быть, он пытался наудачу сбежать «в никуда», надеясь потом добраться до своих спасителей? Наверное, доведенный до крайности король мог бы решиться на подобное. Во всяком случае, это был бы шаг отчаяния, от которого нечего требовать каких-либо продуманных действий. В уголовном праве подобное состояние человека называется «состояние аффекта». Но в таком случае что-то должно было спровоцировать вспышку эмоций. Однако все мемуаристы и биографы-исследователи свидетельствуют, что почти сразу после ареста Людвигом овладели фаталистическое спокойствие и покорность судьбе. Значит, провокатором мог быть только доктор Гудден, так как никого другого в момент трагедии рядом с Людвигом не было. Опытнейший психиатр совершил профессиональную ошибку, ввергнув пациента в состояние аффекта, при этом находясь с ним наедине? Очень сомнительно. Раздражать короля, провоцируя его на необдуманные шаги, нужно было исключительно при свидетелях, чтобы каждый раз как можно больше народу фиксировали его якобы необоснованные вспышки гнева, укрепляя веру в его сумасшествие.

Спросим еще раз: если бы Гудден был уверен в психическом нездоровье Людвига II, согласился бы он выполнить просьбу «больного» о прогулке без всякого сопровождения, отослав санитаров? Перспектива остаться наедине с сумасшедшим вряд ли прельщала бывшего врача! Возможно, конечно, что, находясь в крайней степени подавленности, король сам вызвал у себя припадок — к примеру, каким-либо воспоминанием. Но в таком случае версия с *подготовленным* побегом всё

равно отпадает — мы имеем дело со спонтанно возникшей ситуацией. Итак, приходится признать, что вторая версия также маловероятна. А предположение о состоянии аффекта относится скорее к первой версии, которую мы сейчас подробно рассмотрим.

Справедливости ради надо сказать, что она выглядит наиболее логичной и правдоподобной. Со склонностью к суициду согласуется и наступившие практически сразу после ареста апатия и безразличие к происходящему, свидетельствовавшие, что человек уже всё для себя решил и готов свести счеты с жизнью. В пользу этого утверждения говорят и некоторые воспоминания приближенных короля, сообщающие, что еще в Нойшванштайне, увидев приехавшую за ним комиссию, Людвиг II предпринял попытку броситься с верхнего этажа замка, куда просто не успел добраться, и что он якобы просил достать ему яд, но получил отказ... Остается лишь предполагать, в какой степени эти источники правдивы и не ангажированы правительством. Поэтому мы не будем принимать их на веру, а станем исходить только из психологических предпосылок трагедии.

Итак, что же имело место в действительности — спланированное самоубийство или действие в состоянии аффекта? Ответив на этот вопрос, можно существенно сместить акценты в официальной версии, однозначно признающей самоубийство, отягченное убийством, и выработать четвертую версию, что мы и попробуем сделать.

Был ли доктор Гудден убит своим пациентом? И было ли это действительно *убийство*? Устранить доктора было необходимо лишь в одном случае — если бы имел место спланированный побег, поскольку тот мог поднять тревогу, позвать на помощь и указать погоне верное направление. Но как раз побега-то, как мы уже установили, быть не могло. В любом другом случае Людвиг, глубоко верующий человек, вряд ли пошел бы осознанно на убийство. Скорее всего он, будучи весьма сильным, а кроме того, высоким и тучным, просто пытался освободиться от удерживавшего его Гуддена и ударил его в последний раз слишком сильно. Удар мог прийтись в висок, отчего доктор умер на месте или же лишился сознания, упал в воду лицом вниз и захлебнулся. Итак, смерть Гуддена — несчастный случай или убийство по неосторожности. Приняв эту точку зрения, мы снимаем с короля одно из тяжких обвинений.

Вернемся к главному вопросу первой версии — мог ли король пойти на самоубийство? Если ответить утвердительно, то вызывает сомнение лишь выбранный им способ сведения счетов с жизнью. Или же он просто воспользовался ситуацией — охраны нет, с доктором он легко справится, а вдруг удобный случай больше не представится? Напомним, что утонуть

такому прекрасному пловцу, каким был Людвиг, крайне проблематично. При желании он мог бы найти и более легкий способ уйти из жизни. Правда, Людвиг якобы считал, что это — лучшая смерть, поскольку тело остается не обезображенным, как после выстрела, повешения или ранения холодным оружием. Источником этого утверждения являются показания Хессельшверта и Майра, опубликованные в мюнхенских газетах сразу после смерти короля. Одного этого уже достаточно, чтобы подвергнуть сомнению подобное утверждение, — слишком уж нарочито все вокруг настаивали на самоубийстве.

Однако при вскрытии тела короля у него в легких не было воды, а значит, он не утонул, а умер, к примеру, от остановки сердца. Эта версия, кстати, практически подтверждается официальным протоколом вскрытия^[182], проведенного 15 июня в восемь часов утра в Мюнхенской королевской резиденции. Не вдаваясь в тонкости судебной медицины, на его основании можно полностью исключить утопление и сделать вывод об *острой коронарной недостаточности*, в пользу которого говорят обстоятельства происшествия — в первую очередь, нахождение Людвига в момент смерти в очень холодной воде. Сомневаться в подлинности самого протокола не приходится. Есть только одно «но»: вопреки всем юридическим нормам причина смерти в нем вообще не указана. Почему? Не хотели объявлять о несчастном случае?

Похоже, это был именно несчастный случай. Этот факт имеет принципиальное значение с религиозной точки зрения: Бог не допустил, чтобы его помазанник совершил грех самоубийства — самый тяжкий, который не будет прощен, поскольку у самоубийцы не будет возможности покаяться.

А теперь вернемся к предположению, что Людвиг, не пытаясь лишить себя жизни, бросился в свою любимую водную стихию в отчаянной попытке убежать от своих мучителей. Король не мог не знать, как к нему относится простой народ или, скажем, императрица Елизавета Австрийская, на гостеприимство которой он вполне мог рассчитывать (ее родовой замок Поссенхофен на противоположном берегу озера находится примерно напротив того места, где несчастный Людвиг пытался войти в воду). Конечно, в одночасье лишившись всего, что было ему дорого, Людвиг, возможно, так и не смог бы примириться с участью изгнанника; но в его положении не думают о последствиях. Дальнейшее известно: организм не выдержал потрясений, и Людвиг погиб в ледяной воде (температура воды в Штарнбергском озере даже в жаркую погоду не располагает к длительным купаниям) вследствие судороги или

рефлекторной остановки дыхания.

Мы кардинально не пересматриваем официальную версию смерти баварского короля. Просто наша попытка его реабилитации привела к существенно иной расстановке акцентов.

А теперь, отбросив возможные варианты развития событий, о которых мы просто не можем знать в силу недостаточной информации, выдвинем обещанную четвертую версию: Людвиг II в состоянии аффекта совершил попытку *неподготовленного* побега, в результате которой пал жертвой несчастного случая; доктор Гудден, пытаясь остановить короля, погиб также в результате несчастного случая. Никто не совершал самоубийства и сознательно никого не убивал. Мы не настаиваем, что это предположение — истина в последней инстанции. Но при существующей завесе секретности вокруг смерти Людвига II наша гипотеза имеет такое же право на существование, как и рассмотренные выше, включая официально принятую, и даже более правдоподобна, нежели вторая и третья версии.

Еще одно немаловажное обстоятельство: тот факт, что Людвиг II был похоронен в храме со всеми подобающими его сану почестями, свидетельствует, что Церковь не приняла официального заключения о самоубийстве. Самоубийц не хоронят в освященной земле, тем более в храме. То, что в данном случае «самоубийцей» был король (напомним одну юридическую тонкость — Людвиг был объявлен недееспособным с назначением регентом его дяди, принца Луитпольда, то есть юридически продолжал оставаться законным монархом), не могло сыграть решающей роли для Церкви, давшей разрешение на погребение под сводами храма — законы Бога выше законов земной власти. Но Людвиг похоронен в самом центре Мюнхена, столицы Баварии, в одном из главных храмов — церкви Святого Михаила, где в склепе под хорами покоятся члены семьи Витгельсбахов, включая Максимилиана I и строителя храма герцога Вильгельма V...

Вот мы и подошли к финалу нашей печальной истории. Позволим себе привести еще одну пространную цитату из воспоминаний очевидца, присутствовавшего на церемонии погребения Людвига II, очень ярко демонстрирующую любовь баварского народа к своему монарху:

«Перевоз тела короля Людвига II в Мюнхен состоялся ночью (на 15 июня. — М. З.) во избежание народного волнения. Выехав из замка [Берг] в 9 ч. 30 мин. вечера, процессия прибыла в Мюнхен только во втором часу ночи. Но, несмотря на позднее время, народ наполнял все дороги к городу, улицы и площади Мюнхена, волнуясь и негодуя, молясь за душу короля. Плакали не только женщины, но и мужчины. Отовсюду, даже позже из

Америки, было прислано столько венков (всё больше из роз, ландышей и жасмина), что гроб совершенно в них утопал. Сначала его поставили в Театинеркирхе^[129] в часовне Мучеников, что так подходило к этому мученику людской злобы!.. Мюнхенцы по пути процессии падали с рыданием на колени. Не допущенные еще на поклонение телу короля, они отправились на Мариинскую площадь и там провели всю ночь на коленях, в горячей молитве о душе короля, перед находящейся там статуей Мадонны, к подножию которой женщины, рыдая, клали венки цветов. Наутро (15 июня. — М. 3.) происходило вскрытие и бальзамирование тела короля и приготовление храма; и народ опять прождал всю ночь и только 17-го был допущен проститься с королем, что происходило и 18-го. В Мюнхен пришло много крестьян и горцев.

Вокруг гроба, поставленного на тройном катафалке так прямо, что король представлялся почти в стоячем положении, был совершенно тропический сад, с широколиственными пальмами, колыхавшимися над головой короля, не утратившего и в гробу, несмотря на бледность, свою замечательную красоту. Зная, что король не любил военной формы, его одели в костюм рыцаря Св. Губерта, гроссмейстером ордена которого он состоял: в черный костюм с белой кружевной фрезой у шеи и рук, с брильянтовой цепью на груди. Одна рука короля опиралась на рукоятку надетого на него орденского меча; в другой, прижатой к груди, он держал маленький венок из жасмина, присланный его верным другом, австрийской императрицей Елизаветой. Черный бархатный, опушенный горностаем, гроб был покрыт рыцарским плащом, черным атласным, подбитым белым атласом. Для погребения в склепе старинной династии Виттельсбахов тело Людвига было перевезено 19 июня в Михаэлькирхе (церковь Святого Михаила. — М. 3.), и шествие было так торжественно и многолюдно, особенно длинной процессией всевозможных монашеских орденов, пилигримов и пр., что небольшое расстояние от одной церкви до другой было пройдено в два часа. Нечего и говорить о множестве собравшегося народа! В церкви во время заупокойной обедни раздавались всюду рыдания; дамы падали в обморок... Склеп под церковью очень обширен, и свод его поддерживается четырьмя колоннами из красного мрамора, между которыми за решеткой стоят гробницы, некоторые из которых очень древние. В глубине, в середине, у стены маленький престол из серого камня с таким же над ним распятием, а подле него находится гробница Людвига II. Это грандиозный саркофаг из темно-серого мрамора на львиных ножках, в который и вставлен гроб короля. Наверху крыши золоченая корона. На передней части гробницы — герб короля с лавровыми

ветками по сторонам и херувимом внизу, под которым на нижней части гробницы выпуклая надпись с именем и датами... Когда в день погребения Людвига II гроб его вставили в саркофаг, был дан сигнал пушечной пальбой о том моменте массе народа, коленопреклоненного, молившегося вне церкви; и в это самое время небо, с утра улыбавшееся голубизной и полной ясностью, вдруг покрылось внезапно набежавшими тучами и над Мюнхеном разразилась такая страшная гроза, что раскаты грома заглушали пушечную пальбу и колокольный звон всех церквей города. «Сама природа возмутилась людской несправедливостью!» — восклицали приверженные королю люди»^{183}.

Не одни баварцы скорбели по почившему королю: «Когда враги Людвига стали распускать слухи о его сумасшествии, Елизавета Австрийская, сильно этим возмущенная, заведя речь о шекспировском Гамлете, прибавила: «Я готова верить, что те люди, которых считают сумасшедшими, в сущности самые умные люди!» Когда же его настойчиво стали признавать душевнобольным, она была страшно этим возмущена, так же как и император Франц Иосиф, всячески старавшийся спасти Людвига, неотступно прося не лишать его престола или, по крайней мере, сделать это временным»^{184}.

Восемнадцатого июня Елизавета приехала в Мюнхен, чтобы лично проститься со своим двоюродным племянником и единомышленником. Стоя у гроба, она внезапно потеряла сознание. Очевидцы свидетельствовали, что, придя в себя, она «кричала, как безумная: «Оставьте короля в этой комнате! Он не умер; он только притворяется мертвым, чтобы его оставили в покое и больше не терзали»^{185}.

Предстояла еще церемония перевоза сердца Людвига II в мавзолей города Альтёттинг (Altötting) в Верхней Баварии, где покоятся сердца членов династии Виттельсбахов: «В продолжение нескольких дней мюнхенцы толпились перед окном ювелира, в котором была выставлена превосходной работы серебряная вызолоченная урна в стиле Людовика XIV с двумя ветками по бокам: альпийской розы и эдельвейса. Урна эта предназначалась для сердца Людвига II. И вот 16 августа это набальзамированное, хранившееся в цинковом сосуде, сердце было положено при торжественном богослужении в урну, с которой архиепископ Тюрк поместился в карету, запряженную шестеркой лошадей, и в большой процессии, в сопровождении войска, отправился в путь, всюду встречаемый массой со всех сторон стекавшегося народа»^{186}.

Альтёттинг, известный с VIII века как самое раннее христианское

поселение на территории Германии, посещается ежегодно полумиллионом паломников со всех концов католического мира. Центром притяжения для них является расположенная на главной площади города Капелльплац (Kapellplatz) — старинная часовня Гнаденкапелле (Gnadenkapelle)^[130]. Паломники мечтают поклониться чудотворной деревянной статуе, так называемой Черной Мадонне, датируемой началом XIII века и находящейся как раз в Гнаденкапелле. В часовне хранится и 21 урна с сердцами членов династии Виттельсбахов.

В стене напротив алтаря сделана большая полукруглая ниша из черного мрамора, разделенная на два уровня; верхний занимают серебряные урны с сердцами родителей Людвига II — Максимилиана II и королевы Марии; на нижнем покоятся сердца прадеда Людвига, Максимилиана I, деда, Людвига I, и его самого. (Символично, что даже после смерти Людвиг оказался рядом не со своим отцом, а с любимым дедом.) На черном мраморе постамента золотыми буквами начертано: «König Ludwig II v. Bayern».

Стоя в полумраке маленькой часовни и глядя на печальные урны в нишах, почему-то невольно вспоминаешь мрачную сказку Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Там проданные злему горному духу сердца заключались в сосуды, на которых писались имена прежних владельцев сердец. Только в сказке Гауфа сердца продолжали страдать, а здесь, в священном месте, под покровительством Пресвятой Девы, царственные сердца навеки упокоились.

Кончилась служба, погашены огни алтаря, одна за другой гаснут лампы... Золото урны, хранящей частицу праха страдальца-короля, блестит всё бледнее. Всё выглядит так же, как и более сотни лет назад, когда эти места посещала путешественница и правдоискательница из России С. И. Лаврентьева: «Полумрак все больше окутывал высокий свод и углы капеллы, в которой то тут, то там тускло мерцали блики серебра. Вот еще один огонек красной стеклянной лампы бледно-кровавым светом скользнул по чуть сверкнувшему золоту урны и, трепетно поколыхавшись в неугасимой лампаде, засветился мягко и мирно... И мир и тишина снизошли на золотую, чуть сиявшую урну»^[187].

Давайте и мы тихо постоим в стороне и мысленно попрощаемся с последним королем-романтиком, после смерти подарившим своей стране сказку о самом себе.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДВИГА II БАВАРСКОГО

1845, 25 августа — в семье баварского кронпринца Максимилиана и его супруги Марии родился первенец.

26 августа — крещен в Нимфенбурге архиепископом Мюнхенским и Фрайзингским, наречен Отто Людвиг Фридрих Вильгельмом.

1848, 20 марта — отречение баварского короля Людвига I в пользу сына Максимилиана.

27 апреля — рождение младшего брата Отто.

1856 — начал учебу по гимназическому курсу.

1857, 23 августа — впервые предпринял серьезный поход в горы близ замка Хоэншвангау.

1861, 2 февраля — впервые слушал оперу Рихарда Вагнера «Лоэнгрин».

1862 — для завершения образования посещал лекции в Мюнхенском университете.

1863, 16–17 августа — впервые встретился с будущим канцлером Германской империи Отто фон Бисмарком.

1864, 10 марта — после скоропостижной смерти отца провозглашен королем Людвигом II.

4 мая — впервые встретился с Вагнером.

10 июля — 11 августа — отдых в Киссингене на водах семьи русского императора Александра II; знакомство императрицы Марии Александровны с баварским королем.

29 декабря — обсудил с архитектором Готфридом Земпером проект вагнеровского театра в Мюнхене.

1865, 18 октября — впервые совершил поездку в Швейцарию.

10 декабря — вынужденный отъезд Рихарда Вагнера из Мюнхена.

1866, 29 марта — назначение наперсника детских игр Людвига II графа фон Хольнштайна обер-шталмейстером.

10 мая — объявление в Баварии военной мобилизации.

16 июня — вторжение прусской армии в Ганновер, Гессен и Саксонию.

17 июня — объявление Австрией войны Пруссии.

2 июля — обратился к народу с призывом бороться за «сохранение

общего германского отечества».

1 августа — сдача Нюрнберга прусским войскам; объявление трехнедельного перемирия с Пруссией.

22 августа — заключение мирного договора между Баварией и Пруссией.

23 августа — в Праге, оккупированной прусскими войсками, подписан мирный договор между Австрией и Пруссией, завершивший Австро-прусскую войну.

1867, 22 января — помолвлен с принцессой Софией Баварской, сестрой императрицы Елизаветы Австрийской.

24 апреля — впервые в качестве гроссмейстера рыцарского ордена Святого Георга присутствовал на праздновании двухсотлетия ордена.

1–3 июля — посетил Вартбург — прообраз будущего Нойшванштайна.

20–29 июля — инкогнито посетил Париж и Версаль.

Октябрь — разорвал помолвку с принцессой Софией.

1868, 29 февраля — смерть Людвига I в Ницце.

Сентябрь — принимал в замке Берг императрицу Марию Александровну.

1869, 5 сентября — закладка первого камня в основание замка Нойшванштайн.

1870, 16 июля — объявление в Баварии военной мобилизации из-за конфликта между Францией и Пруссией.

19 июля — начало Франко-прусской войны.

3 декабря — написал историческое «Императорское письмо» прусскому королю Вильгельму с предложением принять императорскую корону.

1871, 18 января — провозглашение Германской империи — Второго рейха.

28 января — перемирие между Францией и Пруссией.

26 февраля — подписание в Версале предварительного мирного договора между Францией и Пруссией.

10 мая — подписание мирного договора, завершившего Франко-прусскую войну; первый серьезный припадок душевной болезни у кронпринца Отто.

23 сентября — посетил Страстной фестиваль в Обераммергау.

1872, 15 января — официальный диагноз кронпринцу Отто: «душевная болезнь, прогрессирующее слабоумие».

25 августа — завершение строительства «замка» Шахен.

1873, 25 сентября — получил первую выплату из фонда Вельфов —

270 тысяч марок.

1874, 21 января — в основном завершено строительство замка Линдерхоф.

21–28 августа — совершил вторую поездку в Париж.

Октябрь — последний раз посетил в Мюнхене фольклорный фестиваль Октоберфест.

12 октября — официальный переход королевы Марии из лютеранства в католичество.

1875, 27 мая — буйный припадок у кронпринца Отто на богослужении во Фрауенкирхе.

22 августа — в последний раз присутствовал вместе с кронпринцем Отто на военном параде.

24–27 августа — посетил Реймс — место коронации французских государей.

15 октября — освящение скульптурной группы «Распятие» в Обераммергау.

1876, 10 февраля — дал последний торжественный прием в Мюнхенской королевской резиденции.

Май — купил Мавританский павильон для замка Линдерхоф.

Ночь на 6 августа — прибыл в Байройт на генеральную репетицию тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» перед открытием Первого Байройтского фестиваля.

9 августа — уехал из Байройта.

1877, 25 августа — завершение постройки Грота Венеры в парке замка Линдерхоф.

Лето — постройка Хижины Гурнеманца в парке замка Линдерхоф.

1878, 21 мая — закладка первого камня в основание замка Херренкимзее.

25 ноября — купил на Всемирной выставке в Париже Марокканский павильон для парка замка Линдерхоф.

1879, весна — начало отделочных работ в Херренкимзее.

1880, 13 марта — помещение кронпринца Отто в замок Фюрстенрид под постоянное наблюдение врачей.

26 апреля — в последний раз присутствовал на традиционных торжествах ордена Святого Георга.

22 августа — в последний раз обратился с речью к баварскому народу.

12 декабря — впервые остановился на ночлег в Нойшванштайне.

1881, июнь — в течение двух недель принимал в Линдерхофе молодого актера Йозефа Кайнца.

27 июня — 14 июля — совершил вместе с Кайнцем путешествие в Швейцарию.

11 июля — поссорился с Кайнцем.

1882, 29 сентября — 8 октября — жил в монастыре августинцев на острове Херренинзель, следя за строительством Херренкимзее.

1883, 2 января — отправил Вагнеру последнюю телеграмму.

13 февраля — смерть Рихарда Вагнера.

Удалил от двора графа фон Хольнштайна; назначил своим личным адъютантом графа Альфреда Карла Николауса Александра Экбрехта фон Дюркхайм-Манмартена.

1884, 16 мая — купил руины замка Фалькенштайн.

27 мая — 8 июня — проживал в Нойшванштайне.

1885, 12 мая — в последний раз посетил представление Мюнхенского королевского придворного и национального театра; уехал из Мюнхена.

7—16 сентября — проживал в Херренкимзее.

1886, 8 января — получил от премьер-министра Лутца совет ходатайствовать перед правительством о единовременном пожертвовании в личный фонд короля 20 миллионов марок «из избытков государственного бюджета».

23 марта — первая встреча Лутца и министра иностранных дел и королевского двора барона Краффта фон Крайльсхайма с психиатром Бернхардом фон Гудденом, согласившимся признать короля душевнобольным.

17 апреля — категорический отказ баварского правительства выплачивать в дальнейшем королевские долги из казны; лишение короля какой-либо финансовой помощи.

5 мая — получил ультиматум от кабинета министров о немедленном возвращении в столицу.

7 июня — Лутцем, Краффтом фон Крайльсхаймом и принцем Луитпольдом впервые публично высказаны мнение о тяжелом расстройстве психики короля и требование о его медицинском освидетельствовании.

8 июня — подписание врачами «обвинительного акта», якобы доказывающего недееспособность короля.

9 июня — первый приезд в Нойшванштайн «позорной депутации» с целью арестовать короля.

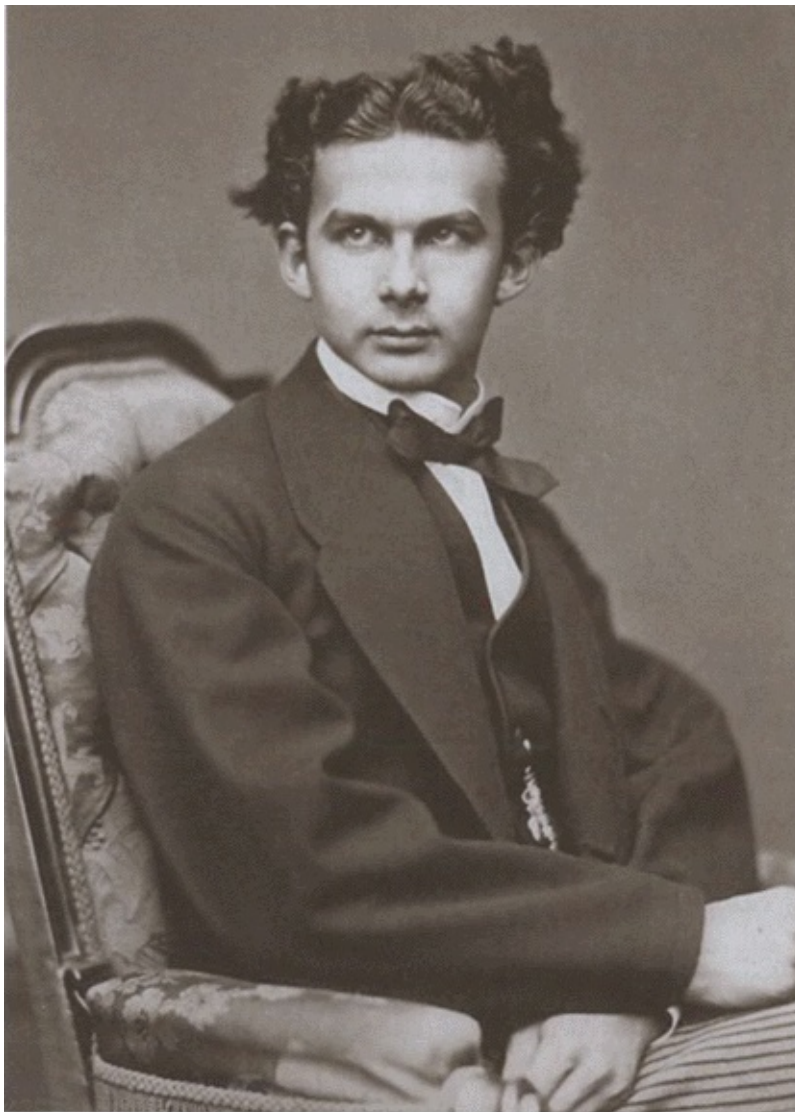
10 июня — принятие принцем Луитпольдом регентства.

12 июня — после второго приезда «позорной депутации» арестован и перевезен из Нойшванштайна в Берг.

13 июня — погиб вместе с доктором Бернхардом фон Гудденом на

Штарнбергском озере.

ИЛЮСТРАЦИИ

Ludwig.

*Баварский король Людвиг I Виттельсбах, любимый дед Людвига II.
Фото Ф. Ханфштэнгля. 1860 г.*

Король Максимилиан II отец Людвига. Фото Ф. Ханфштэнгля

Валгалла — зал славы, построенный Людвигом I

Королева Мария, мать Людвига. Й. Штилер. 1843 г.

Людвиг на первом году жизни. Рисунок А. Гротефенда. 1846 г.

Дворец Нимфенбург, летняя резиденция баварских королей — место рождения Людвига

Наследный принц Людвиг Баварский (слева) с родителями и младшим братом Отто. Фото Й. Альберта. 1860 г.

*Принцы Людвиг и Отто в охотничьих костюмах в замке Хоэншвангау.
Фото Й. Альберта. 1860 г.*

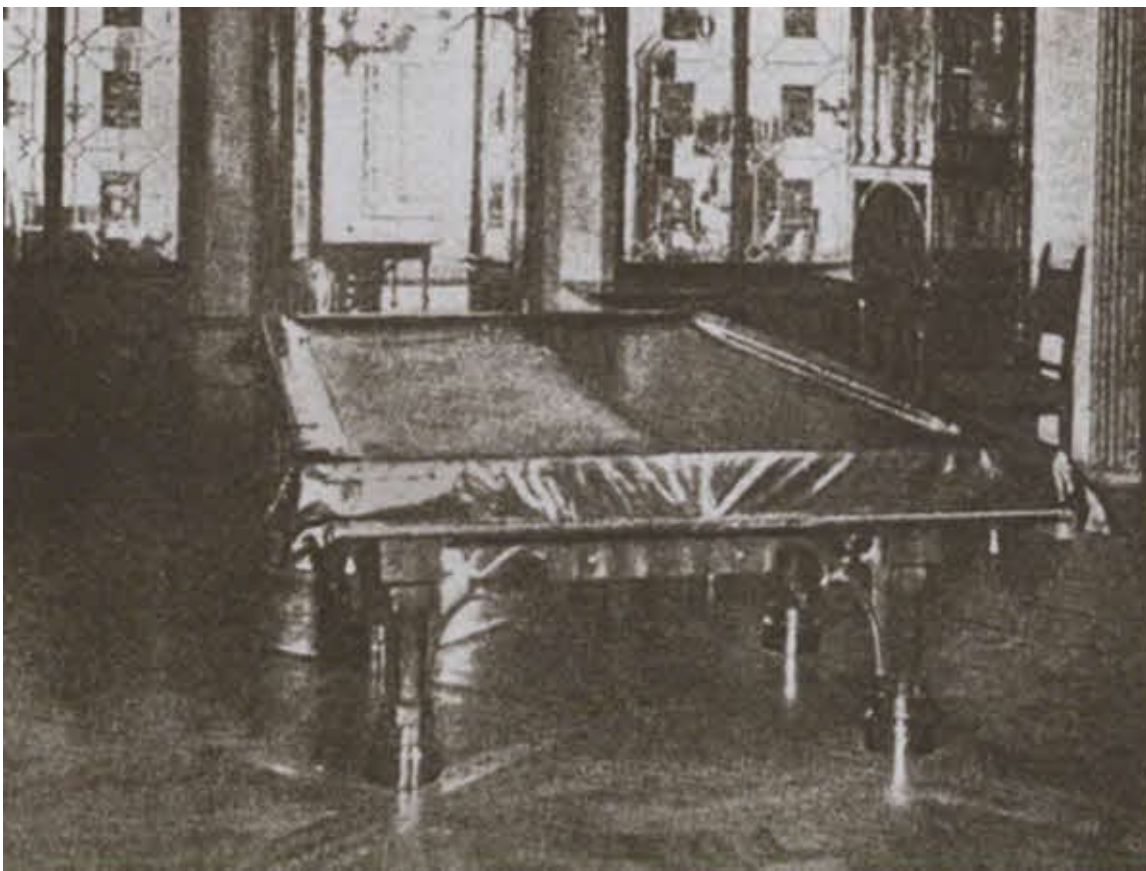
Хоэнишвангау — Лебединый замок детства Людвига II

Королева Мария с сыновьями в Хоэншвангау. Фото 1860 г.

Кронпринц Людвиг и принц Отто

Королевский бильярд в Хоэншвангау на Рождество превращался в стол для подарков

Людвиг верхом. Рисунок Я. Мельхера. 1865 г.

Один из портретов «галереи красавиц» Людвига II — благородная кобыла Антигона и обершталмейстер Макс фон Хольнштайн. Ф. Пфайффер

Австрийская императрица Елизавета (Сиси) — единственная родственная Людвигу душа. Литография А. Даутхаге. 1867 г.

***Король Людвиг II с невестой Софией Баварской, младшей сестрой Сиси.
Фото Й. Альберта. 1867 г.***

Людовиг был рад принимать у себя российскую императрицу Марию Александровну с дочерью Марией. Фото 1860-х гг.

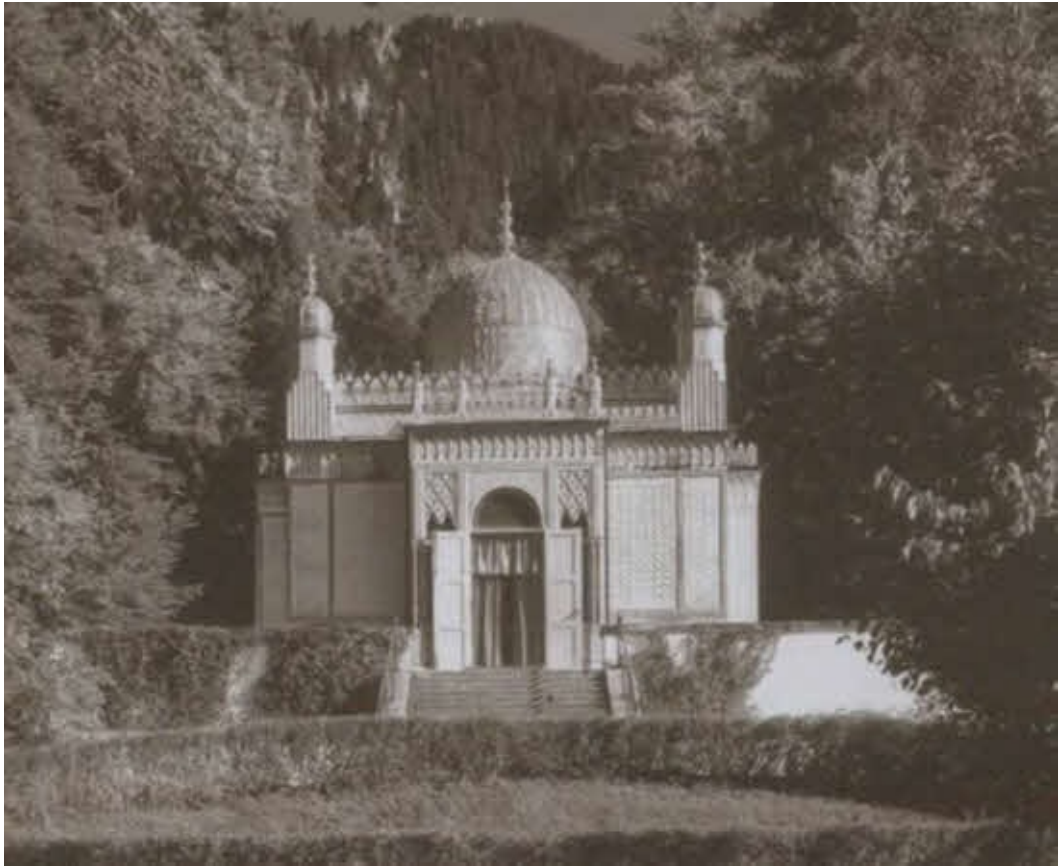
Рихард и Козима Вагнер. Фото 1872 г.

Замок Линдерхоф

Столовая со «столом-самобранкой» в замке Линдерхоф

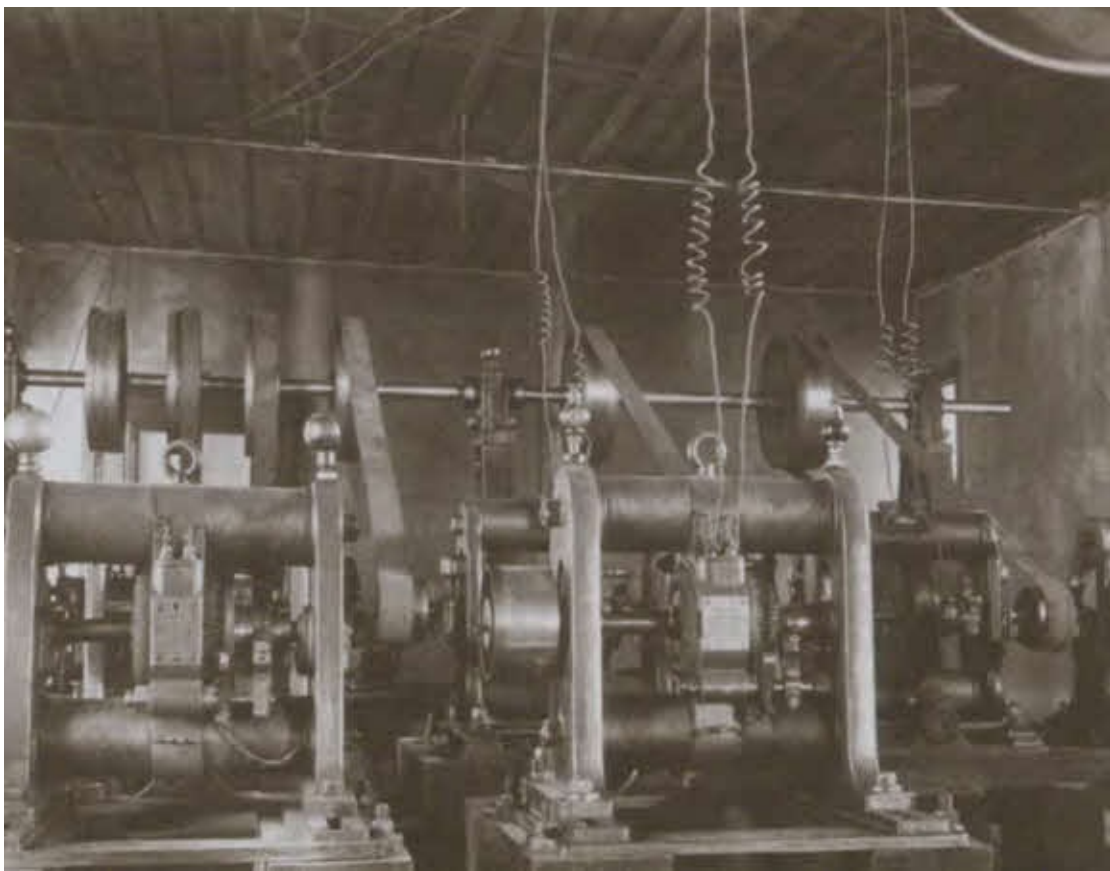

Мавританский павильон в парке замка Линдерхоф

Грот Венеры в парке замка Линдерхоф

Инженерная комната Грота Венеры

Хижина Хундинга в парке замка Линдерхоф

Шахен — место для уединения короля в горах на высоте 1800 метров

Парадный портрет Людвига II Баварского. Ф. Пилоти. 1865 г.

Дом Виттельсбахов. Роспись по фарфору Ф. Талльмайера. 1880 г.

«Рождение» сказочного замка Нойшванштайн. Фото 1882–1885 гг.

Тронный зал Нойшванштайна

Гостиная Нойшванштайна

Королевская спальня в Нойшванштайне

Телефон — одна из технических новинок Нойшванштайна

Чернильница и перо, при помощи которых Людвиг написал прусскому королю Вильгельму «Императорское письмо»

Кухня Нойшванштайна оборудована автоматическими вертелами и водопроводом

Мраморная скульптурная группа «Распятие» — дар короля жителям деревни Обераммергау

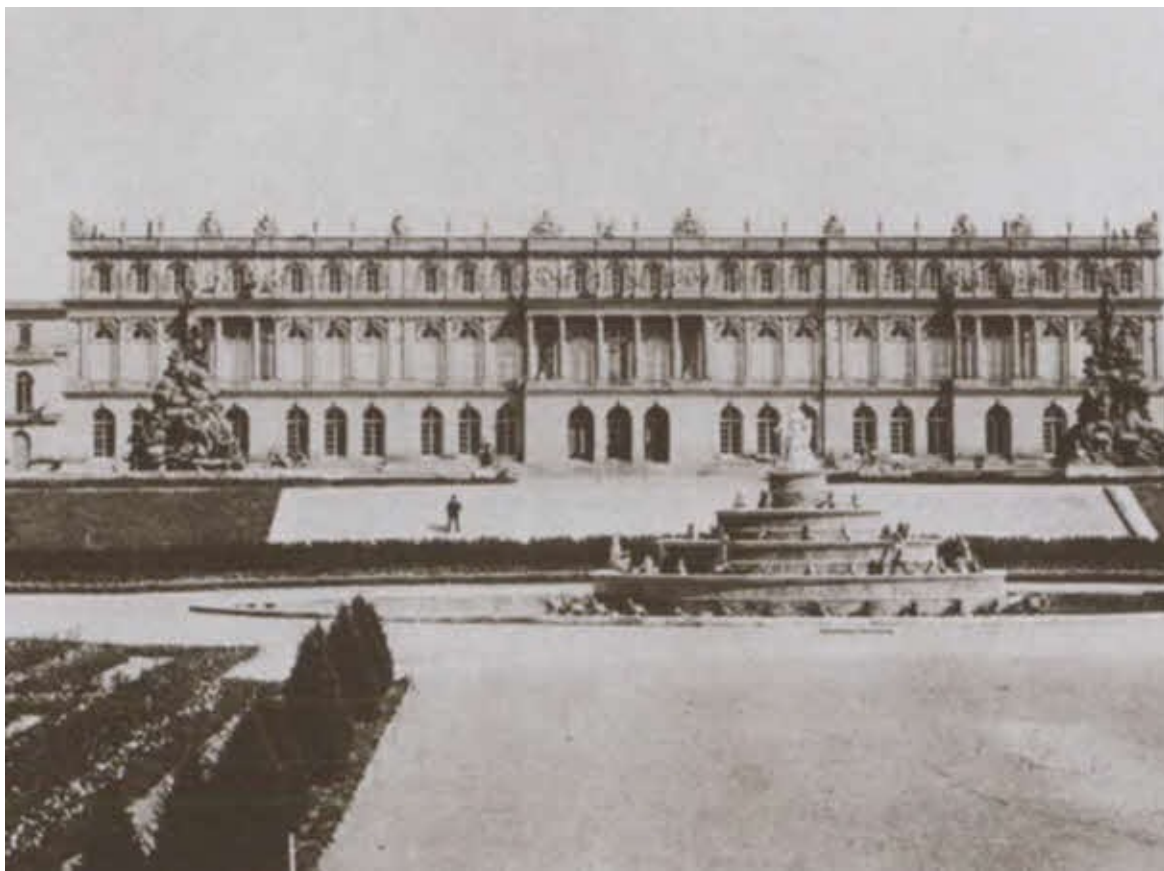
Людвиг II и актер Йозеф Кайнц. Фото 1881 г.

Актриса Лилла фон Бульовски

Актриса Мария Дан-Хаусман. Фото 1860 г.

Замок Хсррснкимзее. Фото 1887 г.

Парадная (Южная) лестница замка Херренкимзее

Зеркальная галерея — подражание Версалю

Кумир баварского короля Людовик XIV. Рельеф над камином в Зале войны в Херренкимзее

Павлин — олицетворение абсолютной монаршей власти

«Злейший друг» Людвига II граф Максимилиан фон Хольнштайн

Принц Луитпольд, вскоре ставший принцем-регентом. Фото 1885 г.

Отто фон Бисмарк с любимыми догами. Фото 1891 г.

Глава баварского правительства барон Иоганн фон Лутц. Фото 1886 г.

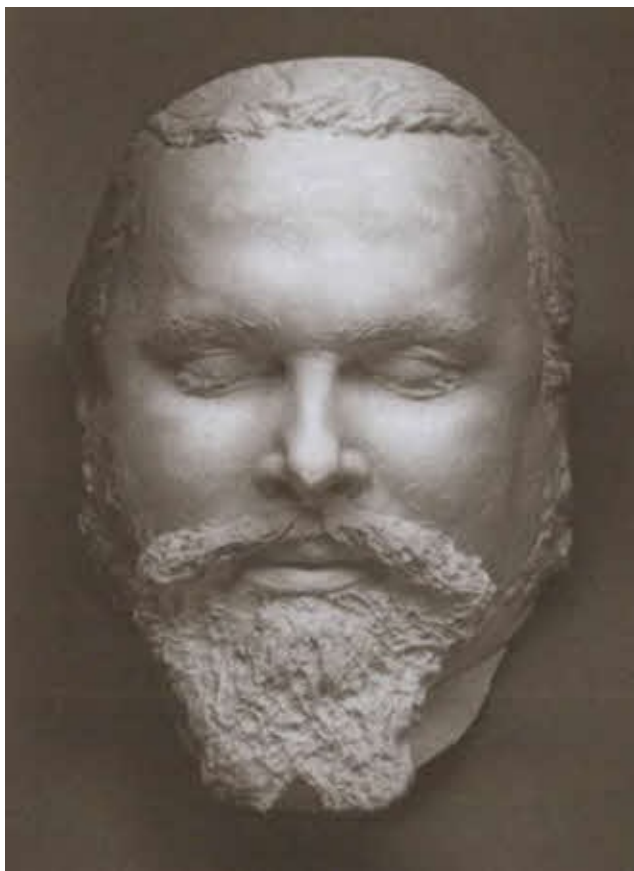
Замок Берг — последнее место обитания отстраненного от власти короля. Акварель А. Якоба. Конец XIX в.

Людвиг II. Фото Й. Альберта. 1885 г.

Доктор Бернхард фон Гудден. Фото 1886 г.

Посмертная маска Людвига II

Спальня Людвига в Берге

Посмертный портрет Людвига II в одеянии гроссмейстера ордена Святого Георга. Г. Шахингер. 1887 г.

Берег Штарнбергского озера. В воде — поминальный крест на месте обнаружения тела короля. Фото автора

Часовня-мемориал Людвига II на Штарнбергском озере. Фото автора

Нойшванштайн — один из символов Баварии, хранящий память о последнем короле-романтике

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александрова В.* Людовик II, король Баварский. М., 1911.
- Вагнер Р.* Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям: В 4 т. Т. 4. М., 1911.
- Вагнер Р.* Избранные работы. М., 1978.
- Вагнер Р.* Моя жизнь: В 2 т. М., 2014.
- Залесская М. К.* Вагнер. М., 2011 (серия «ЖЗЛ»).
- Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский. СПб., 1900.
- Лаврентьева С. И.* Одинокый: Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914.
- Лиштанберже А.* Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997.
- Медведев А., Новиков Т.* Белый лебедь: Король Людвиг II. СПб., 1998.
- Albrecht G.* Seine Majestät der König. Aus dem Leben Ludwigs II von Bayern. München, 1995/
- Andreas E* Die vorletzte Nacht. Ludwig II. Wien, 1955.
- Bainville J.* Louis II de Bavière. Un Roi Wagnorien. Paris, 1911.
- Bauer R.* Königliche Grüße Ludwig II in Postkarten. München, 1986.
- Baumgartner G.* Königliche Träume Ludwig II und seine Bauten. München, 1981.
- Berg* König Ludwig II von Bayern. Das Lebensbild eines deutschen Fürsten volksthümlich geschildert. Leipzig, 1886.
- Bertram W.* Der einsame König. Erinnerungen an Ludwig II von Bayern. München, 1936.
- Beyer C.* Ludwig II. König von Bayern. Ein Charakterbild nach Mitteilungen hochstehender und bekannter Persönlichkeiten und nach anderen authentischen Quellen. Des Königs Aufenthalt am Vierwaldstättersee und sein Verkehr mit Josef Kainz. Leipzig, 1900.
- Binzer K. von.* Die Schlösser König Ludwigs II von Bayern: Neuschwanstein — Hohenschwangau — Linderhof — Herrenchiemsee — Berg. Ein Begleiter auf der Reise. München, 1888.
- Blunt W.* König Ludwig II. von Bayern. München, 1970.
- Böhm G. von.* Ludwig II König von Bayern. Sein Leben und seine Zeit.

Ausführliche Biographie Ludwigs II mit umfangreicher Analyse seines Lebens. Berlin, 1924.

Botzenhart Ch. Die Regierungstätigkeit König Ludwig II von Bayern — «ein Schattenkönig ohne Macht will ich nicht sein». München, 2004.

Brand L, Vogl M. Ludwig II. König von Bayern Seine Welt, sein Wesen, sein Wirken. Berlin, 1995.

Brunner E. Der tragische König: Leben und Tod König Ludwig II von Bayern. Die wahre Geschichte des letzten wirklichen Monarchen seines Jahrhunderts. Berlin, 1998.

Craemer J. L. Die bayerischen Königsschlösser in Wort und Bild. Die Schwangauer Schlösser. München, 1891.

Craemer J. L. Schloß Herrenchiemsee das bayerische Versailles in Wort und Bild. München, 1886.

Desing J. Eine Königstragödie. Ein Bericht über den Tod König Ludwigs II von Bayern. Lechbruck, 1992.

Desing J. König Ludwig II. Sein Leben — sein Ende. Lechbruck, 1976.

Desing J. Königsschloß Neuschwanstein. Lechbruck, 1992.

Desing J. Wahnsinn oder Verrat War König Ludwig II geisteskrank. Lechbruck, 1996.

Dörflinger R. Ludwig II: Was ihn prägte. Augsburg, 1983.

Eger M. Dr. Königsfreundschaft: Legende und Wirklichkeit. Bayreuth, 1987.

Eisert B. Ludwig II. Leben — Wirken — Sterben. München, 1979.

Ettmayr C. Die Gedächtnis-Kapelle für König Ludwig II und die Königs-Kapelle im Parke des Schloßes Berg. München, 1901.

Evers H. G. Ludwig II. Theaterfürst — König — Bauherr. München, 1986.

Fazy Ed. Louis II et Richard Wagner. Paris, 1893.

Fischach H. Dem König sein Schwalangschär. Eine bayerische Novelle. Dachau, 1986.

ForgK. G. Schloß Herrenchiemsee und die Fraueninsel. Rosenheim, 1998.

Forster G. Die Königstragödie am Stambergersee. Die Wahrheit über den Tod des unvergeßlichen Bayemkönig Ludwig II. Nach Aufzeichnungen und mündlichen Überlieferungen von Zeitgenossen König Ludwig II bearbeitet. München, 1932.

Fortenbach H. Wahn und Wirklichkeit. Ein Roman um König Ludwig II von Bayern. Berlin, 1961.

Gathmann E. Wahnsinn oder Verbrechen? Hinter den Kulissen der Tragödie Ludwigs II von Bayern. Pähl, 1952.

Gebhardt H. König Ludwig II und seine verbrannte Braut Unveröffentlichte

Liebesbriefe Prinzessin Sophie's an Edgar Hanfstaengl. München, 1986.

Gerold O. (Hrsg.) Die letzten Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903.

Gerster E. C. Der Charakter Ludwigs II von Bayern. Eine psychologisch-psychiatrische Studie auf Grund authentischer Mitteilungen und eigener Beobachtung. Leipzig, 1886.

Glaser C. E. Das Leben Richard Wagners. Leipzig, 1904–1905.

Glowasz P. Auf den Spuren des Märchenkönigs. Berlin, 1988.

Glowasz R. Das Geheimnis um den Sarkophag König Ludwigs II von Bayern. Berlin, 1994.

Glowasz P. Wurde Ludwig II erschossen? Berlin, 1991.

Götterdämmerung: Aufsätze und Katalog. Darmstadt, 2011.

Graser A. Die letzten Tage Ludwigs II. Nebst Lebensbeschreibung und Portrait sowie Abbildungen der Schlösser Neuschwanstein und Herrenchiemsee. Nach authentischen Berichten bearbeitet. Stuttgart, 1886.

Grashoff B. Die Memoiren Ludwigs II oder Schwierigkeiten im Umgang mit Kitsch. München, 1975.

Greciano G. Ludwig II von Bayern lehrte mich Deutschland lieben. München, 1965.

Gregor-Dellin M., Herre E., Möckl K., Petzet M., Prinz E., Schwaiger G. Ludwig II. Die Tragik des Märchenkönigs. Regensburg, 1986.

Grunwald K. von. Ludwig II. Die dramatische Geschichte eines Märchenkönigs. Stuttgart, 1986.

Haasen G. Hohenschwangau. Vom Zauber eines romantischen Schlösser. München, 1998.

Haasen G. Ludwig II. Briefe an seine Erzieherin. München, 1995.

Hanfstaengel E. Das Königsschloß Herrenchiemsee. München, 1925

Hanfstaengl E. Bayerische Königsschlösser Linderhof — Herrenchiemsee — Neuschwanstein. München, 1958.

Hansen W. Richard Wagner: Biographie. München, 2006.

Hanslik E. Auf zur Sonne Königsschwan Ludwig II in zeitgenössischen Gedichten und Liedern. München, 1986.

Haufflgen P. von. Ludwig II. König von Bayern. Sein Leben und Ende. Hamburg, 1886.

Häfner H. Ein König wird beseitigt. Ludwig II von Bayern. München, 2008.

Heigel K. August von. König Ludwig II von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893.

Heigel K. Theodor von. Im Auftrag des Königs Ludwig II eine treffliche

Biographie Ludwigs I, Königs von Bayern. Leipzig, 1872.

Heindl H. Marie — Königin von Bayern Mutter Ludwigs II. München, 1989.

Heißerer D. Ludwig II. Reinbek, 2003.

Herpich M. (Hrsg.) Heldensagen Wandgemälde aus dem Schloße Neuschwanstein von Piloty — Hauschild — Aigner — Ille. München, 1931.

Herre E. Ludwig II von Bayern. Sein Leben. Sein Land. Seine Zeit. Stuttgart, 1986.

Herzfeld E. Königsfreundschaft Ludwig II und Richard Wagner. Leipzig, 1939.

Hiemeis T. Aus meiner Lehrzeit in der Hofküche König Ludwigs II von Bayern. München, 1940.

Hiemeis T. Ein Mundkoch erinnert sich an Ludwig II. München, 1972.

Hiemeis T. König Ludwig II speist: Erinnerungen seines Hofkochs. München, 2010.

Hilmes O. Ludwig II. Der unzeitgemäße König. München, 2013.

Hollweck L. (Hrsg.) Er war ein König. Ludwig II von Bayern. Erlebtes, Erforschtes, Erdichtetes von Zeitgenossen und Nachfahren. München, 1979.

Hommel K. Der Theaterkönig Ludwig II von Bayern. München, 1980.

Hörmann E (Hrsg.) Die letzten Lebenstage Ludwigs II. Der sensationelle Bericht eines Augenzeugen Köppelstätter Aufzeichnungen. Aichach, 1996.

Hüttl L. Ludwig II. König von Bayern. München; Gütersloh, 1986.

Janetscheck O. Der König und sein Meister. Ein Roman um Ludwig II von Bayern und Richard Wagner. Wien, 1952.

Joss K. König Ludwig II: Ausstellungskatalog. Rosenheim, 1996.

Köbell L. von. Bayerische Königsschlösser. München, 1898.

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898.

König Ludwig II — Musseum Herrenhimsee. München, 1986.

Kolb A. König Ludwig von Bayern und Richard Wagner. Amsterdam, 1947.

Kronberg M. König und Künstler. Roman König Ludwigs II und Richard Wagner. Leipzig, 1937.

Lampert F. König Ludwig II. Ein Rückblick auf den 13. Juni 1886. Von einem Mitglied der bayerischen Abgeordnetenkommission. Nördlingen, 1886.

Lampert F. Ludwig II. König von Bayern. Ein Lebensbild. München, 1890.

Linde F. Ich der König. Der Untergang Ludwigs II. Leipzig, 1926.

Linde F. König Ludwig und seine Schlösser. Leipzig, 1926.

Linnenkamp R. Die Schlösser und Projekte Ludwigs II. Heyne Stilkunde. München, 1977.

Maier D. Bayerische Königsschlösser. Luzern, 1988.

Meili J.-G. Enthüllungen über das Leben und den Tod König Ludwig II und das reine Gewissen des Grafen Hertling. Zürich, 1919.

Memminger A. Der Bayemkönig Ludwig II. Würzburg, 1920.

Menella, Albert J. Die Königsphantasien. Eine Wanderung zu den Schlössern König Ludwigs II von Bayern. Leipzig, 1888.

Merk T. A., Wackenhut J. Auf König Ludwigs II. Spuren eine Bilderreise. Hamburg, 1997.

Merkle L. Ludwig II und seine Schlößer Die Traumwelt des Märchenkönigs. München, 1995.

Merkt N. Ludwig II. König von Bayern Untersuchungsausschuß des bayerischen Landtages Protokolle aus dem besondern Ausschuß der bayerischen Kammer der Abgeordneten. München, 1987.

Merta F. Die Tagebücher König Ludwigs II von Bayern. Überlieferung, Eigenart und Verfälschung // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. Bd. 53. München, 1990.

Müller F. C. Die letzten Tage König Ludwigs II von Bayern. Nach eigenen Erlebnissen geschildert von Franz Carl Müller, ehem. Assistenzarzt des Ober-Med.-Rat von Gudden. Berlin, 1888.

Müller K. A von. König Ludwig II. Stuttgart, 1952.

Nägele V. Parsifals Mission Ludwig II und Richard Wagner. Köln, 1995.

Neuschwanstein and Hohenschwangau. München, 1983.

Nöhbauer H. E Auf den Spuren Ludwigs II. München, 1986.

Nöhbauer H. E Ludwig II. Köln, 1998.

Obermaier S. (Hrsg.) Das geheime Tagebuch König Ludwigs II von Bayern. München, 1986.

Petzet D., Hartl J. Herrenchiemsee Königsschloß. München, 1988.

Petzet D., Petzet M. (Hrsg.) Die Richard Wagner Bühne Ludwigs II. München, 1970.

Petzet M., Bunz A. Gebaute Träume Die Schlößer Ludwigs II von Bayern. München, 1995.

Petzet M., Neumeister W. Ludwig II und seine Schlößer München, 1995.

Phillipi E Ludwig II und Joseph Kainz und anderes aus meinem Tagebuch. Berlin, 1913.

Pourtales G. de. Ludwig II oder König Hamlet. München;Zürich, 1982.

Prinz E. Ludwig II. Ein königliches Doppelleben. Berlin, 1993.

Raimar W. Ahnentafel von König Ludwig II von Bayern. Neustadt, 1997.

Rail H., Petzet M., Merta E König Ludwig II. Wirklichkeit und Rätsel. München, 1968.

Rauch A., Frahm K. Ludwig II von Bayern und seine Schlößer. Köln, 1999.

Reichhold K. König Ludwig II von Bayern — zwischen Mythos und Wirklichkeit, Märchen und Alptraum. Stationen eines schlaflosen Lebens. München 1996.

Reiser R. König Ludwig II — Mensch und Mythos zwischen Genialität und Götterdämmerung. Regensburg, 2010.

Reuleaux C. Der letzte Tag unseres geliebten unvergeßlichen König Ludwig II am Starnberger See. München, 1886.

Richter A. Die Geisteskrankheit der bayerischen Könige Ludwig II und Otto. Eine interdisziplinäre Studie mittels Genealogie, Genetik und Statistik. Neustadt an der Aisch, 1997.

Richter W. Ludwig II. König von Bayern. München, 1982.

Schilke E. E. Elisabeth und Ludwig II. München, 1993.

Schlim J. L. Ludwig II — Traum und Technik. München, 2010.

Schmid E. D., Rietscher I. Friedrich Wilhelm Pfeiffer 1822–1891: Maler der Reitpferde König Ludwigs II. Dachau, 1988.

Schmid E. D. Nymphenburg. Schloß, Park und Burgen. München, 1999.

Schmid G. M., Menzel M. Königliche Landschaften Ludwig II und sein Bayern. München, 1986.

Schweiggert A. Ludwig II: Ein König zwischen Gerücht und Wahrheit. München, 2011.

Schweiggert A. Ludwig II und die Frauen. München, 2016.

Schweiggert A. Schattenkönig Otto der Bruder König Ludwigs II von Bayern. München, 1992.

Spangenberg M. Ludwig II: Der andere König (Kleine bayerische Biografien). Regensburg, 2011

Spielmann H. Die Schlösser Ludwig II. Hamburg, 1977.

Strobel O. (Hrsg.) König Ludwig II und Richard Wagner: In 4 Bd. Karlsruhe, 1936.

Tschudi C. König Ludwig II von Bayern. Leipzig, 1910.

Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz. Köln, 1996.

Wahl J., Seitz W. Unser König — König Ludwig II von Bayern. Leben und Träume des Märchenkönigs Ludwig II. München, 1986.

Widemann A. Ein Denkmal für den König. Argumente und Dokumente für die Aufstellung des König Ludwig II. Denkmals in der Mittelnische unterhalb des Friedensengels zu München, nebst Zustimmungserklärungen des bayerischen Volkes. München, 1960.

Wietzorek P. König Ludwig II von Bayern und seine Schlösser. Petersberg, 2011.

Wöbking W Der Tod König Ludwigs II von Bayern. Rosenheim, 1986; 2011.

Wölfel K. Richard Wagner und König Ludwig II von Bayern. Stuttgart, 1993.

Wunderlich A. Ludwig II. Leben — Schlösser — Dynastie. Garmisch Partenkirchen, 1991.

INFO

3-23

Залесская М. К.

Людвиг II: Калейдоскоп отраженного света / Мария Залесская. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 303[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1747).

ISBN 978-5-235-04156-1

УДК 94(430.129)(092)"18"

ББК 63.3(4Гем-9)

знак информационной продукции 16+

Залесская Мария Кирилловна

ЛЮДВИГ II: КАЛЕЙДОСКОП ОТРАЖЕННОГО СВЕТА

Редактор *Е. А. Никулина*

Художественный редактор *А. В. Никитин*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 04.05.2018. Подписано в печать 28.05.2018.
Формат 84х108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 1500 экз. Заказ № 1809560.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

notes

Примечания

Либретто оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда». Перевод В. П. Коломийцова.

«Загадкой вечной буду я себе...» (Мессинская невеста. 1803 г.).

Упомянутая в цитате биография (*Tschudi C, König Ludwig II von Bayern. Leipzig, 1910*) действительно заслуживает внимания.

Штробель и его жена Лизелотта (1918–2003) похоронены на кладбище в Байройте рядом с могилами членов семьи Вагнер; его заслуги перед семьей композитора действительно огромны.

Козима Франческа Гаэтана де Флавиньи (1837–1930) — внебрачная дочь композитора Ференца Листа и графини Марии д'Агу. В 1857 году вышла замуж за дирижера Ганса фон Бюлова, в 1870-м после развода стала женой Рихарда Вагнера. После смерти Вагнера Козима более двадцати лет руководила организацией Байройтских фестивалей.

В 1887 году Иоганн фон Лутц женился третьим браком на Маргарете Ридингер, урожденной Фрецшер (Fretzscher; 1845–1924), и стал отчимом Эрвину — ее сыну от предыдущего брака.

Миннезингер (нем. Minnesinger — букв. поэт любви) — в XII — XIV веках в германских землях поэт-певец, исполнитель произведений рыцарской лирики. Расцвет миннезанга приходится на XII–XIII столетия, когда творили Райнмар фон Хагенау, Вольфрам фон Эшенбах, Вальтер фон дер Фогельвейде.

Мы будем употреблять два варианта написания этого имени: «Парцифаль», когда речь будет идти непосредственно о герое романа немецкого средневекового поэта Вольфрама фон Эшенбаха, а также о дружеском прозвище короля Людвига II, и «Парсифаль», говоря исключительно об опере Рихарда Вагнера, тем более что эта фонетическая форма была предложена и обоснована именно им.

Парцифаль и *Лоэнгрин* — герои немецких сказаний о короле Артуре и рыцарях Святого Грааля. Лоэнгрин (Лоэрангрин), сын Парцифаля, впервые упоминается в поэме Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1210).

Названия глав нашей книги одноименны названиям произведений Александра Тишнина, Арнольда Шёнберга, Уэса Андерсона, Людвиг ван Бетховена, Александра Эбояна и Бенуа Филиппона, Жюль Верна, Вуди Аллена, Романа Полански, Уилки Коллинза, Уильяма Сомерсета Моэма, Артура Кларка, Бориса Пильняка — всех тех, кому таинственное светило было небезразлично.

Замок был разрушен в 1209 году.

Маркграф (*нем.* Markgraf) — букв, граф марки. Первоначально — королевский чиновник, наделенный особыми полномочиями и постоянной военной властью в пограничной области (марке), фактически даже большими, чем у графа или герцога. В Германии некоторые маркграфы (Восточной марки, Бранденбурга, Мейсена и др.) были включены в сословие имперских князей, а их владения стали территориальными княжествами.

Вельфы (нем. Welfen) — немецкий княжеский род, имевший в VIII–IX веках обширные владения в Швабии и Бургундии. В 1070 году Вельф IV (? —1101) получил от германского короля Генриха IV герцогство Баварию, территория которого расширялась благодаря присоединению части саксонских земель. Генрих Гордый Вельф (7—1139) после унаследования им в 1137 году всей Саксонии выставил свою кандидатуру на королевский престол, но в 1138-м князьями был избран его соперник Конрад III Штауфен. Это и послужило началом ожесточенной борьбы между Вельфами и Штауфенами (или Гогенштауфенами), нашедшей отклик даже в Италии — там в XII–XV веках существовало противостояние политических «партий» гвельфов (*ит.* Guelfi от нем. Welfen) и гиббелинов (*ит.* Ghibellini от нем. Weiblingen — названия родового замка Гогенштауфенов).

Курфюрст — *буке*, князь-выборщик (от *нем.* Kur — выбор и Fürst — князь). В Священной Римской империи германской нации с XIII века за курфюрстами было закреплено право избрания императора. Особые привилегии курфюрстов были закреплены в Золотой булле Карла IV в 1356 году. Правители Баварии стали носить этот титул с 1623 года. Внутри империи курфюрсты обладали практически полной политической самостоятельностью. В 1806 году после ликвидации Священной Римской империи германской нации коллегия курфюрстов прекратила существование. Формально титул курфюрста сохранялся до 1866 года лишь за владетелями Гессен-Касселя.

Имена исторических личностей (королевских особ, видных политиков, военных деятелей и т. п.), прочно вошедших в русскоязычную историографию, приводятся в принятом традиционном написании, даже если оно не согласуется с оригинальной транскрипцией.

Пфальцграф (нем. Pfalzgraf) — букв, дворцовый граф; с течением времени титул менял значение: во Франкском королевстве так называли королевского служащего, председательствующего в дворцовом суде; при Каролингах суд пфальцграфа стал обособленным от королевского; в Германии IX–XI веков пфальцграф формально считался королевским должностным лицом. Постепенно пфальцграфы стали владельческими князьями. В 1806 году титул был отменен.

Ян ван Эйк (Jan van Eyck; 1390–1441) — самый крупный фламандский живописец XV века, положивший начало реалистической традиции в алтарной живописи.

«Третье рождение» театра было в 1854 году, когда из-за расширения улицы Максимилианштрассе здание пришлось серьезно перестраивать.

Лео фон Кленце (Klenze; 1784–1864) — немецкий архитектор, художник и писатель. В 1816 году выиграл конкурс на постройку Глиптотеки (1816–1830) в Мюнхене, после чего стал придворным архитектором короля Людвига I. Кроме Глиптотеки, прославился в первую очередь построенными в Мюнхене по заказу Людвига I Пинакотекой (1826–1836), Пантеоном на лугу Терезии (1833–1853) и ансамблем Королевской площади (Кёнигсплац), получив мировое признание. Интересно отметить, что император Николай I, посетив Мюнхен в 1838 году, заказал именно Кленце проект здания «Императорского музеума» (1839–1852), впоследствии получившего название Новый Эрмитаж. Ныне в Баварии за достижения в архитектуре и градостроительстве вручается медаль имени Лео фон Кленце, учрежденная в 1996 году.

Иногда используется также название Галерея полководцев. Но дословный перевод Feldhermhalle — Зал полководцев.

Иоганн Церклас фон Тилли (Tilly; 1559–1632) — граф, германский фельдмаршал (1605). *Карл Филипп Йозеф Вреде* (Wrede; 1767–1838) — светлейший князь (1829), баварский фельдмаршал (1814); с 1822 года состоял генерал-инспектором баварской армии.

На момент открытия в Валгалле находилось 96 бюстов и 64 мемориальные доски (последние заменяли бюсты тех людей, портретных изображений которых не сохранилось). Постепенно количество бюстов увеличивалось. В настоящее время вопрос об установке нового бюста решается баварским правительством при соблюдении единственного условия — должно пройти не менее двадцати лет со дня смерти человека; немецкое происхождение знаменитости роли уже не играет. Интересно отметить, что среди героев Валгаллы находятся четыре бюста тех, кто непосредственно связан с историей России: Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, Ивана Ивановича Дибич-Забалканского, императрицы Екатерины II и Иоганна Бурхарда Кристофа Миниха.

Бюсты, установленные там, были уничтожены во время Второй мировой войны и с тех пор не восстанавливались.

Придворному художнику Йозефу Карлу Штилеру (Stieler; 1781–1858) было поручено написать целую серию портретов самых красивых женщин того времени, причем совершенно не обязательно знатного происхождения. Каждую кандидатуру король утверждал лично. В период с 1827 по 1850 год было создано 36 портретов.

Нимфенбург (Nymphenburg) — самый большой барочный дворец Германии, располагавшийся в западном пригороде Мюнхена; ныне находится в черте города. При общей длине его фасадов, достигающей 700 метров, сам дворец сравнительно невысок. Он словно «расплывается» в пространстве; от него веет покоем и домашним уютом, а не помпезной королевской роскошью. В нем есть что-то неуловимо женственное — недаром Нимфенбург стал подарком курфюрста Фердинанда Марии своей жене Аделаиде Энрикетте (Генриетте) Савойской (1636–1676) по случаю рождения долгожданного наследника, будущего курфюрста Баварского (1679) Максимилиана II Иммануила (1662–1726).

Шванштайн (*нем.* Schwanstein, от Schwan — лебедь и Stein — камень; букв. Лебединый камень) — упоминавшаяся с XII века крепость, построенная рыцарями из Швангау; вероятно, именно это название послужило впоследствии основой для наименования замка Людвига II Нойшванштайн (*Neuschwanstein* — букв. Новый лебединый камень). Хоэншвангау (*нем.* Hohenschwangau) — букв. Высокий лебединый край.

Пауль фон Турн-унд-Таксис (Turn und Taxis; 1845–1877) — младший сын великого герцога Максимилиана Карла фон Турн-унд-Таксиса. Обладая прекрасным голосом, получил блестящее музыкальное образование и, несмотря на негативное отношение к этому родных, стал выступать на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра в основном в партиях вагнеровских музыкальных драм. В 1868 году вступил в кратковременный брак, оказавшийся неудачным. В 1870-м навсегда оставил двор.

Иоганн Йозеф Игнац фон Дёллингер (Döllinger; 1799–1890) — баварский католический священник, историк Церкви и богослов. Подробнее о нем см. во второй части нашей книги.

Кайзербург (Kaiserburg) — главная крепость Нюрнберга, одна из крупнейших в Германии. Можно сказать, что Кайзербург является универсальным символом Германии. По традиции все немецкие короли начиная с 1050 года были обязаны хотя бы недолго проживать в Кайзербурге. Именно в качестве символа верховной власти рассматривал Кайзербург и Людвиг II, о чем в свое время недвусмысленно высказывался в письме германскому императору Вильгельму I.

Луиза фон Кёбелль (Köbell; 1827–1901) — немецкая писательница. В 1857 году вышла замуж за Иоганна Августа фон Айзенхарта (Eisenhart; 1826–1905), который в 1870 году стал кабинет-секретарем Людвига II.

Согласно протоколу вскрытия (см.: *Wobking W. Der Tod König Ludwigs II. Rosenheim, 1986, 2011*).

Ныне, находясь в частной собственности, Берг закрыт для посетителей.

Ныне, чтобы попасть на представление в Обераммергау, так же как на Вагнеровский фестиваль в Байройте, необходимо резервировать билеты за несколько лет. Ближайший фестиваль в Обераммергау пройдет в 2020 году.

Иоганн фон Хальбиг (Halbig; 1814–1882) — немецкий скульптор, автор известного бронзового бюста Людвига II в пятилетнем возрасте (датирован 4 августа 1850 года), создававшегося с натуры в Нимфенбурге, а также многочисленных бюстов для Валгаллы Людвига I и квадриги на Воротах Победы в Мюнхене.

Грегор Леонард Андреас фон Шерр (Scherr; 1804–1877) — архиепископ Мюнхенский и Фрайзингский с 1856 года.

Луитпольд дю Жарри барон фон Ла Рош (du Jarrys Freiherr von La Roche; 1837–1884) — баварский государственный деятель из французского аристократического рода. Правительственный ассессор в окружной администрации Швабии и Нойбурга в Аугсбурге (1864), ассессор в окружном управлении Фюрта (1868), помощник ассессора городского комиссариата в Нюрнберге (1869), ассессор в окружном управлении Кемптена (1872). Получив ранг правительственного советника, занимал пост бад-комиссара (кур-директора) курортного места Бад-Киссинген (1875–1876).

Людвиг не называет напрямую, что именно он прочитал у маэстро. Но, судя по всему, это была статья «Произведение искусства будущего», опубликованная в 1850 году издательством Виганда (*Wagner R. Das Kunstwerk der Zukunft. Leipzig, 1850*).

Тимур Петрович Новиков (1958–2002) — российский художник, основатель петербургской Новой академии изящных искусств. Много лет отдал изучению жизни Людвига II. Посвятил его памяти несколько персональных выставок, в частности «Людвиг II Баварский и «Лебединое озеро» П. И. Чайковского» (1996, Галерея XL, Москва); «Людвиг II и Лебединое озеро» (1998, выставочный зал *Navicula Artis*, Петербург).

От *нем.* Schwan — лебедь и Ritter — рыцарь.

Амалия Евгения Елизавета (1837–1898) — дочь герцога Баварского Максимилиана, супруга австрийского императора Франца Иосифа (1854). В семье ее называли Зисси (Sissi), однако в русском языке закрепилось произношение Сиси или Сисси. Родила четверых детей: Софию Фредерику (1855–1857), Гизелу (1856–1932), Рудольфа (1858–1889) и Марию Валерию (1868–1924). Ее единственный сын принц Рудольф покончил с собой вместе со своей возлюбленной баронессой Марией Александриной фон Вечера (Vetsera; 1871–1889) в замке Майерлинк. Сама Елизавета была убита анархистом Луиджи Лукени 10 сентября 1898 года во время поездки в Швейцарию.

София Шарлотта Августа (1847–1897) — принцесса Баварская, герцогиня Баварская. Подробности ее биографии см. в главе «Вокруг Луны».

Вагнер, основоположник жанра музыкальной драмы, настаивал, чтобы его оперы назывались именно так.

Ныне это роскошный пятизвездочный отель, расположенный в самом центре Мюнхена, недалеко от Мариенплац (Marienplatz), по адресу Променадеплац (Promenadeplatz), дома 2–6. Построенный в 1841 году, в 1997-м «Байеришер Хоф» был признан лучшим отелем Европы.

Франц Сераффон Пфистермайстер (Pfistermeister; 1820–1912) — кабинет-секретарь Людвига II, главный распорядитель королевских финансов. В 1866 году был отстранен от должности, поскольку возражал против финансирования разорительных, на его взгляд, проектов короля, связанных с Рихардом Вагнером.

Фердинанд Вильгельм Адам фон Галль (Gall; 1807–1872) — барон, немецкий театральный деятель. В 1842 году получил должность интенданта Придворного театра в Ольденбурге. В 1853 году стал председателем Немецкого театрального общества (Deutschen Bühnenverein). В 1846–1869 годах являлся интендантом придворных театров и королевским церемониймейстером.

Элиза Вилле (Wille; 1809–1893), урожденная Слоумен (Sloman) — немецкая писательница и поэтесса; друг и корреспондент Вагнера. В 1845 году вышла замуж за швейцарского журналиста Франсуа Вилле (1811–1896), с которым переехала в Швейцарию (1851). Семья приобрела имение в Мариафельде (Mariafeld) недалеко от Майлена на Цюрихском озере, которое стало местом встреч художников, музыкантов, писателей и ученых. С 1852 года постоянным гостем семьи Вилле стал Вагнер. Об отношениях Элизы Вилле с Вагнером см.: Richard Wagner an Eliza Wille; fünfzehn Briefe des Meisters nebst Erinnerungen und Erläuterungen von Eliza Wille. Berlin, 1908.

Людвиг Шнорр фон Карольсфельд (Schnorr von Karolsfeld; 1836–1865) — сын известного художника Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда (1794–1872), героический «вагнеровский» тенор, первый исполнитель партии Тристана. С 1860 года пел ведущие теноровые партии на сцене Дрезденской придворной оперы. Дебютировал в вагнеровском репертуаре партией Лознгринга. Женился (1860) на Мальвине Гарригуэс (Garrigues; 1825–1904), датской певице (сопрано) португальского происхождения. В 1862 году супруги познакомились с Вагнером и стали настоящими друзьями. 10 июня 1865 года они пели на премьере «Тристана и Изольды» в Мюнхене. Через шесть недель Шнорр внезапно скончался, что породило нелепые слухи о проклятии, преследующем исполнителей партии Тристана. Вагнер очень тяжело переживал утрату. По воспоминаниям очевидцев, при упоминании имени Людвиг Шнорра у композитора неизменно наворачивались на глаза слезы. Бюст великого певца стоял у Вагнера дома — в Трибшене, а затем и на вилле «Ванфрид».

Мария Калержи (Kalergis, в литературе встречаются варианты написания Калергис, Калерджи; 1822–1874) — дочь героя Бородинского сражения генерала Фридриха Карла Нессельроде (1786–1868). Родилась в Варшаве. В Санкт-Петербурге вышла замуж (1839) за крупного торговца Ивана Эммануиловича Калержи (1814–1863), но через год супруги расстались. Обнаружив явный талант к игре на фортепьяно, она стала брать уроки у Шопена и Листа. Последний считал ее одной из самых любимых учениц. С 1857 года давала фортепьянные концерты. Участвовала в основании Института музыки в Варшаве (ныне Варшавская консерватория) и Варшавского музыкального товарищества (ныне Варшавская филармония). Вышла замуж (1863) за героя обороны Севастополя, директора Варшавских театров Сергея Сергеевича Муханова (1833–1897), взяв фамилию мужа.

Ганс Гвидо барон фон Бюлов (Bülow; 1830–1894) — немецкий дирижер, пианист и композитор. С 1851 года — ученик Листа, называвшего его «одним из величайших музыкальных феноменов, которые ему приходилось встречать». Был придворным капельмейстером в Мюнхене, но вынужденно покинул этот пост, в том числе из-за разрыва с женой Козимой, ушедшей к Вагнеру. Несмотря на это, Бюлов всегда оставался преданным поклонником творчества Вагнера.

Бюненфестшпильхаус (Bühnenfestspielhaus) — букв. нем. Дом торжественных театральных представлений. Задokumentирована дата принятия этого решения — 26 ноября 1864 года.

Готфрид Земпер (Semper; 1803–1879) — архитектор и теоретик искусства, будущий создатель Фестшпильхауса (Festshpielhaus — букв. Дом торжественных представлений) — оперного театра в Байройте, построенного в 1876 году исключительно для постановок музыкальных драм Рихарда Вагнера. Композитор познакомился с ним в Лондоне в 1855 году; аудиенция у короля с обсуждением плана постройки нового театра состоялась 29 декабря 1864-го.

Вольфрам фон Эшенбах (Eschenbach; ок. 1170–1220) — немецкий рыцарь, странствующий поэт-миннезингер, автор стихотворного рыцарского романа «Парцифаль» (1198–1210), входящего в цикл романов о короле Артуре, впервые опубликованного в 1783 году. Прославление рыцарства сочетается в романе с проповедью религиозного искупления и отречения. Тем же умонастроением проникнуты и его незаконченные романы «Виллегальм» и «Титурель».

О проблеме «революционности» Вагнера см.: *Залесская М.* Вагнер. М., 2011.

Первоначально единой денежной единицей Священной Римской империи был гульден, или флорин — золотая монета, чеканившаяся с XIV века. В 1559 году основной золотой монетой стал дукат, а гульден остался денежно-счетной единицей, равной 60 серебряным крейцерам. В 1566 году основной ходячей серебряной монетой был признан талер, гульден был приравнен к $\frac{2}{3}$ талера. В 1754 году после введения конвенционного талера гульден стал равняться половине конвенционного талера. С созданием единого Немецкого монетного союза (1857), куда вошли в том числе Австрия и Пруссия, основной денежной единицей был признан союзный талер. После создания Германской империи (1871) и единой монетной системы новой денежной единицей Германии стала марка, равная 100 пфеннигам. Приведем сравнение нескольких денежных единиц времен Людвига II и Вагнера с современным евро: талер — 25 евро; марка — 8 евро; южно-германский гульден — 14 евро; австрийский гульден — 16 евро; золотой дукат — 55 евро; франк до 1866 года — 6 евро; франк после 1866 года — 6,5 евро; рубль — 29 евро; фунт стерлингов — 118 евро; доллар — 23 евро.

Карл фон Шренк (Schrenck; 1806–1884) — барон, немецкий государственный деятель. В 1846 году стал министром юстиции Баварии; в 1847-м — министром по делам Церкви (уволен с этого поста Людвигом I, поскольку подписал меморандум, направленный против Лолы Монтеc). Государственный министр королевского двора и иностранных дел, председатель Совета министров и государственный министр торговли и общественных работ (1859–1864), государственный посланник (1864–1866). В феврале 1868-го избран в рейхстаг Северогерманского союза, три года спустя вышел в отставку.

В самой Мюнхенской резиденции эти комнаты не сохранились; после Второй мировой войны их не восстанавливали, а всё, что уцелело, собрали в Музее Людвига II во дворце Херренкимзее.

Эскапизм (от *англ.* escape — бежать, спастись) — сознательный уход от действительности в мир фантазий и грез.

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (Bismarck-Schönhausen; 1815–1898) — первый канцлер Германской империи — Второго рейха (1871–1890).

Мейстерзингеры (майстерзингеры) (*нем.* Meistersinger — букв. мастер-певец) — в XIV–XVI веках немецкие поэты-певцы из церковных певческих братств, затем из цехов ремесленников; их искусство пришло на смену искусству миннезингеров — представителей рыцарства. Основателем первой певческой школы был Генрих Фрауэнлоб. Вначале песни мейстерзингеров создавались исключительно на религиозные темы, с XVI столетия — и на светские, в том числе любовные. Особенно славилась Нюрнбергская певческая школа, представителем которой был знаменитый Ганс Сакс.

Петер Корнелиус (Cornelius; 1824–1874) — немецкий композитор, автор опер «Багдадский цирюльник» (1858), впервые поставленной в Веймаре под управлением Ф. Листа, и «Сид» (1863). В 1853 году познакомился с Вагнером и вскоре стал его близким другом. В одном из его писем матери есть строки: «Сознание, что такие люди (Лист и Вагнер) от души любят меня, внушает мне больше гордости, чем если бы меня возвели в княжеское достоинство».

Карл Теодор Максимилиан Август принц Баварский (1795–1875) — младший сын Максимилиана I, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий Королевской баварской армией.

Перевод несколько условен. В оригинале: «...wenn die Vertretung nach Außen verloren geht» — дословно: «...если представительство во внешних отношениях будет утрачено». Людвиг в первую очередь имел в виду именно самого себя в качестве олицетворения своей страны; его не устраивал вариант, что Баварию на международной арене будет представлять кто-то другой или это представительство будет чисто номинальным.

Зигмунд фон Пранк (Pranckh; 1821–1888) — барон, баварский генерал,

Орден Святого Губерта (Orden des Heiligen Hubertus) — высший баварский орден, один из старейших орденов Европы; ныне вручается Баварским королевским домом.

Мария Александровна (1824–1880) — урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская. Получила прекрасное образование, хорошо разбиралась в музыке и литературе. Став невестой наследника российского престола Александра Николаевича, 5(17) декабря 1840 года приняла православие. 16(28) апреля 1841-го состоялось их бракосочетание. Российская императрица с 18 февраля (2 марта) 1855 года. Много сил и времени отдавала благотворительной деятельности. При ней был учрежден Российский Красный Крест. Способствовала развитию женского образования в России, учредив открытые все сословные женские учебные заведения (гимназии). В браке, вначале счастливом и благополучном, родила восьмерых детей: Александру (1842–1849), Николаю (1843–1865), Александра (1845–1894), Владимира (1847–1909), Алексея (1850–1908), Марию (1853–1920), Сергея (1857–1905) и Павла (1860–1919). Однако в 1866 году Александр II серьезно увлекся княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой (1847–1922), с которой впоследствии, не дожидаясь истечения годовичного траура после кончины супруги, заключилmorganaticкий брак.

Перевод Т. Кухаренко.

Поднос, тарелка (*фр.*), в данном случае — сервиз.

Марфа Степановна Сабина (1831–1892) — русская пианистка и композитор, одна из любимых учениц Ф. Листа; выдающийся общественный деятель. С 1859 года жила в Санкт-Петербурге, где преподавала музыку детям императора Александра II — великому князю Сергею и великой княжне Марии. Благодаря ее усилиям и активной поддержке императрицы Марии Александровны в 1867 году было организовано Общество попечения о раненых и больных воинах (с 1879 года стало официально называться Российский Красный Крест). В 1867 году переехала в Крым, в имение Джемиет близ Ялты, принадлежащее ее соратнице баронессе Марии Петровне Фредерикс. Во время Франко-прусской войны по инициативе императрицы подруги выехали в Германию и Францию для изучения деятельности местного Красного Креста, а по возвращении опубликовали книгу «Путевые заметки двух сестер Красного Креста во время поездки за границу осенью 1870 г.» (СПб., 1871), обобщавшую опыт работы полевых лазаретов. Вернувшись в Джемиет, Марфа Сабина и Мария Фредерикс на собственные средства построили Благовещенский храм (освящен в мае 1876 года) и открыли при нем бесплатную больницу — Благовещенскую общину сестер милосердия. Во время Сербо-турецкой (1876–1877) и Русско-турецкой (1877–1878) войн Сабина находилась на фронтах, работая в лазаретах и помогая организовывать эвакуацию раненых. В ночь на 9 июля 1882 года в результате грабежа были зверски убиты ее мать и четыре сестры. Во время суда над преступниками присяжные попали под обаяние набравших в то время силу либеральных идей, на которых адвокаты выстроили защиту обвиняемых; в итоге несколько убийц были отпущены. Марфа, будучи глубоко верующей, не ожесточилась от такой вопиющей несправедливости, но не в силах остаться в месте, полном тяжелейших воспоминаний, переехала в Кастрополь. Там были написаны ее «Записки», опубликованные уже после ее смерти в журнале «Русский архив». Усилиями Марфы Степановны в Кастрополе была сооружена небольшая переносная церковь, освященная во имя святого великомученика Пантелеймона и впоследствии переданная Феодосийскому подворью Голдовского монастыря. В 1892 году Марфа Сабина переехала в Ялту, где 26 декабря скончалась. Ее могила после 1917 года была уничтожена.

Данный фрагмент рукописного текста расшифрован и любезно предоставлен нам доктором искусствоведения, ведущим научным сотрудником Государственного института искусствознания М. П. Рахмановой и доктором искусствоведения, профессором Московской консерватории им. П. И. Чайковского О. В. Лосевой.

Перевод Т. Кухаренко.

Перевод Т. Кухаренко.

Пауль Барфус (1823–1895) — немецкий художник и гравёр.

Это королевская невеста! (нем.).

Город на северо-западе современной Румынии. Немецкое название Клаузенбург (Klausenburg) носил в составе Австрийской империи, позже — Австро-Венгрии; его также называли Клуж, а на венгерский манер — Коложвар (Kolozsvár). Современное румынское название Клуж-Напока (Cluj-Napoca), являющееся наиболее древним, получил в 1974 году.

Йозеф Алоиз Тихачек (Tichatschek; 1807–1886) — знаменитый оперный тенор. Начинал музыкальную карьеру хористом в венском театре Кернтнертор (Kärnthnertheater — *нем.* Театр у Каринтий-ских ворот). В 1834 году дебютировал в качестве солиста в Граце. С 1838 по 1870 год был ведущим солистом Дрезденского королевского оперного театра. Первый исполнитель вагнеровских партий Риенци (1842) и Тангейзера (1845). Современники отмечали редкую красоту тембра, музыкальность и драматический талант певца.

Генрих Фогль (Vogl; 1845–1900) — немецкий оперный тенор и композитор. 5 ноября 1865 года дебютировал как солист на сцене Мюнхенской придворной оперы, где прослужил 35 лет. Был одним из лучших интерпретаторов вагнеровского репертуара: пел партии Лоэнгрина (1867); Тристана (1869); Логе (1869); Зигмунда (1870). Принимал участие в Первом Байройтском фестивале (1876). Гастролировал по многим городам Германии, в Лондоне, Санкт-Петербурге, Голландии и США; пел Лоэнгрин на сцене Метрополитен-оперы (1890). В качестве композитора писал песни, пробовал сочинять оперы, но успеха не добился.

Франсез (Françise — *фр.* Французский) — принятое в XVIII–XIX веках в Германии и России название варианта контрданса — бального танца с замысловатыми композициями, коллективными фигурами, игровыми моментами.

Хлодвиг Карл Виктор цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (Hohenlohe-Schillingsfürst; 1819–1901) — принц Корвейский и Ратиборский, дипломат. Председатель Совета министров, министр иностранных дел и министр королевского двора Баварии (1866–1870), сторонник политического объединения Германии. Германский посол во Франции (1874–1885); наместник Эльзас-Лотарингии (1885–1894); рейхсканцлер Германской империи и прусский министр-президент (1894–1900).

Если я когда-нибудь женюсь, то желаю видеть в ней королеву, мать страны, но не госпожу! (нем.).

В центре драмы Виктора Гюго «Марион Делорм» — образ куртизанки, которую нравственно возвышает и перерождает любовь к незаконнорожденному Дидье. Эту драму Людвиг II любил настолько, что во времена дружбы с Кайнцем взял себе псевдоним по имени еще одного ее персонажа, маркиза Саверни, а Кайнца называл Дидье.

При всём глубоком уважении к авторам, версия, согласно которой Людвиг II был свергнут с престола якобы вследствие тайного заговора «мировой закулисы» — оккультно-философского ордена иллюминатов, является несостоятельной.

Фридрих Вильгельм IV (1795–1861) — с 1840 года король Пруссии из династии Гогенцоллернов. Покровительствовал искусствам, в 1842 году стал инициатором продолжения строительства Кёльнского собора. 3 апреля 1849 года имперская депутация Франкфуртского национального собрания предложила ему принять императорскую корону, однако получила отказ. 2 февраля 1850 года принял новую конституцию, которая действовала вплоть до Ноябрьской революции (1918). В 1858 году из-за болезни передал прусскую корону младшему брату Вильгельму, ставшему впоследствии (1871) первым императором объединенной Германии Вильгельмом I.

Государство — это я (*фр.*).

Ганс (Янош) *Richter* (Richter; 1843–1916) — австро-венгерский дирижер. После окончания консерватории (1865) получил место хормейстера Венской придворной оперы. Хормейстер Мюнхенской оперы (1868), придворный капельмейстер (1869), капельмейстер Национального театра в Пеште (1871–1875). В 1875–1900 годах — капельмейстер Венской придворной оперы, с 1893-го — первый придворный капельмейстер, одновременно (1875–1898) руководил филармоническими концертами в Вене. В 1904–1911 годах являлся главным дирижером Лондонского симфонического оркестра. В 1911 году вернулся из Англии в Байройт, в 1913-м избран почетным гражданином Байройта. С Вагнером познакомился во второй половине 1860-х годов, работал у него ассистентом; переписывал набело партитуры «Нюрнбергских мастерзингеров» и «Зигфрида». Был свидетелем на свадьбе Вагнера с Козимой 25 августа 1870 года. В 1876-м на Первом Байройтском фестивале дирижировал премьерой «Кольца нибелунга».

Франц Бетц (Betz; 1835–1900) — немецкий оперный бас. Дебютировал в 1856 году на сцене Придворного театра Ганновера в опере Вагнера «Лоэнгрин». Солист Берлинской придворной оперы (1859–1897). Первый исполнитель партии Ганса Сакса в опере Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (выступал в этой партии более сотни раз). В 1876 году на Первом Байройтском фестивале исполнил партию Вотана на премьере оперы «Кольцо нибелунга». Избран почетным членом Берлинской придворной оперы (1897).

Франц Вюльнер (Wüllner; 1832–1902) — немецкий композитор и дирижер, музыкальный директор в Ахене (1858–1865). Затем переехал в Мюнхен. Дирижировал первыми представлениями опер Вагнера «Золото Рейна» (22 сентября 1869 года) и «Валькирия» (26 июня 1870 года). В 1874–1892 годах — инспектор Королевской баварской музыкальной школы (Königlich bayerischen Musikschule), основал хоровые и оркестровые классы. В 1877 году стал профессором Дрезденской консерватории и придворным капельмейстером. Переехал в Кёльн (1884), возглавил Кёльнскую консерваторию, а также руководил Гюрцених-оркестром (Gürzenich-Orchester). Композиторское наследие включает многочисленные хоровые (в том числе Miserere, op. 26 и Stabat Mater, op. 45), а также ряд камерных произведений.

Мальвида фон Майзенбург (Meysenbug; 1816–1903) — писательница, близкий друг Фридриха Ницше и Рихарда Вагнера.

Имеется в виду Кайзербург.

Подробная информация о дуэли графа Макса предоставлена архивариусом графского Дома фон Хольнштайнов Марином Ирлом в личной переписке с Т. Кухаренко.

В начале 1880-х годов Бисмарк в целях стабилизации политической ситуации в стране отменил ряд законов «Культуркампфа», но законы о гражданском браке и об изгнании иезуитов сохраняли действие.

Ультрамонтанство (от *ит.* *papa ultramontano* — папа из-за гор) — течение в Римско-католической церкви, выступавшее за жесткое подчинение национальных католических церквей папе римскому, а также отдававшее приоритет верховной власти пап над светскими государями Европы.

«Индекс запрещенных книг» (*лат.* «Index Librorum Prohibitorum») — список публикаций, запрещенных католической церковью для чтения под угрозой отлучения с целью оградить веру и нравственность от посягательств и богословских ошибок.

Леопольд Стефан Карл Антон Густав Эдуард Тассило фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (Hohenzollern-Sigmaringen; 1835–1905) — глава швабской ветви Дома Гогенцоллернов. Как старший брат короля Румынии Кароля I являлся его наследником, но в 1880 году отказался от прав на румынский трон в пользу старшего сына Вильгельма (1864–1927); тот в свою очередь в 1888 году отрекся от престола в пользу своего младшего брата Фердинанда (1865–1927). После свержения испанской королевы Изабеллы II (1868) Леопольду была предложена испанская корона, от которой под давлением Наполеона III он был вынужден отказаться, что, однако, уже никак не повлияло на разгорающийся конфликт, приведший в итоге к Франко-прусской войне.

Фридрих Карл принц Прусский (1828–1885) — внук Фридриха Вильгельма III, прусский (1870) и российский (1872) генерал-фельдмаршал. 22 июня 1849 года награжден российским орденом Святого Георгия 4-й степени. В Австро-прусскую войну командовал 1-й армией и одержал ряд блестящих побед. Во время Франко-прусской войны сначала командовал 2-й армией, затем поставлен во главе 1-й и 2-й армий. 19 апреля 1870 года получил российский орден Святого Георгия 2-й степени «за участие в войне с французами». С 1871 года — инспектор прусской кавалерии.

Графский титул был пожалован Бисмарку в 1865 году, княжеский — в 1871-м.

Мартин Фридрих Рудольф Дельбрюк (Delbrück; 1817–1903) — крупный прусский государственный деятель, «правая рука» Бисмарка. В 1867 году был назначен президентом канцелярии союзного канцлера, в 1868-м — прусским министром без портфеля. В 1870 году вел переговоры с южногерманскими государствами о присоединении к Германской империи. В 1871 году стал президентом канцелярии имперского канцлера. В 1876-м вышел в отставку. Член рейхстага (1879–1881). В 1881 году окончательно отошел от политики.

Перевод Т. Кухаренко.

Бернхард Алоиз Гудден (Gudden; 1824–1886) — известный немецкий психиатр, анатом и физиолог, с 1869 года — профессор психиатрии в Цюрихе, с 1872-го — профессор и директор Окружной больницы для душевнобольных в Мюнхене. Дал заключение о психическом заболевании короля Людвига II и принимал непосредственное участие в его аресте. Погиб на Штарнбергском озере вместе с Людвигом II.

В 1918 году в результате Ноябрьской революции в Германии он был свергнут и 13 ноября отрекся от престола.

100

Самая высокая гора на территории Германии — 2962 метра.

Хундинг, Гундинг (Hunding) — муж Зиглинды, матери Зигфрида; в день их бракосочетания появляется одноглазый странник — бог Вотан — и вонзает меч в ствол ясеня, вокруг которого и строится хижина Хундинга. По пророчеству, этот меч будет принадлежать лишь тому, кто сможет освободить его из древесного плена. По традиции, сложившейся в оперной среде во времена первых постановок опер Вагнера на русской сцене, имя персонажа писали и произносили как Гундинг. Мы будем использовать транскрипцию, более близкую к оригиналу.

Состоит из четырех музыкальных драм: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Сумерки богов».

Напомним, что точная дата «переименования» Вагнером Парцифаля в Парсифаля — 13 февраля 1877 года.

Письмо Людвига II и его перевод любезно предоставлены Т. Кухаренко.

При-дьё (Prie-Dieu — *фр. букв.* «молю Господа») — низкая скамеечка для преклонения колен во время молитвы.

Альпзее (Alpsee — букв. Альпийское озеро) и Шванзее (Schwansee — букв. Лебединое озеро) — живописнейшие водоемы в окрестностях Нойшванштайна.

Перевод Т. Кухаренко.

Впоследствии (1888–1894) Циглер был регирунгспрезидентом (начальником окружного управления) Верхнего Пфальца, а затем до самой смерти — Верхней Баварии.

Партия Центра являлась главной опорой католической церкви против проводимой Бисмарком политики «Культуркампфа».

Напомним, что эта поездка проходила с 24 по 27 августа, вскоре после того, как принца Отто поразило неизлечимое безумие.

Мой господин (*нем.*).

Величество (нем.).

Рютли (Rütli) — горный луг в окрестностях Фирвальдштет-ского озера, где, по легенде, представители коммун Ури (Uri), Швиц (Schwyz) и Унтервальден (Unterwalden) — первоначальных кантонов Швейцарии — дали Клятву Рютли (Rütli Schwur) о взаимопомощи и поддержке, положившую начало Швейцарскому союзу. Рютли является национальным памятником, «Колыбелью Швейцарии», и традиционно считается сакральным местом для принесения клятв «в вечной дружбе».

Монастырь на острове был основан еще в VIII веке, здание в стиле барокко построено в XVII столетии. Сегодня в здании монастыря находятся две художественные галереи.

Материал переведен с немецкого Т. Кухаренко, любезно разрешившей нам его публикацию.

По материалам исследования Т. Кухаренко.

Для придания документу особой убедительности его, кроме Гуддена, подписали еще три врача: Фридрих Вильгельм Хаген (Hagen; 1814–1889), Хуберт фон Грашей (Grashey; 1839–1914) и Макс Хубрих (Hubrich; 1837–1896).

В составе делегации были граф фон Хольнштайн, барон Краффт фон Крайльсхайм, имперский советник и камергер Клеменс граф фон Тёринг-Йетгербах-унд-Гутенцель (Törring-Jettenbach-und-Gutenzell; 1826–1891), подполковник барон Карл фон Вашингтон (Washington; 1833–1897), а также доктора Гудден, Хаген, Грашей и Хубрих.

Ужин Его Величества короля (*фр.*).

Людвиг Фердинанд принц Баварский (1859–1949) — сын принца Адальберта Баварского (1828–1875), младшего брата Максимилиана II, генерал от кавалерии. Близкий друг короля Людвига II. Занимался финансовыми делами Баварии. Был большим любителем музыки и сам играл на скрипке в Мюнхенском королевском оркестре.

Перевод с немецкого Т. Кухаренко.

Пёллатшлюхт (Pällatschlucht) — глубокое ущелье у замка Нойшванштайн с рекой Пёллат, низвергающейся водопадом.

Материал переведен с немецкого Т. Кухаренко, любезно разрешившей использовать его в нашей книге.

Франц Карл Мюллер (Müller; 1860–1913) — немецкий невропатолог и бальнеотерапевт, ассистент доктора Гуддена.

Highly likely — *англ. букв.* с высокой вероятностью — фразеологизм, ставший популярным с легкой руки британского премьер-министра Терезы Мэй, использовавшей его при обвинении властей России в причастности к отравлению в Солсбери бывшего полковника Главного разведывательного управления Вооруженных сил России Сергея Скрипаля.

Gedächtniskapelle (от *нем.* Gedächtnis — память; kapelle — часовня) —
Мемориальная часовня.

Votivkapelle (от *лат.* *votivus* — посвященный богам или *votum* — обет) — букв. Часовня, воздвигнутая по обету.

Этой легендой однажды довольно успешно воспользовался ловкий мошенник, ставший среди альпийских крестьян собирать пожертвования якобы для создания войска, которое поможет скрывающемуся в горах королю отвоевать престол. Прежде чем преступника уличили в обмане и арестовали, он сумел собрать несколько тысяч марок! Этот случай наглядно демонстрирует, что народ сохранил привязанность к своему королю, готов был пожертвовать для него самым необходимым и так до конца и не смирился с его безвременной кончиной.

Театинеркирхе (Theatinerkirche) — церковь Святого Гаэтана в Мюнхене.

130

От *нем.* Gnaden — милость, благодать.

comments

Комментарии

Александрова В. Людовик II, король Баварский. К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера. М., 1911. С. IX.

Цит. по: *Понасенков Е.* Сто лет аристократического одиночества Лукино Висконти: [Электронный ресурс] // Квир. 2006. № 40. 2006. URL: <http://www.kvir.ru/articles/sto-let-aristokraticeskogo.html>.

Александрова В. Указ. соч. С. Х.

См.: Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Abteilung III (Geheimes Hausarchiv).
Kabinettakten Ludwig II.

Cm.: *Strobel O.* (Hrsg.) König Ludwig II und Richard Wagner: In 4 Bd.
Karlsruhe, 1936.

Cm.: Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz. Köln, 1996.

Cm.: *Döring O.* Das Tagebuch König Ludwig II. München, 1918; Leipzig, 1921.

Cm.: *Grein E*, (Hrsg.) Tagebuch-Aufzeichnungen von Ludwig II König von Bayern. Schaan, Liechtenstein, 1925.

Cm.: *Hilmes O.* Ludwig II. Der unzeitgemäße König. München, 2013. S. 14–17.

См.: *Merta E* Die Tagebücher König Ludwigs II von Bayern: Überlieferung, Eigenart und Verfälschung // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. Bd. 53. München, 1990. S. 319–396 [Электронный ресурс]. URL: http://periodika.digitale-sammlungen.de/zblg/seite/zblg53_0412 (дата обращения 29.05.2017). Ссылка на данный материал любезно предоставлена автору Т. Кухаренко.

См.: *Bernhard von Zech-Kleber M. A.* Die königliche Villa Linderhof: Und die Frage nach dem Architekturgeschmack einer Epoche. München, 2010. S. 8.

Cm.: *Merta E* Op. cit. S. 346.

Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 37.

См.: Гötterdämmerung: Aufsätze und Katalog. Darmstadt, 2011.

См.: Залесская М. К. Замки баварского короля. М., 2009; Она же. Людвиг II. М., 2012; Она же. Людвиг II: Тайны последнего короля-романтика. М., 2013.

См.: *Семенов И. С.* Христианские династии Европы: Генеалогический справочник. М., 2002. С. 147.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Одинокий: Король Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914. С. 18.

Цит. по: Там же. С. 22–23.

Александрова В. Указ. соч. С. 5.

Сведения любезно предоставлены Т. Кухаренко. См.: *Кухаренко Т.* Старая Лизи [Электронный ресурс]. URL: [https:// vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_779%2Fall](https://vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_779%2Fall).

Материал любезно предоставлен Т. Кухаренко. См.: Кухаренко Т. Любимая воспитательница короля Людвига II — Сибилла фон Леонрод, урожденная Майльхаус [Электронный ресурс]. URL: <http://malorossianin.livejournal.com/13957.html> (дата обращения 27.01.2018 г.); Schweiggert A. Ludwig II und die Frauen. München, 2016.

Цит. по: *Кухаренко Т.* Любимая воспитательница короля Людвига II — Сибилла фон Леонрод, урожденная Майльхаус.

Цит. по: Там же.

Там же.

Материал любезно предоставлен Т. Кухаренко. См.: *Кухаренко Т.* Второй воспитатель кронпринца Людвига — граф Теодор де Ла Розе [Электронный ресурс]. URL: <http://malorossianin.livejournal.com/14264.html> (дата обращения 27.01.2018 г.).

Цит. по: Там же.

Цит. по: *Лиштанберже А.* Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 285.

Цит. по: *Кухаренко Т.* Второй воспитатель кронпринца Людвига — граф Теодор де Ла Розе.

Цит. по: Там же.

Цит. по: *Она же*. Юный кронпринц Людвиг Баварский и его начальная военная подготовка [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_1114%2Fall (дата обращения 27.01.2018 г.).

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 28–29.

Köbell L. von. König Ludwig II von Bayern und die Kunst. München, 1898.
S. 229–237.

Александрова В. Указ. соч. С. 10.

Там же. С. 12.

Там же.

Там же. С. 8.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 31–32.

Медведев А., Новиков Т. Белый лебедь: Король Людвиг II. СПб., 1998
[Электронный ресурс]. URL: <http://www.newacademy.spb.ru/novikov/ludvig.html> (дата обращения 01.02.2018 г.).

Вагнер Р. Моя жизнь: В 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 483.

Там же. С. 486.

Там же. С. 489.

Там же. С. 490.

Там же.

Александрова В. Указ. соч. С. 15.

Цит. по: Там же. С. 18.

Вагнер Р. Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям: В 4 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 470.

Там же. С. 471–472.

Цит. по: *Александрова В. Указ. соч. С. 19.*

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 33.

Цит. по: *Вагнер Р.* Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 472–473.

Цит. по: *Strobwel O.* Op. cit. Bd. 1. S. 36.

Цит. по: Ibid. S. 45–46.

Цит. по: *Hansen W.* Richard Wagner: Biographie. München, 2006. S. 313–314.

Цит. по: *Вагнер Р.* Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 482.

См.: *Hansen W.* Op. cit. S. 320. Автор в свою очередь ссылается на официального биографа Вагнера Карла Фридриха Глазенаппа: *Glazenapp C.* *E R. Wagners Leben und Wirken*: In 6 Bd. Leipzig, 1910–1923.

Цит. по: *Александрова В. Указ. соч. С. 30.*

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 38.

Цит. по: *Strobel O.* Op. cit. Bd. 1. S. 237.

Цит. по: Ibid. S. 238.

Александрова В. Указ. соч. С. 86–87.

Цит. по: *Драгомиров М. И.* Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011.
С. 9.

Там же. С. 3.

См.: *Schmid E. D., Rietscher I*, Marstallmuseum (Munich, Germany).
Friedrich Wilhelm Pfeiffer 1822–1891: Maler der Reitpferde König Ludwigs II.
Dachau, 1988.

Цит по: *Вагнер Р.* Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 498–499.

Цит. по: *Strobel O.* Op. cit. Bd. 2. S. 73.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. М., 1940. Т. 1. С. 256–257.

Александрова В. Указ. соч. С. 48.

См.: *Schweiggert A. Op. cit.*

Цит. по: *Chapman-Huston D.* Bavarian Fantasy: The story of Ludwig II. London, 1955. P. 72.

Cm.: *Röckl S.* (Hrsg.) Briefe König Ludwigs II. an die Zarin Maria Alexandrowna: Eine Erstveröffentlichung // Münchener Neueste Nachrichten. 1930. 8. Oktober.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 432. Ед. хр. 16. Ч. 3. Л. 73–81 (воспоминания баронессы Марии Петровны Фредерикс).

Цит. по: *Hilmes O.* Op. cit. S. 118.

Цит. по: *Schweiggert A.* Op. cit. S. 72.

Heigel K. T. von. König Ludwig II von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893. S. 199.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 96.

См.: *Gragger R.* Lilia von Bulyovsky und der Münchener Dichterkreis: mit ungedruckten Briefen. München, 1914.

Cm.: *Richter* W. Ludwig II. König von Bayern. München, 1982. S. 131–135.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 95.

Köbell L. von. Op. cit. S. 25–27.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 97.

Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. S. 436–437.

См., например: *Herre E.* Ludwig II von Bayern. Sein Leben. Sein Land. Seine Zeit. Stuttgart, 1986; *Fazy Ed.* Louis II et Richard Wagner. Paris, 1893. Воспоминания слуг Людвига II см.: Endlich völlige Klarheit über den Toddes König Ludwig II. Leipzig, 1887.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 89–90.

Fazy Ed. Op. cit. P. 90.

Heigel K. T. von. Op. cit. S. 85.

Александрова В. Указ. соч. С. 113.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ соч. С. 85.

Медведев А., Новиков Т. Указ. соч.

Цит. по: *Strobel O.* Op. cit. Bd. 4. S. 224–225.

Попов А. Н. Бавария: крепости, замки, дворцы. М., 2007. С. 92.

Вагнер Р. Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 495.

Цит. по: *Bauer J. H.* Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. Frankfurt/Main, 2001. S. 56.

Цит. по: Ibid. S. 59.

Цит. по: Ibid. S. 60.

Цит. по: *Bainville J.* Louis II de Bavière. Un Roi Wagnorien. Paris, 1911. P. 110.

Цит. по: *Александрова В. Указ. соч. С. 49–50.*

Подробнее об истории семьи Хольнштайнов и самого графа Макса см.: Кухаренко Т. История графини Каролины фон Хольнштайн из Галереи красавиц Нимфенбурга [Электронный ресурс]. URL: <http://malorossianin.livejournal.com/14465.html>; Она же. «Серый кардинал» короля Людвига Баварского — обершталмейстер граф Макс фон Хольнштайн [Электронный ресурс]. URL: <http://malorossianin.livejournal.com/14663.html>.

См., например: *Bainville J.* Op. cit.

Цит. по: Ibid. Р. 182.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 41.

Цит. по: Там же. С. 42.

Lampert Fr. Ludwig II. König von Bayern. Ein Lebensbild. München, 1890. Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 43–44.

Götterdämmerung: Aufsätze und Katalog. Aufsätze. S. 122.

Бисмарк. О. Указ. соч. Т. 1. С. 257.

Там же. С. 257–258.

Цит. по: Там же. С. 259.

Цит. по: Там же. Т. 2. С. 117–118.

Цит. по: Там же. Т. 1. С. 259–260.

Александрова В. Указ. соч. С. 72.

Heigel K. T. von. Op. cit. S. 137.

Köbell L. von. Op. cit. S. 60–61.

Цит. по: *Bermbach U.* Richard Wagner. Stationen eines unruhigen Lebens. Hamburg, 2006. S. 185.

Лиштанберже А. Указ. соч. С. 372.

*Köbell*L. von. Op. cit. S. 46.

Цит. по: *Hansen W.* Op. cit. S. 313.

Вагнер Р. Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 516–517.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 40.

Цит. по: Там же. С. 50.

Цит. по: Там же. С. 57.

Там же.

Köbell L. von. Op. cit. S. 317–318.

Цит. по: *Böhm G. von.* Ludwig II König von Bayern. Sein Leben und seine Zeit. Berlin, 1924. S. 437.

Цит. по: Ibid. S. 438.

Цит. по: Ibid. S. 437.

Цит. по: Ibid. S. 436–437.

Цит. по: *Bainville J.* Op. cit. P. 168.

Цит. по: *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 1. С. 264–265.

Там же. С. 270.

Цит. по: Там же. С. 271.

Цит. по: Там же. С. 271–272.

Цит. по: Там же. С. 274–275.

Цит. по: Там же. С. 275.

Александрова В. Указ. соч. С. 89–90.

Цит. по: Там же. С. 114.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 65.

Александрова В. Указ. соч. С. 116.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 63.

Цит. по: Там же.

Bainville J. Op. cit. P. 177, 190.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 69.

Цит. по: *Александрова В. Указ. соч. С. 119.*

Вагнер Р. Моя жизнь. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. Т. 4. С. 119–120.

[Электронный ресурс]. URL: [https://vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_811 %2Fall](https://vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_811%2Fall) (дата обращения 20.03.2018 г.).

Цит. по: König Ludwig II. Musseum Herrenhimsee. München, 1986. S. 144.

Menell A., Albert J. Die Königsphantasien. Eine Wanderung zu den Schlössern König Ludwigs II von Bayern. Leipzig, 1888. S. 50.

Beyer C. Ludwig II. König von Bayern. Ein Charakterbild nach Mitteilungen hochstehender und bekannter Persönlichkeiten und nach anderen authentischen Quellen. Des Königs Aufenthalt am Vierwaldstättersee und sein Verkehr mit Josef Kainz. Leipzig, 1900. S. 101.

Köbell L. von. Op. cit. S. 61.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 14–15.

Цит. по: König Ludwig II. Musseum Herrenhimsee. S. 142.

Александрова В. Указ. соч. С. 77.

Там же. С. 77–78.

См.: *Holzschuh R.* Das verlorene Paradies Ludwigs II: Die persönliche Tragödie des Märchenkönigs. Frankfurt/M., 2001.

Цит. по: *Frühauf R.* Kunsthistoriker Wichmann über den unnatürlichen Tod Ludwig II // The Epoch Times Deutschland. 2008. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epochtimes.de/wissen/geschichte/kunsthistoriker-wichmann-ueber-den-unnatuerlichen-tod-ludwig-ii-teil-2-a274064.html> (дата обращения 16.03.2018 г.).

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 116.

Цит. по: Там же. С. 119–121.

La mort du Roi de Bavière // Journal des Döbats. 1886. 19 juin
[Электронный ресурс]. URL: [http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4635994Д2.item.r=Ludwig% 2011. zoom](http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4635994Д2.item.r=Ludwig%2011.zoom) (дата обращения 16.03.2018 г.).

Цит. по: Götterdämmerung. Aufsätze. S. 50.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 11.

Цит. по: Götterdämmerung. Aufsätze. S. 71.

См.: Gerold O. (Hrsg.). Die letzten Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 122–123.

Цит. по: Там же. С. 123–125.

См.: [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/ludwig2nd?w=wall-913381_726%2Fall (дата обращения 20.03.2018 г.).

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 125–127.

Цит. по: Там же. С. 127.

Цит. по: Там же. С. 130.

См.: *Gerold O.* Op. cit.; *Bainville J.* Op. cit.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 134.

Цит. по: Там же. С. 139.

Цит. по: *Bainville J.* Op. cit. P. 237.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 141.

Иностранное обозрение за 1 июля 1886 года // Вестник Европы. 1886.
Июль. С. 395.

Там же. С. 395–397.

Там же. С. 397.

Там же. С. 398–399.

Там же. С. 399–402.

Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский. СПб., 1900. С. 293–296.

Там же. С. 296–313.

Справочник по психиатрии / Под ред. А. В. Снежневского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 125, 225.

Цит. по: *Паршиков А.* Нормальны ли «нормальные люди»? // Молодой. Свежее решение. 2009. 20 ноября.

См.: Joss K König Ludwig II: Ausstellungskatalog. Rosenheim, 1996; Götterdämmerung: Aufsätze und Katalog. Katalog. S. 265.

См.: *Wöbking W.* Der Tod König Ludwigs II von Bayern. Rosenheim, 1986; 2011.

Цит. по: *Лаврентьева С. И.* Указ. соч. С. 148–150.

Цит. по: Там же. С. 93.

Цит. по: Там же. С. 94.

Там же. С. 151.

Там же. С. 154.